В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

КАТЕХИЗИС
ДЛЯ ПРОСВЕЩАЕМЫХ
Издание 2-е, исправленное

Свящ. Георгий Кочетков

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 2007

УДК 238.1
ББК 86.3
К 75

Кочетков Георгий, свящ.
К 75 «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»: Катехизис для просвещаемых. М., 2007. 464 с.

ISBN 978-5-89100-076-6

В наше время стало чрезвычайно важно утверждение взрослых православных христиан в их вере и жизни через последовательное и целостное их научение, т. е. через их полную катехизацию. При этом главным традиционно считается второй этап оглашения – просвещение «избранных», или «достойных», которому целиком посвящена данная книга, имеющая в виду не только некрещеных, но и крещеных, а иногда даже уже в известной мере церковных людей, однако также лично еще не проходивших целостной взрослой катехизации.

© Свящ. Георгий Кочетков, 1999
© Свято-Филаретовская МВПХШ, 1999
© Свящ. Георгий Кочетков, исправления, 2007
© СФИ, оформление, 2007

ISBN 978-5-89100-076-6

Предисловие

Русская богословская литература в настоящее время может быть названа сравнительно бедной, и это суждение следует признать особенно справедливым касательно того вида богословской литературы, которая непосредственно относится к изъяснению Священного Писания и Священного Предания и преподанию церковного учения тем, кто готовится войти в Церковь. Поэтому книги, в которых делаются попытки, с одной стороны, современного объективно-научного, а с другой, – традиционно-церковного подхода к целостному преподанию основ православного вероучения, имеют в настоящее время особую ценность. Именно попыткой создания такого рода произведения следует признать данный труд.

Все эти попытки предполагают и как бы делают необходимой работу в направлении выявления, изучения и преподания евангельской истины в условиях уже нашей современности, ибо все то, что было написано в этой сфере ранее, несмотря на все богатство содержания, носит печать своего времени, отстоящего от нас, по меньшей мере, почти на целое столетие. Современный подход современного человека к вечно актуальному, вечно живому содержанию слова Божьего представляется человеку, не только его знающему, но и любящему его, живущему этим словом, необходимым. Необходимо и преподнесение священного текста как в условиях храмовых, так и в домашних условиях.

Можно только радоваться и благодарить Бога за то, что в наше время, которое нам представляется насыщен-

ным плодами периода безверия и наступления на веру со стороны враждебных вере кругов, находятся люди, берущие на себя гигантский труд освоения и преподнесения слова Божия людям, готовящимся войти в Церковь.

Я призываю Божье благословение на создателей этой книги и желаю ее дальнейшего печатания и широкого распространения для того, чтобы как можно больше желающих стать членами Церкви и тех, кто уже является ими, могли усваивать все то, что автор хочет донести до сознания, до чувств, до духовной сущности всех и каждого.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин),
профессор Санкт-Петербургской духовной
академии, доктор богословия
(† 2000)

Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях *

Церковь обладает огромным *опытом целостной катехизации* (оглашения), т. е., как правило, устного, последовательного и целостного наставления взрослых людей в основах христианской (православной) веры и жизни, который, к сожалению, в настоящее время все еще остается почти полностью забытым.

Жизнь требует возрождения церковной практики и даже института катехизации, ведь в нормальном случае *каждый* христианин так или иначе должен пройти полную катехизацию, чтобы его можно было называть «верным», т. е. «полным» членом Церкви.

Для достижения этой цели требуется как актуализация прежнего, так и накопление и обобщение современного опыта.

Нормальная *полная* катехизация может проводиться только по отношению к *взрослым* людям, начиная, как правило, с 20–21 года. До этого все верующие христиане, как некрещеные, так и крещеные, особенно не причащающиеся регулярно, могут считаться проходящими в той или иной форме первый этап оглашения.

1-й этап оглашения начинается с того момента, когда сознательный человек по вере своей в Бога и челове-

---

* Новый исправленный вариант 3-го издания (М., 1997) одноименного автореферата магистерской (кандидатской) диссертации «Та́инственное введение в православную катехетику» (М., 1998).

ка, а значит, и в Иисуса как Мессию-Христа стал христианином, членом Церкви, пусть еще и неполным, ибо он пока еще не участвует в полноте в ее таинствах веры, молитвы и жизни.

В самом нормальном случае, т. е. если человек еще не крещен, оглашение может начинаться с того момента, как он, например, после ряда общих вводных миссионерско-предогласительных встреч (начиная с так называемых «открытых») готов выразить свое личное искреннее и ответственное желание креститься, осознав себя и Духом Святым исповедав (признав) пред Богом и верными людьми свою веру в единого личного живого Бога – Творца мира и нашего Небесного Отца и в Сына Божьего Иисуса Христа как Спасителя своего, всех людей и мира.

При этом священником, епископом или, в крайнем случае, другим представителем Церкви, например ответственным катехизатором, над таким человеком может быть прочтена следующая древняя молитва 1-го этапа оглашения, во время которой «и имя нарекается ему»:

Священник знаменует его образом Креста (*трижды*) *и говорит*: «Благословен Ты, Господи, Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа! Ты из всех народов избираешь Себе Народ особый, ревностный к добрым делам, – Ты же и этого раба Твоего (*имя*), пришедшего ко святой Твоей Церкви, благослови. Отверзи ему очи для уразумения дивных чудес Твоих, открой ему уши для слышания божественных слов Твоих, присоедини его к оглашаемым Народа Твоего, дабы во время благоприятное он был удостоен купели возрождения и одежды нетления». *Снова знаменует его образом Креста* (*трижды*), *записывает его имя среди имён оглашаемых и далее молится:* «Ты, Владыка, спасение послал миру – святое Слово Твоё, [Христа,] дабы Он каждого исполнил познанием Тебя как Бога, Ты о́тнял у лукавого душу раба Твоего, – Ты же и просвети его, и наставь на путь освящения через Христа Твоего, и не разреши более никакому злому духу иметь в нём жилище, ибо Ты один – Избави́тель рода нашего, и Тебе мы приносим славу и благодарение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь».

Если же некрещеный человек еще мал, то он может стать оглашаемым по желанию своих родителей-христиан (или хотя бы одного из них при согласовании со вторым). Для этой цели в Требнике есть специальный чин для матери, но, главное, для младенца «на 40-й день по рождении», который тогда нужно использовать до рубрики «аще младенец крещен есть».

Всякий оглашаемый получает полное право входить в храм и слушать чтение – главным образом, Священного писания. Он может присутствовать на всех службах, кроме тех, на которых верные соучаствуют в таинствах (Литургия верных, крещение, исповедь-покаяние, брак-венчание, соборование-елеосвящение и т. д.).

Цель *1-го этапа* оглашения – дать возможность человеку проверить истинность своего выбора и, с другой стороны, дать возможность Церкви проверить самого этого человека, искренность и последовательность его христианских намерений (по его духу и плодам в отношении к Богу, себе и ближним).

1-е оглашение базируется на живой *вере* в Бога и человека и на личном покаянии – признании себя грешником. Оно учит брать и нести свой *крест*, отвергаясь от всего, что человек имеет лишь для себя. Для этого оглашаемым предлагается в их христианской жизни одновременно делать следующие четыре основных дела:

1. Для знакомства с каноном книг Священного писания в первую очередь предлагается *читать синоптические (первые три) евангелия* с выяснением всех внешних и внутренних вопросов в сопоставлении со своими устремлениями, опытом и интуицией. Это чтение должно быть честным, скрупулезным вниканием и исследованием. Все возникающие при этом вопросы разрешаются или самими оглашаемыми, по мере их духовного роста и продвижения, или их будущими крестными, или другими близкими им старшими христианами, но главным образом их церковным наставником и учителем – катехи-

затором, который обычно бывает один на малую группу оглашаемых, состоящую из 10–20 человек.

2. В качестве «закона молитвы», или личного молитвенного правила, предлагается взять на себя правило *ежедневно молиться*, чтобы ни один день жизни оглашаемого не ушел бесплодно пред Богом и ближними. Для этого можно и даже нужно главным образом использовать так называемую «свободную» молитву своими словами, не ограниченную никакими обстоятельствами места и времени. Свои слова могут казаться (и быть) очень примитивными, но для начинающих это не очень страшно. Важно не привыкать к распространенному сейчас среди христиан духовному потребительству и научиться различать, какая молитва доходит только «до потолка», т. е. «до первого неба», какая – «до второго неба», т. е. имеет лишь магическое действие, а какая – «до третьего неба», т. е. до Божьего жилища, принося соответствующий плод – личный ответ Бога в сердце, изменяющий не только настроение, но и внешнюю и внутреннюю жизнь оглашаемых. Из молитв, принятых всею Церковью, в группе и лично можно использовать постоянно лишь Псалтирь.

3. Еще предлагается по возможности чаще и регулярнее *посещать церковь*, т. е. христианское молитвенное и научительное собрание в храме. Правда, учитывая то, что наше нынешнее богослужение в целом рассчитано на участие в нем только полных членов церкви, можно рекомендовать быть в храме преимущественно на синаксарных службах (Вечерня, Утреня, Литургия оглашаемых и т. п.), а также до или после богослужения, или «на фоне» его, во избежание отчуждения от него по упомянутой нами причине. Конечно, вместе с тем возможно и иное молитвенное общение с христианами, в том числе и домашнее.

4. В стремлении к церковному «правилу добра и красоты» оглашаемым предлагается нравственно совершенствоваться до ощущения того предела, который есть предел наших природных и еще не исполнившихся благодатью человеческих сил. Для этого надо актуализировать: во-первых, свою совесть как голос Божий в человеке, даже

если эта совесть еще сильно больна или искажена; во-вторых, свои знания общечеловеческого нравственного опыта, откуда бы он ни был взят, лишь бы его принимало по духу сердце; в-третьих, библейский опыт, особенно ветхозаветный (прежде всего с помощью таких книг, как Притчи и Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова; Бытие, Исход, Второзаконие – конечно, только в их этической части; двух-трех книг малых пророков, например Захарии, Михея и Аггея). Здесь же бывают уместны покаянные личные посты (еще не по церковному уставу), «десятина» и дела милосердия, проявляющие любовь и сострадание ко всем нуждающимся ближним как носителям образа Божьего.

Если у человека уже есть опыт, близкий к огласительному 1-го этапа, например при оглашении давно верующих или даже при принятии христианства практикующими иудеями или мусульманами, то 1-е оглашение может быть *сокращено* до минимума, даже до месяца. Но если кому-то этот опыт дается с большим трудом, то его можно и *расширить* до года и даже более, особенно если за оглашаемым замечены серьезные нравственные срывы (например, типа ветхозаветных «этических» смертных грехов).

В древней церкви обычное время оглашения взрослого человека из язычников было два-три года, а из христианской семьи – с младенчества (с 40-го дня) до 20–25 лет. Впрочем, надо помнить, что как с крещением нельзя спешить, так с ним нельзя и медлить. Церковь всегда осуждала и то, и другое. Крещение должно совершаться «во благовремении», определяемом по воле Божьей, т. е. тогда, когда человек к нему достойно приготовлен, когда он для него созрел, почувствовал благодать и начал укрепляться в ней, принося соответствующие плоды в своей вере и жизни.

Переход ко 2-му оглашению (второй ступени оглашения – просвещению) должен быть также сопряжен с *молитвой*. Когда в ответ на желание оглашаемого креститься Церковь в лице своих представителей, в том числе кате-

хизаторов, говорит «можно», тогда священник уже может совершить «молитву во еже сотворити оглашеннаго» (по Требнику)*. Тогда же к ней можно присовокупить три «запрещения на дьявола», которые впоследствии могут неоднократно повторяться вплоть до перехода на 3-й этап (особенно это надо делать, если в человеке ощущается действие злых духов сомнения, страха, уныния и тяжких страстей, особенно по плоти, столь широко распространенных в наше время).

Если *«правило веры» оглашаемого 1-го этапа* было кратко и просто (его можно было бы выразить, например, следующими словами: верую во единого живого Творца мира и человека – Бога и в Помазанника Духом Божьим – Иисуса, воскрешенного Богом и соделанного Им Спасителем и Судьей всего мира, см. Деян 5:30-31), то *«правило веры» оглашаемого 2-го этапа* уже не так просто. Его можно было бы выразить, например, так: верую во единого святого живого Бога – нашего Небесного (Духовного) Отца и Творца всего мира материального, душевного и духовного; и в превечное живое творческое премудрое и единородное Слово (Логос) Его, Духом и Силой Божьей (см. Деян 10:38) явившееся в мир и воплотившееся в Сыне Человеческом – родившемся от целомудренной жены (см. Гал 4:4), Девы Марии (Мариам), и распятом по зависти и неприятию, но воскресшем (восставшем) по Любви Божьей и единству со Отцом – Иисусе (Иешуа) из Назарета, Который был и остается Божьим Пророком, сильным в деле и слове (см. Лк 24:19), и Божьим Сыном – Помазанником (Маши́ахом, Мессией-Христом), предвиденным древними пророками, и Который стал Судьей всех живых и мертвых (см. Деян 10:42) и нашим единым Господом-Освободителем от рабства миру сему, лежащему во

---

* Эту молитву, как и все молитвы и чинопоследования, относящиеся к оглашению и крещению, а также присоединению к Православной церкви или возвращению в нее, см. в соответствующем выпуске «Православного богослужения» из нашей серии изданий переводов на русский язык.

зле (см. 1 Ин 5:19), и немощным и бедным вещественным началам этого мира (см. Гал 4:3, 9), и Спасителем нашим, милосердно прощающим грехи всем верующим, кающимся и крестящимся во имя Его (см. Деян 10:43; Мк 16:16); и в животворящего и пророчественного Святого Духа – единого Ходатая-Утéшителя (Параклúта), Которого Господь Иисус вместо Себя посылает от Отца нашего в мир как удостоверение Полноты нашей вечной Жизни в Царстве Божьем Небесном, как Дар Своей единой, святой, кафолической (вселенской и соборной) и апостольской Церкви, т. е. миру Божьему, и особенно всем искренне любящим Его и истинно верующим в Него, а через Него, благодатью Божьей, верующим и в Личного Бога, и в способного к сообразованию с Богом и богоуподоблению всякого Человека.

Чтобы эта вера стала для избранного к просвещению оглашаемого христианина духом и жизнью, а не просто умственной или абстрактной картиной, ему надо приложить серьезное усилие. Помочь в этом могут как его крестный, так и катехизатор, особенно если это епископ, священник или дьякон, а также их помощники и близкие ему по положению оглашаемые, вместе с которыми лучше всего и продолжать оглашение.

Во время 2-го оглашения к оглашаемому предъявляются как прежние, так и новые требования, исполнение которых становится возможным только на этом этапе духовного пути.

Конкретные изменения сводятся к следующему.

Священное писание, в зависимости от разбираемой темы (см. прил. 1), надо читать по особой рекомендации, определяющей объем и метод его чтения и усвоения.

По мере изъяснения на оглашении общецерковных молитв можно, не оставляя личной молитвы, использовать и их.

Регулярная храмовая совместная с огласительной группой молитва должна теперь стать совершенно необходимой. Каждый просвещаемый должен посещать храм не

менее двух раз в неделю – один раз вечером (обязательно с начала и до конца Вечерни, например, в субботу) и один раз утром, лучше в воскресенье (обязательно с начала и до конца Литургии оглашаемых). За богослужением теперь особо требуются посильное соучастие в происходящем, серьезное вслушивание в Писание и размышление об услышанном, старание войти в общую церковную молитву, оставив свою частную, место которой – или вне храма, или, если в храме, то, как и прежде, до и после богослужения.

Нравственная работа должна усугубиться. За нарушение нравственных требований теперь могут следовать более серьезные последствия, вплоть до перевода в статус оглашаемых 1-го этапа или даже полного отлучения от Церкви (конечно, только на время, притом значительно меньшее, чем в подобных случаях с верными).

И наконец, самым важным моментом на оглашении избранных становятся обязательные для всех регулярные тематические огласительные встречи (обычно два раза в неделю). Эти встречи могут проходить в любом подходящем месте, даже, по древней традиции, в притворе храма, или в иных приходских и церковно-школьных помещениях, или, еще лучше, в домах оглашаемых, чтобы катехизаторы могли ощутить стиль и дух домашней жизни их подопечных. Встречи могут проходить в любое время, но предпочтительно, «помня день субботний», и в пятницу вечером или в субботу днем, чтобы потом иметь возможность вместе пойти на воскресную Вечерню.

Эти тематические встречи требуют дисциплины, пропускать их недопустимо. На них возможно присутствие крестных (поручителей). Каждый готовится в том объеме, который предлагает катехизатор. Как на 1-м оглашении было важно работать по всем четырем направлениям одновременно, а не в каком-либо одном из них, так и на 2-м оглашении важно выполнять все внешние и внутренние требования сразу, чтобы катехизация не выродилась в обычную «воскресную школу», в простое обучение, в передачу знаний, перестав быть *духовным процессом и*

действием на приуготовительном этапе христианской жизни взрослого человека.

Регулярные помощники катехизатора из верных, в том числе служащие при столах и крестные (поручители), должны быть главной опорой катехизатора. Они должны уже не только воспитывать просвещаемых, не просто представлять их Церкви, поручаясь за них пред Богом и Церковью, но и помогать им, особенно в дни между огласительными встречами, проходить духовное «научение» (Мф 28:19), в храме и по вопросам, которые оглашаемые могут доверить только им как самым близким своим духовным друзьям, братьям и сестрам.

Огласительные встречи просвещаемых должны проходить лично и свободно. Их можно разбить на *несколько частей*. Вначале ответить на вопросы по предыдущей теме, узнать о проблемах, волнующих оглашаемых, опросить их, как протекала их жизнь в период между встречами. Потом провести следующую *огласительную беседу* в соответствии с планом (см. прил. 1). Если это возможно – сделать небольшой (15–20 минут) перерыв, во время которого нужно организовать краткую трапезу.

В ходе устных бесед по темам просвещаемым можно разрешить делать краткие конспекты, обращая внимание лишь на то, чтобы это их не слишком отвлекало от восприятия смысла и духа самих бесед.

Всего огласительных недель на 2-м этапе планируется девять-десять или, если это почему-то необходимо, одиннадцать (со вступительно- и заключительно-молитвенными встречами и исповедью за всю жизнь в заключение). Перед началом и в конце каждой встречи теперь необходима молитва катехизатора и просвещаемых (лучше свободная, т. е. своими словами, и краткая, при необходимости касающаяся не только всех вместе, но и кого-то лично).

Очень важно, чтобы во время катехизации у оглашаемых возник *дух общности*, доверия, открытости и взаимопомощи, неравнодушия к церкви с ее нуждами и к

другим оглашаемым, а также появилось ясное чувство церковности их жизни, нового этапа их *воцерковления*.

Все оглашение внутренне соответствует пребыванию «во мраке, где Бог» (Исх 20:21) и под *покрывалом закона*. Это значит, что закон еще должен, ведя оглашаемого как духовное дитя ко Христу (Гал 3:23-24), оставаться основным принципом его жизни, похожей на жизнь послушника перед постригом. Это же и период созидания и испытания праведности жизни оглашаемого.

Из всего этого следует, что оглашаемым 1-го и 2-го этапов в принципе пока доступны не *догма,* а *керигма* Церкви, не *аскеза,* а *этическая работа*, не *таинства*, а *обряды*. Четкое различение этих вещей – одна из главных задач катехизаторов. Без этого даже хорошо обученный христианин, какое бы положение в церкви он ни занимал, во избежание наложения на людей «бремен тяжких и неудобоносимых» не может нести катехизаторского служения.

После окончания 2-го этапа оглашения в нормальном случае должно следовать собственно крещение, т. е. кульминационный момент всего *таинства просвещения* как процесса, включающего в себя четыре литургических таинства (личного покаяния, крещения, миропомазания и евхаристии) и таинство слова (полную катехизацию в три этапа). Для этого накануне крещения или на *последней огласительной встрече* избранных надо совершить так называемую «Четвертую молитву», завершающую процесс их духовного борения с дьяволом, и «Чин отречения от Сатаны и сочетания со Христом», включающий личное исповедание Символа веры и принесение «обетов крещения». Перед этим все оглашаемые приносят свое личное покаяние. Тогда же крещеные из них также читают Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. Кроме того, здесь же возможно проведение заключительного собеседования и исповеди «за всю жизнь».

Во время совершения самого *крещения* просвещаемые должны не просто понимать происходящее, а всем серд-

цем участвовать в нем. Хорошо бы им сразу после своего крещения прочитать уставный 31-й псалом (наизусть и по-русски, если крестится русский) и/или свободную молитву – исповедание веры и благодарение.

В тот же или на следующий день новокрещеным «младенцам во Христе» надо прийти в храм и начать участвовать в *Евхаристии*, служить на ней, реализуя в жизни полученную ими благодать «царственного священства» (1 Пет 2:4-10). Хорошо было бы делать это, как в древности, на Пасху, Рождество, Богоявление или в другой день, когда на литургии положено вместо Трисвятого петь «елицы во Христа». Подходит для этого и Успение, как и любой «день Господень» – «малая Пасха», т. е. любое воскресенье. Впрочем, не запрещено крещение и в иные дни, лишь бы была возможность сразу после него служить Литургию верных.

После совместного служения и причастия всех, в том числе крестных и катехизаторов, можно отпраздновать крещение, устроив духовную «трапезу любви» (агапу), начинающую «литургию после Литургии». На ней можно и петь, и молиться, и свободно общаться, и приносить свои духовные приношения – «просфоры». Конечно, на это может потребоваться целый день, тогда к этому надо заранее приготовиться.

Со дня крещения и/или первого сознательного причастия начинается заключительный этап оглашения – краткое таинствоводство (или, по-старому, *тайноводство*, а по-гречески – «мистагогия», т. е. «введение в таинства»), проходя которое «младенцы во Христе» должны укрепиться «на своих ногах» и стать «верными», т. е. полными членами Церкви – духовно уже не младенцами, пусть еще и не во всем сразу взрослыми.

Таинствоводство обычно длится восемь дней (тогда это и есть для новокрещеных их «Светлая седмица») или, что лучше, восемь недель. Первую неделю надо заранее, по возможности целиком, освободить от рабочих и домашних дел. *Каждый день* этой недели всем надо *прича-*

щаться (см. 66-е правило VI Вселенского собора). Ясно, что если совесть не осуждает и нет больших и явных грехов (чего обычно после крещения не бывает, и да не будет!), то всю эту седмицу можно причащаться без исповеди, но все равно – «испытывая себя», с чувством покаяния и своего недостоинства. Далее можно причащаться лишь раз в неделю.

Если новокрещеным в храме объективно физически трудно, то таковым на первой седмице можно приходить туда и начинать свое евхаристическое служение несколько позже, с чтения Священного писания или, в самых крайних случаях, даже с Литургии верных.

Подготовкой к причастию в период таинствоводства будет само таинствоводство, включающее, кроме евхаристического служения, проповеди и причащения, ежедневные *таинствоводственные встречи и беседы* по плану (основы догматики, сакраментологии, аскетики и мистики христианства, см. соотв. изд. СФИ), а также личную *молитву* и соответствующее духовное *чтение*. Так, за время 3-го этапа надо обязательно прочитать Ин, Деян, Иак, 1 Пет, 1 Ин, Гал, а также чин Литургии верных и желательно – книги о. Александра Шмемана «За жизнь мира» и архиепископа Павла Финляндского «Как мы веруем». К этому можно добавить катехизисы свт. Филарета Московского и еп. Александра (Семенова-Тян-Шанского).

Очень важно не забыть, что по окончании таинствоводственного этапа, завершающегося «на восьмой день» общим причастием (а по возможности, и соответствующими обрядами) и, так сказать, «выпускным вечером», *надо будет принять общее в нашей церкви положение*: стараясь причащаться еженедельно, перед этим каждый раз подходить хотя бы на общую исповедь, читать положенное правило (как минимум, Канон покаянный и Последование ко св. причащению), стараться всегда быть в храме накануне вечером, соблюдать общепринятые в церкви посты и т. д.

Это тем более важно, что обычно за крещением и таинствоводством для новокрещеных начинается период, называемый *«пустыней»*, когда часто приходят тяжелые искушения, касающиеся новой жизни и выбора личного пути, когда, как и Христу, могут предлагаться ложные пути спасения, которые каждый сам должен будет отвергнуть, прежде чем по примеру Христа выйти на служение «тем даром, какой получил» (1 Пет 4:10). А истинное и полное христианство и есть действенная любовь к Богу и ближнему, и есть жизнь как служение.

Для помощи в прохождении духовного пути в первое время после катехизации можно рекомендовать особый список духовной литературы (см. прил. 2, Г, 2–3).

Все нами сказанное относится к нормальным случаям и к так называемым «нормальным катехуменам», т. е. пришедшим к Богу и Сыну Божьему Господу нашему Иисусу Христу в результате сознательного и здравого выбора в некрещеном состоянии. Хотя сейчас такие случаи стали встречаться все реже, они есть и всегда будут. Обычно же на 80–90 % приходится иметь дело с *«особенными катехуменами»*, т. е. или с уже крещеными, а иногда и регулярно причащающимися в церкви, или с отходившими по какой-либо причине от церкви, или с уверовавшими во Христа, но не знающими, к какой церкви примкнуть, или со слишком юными, или с людьми, так или иначе тяжело больными, старыми, умирающими и т. д. Мы не имеем возможности подробно разбирать здесь все эти случаи (они систематически разобраны в моей диссертации «Та́инственное введение в православную катехетику»), однако некоторых моментов мы все же коснемся.

Прежде всего, как быть с *уже крещеными*? Их чаще всего можно разделить на две группы: а) регулярно причащающиеся, б) непричащающиеся или причащающиеся очень редко (реже одного раза в 2–3 месяца) или по диктату лишь внешних обстоятельств.

Если крещеный человек *не причащался по причине неимения или потери веры в Бога*, причем это свое неверие

он четко осознавал, открыто признавал и распространял, а также если человек не знал благодати Святого Духа, что недвусмысленно выражалось в его жизни только «по стихиям мира, а не по Христу», т. е. в страстях и нераскаянных смертных грехах, или в сознательном уходе в другую веру (ересь) или религию, в том числе какую-либо из восточных или оккультных, не исключая и теософию, антропософию, йогу, буддизм и т. д., то такого человека надо воцерковлять если не через крещение, то через покаяние с совершением таинства миропомазания (согласно чину св. Мефодия Константинопольского из Большого требника), с особыми, вместо «запретительных», «умилостивительными» молитвами и с особыми молитвами самого таинства (кроме формулы «печать Дара Духа Святого, аминь»).

Если же человек *не причащался, но все же не терял до конца и не предавал своей веры* в единого истинного Бога, хотя, может быть, и сомневался и ни в чем ее церковно не выражал, т. е. если его крещение давало хотя бы какие-то минимальные плоды в его душе (жизни), то такого человека надо готовить только к *покаянию через исповедь за всю жизнь*.

Труднее всего с причащающимися. Если *причастие человека было для него, так сказать, «случайным»*, то ему лучше временно, на период 1-го и 2-го оглашения, его не продолжать, поскольку катехизация часто и бывает для таковых первым серьезным говением, т. е. подготовкой к первому личному, полному и по возможности сознательному участию в таинствах. Но если человек был крещен (в сознательном возрасте или в детстве) и теперь по внутренней своей потребности и регулярно, т. е. чаще, чем 3–4 раза в год, *участвует в Евхаристии*, приходя к оглашению только с целью «восполнения» таинства своего крещения (в широком и полном смысле слова), то отрывать его от сакраментальной церковной жизни никак нельзя, ибо христианин не должен идти в ней назад, а только вперед и вверх.

Если у таких христиан возникнет сомнение, а нужно ли им вообще оглашение, им надо пояснить, что оно нуж-

но всем взрослым христианам, поскольку оглашение есть некая духовная целостность, целостный духовный опыт, который очень трудно (хотя и возможно) будет получить ему самому, да еще всего лишь за год-два.

Конечно, катехизатором такого человека лучше стать священнику, который реально является его духовником. Но если этот духовник благословляет провести катехизацию своего подопечного другим катехизаторам (а без такого благословения принимать человека, имеющего духовника, не рекомендуется), то тут каждый раз надо думать особо и лично, как восполнять имеющийся уже опыт предоглашения, как – опыт оглашения и как – опыт просвещения и таинствоводства. В этом случае часто приходится идти на некоторый компромисс, допустимую степень которого должна подсказать совесть и самого оглашаемого. Это значит, что, не отрицая уже накопленного им опыта сакраментальной, аскетической и церковно-молитвенной жизни, а также догматического познания, ему надо перенести акцент на восполнение этого опыта как целостным предогласительным и огласительным, так и просветительным и таинствоводственным опытом.

Полное оглашение человека в возрасте до 20 лет в наших условиях обычно бывает невозможно. До этого возраста христианин может лишь познавать опыт, примерно соответствующий опыту предогласительному и огласительному и только отчасти – просветительному и таинствоводственному. Но в ряде случаев не только крестному, но и катехизатору приходится заниматься и с такими людьми, особенно если в силу обстоятельств предстоит их срочное крещение. Конечно, эти занятия возможны с детьми в возрасте не менее трех лет (обозначенном св. Григорием Богословом), ибо иначе катехизация может и должна затрагивать не самого крещаемого младенца, а лишь его родителей (или хотя бы одного из них) и крестных (крестного).

В чрезвычайных случаях необходимости крещения детей и взрослых, т. е. не младенцев, без какой-либо про-

должительной катехизации (в случае болезни, серьезной опасности смерти и т. д.) остаются требования веры и покаяния крещаемого, а также хотя бы частичного сохранения им человеческого облика, т. е. образа Божьего в нем. Если человека нельзя назвать человеком, а также если он уже лишился сознания и не может ответить за себя, хочет ли он крещения, чтобы быть с Богом, во Христе и Святом Духе, или если он не успел заранее открыть на то свою волю ближним, то крестить его, во избежание духовного насилия, недопустимо. В случае выздоровления, преодоления опасности и т. д. человеку, крещеному «клинически» (т. е. на одре болезни), нужно пройти «во благовремении» восполнение таинства, в том числе через посильную катехизацию.

Восполнение таинства может касаться и той или иной части литургического, молитвенного чина таинства просвещения, в том числе самих таинств миропомазания и причащения, особенно если в чрезвычайной обстановке *крещение совершал христианин*, не являющийся пресвитером или епископом (но это должен быть обязательно полный член Церкви, равно мужчина или женщина, в силу своего «царственного священства»).

В случае необходимости такого *«мирянского» крещения* рекомендуется следующий чин: начальные молитвы с «Царю Небесный» по «Отче наш», Символ веры, крещение в святой воде или подобном веществе (обычной воде, снеге, песке и т. д.) через троекратное погружение, поливание или помазание с возглашением имени крещаемого и объявлением о происходящем по формуле: «Крещается (*имя*) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь», заключительно-благодарственная молитва (31-й псалом или «своими словами» и/или пение «елицы во Христа»).

Катехизация в особых случаях может иметь и иные формы, в том числе преимущественно *заочную*, однако все они требуют специальных разработок и персональных рекомендаций.

Введение

Беседа о мистике «божественного мрака»

*Слово после паремии (Исх 20:1-21)**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры, христиане!

Вы знаете, что в Священном писании как Ветхого, так и Нового Заветов есть много слов, которые можно назвать мистическими. Конечно, человек, хорошо разбирающийся в Писании, найдет глубинный, мистический духовный опыт в любом месте, в любой главе, в любой строчке, но есть места, которые являются по преимуществу столь высокими и глубокими, что этот опыт виден невооруженным глазом. Среди таких мест – откровение, которое мы сегодня слышали. Это место – из книги Исход. Здесь говорится о том, как Моисей получил Десять заповедей от Бога. Он получил их непосредственно, как бы услышав голос Божий, слово Божье. Десять заповедей называются Декалогом, Десятисловием, и неслучайно их получение стало одним из центральных моментов ветхозаветной Священной истории человечества.

Но что же происходит после того, как Бог открывает Свою волю, Свою правду народу через Моисея? «*Весь народ видел громы, и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся. И увидев это, весь народ отступил и стал вдали*».

Вот первый стих из того абзаца, на который я сейчас хотел бы обратить ваше внимание. Во-первых, народ ви-

---

* Сказано 6 февраля 1999 г. перед взрослыми оглашаемыми, переходящими на второй этап оглашения. См. вариант подобной беседы и слово, обращенное к оглашаемым, в журнале «Православная община» (1997. № 39. С. 33–44).

дел знамения от Господа, которые были и устрашающими, и великими. Неверующий человек мог бы воспринять их просто как явления природы, как признаки землетрясения или извержения вулкана, а вот народ Божий увидел за этими признаками и нечто большее: он увидел Откровение Божье. Во-вторых, народ отступает и становится подальше от опасного места, потому что быть близко к Богу – значит быть вблизи огня. А огонь может не только согреть, он может и сожечь. Народ это знает, поэтому и отступает вдаль.

И дальше народ говорит Моисею: «*Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть*». Кажется, все просто. Если народ испугался и отступил, это означает, что он не хочет слушать непосредственно Бога, он хочет иметь посредника, чтобы не умереть. Интересно, что Моисей, пророк Божий, друг Божий, уполномочивается народом говорить с Ним, а сам народ хочет слушать Моисея и, тем самым, он хочет слушаться голоса Божьего, звучащего через него.

Вот это послушание вместе с благоговением, требующим сдержанности, требующим некоего расстояния, становится признаком правильного, праведного пути, пути народа к Богу: Бог выражает Свою волю, а народ идет за Ним, желая эту волю творить.

Послушание и благоговение очень важны. Это и христианские добродетели. Благоговение – это страх Божий. Человек, который хочет научиться Премудрости Божьей, должен иметь страх Божий. Если не будет у него страха Божьего, он никогда ничему не научится. Нам с вами нужно вдуматься в эти вещи, потому что мы привыкли думать иначе. Когда мы только слышим слово «страх», мы тут же боимся этого слова. Неслучайно Писание говорит: «*Там убоятся они страха, где нет страха*». И здесь мы часто путаем страх Божий с простыми человеческими фобиями или с каким-то духом страха, хотя это вещи разные. Страх Божий – это одно, а страх дьявольский, темный, мрачный, сковывающий, порабощающий – совсем другое.

Благоговение может относиться только к Богу, это страх Божий, нежелание перейти какую-то границу во взаимоотношениях, нежелание уравнять себя с Богом. Сейчас много людей, которые с Богом как бы «на ты», «в приятельских отношениях». И когда люди выражают такую свою веру и такой свой опыт, им никогда не веришь, даже если это христиане, те люди, которым Господь сказал: «*Я теперь не называю вас рабами, Я называю вас друзьями*».

Так вот, когда мы безосновательно приравниваем себя к Богу, слишком легко переходим некие внутренние границы во взаимоотношениях с Ним, то мы теряем страх Божий, теряем благоговение, теряем путь к Господу и перестаем чему бы то ни было учиться у Бога. А если так, то сколько бы заповедей Он ни давал, мы никогда исполнять их не будем, потому что исполнять их может только тот, кто хочет быть учеником Божьим, кто со страхом признает эту разницу потенциалов между собою и Учителем.

Послушание – вещь еще более сложная. Если страх Божий так часто смущает современных людей, то послушание – и подавно. Послушанием, как и страхом Божьим, в истории христианства очень много злоупотребляли и злоупотребляют. Говорят: «У тебя нет послушания» и при этом, не вспоминая о Боге и Его воле, подразумевают, что ты не почитаешь старших и не хочешь слушаться начальства.

Послушание – это то, с чего человек начинает свой духовный путь. Неслучайно в монастырях, пока человек еще не принял пострига, не принял монашеского посвящения, он называется послушником. Это первоначальная ступень духовной жизни, которая вырабатывает в человеке смирение, знание той самой меры, не соблюдая которую мы теряем благоговение, мы теряем страх Божий, мы перестаем учиться.

Христиане всегда назывались учениками Господа, учениками Христа. Нам с вами нужно учиться всю жизнь, мы всегда послушники Христовы, но при этом мы должны помнить, что это послушничество есть одновременно

и послушничество Богу, нашему Небесному Отцу, и послушничество человеку – носителю воли Божьей, правды Божьей. Ведь Бог часто выражает Свою волю через людей. Но Он это делает не через всех. В каждом собрании, в каждом обществе есть старшие. Пусть эти старшие не безгрешны, безгрешен один Господь, однако Господь открывает им Свою волю лучше и больше, чем другим. И если у нас не будет послушания им, тем, кого избрал Бог, то мы не сможем пройти свой путь, путь, ведущий к Богу.

Итак, послушание и послушничество – это особое духовное состояние, которое предполагает благоговение и страх Божий, но не тот страх, который есть в мире сем, и не то послушание, которого требуют люди, возвышенные социально, или природно, или национально, или культурно. Нет, дорогие братья и сестры, послушание в Церкви – это нечто иное. Пока с нами не говорит Сам Господь, нам нужно иметь послушание друг другу в ту меру, в какую мы способны открывать друг другу волю Божью.

Люди, находящиеся на оглашении, взрослые люди, подобны послушникам. Они тоже должны учиться, они тоже должны идти вперед, они тоже должны иметь благоговение и страх Божий, без чего они не исполнят своего призвания. Если же кто-то раньше времени заговорит с Богом, не имея сил вместить тот огонь, который при этом открывается ему, то этот человек может умереть если не физически, то духовно, если не духовно, то физически.

Далее Священное писание говорит нам о том, что́ ответил народу на его предложение Моисей. Не забудем, что Моисей отвечает людям, уже находящимся в страхе Божьем и готовым слушать его. Он говорит народу: «*Не бойтесь!*»

Удивительное дело! Люди испытывают великий страх перед Откровением Божьим, вверяют себя в руки посредника, пророка Божьего, и первое же слово, которое они при этом слышат: «*Не бойтесь!*» Ничего не бойтесь!

Люди в наше время изнемогают от ужаса, от страхов. Психологи бьются над тем, как освободить людей от этих страхов, от этого порабощения, и не могут добиться окон-

чательных результатов – Моисей же сделал это одним словом. Он добился этого результата потому, что за ним стоял Бог, потому что он мог быть носителем воли Божьей, слова Божьего, правды Божьей. Без этого, без познания правды Божьей народ не может освободиться от страха. Если мы хотим освободиться от страхов, нам тоже следует прежде всего познавать правду Божью и начинать ее исполнять в своей жизни, т. е. начинать менять свою жизнь. Без этого изменения мы будем только все больше запутываться в тенетах страха, страха убивающего, порабощающего, страха, который является манифестацией сатаны, манифестацией дьявола в этом мире, мире падшем.

И дальше Моисей говорит народу: «*Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили*». Бог к вам пришел, смотрите! Люди отступают, становятся вдали, а Моисей им говорит: «*Бог к вам пришел*». Если бы люди, народ Божий, не сделали этого, Бог не пришел бы к этому народу. Но Бог пришел, чтобы испытать этот народ.

«Испытание» означает «искушение». Что делает послушник в монастыре в первую очередь? Он проходит искус, он проходит испытание. То же самое делают оглашаемые, начиная с самого начала, с первого этапа оглашения. Они, как и послушники, проходят искус, испытание, чтобы не грешить. В этом и заключается смысл оглашения, как и послушничества: надо научиться не грешить, несмотря на то что у каждого человека есть множество поводов делать исключение из этого правила, идти на те или иные компромиссы в тех или иных ситуациях, у каждого есть масса привычек, масса наработанных внутренних психологических ходов, которые мешают Богу действовать в нем.

Бог пришел к вам – можно сказать это и в отношении оглашаемых, – чтобы испытать вас и чтобы вы не грешили. Поэтому церковью и предъявляются к оглашаемым определенные требования. В древности они были значительно жестче. Достаточно было оглашаемому впасть хотя бы в один тяжкий, смертный грех, как он тут же перехо-

дил на предыдущую ступень оглашения, а если переходить было уже некуда, его вовсе исключали из списка оглашаемых. И об этом знали все. Никто никогда не думал, что он как бы делает одолжение, приходя к Богу, приходя в Церковь, обретая веру и Богопознание. Каждый знал, что это Бог Сам уничижает Себя, принимая нас, грешных. Каждый это знал и поэтому не хотел лишаться той благодати, того счастья, того блаженства, которые открывались через оглашение и через Крещение в Церкви для каждого ее члена. Для того чтобы этого достичь, надо было научиться различать добро и зло, и различать их очень хорошо, никогда не путая их. Для этого надо было уйти от греха, хотя бы в принципе, хотя бы в главном, потому что вещи более тонкие постепенно открывались людям позже, по мере обретения ими новых духовных сил.

Обратите еще внимание, дорогие братья и сестры, вот на что. Моисей объявляет, что Бог приходит к народу, что Он уже пришел к нему, чтобы испытать его, дабы он не грешил, но при этом еще говорит, что не грешить можно только в том случае, если страх Божий будет пред лицом народа, и значит, пред лицом каждого человека. Благоговение, страх Божий – необходимое условие возможности Богообщения, а также того, чтобы не грешить. Это правда. Страх Божий является единственной силой, которая помогает человеку избежать искушения или, лучше сказать, не впасть в искушение, не пасть. Человек поразному проходит искушения: одни, искушаясь, падают, другие же, искушаясь, становятся искусными. Испытание – это экзамен: на экзамене можно провалиться, но экзамен можно и с честью сдать.

Так вот, Моисей говорит о великих вещах. Он прибавляет к страху Божьему, к благоговению и послушанию еще и искус, испытание, для того чтобы народ знал свои границы и свой путь и чтобы этот путь не был для него абстрактным или идеалистическим понятием. Библия вообще более всего далека от какого бы то ни было идеализма. Идеализм, не только философский, но и жизненный, чужд библейской традиции: на аскетическом язы-

ке это называется мечтательностью, неумением видеть реальность, неумением жить трезвенно. А нетрезвый человек для Бога – это человек беспутный, потерявший путь. Почему так важно человеку во всем трезвиться, в мыслях и делах не совершать того, что наполняет суррогатами его жизнь? Потому что иначе он теряет Бога, он не может Его видеть и слышать. И тогда вместо Бога на Божьем пьедестале появляется Его темный двойник, идол, как дьявольское наваждение.

Выслушав Моисея, народ стал вдали от дымящейся горы. Он знал уже наверняка, что дальше ему не пройти, пока не пройти. А Моисей тем временем вступил во мрак, «*во мрак, где Бог*».

Об этих словах Священного писания думали и очень глубоко размышляли многие люди. Они часто удивлялись тому, что Бог обретается во мраке. Ведь все мы привыкли к тому, что «Бог есть Свет и нет в Нем никакой тьмы». И вдруг – этот шаг Моисея в бездну мрака, «*во мрак, где Бог*». Как понять эти слова?

Нам с вами тоже когда-то нужно будет сделать такой шаг. Что же он может значить для нас? Как его описать на понятном нам теперь языке? Этот шаг Моисея, приглашающий нас со временем пройти вперед, точнее, вперед и вверх, означает только одно – возможность освобождения от оков мира сего, от рабства миру сему и его «*бедным вещественным началам*», какими бы они ни были: социальными, историческими, космическими или иными, в том числе и психологическими.

Это освобождение и есть спасение. Но это освобождение – еще не сама Свобода. Только там, где Свобода, – там Бог и там Свет. Но путь к этому Свету идет через тот же мрак, ведь нам сначала надо отойти от всего того, что наполняло нашу прежнюю жизнь, от всех наших прежних ориентиров, привычек, инерции любого толка. Надо уйти из старой жизни. И надо не только захотеть этого – надо это сделать. Для этого-то и нужно устремиться вперед и вверх, для этого и нужно наполниться пророческим духом, для этого и нужно обрести спасение через освобождение.

Да, это вещи трудные. Они связаны с прощением нас самих, а наше прощение – с нашей молитвой и нашим покаянием. Давно было замечено, что прощение Божье и спасение Божье есть одно и то же явление, только увиденное с разных сторон. Давно было также замечено, что спасение Божье и есть освобождение, и прощение есть освобождение, есть та праведность и правильность нашей жизни, которые раскрываются в своей полноте лишь в Небесном Царстве. Нам, становящимся христианами и желающим обрести совершенство христианской жизни, ее полноту, нужно об этом помнить. Нам нужно самим простить всех и получить прощение. Нам надо простить даже тогда, когда нас не прощают, даже тогда, когда у нас нет человеческой надежды на прощение. Это труднее всего – выпрямить отношения в таких случаях. Это очень трудно – идти путем освобождения, идти к свободе Божьей, а не к произволу и хаосу, идти к любви, а не к прелюбодеянию, которое в этом мире есть неверность и предательство.

«*Моисей вступил во мрак, где Бог*». Бóльшая часть ветхозаветного человечества еще не могла последовать за ним. Только во Христе мы обретаем эту возможность. Только во Христе мы через это освобождение достигаем Свободы, через этот мрак идем к Свету.

Но все-таки почему же мрак? Почему для обозначения местопребывания Бога или по отношению к тому месту, которое предшествует Богооткровению, не нашлось другого слова, чем «мрак»? Наверное, для того чтобы забыть старую жизнь, отойти от нее, надо уйти от всех образов старой жизни. Эти образы тяготеют над нами, они включают все ассоциативные ряды, всю инерцию нашей старой жизни, и только освободившись от этих образов, от этих запечатлений, мы можем найти путь к новой жизни.

Запечатления бывают разными. Они могут быть психологическими, детскими, но могут быть и совсем иными. Они могут быть очень взрослыми. Они могут сводить человека с ума, а могут ввергать его во тьму, которая уже не просто мрак, но ад. Как известно, ад имеет свое откро-

вение в этой жизни, и иногда дыхание ада человек чувствует, живя здесь, на земле. Как известно, обычное время для познания ада – земная жизнь человека.

Человек должен научиться не желать тьмы, не желать ада ни для себя, ни для других. Наивно думать, что земная жизнь нам дана только для счастья, только для рая. Нет, к раю нужно еще приблизиться, он должен еще раскрыться, и это – наше призвание, наша цель, та заданность, которая является данностью лишь для человека, познавшего Бога. Но когда человек Бога теряет, он обретает не просто пустоту – он обретает ад. Нет другого ада, кроме того, который человек начинает познавать в этой жизни, как и нет другого рая, кроме того, в котором человек может начать свою жизнь, обратившись к Богу.

Пусть этот короткий библейский текст откроет нам некоторые тайны нашей жизни и объяснит нам некоторые вещи, о которых мы знаем, но не всегда думаем, которые мы предчувствуем, но которых часто боимся. Пусть этот текст Библии даст нам возможность не сбиться с пути, начиная со времени оглашения – времени истинного послушничества и истинного искуса.

Будем же, дорогие братья и сестры, вступая во время поста, помнить об этом. Будем помнить и о тех оглашаемых, которые переходят на второй, основной этап оглашения, где им и начинают открываться духовные Тайны.

В древности то, что открывалось оглашаемым на втором этапе оглашения, запрещалось разглашать кому бы то ни было под страхом изгнания из числа оглашаемых. Даже тем, кто находился на первом этапе оглашения, даже им, которые, по существу, уже верующие, нельзя было рассказывать то, что открывалось непосредственно через Просвещение, т. е. в древности чаще всего – перед Крещением взрослых людей, проходящих второй этап оглашения. Это не случайно, потому что до всего людям надо было самим дозреть. Нельзя было профанировать Божью Истину, нельзя профанировать Божьи Тайны. А именно к этой тайной и та́инственной жизни призывались оглашаемые. Они призывались обрести истинный опыт новой

жизни, жизни в Боге, жизни в Церкви, жизни в Любви, в Свободе и Истине, жизни в Духе.

Будем же помнить во все время поста о тех, кто проходит особый этап в своей духовной жизни, независимо от того, крещен он или не крещен. «*Бог хочет всем спастись и прийти к познанию истины*» – так говорит нам слово Божье. Будем знать, что никому Бог не полагает претыканий, никого не отвергает, что только сам человек может отвергнуть Бога.

Будем же молиться за оглашаемых, в том числе за тех, которые отныне становятся просвещаемыми. Будем молиться и за тех, кто, может быть, уже когда-то пройдя оглашение и крещение, отступил – не по причине страха Божьего, а по причине страха мирского – от Божьей Истины и Божьей Правды, о тех, кто потерял связь с Богом, с Церковью, с братьями и сестрами во Христе, потому что таковых, увы, тоже не так мало.

Будем исполняться Духом, будем мужественны и тверды, вступая «*во мрак, где Бог*», обретая путь к вечной Жизни!

Аминь.

Тема I

Бог и мир. Сотворение мира

Господи, Боже наш, благодарим Тебя за то, что Ты собрал нас сегодня на новом этапе оглашения, что Ты сделал нас просвещаемыми, что Ты избрал нас для Себя. Благодарим Тебя, Господи, что Ты призываешь нас открыть свой разум и свое сердце для познания Твоей истины. Дай нам, Господи, познать тайну мира, познать тайну творения, так чтобы восславить Твое святое имя за все то, что хорошо в этом мире. Господи, дай нам трезвенные очи, чтобы мы, очистившись от грехов наших в покаянии, могли видеть Твою десницу, Твой промысел, Твою правду, открывающуюся нам в нашей жизни. Да будем мы всегда сохранены десницею Твоею, под кровом Твоим, во все дни жизни нашей во славу Твою! Аминь.

ПРЕЖДЕ чем говорить о сотворении мира, о Боге и мире в целом, в первую очередь на основании Священного писания, вспомним, как тема о Боге и мире и о сотворении мира звучала в истории. Она часто и сейчас звучит в сознании и совести людей. Наверное, звучала она и звучит и в вашем сознании и в вашей совести.

Здесь есть аспекты традиционные и рожденные лишь в современную эпоху.

Традиционно было принято задавать вопросы, во-первых, о «первопричине» существования всего мира, покуда в этом мире признаются причинно-следственные связи и отношения. Если мы вообще можем говорить, что одно явление по отношению к другому – причина, а второе, соответственно, ее следствие, и если развивать до конца этот принцип, то неизбежно возникает вопрос: что же было причиной самого первого явления, как бы первопричиной всего? Очень часто люди, в том числе язычники, размышляя над подобными вопросами, выходили на размышления о едином божестве. Этим же путем, в частности, пытались даже строить известное доказательство бытия Божия, хотя были и другие попытки подобных доказательств.

Такой подход к вопросу о мире и Боге предполагал очень многое: прежде всего, универсальность причинно-следственных отношений, а также строгое представление о мире как монистическом единстве и целостности. Ибо

если мир не един или не целостен, то говорить о первопричине существования всего мира просто невозможно. Тогда можно говорить о причине существования лишь какой-то его части. Обычно у людей здесь работает интуиция – ведь наука, наше конкретное, опытное знание, никогда не может нам доказать, что весь мир как космос (универсум) существует именно как такое единство и как такая целостность. Задавая вопрос о первопричине, мы уже закладываем в него вполне определенные представления о мире, причем представления, внутри себя содержащие возможность так называемого трансцендирования, т. е. выхода за рамки этого мира, поскольку только при этом любая первопричина мира соотносится со всем миром как целым и единым.

Далее, мы знаем о законах, которые существуют в этом мире, например физических, химических, биологических и других, относящихся к макро- и микромиру. Здесь нам стоило бы задуматься о таком явлении, как вообще законы природы.

Обычно делается акцент на том, что мы, мол, открываем еще и еще какие-то законы, однако при этом забывается, что мы их лишь открываем, а не создаем, что данный закон был нам неизвестен, а затем стал известен, хотя в природе он был заложен изначально. Вот тут и открывается та сторона вопроса, которая относится к нашему осмыслению. Через это осмысление мы можем выйти к вопросу о первозаконе и Первозаконодателе.

Но что такое сам закон в этом объективно-природном мире, не в мире человеческом, где люди могут более или менее сознательно сами творить законы, например государственные, а в мире естественном, в мире природном, в мире, в котором тоже есть и более, и менее общие законы?

Да, эти законы можно выразить некоей формулой, т. е. их можно выразить в определенной форме, которая предполагает правильный порядок связей, отношений и элементов (или событий) в этом мире. Однако вопрос о законах и закономерностях существования этого мира несет с себе мысль не только о некоей правильности, но еще

и об устойчивости структуры, формы жизни или существования этого мира, т. е. о чем-то таком, что противостоит неустойчивости и хаосу в мире, а также, говоря современным научным языком, тенденции к возрастанию энтропии в мире, к снижению многообразия в нем. (Второй закон термодинамики говорит о том, что если замкнутую систему оставить саму по себе, то в ней будет возрастать энтропия, т. е. более простые формы энергии будут заменять собой более сложные.)

Итак, уже можно предполагать, что хаос и дезорганизация, а следовательно, и случайность в мире природы сдерживаются организующим принципом первозакона и Первозаконодателя, являющимся единой Силой более высокого, чем весь мир в целом, уровня организации (точнее, Силой высшего уровня организованности).

Эта Сила есть трансцендентная миру, не созданная миром и в мире Энергия – Дух Божий. Он же – Первопричина не только явлений природы, но и наиболее общей закономерности ее развития. Следовательно, Он же – Первопричина самого существования и движения мира в направлении развития по данной, а не какой-либо иной, форме и потому формуле (по данному, а не по какому-либо иному, закону). Поэтому Дух Божий – Он же и Первозаконодатель, установивший данное направление, данную форму и формулу развития мира и в мире (ср. Пс 148:6).

Вот такие простые, на первый взгляд, а на самом деле далеко идущие соображения напоминают нам о том, что вопрос о Боге и мире – не праздный. К сожалению, с годами человек обычно перестает задавать себе подобные вопросы; как правило, они волнуют молодого человека в попытке осмыслить мир как целое. Но забвение еще не означает, что эти вопросы внутри нас перестают существовать. Они для нас важны, потому что мы живем в мире и, более того, в определенном смысле мы часть этого мира. Поэтому и закономерности природы познаются разумным человеком, что подтверждает то, что между ним и миром есть некое соответствие, а значит, в природе и ее законах есть даже «своя» логика.

А каковы плоды Законодателя, таков и Он Сам (и наоборот), т.е. если в законах природы есть «своя» логика, значит, и произведший их Разум (как божественная Энергия-Сила, как Дух Божий) обладает Логикой; если законы природы имеют смысл, значит, они отражают Премудрость Разума, их произведшего; если произведения законов природы для животных и для не до конца испорченного человека, например, добры и цельбоносны, то и мир добр, и произведший, создавший его Разум обладает Добром; если мир очевидно для человека красив, то и создавший его Разум обладает Красотой.

Теперь перейдем к тому, что говорит нам Священное писание о Боге и мире. Мы рассмотрим сейчас главным образом 1-ю главу книги Бытия, хотя надо знать, что о сотворенном мире говорится и в других местах: в конце книги Иова, в Псалтири (Пс 103) и во Второй книге Маккавейской.

В последней, например, говорится, что Бог сотворил мир «*из ничего*» (7:28). Нам сейчас, в свете открытий современной физики в области теории «первовзрыва», значительно легче говорить об этом, хотя некоторые люди и сейчас отказываются это понимать. Но ведь если мы говорим о сотворении мира, о том, как что-то первоначально стало – не было и стало, – то абсурдно утверждать, что это из чего-то произошло, поскольку если бы уже что-то было, то это не было бы сотворением мира. И когда мы говорим, что не было мира совсем и вдруг он является, то даже простая логика требует здесь утверждения, что мир творится «из ничего», покуда он именно творится, а не делается, не изготовляется, не производится из первовещества или каких бы то ни было первоэлементов.

Итак, главным текстом, говорящим о сотворении мира, является книга Бытия.

Разберем первые пять стихов 1-й главы. Это рассказ только о «начале» мира и «первом дне» творения, но он задает тон всему повествованию. Давайте внимательно прочтем этот текст.

Ст. 1-5. «*В начале сотворил Бог небо и землю. Земля была пуста и пустынна, и тьма была над пучиной; и дух Божий веял над водами. И сказал Бог: Да будет свет. И появился свет. Бог увидел, как хорош свет, и отделил его от тьмы, дал свету имя "день", а тьме – "ночь". Настал вечер, настало утро – день один*».

Ст. 1. Первые слова первого стиха: «*в начале*». Что они означают?

Отвечая на такие вопросы, мы должны знать и помнить, что одно и то же слово может означать вещи разные. Иногда очень разные. И в Библии это особенно существенно. Так, слово «начало» там употребляется по меньшей мере в трех значениях. Сравним три текста: «*в начале* сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1); «*в начале* было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1:1); «*Начало* благовестия Иисуса Христа [Сына Божия]» (Мк 1:1). В этих трех текстах три разных смысла. Каково значение «начала» в первом случае? Здесь «начало» довременное, но тварное. В Евангелии же от Иоанна говорится о «начале» вневременном и нетварном, а в Евангелии от Марка – о «начале» тварном и временном.

Это важно, так как это совсем разные «начала», и нельзя их путать, когда речь идет о богословских вещах.

Итак, повторим немного подробнее. Есть начало временное и тварное, когда мы говорим о начале всех вещей в этом мире, в том числе о том, что в определенном месте, в определенное время началось Евангелие, т. е. Благовестие Иисуса Христа и об Иисусе Христе, как это сказано у Марка.

В Евангелии от Иоанна говорится о противоположном – о начале нетварном и вневременном (превечном), потому что это начало в Боге, Который Сам безначален. Поэтому хотя и говорится, что «в начале было Слово», вместе с тем утверждается, что это Слово Божие безначально, как и Отец, и Дух Святой. Если неправильно понять слово «начало», то нельзя будет верно понять и Евангелие от Иоанна.

И наконец, промежуточное значение слова «начало» мы находим в книге Бытия, где речь идет о начале тварном, но довременном (предвечном). Не вне-временном, а до-временном, что не одно и то же.

Далее разберем слово «*сотворил*» – второе слово первого стиха. Это слово (по-древнееврейски «бара́») – слово прекрасное и редкое в Священном писании. К сожалению, мы сейчас сильно затрепали глагол «творить» и к чему только его не прилагаем. А Библия обычно очень точна в своем словесном употреблении. И если внимательно читать 1-ю главу Бытия, т.е. уже не первый стих, а всю эту главу, о всех шести днях творения, то можно заметить, что слово «бара» – «сотворил» – употребляется в ней всего три раза, лишь по отношению к трем актам в трех днях творения, хотя, как известно, там говорится о семи «днях».

Слово «сотворил» означает божественный акт свободной Любви, которая по природе своей – созидательная (творческая). Оно означает приведение из «небытия в бытие», из «несуществующего в существующее», ибо Бог творит не из «чего-то», не из какой-то уже бывшей материи или вещества, как в другие дни, что обычно обозначается словом «произвел» (по-еврейски «аса́»), а «из ничего», по одному свободному и любовному дарственному акту премудрой Божьей Силы, Его праведного хотения, желания, Его законодательной «воли».

Итак, «сотворил» означает появление чего-то абсолютно нового, а «произвел» – произведение из уже бывшего, как процесс, который направляется Богом, как бы благословляется Им, но материалом для которого служат вещества и законы этого мира. Поэтому мы прекрасно можем уложить в эти рамки все разумные теории эволюции, развития и т.д.

Таким образом, только три вещи, в прямом смысле слова, творит Бог. Это – *мир, жизнь и человек*. Именно здесь и употребляется слово «бара» – по отношению к миру, по отношению к жизни и по отношению к челове-

ку в их «начале». Соответственно мы можем выделить только три уровня существования как абсолютно новые, сами по себе укорененные в Боге реальности. Во-первых, это материя, материальный мир в целом, ибо мира не было и он стал. Во-вторых, это душа, жизнь, ибо не было жизни в этом мире и она появилась. И в-третьих, это дух, ибо явилась духовная жизнь в само́м живом мире, точнее, в мире животном. Было животное, и стал человек. Это не просто эволюция, а творение («бара») как явление чего-то принципиально нового.

В других местах Библии это слово («бара») почти не встречается, но везде им обозначается одно и то же – «творение», хотя и не обязательно во всех случаях творение «рук Божьих». Иногда скорее «рук человеческих». (Таким образом, тоже творческих! Ведь в применении этого термина равно к Богу и к человеку для нас открывается серьезное основание говорить о творчестве, возможном и для человека.) Слово же «аса» встречается многажды в том же понятии «произведения» чего-то нового, лучшего, высшего, но из уже бывшего ранее произведенным в направлении, предуказанном Богом, т. е. в смысле опосредованного Божьего творения.

Следующее слово – «*Бог*» («Элохи́м»). Прежде всего оговорюсь, чтобы вы не сомневались и не удивлялись, когда с этим встретитесь: слово «Элохим» имеет специфическое древнееврейское окончание множественного числа. Это слово употреблено во множественном числе, а переводится в единственном. Не написано «в начале сотворили боги небо и землю», но «сотворил Бог». Это не произвол переводчиков. Дело в том, что в древнееврейском языке не существовало формы превосходной степени, и поэтому была возможна другая форма, так называемый в филологии *pluralis majestatis* (типа «Мы, Николай II») – «множественное число величества».

Бог («Элохим» в данном случае) – имя Божье. Бог Библии отличается от богов, которых признавали люди, но которые на самом деле не боги. Бог – один-единствен-

ный, Он – Бог-Творец, Бог-Вседержитель (здесь в первую очередь имеется в виду Его всемогущество и охранение всего). Нам очень важно, что наш Бог – личный, живой, единый Бог.

Исповедание единого живого Бога как Бога-Творца и борьба за это исповедание отличает весь ветхозаветный период истории. Именно один-единственный народ в мире, маленький еврейский народ, ощущал себя носителем веры в такого Бога, он боролся за эту веру и поэтому считал себя, вполне обоснованно в то время, богоизбранным народом. Только он нес это откровение о Боге, а все народы вокруг, употребляя часто те же самые слова, но вкладывая в них другой смысл, оставались язычниками, не знавшими этого Бога – Бога Израилева, Бога Авраама, Исаака и Иакова, потому что обожествляли силы сотворенные, хотя и высшие по отношению к падшему человеку.

Теперь надо специально сказать о Само́м Боге. Мы начали уже с важнейших положительных утверждений о том, Кто есть наш Бог. Любого человека, особенно верующего, могут спросить: Кто твой Бог? Сейчас у нас говорят: вот, этот человек верующий или неверующий. Но мы с вами знаем, что неверующих людей нет: у каждого человека, даже если человек не называет себя этим словом, все равно есть свой бог. И люди различаются в зависимости от того, кто есть их бог, а для многих даже не кто, а что, так как можно и вещь или иного идола поставить на Божий пьедестал.

Если собрать все, что есть в Библии, в Ветхом и Новом заветах, все данные там кратчайшие «определения» и «имена» Бога, то в первую очередь мы сможем утверждать, что Бог – Сущий (Исх 3:14), т. е. что Он есть, существует, что Он – единый истинно Бытийствующий, что Он – Иегова, точнее, Яхве (это имя содержит соответствующие согласные священной тетраграммы ИХВХ). Это имя подревнееврейски и означает «Существующий», «истинно Бытийствующий», или «Сущий» (церк.-слав. «Сый»). А на греческий это слово обычно переводится как ὁ ὤν («о Он»). (Отсюда слово «онтология», т. е. учение о сущем, о

бытии. Не путайте с антологией! Антология – это сборник однородных сочинений.)

Яхве – имя, имеющее таинственный (мистический) и динамический смысл. Оно обозначает гораздо более, чем нейтральный факт существования. Это некое духовное событие, некое истинное существование, всегда присутствующее и действенное (по-лат. *adesse*, а не просто *esse*), которое дает возможность существовать всем и всему.

Из Библии нам еще известно, что Бог есть Дух, Бог есть Жизнь, Бог есть Мир, Он есть Огонь и Свет, Он есть Любовь. Также мы можем, имеем полное право утверждать, что Бог есть Свобода и что Он есть Истина. Обратим на это внимание. Божественная Свобода и Истина живы, в отличие от наших человеческих свобод и истин, которые обычно бывают довольно абстрактными. Даже если они при этом и кажутся красивыми, они скорее мертвы, ибо все абстракции мертвы.

Еще можно говорить если уже не прямо о Боге, то о Божьих свойствах, Его характерных чертах: Бог – всемогущий, Бог – всеведущий, Бог – личный, Бог – единый, Бог – живой. Он святой, всевышний, человеколюбивый, милосердный, спасающий и т. д. Есть целый ряд подобных «определений», которые чаще всего взяты также из Священного писания.

Вплоть до XX в. на этом в катехизисах, как правило, и останавливались. Но этого нам всегда мало, так как приводя любое подобное высказывание, касающееся Бога, мы вольно или невольно Его определяем и тем самым Его ограничиваем, вмещая в какие-то определенные рамки, хотя сами же утверждаем, что Бог безграничен. И какое бы определение мы ни давали, оно всегда ограничивает бесконечное и вечное и тем самым делается не то чтобы совсем не истинным, но не вполне истинным, или неполным. Поэтому, говоря о Боге, мы должны перейти от утверждений и положительных определений к отрицанию того, что́ Бог есть, вернее, мы должны еще говорить и о том, Кто Бог не есть. Так как наш Бог – живой, то здесь всегда правильно будет сказать именно о том, Кто Он не есть.

В связи с этим о Боге мы можем и должны смело утверждать: Он не есть ничто из того, что существует в этом мире. Тем самым мы можем с полным основанием отрицать практически все, что о Боге утверждаем, ибо некоторые христианские богословы и святые отцы так и говорили: «Бог есть все из того, что на свете существует, и ничто из того, что существует». Это будет оправданно, ибо мы должны «снять» все наши человеческие представления о Боге, все наши ограниченные представления о Нем. Вспомним о «божественном мраке», здесь это важно. Мы действительно должны войти в этот «божественный мрак», в эту Тайну Божью, отодвинуть наши слишком человеческие, тварные представления, когда говорим о Творце.

Первый подход к понятию о Боге – положительный – называется катафатическим, а второй – отрицательный – апофатическим. Также и богословие, в том числе различных святых отцов, которое строится на положительных определениях, называется катафатическим богословием, а богословие, построенное на отрицательных, апофатических определениях, называется апофатическим богословием.

Но могут спросить, ка́к это может быть, что, например, Бог есть Любовь и в то же время Бог не есть Любовь? Не получается ли произвол – что хочешь, то о Боге и говори? Что бы ни утверждать, это тут же можно со спокойной совестью и отрицать? Бог существует и Бог не существует? И то и другое истинно? Где же логика? Формальной логики здесь действительно нет. Вернее, логика есть, но не линейная, формальная, а та, которая называется антиномической. Слово «антиномия» в переводе с греческого означает «противоречие в законе», в законе логики. Если формальная логика от нас требует определенного утверждения чего-либо и при этом она не может совместить два противоположных высказывания об одном и том же, то как раз антиномическая логика может совместить два по видимости противоположных утверждения.

О Боге мы вообще не можем говорить иначе как антиномически – антиномиями. Но надо и здесь помнить, что

наши антиномии – это тоже тварные, человеческие антиномии, которых нет в Самом Боге. Поэтому когда мы говорим, например, что Бог существует, то мы говорим истину, потому что Он – есть, Он – Яхве, Существующий, единый истинно Присутствующий. Но когда при этом мы говорим, что Бог не существует, то мы отрицаем нечто иное, а именно тот опыт «существования» («экзистенции»), который есть только в природе и, следовательно, в нас, принадлежащих тварному миру и природе, т. е. мы утверждаем отрицая, чтобы освободить Бога от наших представлений, всегда слишком земных и человеческих. Так что мы, как правило, говорим немного о разных вещах, когда утверждаем что-то о Боге и когда как бы то же самое отрицаем.

Это надо хорошо знать. Иногда христиане впадают в настоящее язычество или, наоборот, в полный агностицизм, когда говорят о Боге. Их спрашивают об их Боге, а они ничего не могут сказать о Нем или говорят такое, что не имеет ничего общего с Богом, и тут «благое молчание» было бы уместнее. Но о Боге надо говорить, Его надо исповедовать, т. е. Его надо пред людьми признавать, как вы помните по Евангелию. Однако говорить о Нем надо правильно и убедительно, духовно.

Перейдем теперь к следующему вопросу. Почему в Бога надо именно веровать? Почему мы говорим в Символе веры: «Верую во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого»? Почему «верую»? Ведь мы только что говорили о Боге смело и определенно, значит, мы не просто верим, но и что-то знаем о Нем. И правда, знаем. Но мы все же не говорим: «знаем единого Бога, Отца» и т. д., а говорим «веруем». Почему?

Потому что знания тоже бывают разного рода. Например, объективное знание о Боге невозможно, как, впрочем, и субъективное. Истинный Бог выше всех объективно-субъективных вещей и отношений в мире. В Нем Самом их нет вовсе. И поэтому, если мы и говорим о знании Бога, то употребляем это слово особым образом. Здесь мы го-

ворим о Бого-познании как мистическом гносисе (об этом подробнее речь пойдет в теме II).

Когда же мы говорим о вере в Бога и о вере в Человека, мы подразумеваем одно: открытость нашего сердца, открытость к восприятию Бога и того, что и кто от Него. Бог существует в том человеческом сердце, которое открыто для Него. А человек, и только человек, способен и закрыться, т. е. духовно расположиться так, чтобы стать противником Богу, врагом Ему.

Зря некоторые думают, что человек не может закрыться перед Богом, что Бог настолько могуществен, что может действовать и через эти человеческие внутренние, темные и греховные перегородки. Нет, Бог не может преодолеть их Один. Почему? Потому что Бог есть Любовь, а одностороннее разрушение любых внутренних преград было бы насилием над человеком и потому злом. Бог же зла не творит, никогда! Как Бог Он никогда не насилует человека, ни грешного, ни праведного. Поэтому если человек сам не хочет верить, не хочет быть верующим в истинного Бога, если он ставит на Его место бога другого, иного, то Бог все равно не может насиловать его Собою. Если бы Он вмешался, то мог бы только одно – отнять жизнь, убить грешника, именно потому, что тот – грешник.

Но наш Бог не убийца! И когда мы читаем в Священном писании, что Бог кого-то наказал смертью или еще каким-то образом, тогда об этом на христианском, новозаветном языке надо было бы сказать несколько иначе: люди сами себя наказали, уйдя от Бога. Они ушли от Бога и получили сами в себе воздаяние за свою грешную жизнь.

Поэтому будем внимательны, читая Библию, особенно Ветхий завет. Если наказания свыше не понять верно, то и Библия может стать соблазном, а не назиданием, как это, к сожалению, и бывает с некоторыми людьми из христиан, которые считают, что Ветхий завет вообще читать нельзя. «Там Бог такой страшный, жестокий», – говорят они. Но не Бог, а люди там бывают страшными и жестокими, иногда творящими свои жестокости прямо от име-

ни и во имя Бога. Увы, не только там и не только тогда это было свойственно людям (об этом мы также еще будем говорить позже).

Далее, что значат следующие слова первого стиха «*небо и землю*»? Возьмем сразу оба эти слова, ибо иначе будет трудно правильно понять это место.

Здесь мы уже подходим к тем местам Библии, в которых одно и то же слово может не только иметь, как мы уже говорили, разные значения, но само по себе иногда и не означать почти ничего. Как правило, в таких случаях мы имеем дело с идиоматическими выражениями.

«Небо и земля» – это семитизм, это идиома, значение которой надо знать. Как раз в этом выражении отдельно слово «небо», как отдельно и слово «земля», почти ничего не означают. Вместе же слова «небо и земля» должны пониматься как целый, или весь, мир, как всё в целостности. Обратите, пожалуйста, на это внимание. Именно вместе эти два слова переводятся одним словом – «мир», мир в его целостности. Подобно этому райское «добро и зло» тоже означает некое «всё», но по отношению к сфере познания, а человеческая «плоть и кровь» означает всего живого человека, все живое и даже в чем-то духовное существо его.

Синоним «неба и земли», но не в иудейских, а в эллинистических понятиях, – это «всё видимое и невидимое» из Символа веры, т. е. тоже весь мир, которому Бог – Начальник и Творец (см. также Евр 11:3: «*из невидимого произошло видимое*»).

Для эллина, конечно, нечто духовное («невидимое») тоже есть высшее и горнее «небо», а материальное («видимое») – низшая и дольняя «земля». Но иудейское сознание не знало деления мира на дух и материю, ибо оно знало о нечистых духах и о святой материи. Поэтому Библия и не знает философии эллинского типа и не поддается классифицирующему делению на идеалистическое и материалистическое мировоззрение с их борьбой за первенство.

«В начале сотворил Бог мир в целом» – вот как можно перевести всю первую библейскую фразу на русский язык, хотя дословно «мир в целом» и звучит как «небо и земля».

Итак, «небо и земля» – это мир в целом, весь универсум. Но что же он такое? Вот, мы говорили о Боге, а теперь поговорим о мире.

Слово «мир» так же, как и «начало», имеет не менее трех значений, которые никогда не нужно ни путать друг с другом, ни друг от друга отрывать.

Во-первых, это тот мир, о котором идет речь в первом стихе Бытия, это некий первоначальный мир, тварный и первозданный.

Во-вторых, это тот мир, который мы подразумеваем, говоря об объективном мире, падшем мире, мире в том состоянии, в котором он находится сейчас и который мы знаем из нашего практического жизненного опыта.

Мы не имеем в виду, что эти два мира существуют параллельно, но только то, что вместе с падением человека пал и весь первозданный мир, став миром в чем-то в принципе иным. И нам важно знать, в каких местах говорится об одном мире, а в каких – о другом. Например, в Новом завете читаем: «*не любите мира, ни того, что в мире*» (1 Ин 2:15); или: «*дружба с миром есть вражда против Бога*» (Иак 4:4). На это можно услышать: «Вот это да! Бог сотворил небо и землю – весь мир, так разве можно не любить мира и того, что в мире, т. е. Божьего творения?!» Однако здесь евангелист Иоанн, говоря «*не любите мира, ни того, что в мире*», добавляет: «*ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (т. е. желание богатства и роскошь в жизни), *не есть от Отца*» (1 Ин 2:16). Вот признаки падшего мира и вот чего не надо любить!

В третьем значении слово «мир» – это внутреннее состояние благодатного от Бога покоя в человеке, обществе и мире, устремляющихся с ним и в нем к «новому небу и новой земле», т. е. к «новому миру». На языке Библии этот «третий» мир называется «шало́м». Мы часто

употребляем это значение слова «мир» в выражении: «миру – мир», но отсюда и слово «мирный» и др.

Ст. 2. «*Земля была пуста и пустынна, и тьма была над пучиной; и дух Божий веял над водами*».

Стихи первый и второй предваряют повествование о первом «дне» творения. Что здесь значат слова «*пуста и пустынна*»? Заметим сразу, что «*пуста и пустынна*» и «*тьма была над пучиной*» – выражения синонимические. Поэтому когда говорится «пуста и пустынна» и «тьма была над пучиной», имеется в виду одно и то же. Это просто некая параллель. А «тьма» и «пучина» вместе, как и каждое слово в отдельности, – древнейшие символы бездонной тьмы первовещества мира, его абсолютной неорганизованности и хаоса. Мир как бы был и его еще как бы не было, потому что в нем самом еще не было ничего положительного, а была только «тьма над бездною».

Однако Дух Божий с самого начала уже «*веял над водами*»! Мир просто как «тьма над бездною» не мог бы существовать сам по себе, если бы его не охранял этот Дух Божий, Который «веял над водами». Эта «вода» – в данном случае символ все той же «пучины» и «тьмы», того же хаоса первозданного мира (это уже третий синоним того же ряда).

Итак, «Дух Божий» как нетварная божественная Сила, или Энергия, носясь «над водами», как бы согревает, подобно птице, согревающей своих птенцов, это «первояйцо» мира. Он животворит этот мир, дает возможность ему реально существовать.

Ст. 3. «*И сказал Бог: Да будет свет. И появился свет*». Отсюда начинается собственно первый «день» творения.

Интересно наблюдение, правда, косвенное, многих святых отцов и древнейших толкователей: Бог творит мир Своим Словом («и сказал Бог»). Значит, наш Бог словесен или, апофатически, Он не бессловесен. Поэтому когда мы прочтем в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово» – нам это будет более понятно.

Потому же можно было и сказать о Боге: «И сказал Бог: да будет свет», т. е. да явится свет. Свет – то начало

в самом первовеществе мира, которое положительно, ибо свет прямо от Бога. Он противоположен «тьме над пучиной», той «воде», «пустоте и пустынности», которые характеризовали досветовой тварный первомир.

Ст. 4. «*Бог увидел, как хорош свет, и отделил его от тьмы*».

Это «отделение света от тьмы» – как бы отделение доброго и хорошего в первозданном мире от хаотического в нем.

Проницательно «увидеть» – в принципе то же, что и познать, и поэтому «и увидел Бог свет» – значит ясно различил его во «тьме» и из «тьмы», по-новому его оценив.

«Свет» оценен Богом «яко добро» («как хорош свет»), что означает красив и добр, т. е. достоин быть Божьим творением сам в себе, а не только потому, что всякий результат Божьего дела – добр и хорош. Посему «свет» и определяется Богом, и отделяется Им от недостойной этого «тьмы».

В этом мире это был первый шаг по направлению к развитию собственной внутренней силой. Мир буквально вышел «на свет Божий», обретя первые пространственно-временные характеристики. Так началась эволюция этого мира, его «прогресс». Тем завершается и первый «день» творения.

Ст. 5. «*...дал свету имя “день”, а тьме – “ночь”. Настал вечер, настало утро – день один*».

Понятно, что здесь тоже даны два синонимических ряда: «свет и тьма» и, с другой стороны, – «день и ночь». Бог «называет», т. е. выявляет, как бы определяет, что́ есть «свет» в этом мире и что́ есть в нем «тьма». Все светлое достойно Бога, и поэтому в этом мире происходит эволюция, движение от «вечера» к «утру», как от «тьмы» к «свету» и от «ночи» ко «дню». И все вместе – это «день», «день один» – «йом эха́д».

Поэтому до сих пор у нас на богослужении день начинается именно с вечера, а точнее, с захода солнца. Ведь почему, например, воскресная служба начинается накану-

не? Потому что такое движение было заложено в библейском мире изначала. Так оно нам и открыто в Библии: от тьмы – к свету, от вечера и ночи – к утру и дню.

Здесь мы имеем совершенно другое мироощущение. Оно бывает нам малопонятно, потому что мы так привыкли считать сутки с полуночи, что для нас вечернее время потеряло всякое значение. Для нас это только завершение дня – в усталости, в предчувствии какого-то конца. А для древних людей библейской традиции здесь было что-то другое, для них вечер был символом радости, символом начала следующего, нового дня во свете. Это сочеталось и с образом жизни тех людей, ведь они были скотоводами, к тому же в странах, в которых днем из-за жары ничего нельзя было делать. Там днем отдыхали, а жизнь протекала в основном вечером, ночью и утром.

Далее, почему здесь сказано «день один», а не «день первый»? Потому что коли до того не было еще ничего самосущего, нельзя было сказать и «первый»; коли не было еще исчисления, не было числового ряда, можно было сказать только «один», а уже дальше, после одного, можно будет сказать «второй», потому что второму «дню» творения хотя бы что-то одно в мире уже предшествовало.

«День», связанный со «светом», как этот свет с Богом, становится символом первого в мире Богоявления через «свет». Вся история отношений мира и человека с Богом проходит через вехи таких Феофаний (с греческого – Богоявлений). Поясним это важное место.

Когда Бог сказал «да будет свет», это означало явление божественной Силы через «свет» в этом мире, т. е. Богоявление. И каждый «день» творения – это новое Богоявление, новое явление божественной Силы или непосредственно, если Бог Сам творит что-то в этом мире, или опосредованно, если что-то производится лишь по Его воле.

В таком случае *семь* «дней» творения – это символ потенциальной полноты мирового богатства Бого-Явлений. Потому что подлинное богатство в этом мире не материальное, а духовное. Только истинное Богоявление,

только то, что в этом мире от Бога, есть истинное богатство. Поэтому Господь и говорит в Евангелии: «*Кто не собирает со Мной, тот расточает*», как и то, что богатство надо искать на небесах, а не на земле.

Только в этом контексте и в этом духе понимая эти тексты, можно понять и многие другие места Евангелия. Конечно, еще много раз мы будем говорить о частных Богоявлениях, особенно в Евангелии, и значит, при этом мы каждый раз будем говорить о накоплении именно этого великого богатства – мирового богатства Богоявлений, Феофаний.

Теперь поговорим в целом о первом библейском рассказе о сотворении мира.

(Далее читается Быт 1:6–2:4а.)

Это очень древний рассказ. Он длится до первой половины четвертого стиха 2-й главы Бытия. Тут нет полного совпадения с нашим разделением на главы. Три с половиной стиха второй главы современные библеисты обычно относят к первому рассказу. А со слов стиха 4б: «*в то время, когда Господь Бог создал небо и землю*» уже начинается второй рассказ о сотворении мира, который, как считают ученые, записан приблизительно на полтысячелетия раньше первого. Второй рассказ древнее, а не наоборот. Первый же рассказ заканчивается словами: «*Вот повесть о небе и земле – о времени, когда они были сотворены*». Он оформился приблизительно в VI в. до н. э., второй же, более архаический, – приблизительно в X в. до н. э.

Рассмотрим первый из рассказов о сотворении мира, особенно первые шесть «дней» творения, потому что в седьмой «день» Бог «*пребывал в покое*» и ничего Сам как бы уже не творил (о нем мы еще поговорим в связи с заповедью о субботе).

Эти шесть «дней» творения называются «шестодневом». Нам очень важно понять весь «шестоднев», хотя выше мы разобрали только первый «день» творения – происхождение тварного света, т. е. начало существования этого мира именно как мира, когда в нем появились

пространственно-временные характеристики, которых раньше в первовеществе мира не было.

Теперь надо сделать небольшое отступление, чтобы потом иметь возможность охватить как бы единым взглядом все библейское повествование о миротворении. Надо знать, что в тексте Библии часто используется один очень важный прием, который называется «поэтический параллелизм». Для лучшего его понимания возьмем еще какой-нибудь текст, так как в рассказе о сотворении мира мы имеем более сложный случай.

Вот, например, Пс 26:1: «*Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?*»

Мы видим, что смысловая ткань текста этого стиха как бы разбивается на две части, одинаковые по содержанию, но разные по своему словесному оформлению. Первая половина: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?», вторая: «Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?». «Бояться» и «страшиться» – синонимы, и Господь как наш «свет» и «спасение» здесь уподоблен «твердыне», «крепости», т. е. силе нашей жизни. Это и есть поэтический параллелизм.

Поэтому, допустим, если какая-то часть подобного библейского текста нам малопонятна, то мы берем вторую, параллельную ей часть и, зная, что обе они по содержанию должны быть тождественны или почти тождественны, выверяем соответствующим образом малопонятную часть с помощью другой, более понятной. Поскольку Псалтирь – сборник преимущественно литургической, храмовой ветхозаветной поэзии, то в нем поэтический параллелизм встречается особенно часто.

Теперь о нашем случае. Где в первом рассказе Библии проявляется поэтический параллелизм? В нем первые три дня творения поэтически параллельны остальным трем. 1-й день – свет, 2-й день – творение тверди посреди воды, 3-й день – растительный мир на суше. И параллельно этому: 4-й день – светила, 5-й день – жи-

вотный мир из воды, 6-й день – животный мир и человек на земле.

Параллель здесь очевидна. Если 1-й день – свет, то 4-й – светила, если 2-й день – твердь посреди воды, то 5-й – животный мир из воды, т. е. по существу та же «твердь» из воды, если 3-й день – растительный мир на суше, то 6-й – животный мир и человек на суше. Ясно, что этот целостный поэтический образ подчиняется известному нам поэтическому закону.

Но еще важно понять, как надо толковать это место Библии, как в целом воспринимать этот образный рассказ о сотворении мира. Существует по меньшей мере три главных подхода к толкованию семидневного творения в целом, в принципе. Это подходы хронологический, иерархический и как бы «визионерский». Что это за подходы?

Хронологический подход – самый простой, но и наименее правильный и точный. Он очень распространен, и многие ограничиваются только им. В чем его суть? Это такой подход, когда пытаются все «дни» творения выстроить хронологически – один за другим по времени. Был 1-й день, потом 2-й, а за ним 3-й, 4-й и т. д. И тут что-то получается. Но... здесь, к сожалению, есть одно большое «но». В одном месте получается несуразица, потому что произведение растительного мира на суше предшествует созданию светил.

Приверженцы хронологического подхода обычно объясняют это место таким образом, что якобы при создании Богом растений были облака на земле и за ними ничего не было видно, и только когда облака рассеялись, проявились на небе светила. Это предполагает, что автор при этом как бы невидимо присутствовал. Он не видел светил, поэтому говорил о растительном мире. Ну а где растительный мир, там ведь много облаков и влаги... Какие уж тут светила? Ничего же не видно! Искусственность такого толкования очевидна. Но тому, кто его придерживается, приходится прибегать к подобного рода натяжкам.

Иерархическое толкование говорит, что последовательное шестидневное творение лучше определяется не хро-

нологическим, а иерархическим принципом. В нем ставится акцент на возрастающей ценностной (аксиологической) оценке возникающих в мире принципиально новых форм. Тогда все «дни» творения – это как бы концентрические круги существования творения, в центре которого стоит человек, в ценностном и целевом отношении иерархически возвышающийся над всем иным творением. Поэтому позже повествуется не о том, что произошло обязательно после по времени, а о том, что само по себе важнее, ценнее.

Это достаточно интересный и плодотворный подход. Рассказ начинается с творения простого мира и света, некоей энергии в нем, и заканчивается творением человека. Складывается не просто хронологическая, а иерархическая структура и последовательность миротворения.

Однако и в этом подходе есть серьезные натяжки. В него не только невозможно уложить представление о поэтическом параллелизме, но тут и не всегда очевидно, почему вдруг что-то одно оказывается иерархически выше и ценнее другого.

Хотя нельзя сказать, что нет никакого смысла ни в одном из уже названных способов толкования, иерархическом и хронологическом, ясно, что ни один из них еще не является исчерпывающим и что каждый выясняет лишь свою долю смысла.

Наиболее полным и поэтому наиболее верным является все же третье толкование – «*визионерское*» (от корня «визион» – видение), которое предполагает, что весь этот библейский рассказ возник на основании совокупности откровений, точнее, видений, данных, может быть, еще Моисею в XIV в. до н. э. или, во всяком случае, в своей традиции восходящих к нему. Хотя, как мы знаем, этот рассказ и был изложен в VI в. до н. э., но ведь его содержание могло изустно передаваться в течение многих веков, оставаясь незаписанным.

Если ряд видений или визионерских картин был положен в основу первого библейского рассказа, то он, бесспорно, был построен на основании какого-то реально

бывшего живого откровения, а не просто чисто человеческого опыта или домысла. Если правильно понять первые главы книги Бытия и все их рассказы, а значит, и их мифологизированный, мифопоэтический язык, если правильно «расшифровать» этот язык, способный говорить о чем-то глубоко духовном, о чем-то откровенном и основанном на видениях от Бога, то мы поймем, что за этим может стоять только глубочайшее, даже прямо божественное Откровение. Иначе все это давно бы устарело. Наши научные картины мира устаревают каждые двадцать лет, а библейская картина не устарела и за три-три с половиной тысячелетия! И не устареет никогда благодаря ее содержанию и специфическому языку.

Здесь к слову заметим, что и вообще всякая духовная истина может быть выражена человеком только мифопоэтически, мифологизированно, и никак иначе, если только это действительно духовная истина. Таким образом, и все мифы Библии – не сказки, хотя вне ее многие великие мифы часто остаются поучительными для многих, но сказками.

О втором рассказе книги Бытия о сотворении мира мы подробно будем говорить позже, в III теме – «Бог и человек. Сотворение человека», но уже сейчас можно сказать, что первый и второй рассказы взаимно дополняют друг друга. У них есть свои сходства и различия. Сходство прежде всего в том, что оба они антропоцентричны, т. е. центрируются на сотворении человека. Но первый рассказ заканчивается сотворением человека, а второй только начинается с того, как в мире появляется человек. Все остальное для нас пока менее важно.

Подумаем теперь немного об общем смысле сотворения мира Богом. Не будем подробно на этом останавливаться, так как сложно осмыслить такие вещи, только познакомившись с ними. Но нам, наверное, уже ясно, что главный смысл миротворения состоит в том, что оно есть высший свободный Божий дар мира – ему самому в его существовании и лучшая реализация Богом Самого Себя вне Самого Себя, т. е. реализация всех Его преизобилую-

щих и преизливающихся вечных свойств и качеств в бесконечном «мировом» количестве.

При этом парадоксально можно утверждать, что Бог не нуждается в мире, поскольку Он в Себе Самом – Полнота, но Бог и нуждается в нем, поскольку Бог есть Любовь и творение мира определяется и движется именно ею.

Итак, почему Бог сотворил мир? «Зачем Он сотворил мир, – спрашивают часто люди, – если знал, что он будет таким жестоким и страшным?» Так иногда жестокие дети спрашивают своих родителей: «Зачем вы нас породили?» (и в таких случаях всегда грешат против родителей). Но все-таки – зачем? На этот вопрос, уж коли он у кого-то возникает, необходимо ответить достойно. А ответ один: потому что Бог есть Любовь, а всякая истинная, свободная любовь предполагает возможность и даже необходимость существования «иного», чем ты сам, само наличие «другого».

И последний момент, о котором нам сейчас нужно сказать. Никогда не следует забывать, что как бы ни были близки Бог и мир, изначально связанные Божьей Любовью (ибо еще «в начале» «Дух Божий носился над водою», над этим первомиром, пусть тогда еще почти ничего не значащим, поскольку в нем не было даже света), – как бы они ни были близки, различие между Богом-Творцом и творением принципиально всегда сохраняется.

Это важно никогда не забывать во избежание пантеизма, когда уже все в мире представляется божественным, божественной природы. Мир по отношению к Богу всегда «другой» и «другое». Бог всегда остается, в отличие от него, абсолютно безначальным, абсолютно свободным, абсолютно недетерминированным, абсолютно духовным, абсолютно святым, недифференцированным, простым, полным и единым, обладающим Сам в Себе чистым Существованием, Свободой и Любовью.

Творение Божие – не результат эманации, возникающей только в процессе развития, и не результат божественного демиургического акта. Мир – результат и плод Божией Жизни, Свободы и Любви!

Итак, уверуем же и мы сильнее в Бога и восхвалим Его всем сердцем и всей жизнью своей! Возлюбим «единого Бога Отца, Всемогущего, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого»! Возлюбим и единое творческое Слово, «Сына Божьего, от Отца рожденного прежде всего; Свет от Света; Бога истинного от Бога истинного; рожденного, несотворенного; единосущного Отцу, Которым все стало»! Возлюбим и единого Духа Святого Божьего, животворящего! Возлюбим также сам сотворенный Богом мир – «небо и землю, и все, что в них», «все видимое и невидимое», ибо мы знаем и видим, что все это – поистине хорошо!

Благодарим Тебя, Господи, за создание мира, за сотворение его, благодарим Тебя за то, что все, что Ты творишь, – хорошо, добро и свет. Господи, дай нам видеть в этом мире Твое творение, Твою руку, Твою силу, Твою красоту и благость; дай нам знать, что Ты ведешь нас всех к Себе, к полноте жизни и гармонии; дай нам, Господи, быть Твоими соработниками в этом мире. Дай нам, Господи, укрепиться в вере в Тебя, созерцая творение Твое, да будем мы исполнены света и мира уже сейчас, когда живем в этом мире. Да будем мы всегда мирными, и жизнь наша да будет продолжением творения Твоего. Господи, да будет откровение Твоего Света более явным в этом мире и в нас, чтобы всегда и во всем прославлялось

Твое святое имя во веки веков.

Аминь.

Тема II

Божественное Откровение и Богопознание в Вере, Надежде и Любви

Никео-Цареградский Символ веры, его смысл и значение

Отец наш Небесный, Господи Боже, благодарим Тебя за то, что Ты дал нам сегодня силы и решимость прийти продолжать наше оглашение, преодолевая все трудности и искушения, преодолевая тяжесть своих грехов, всю ту инерцию старой жизни, которая продолжает нас тяготить. Господи, открой наши сердца для того, чтобы мы могли познать тайну Твоего Откровения и войти в Познание Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Господи, Отец наш Небесный, дай нам во всем следовать за Тобою, не оборачиваясь назад, но устремляясь вперед, для достижения цели – вечной Жизни во славу Твою. Аминь.

НЕОБХОДИМОСТЬ говорить о божественном Откровении и Богопознании возникает сразу же после того, как мы закончили I тему – о Боге и мире. Ведь можно задать вопрос: на каком основании мы так смело говорим о Боге и о творении Им мира, почему мы так смело цитируем Символ веры и полностью доверяем Библии как Священному, а не просто человеческому, писанию? Какое мы имеем на это право? Ведь для всего этого должны быть серьезные основания.

Этот вопрос очень серьезный, глубокий и важный, и в своем существе это есть вопрос о божественном Откровении и Богопознании.

В I теме мы уже говорили о Боге, Его воле и действии на основании нашей живой веры в божественное Откровение, данное нам, хотя и по-разному, в Церкви, т. е. в личном и соборном человеческом опыте, а также через Священное церковное писание и Символ веры церкви.

Что же такое *божественное Откровение*? Это дар божественной Истины, Правды, Любви и Красоты, несомненно данный человеку и человечеству в его внутреннем, экзистенциальном, мистическом опыте.

Дать хотя бы такое определение понятия божественного Откровения очень важно. В нем мы говорим о даре божественной Истины и Любви, Правды и Красоты, но мы ведь утверждаем, что Бог Сам есть Любовь и Истина.

Следовательно, в Истине и Любви Бог как бы дарует Самого Себя через акт Откровения, а в Правде и Красоте, которые от Бога, но не Бог, Он приоткрывает Самого Себя. Отсюда понятно, почему дар божественного Откровения дается только внутреннему опыту Церкви, причем именно сердечному, духовному, экзистенциальному, мистическому ее опыту, и значит – только опыту человека как существа духовного и духовному опыту всего человечества.

Важно помнить, что Богооткровение никому невозможно рационально определить, доказать или вместить до конца. И как невозможно, когда мы говорим о Боге, рационально определить и вместить Его, как нельзя в принципе доказать Его существование, точно так же нельзя доказать Истину и Правду божественного Откровения. Она не есть объективная истина, хотя подчеркиваю, что, подобно Богу, Его Откровение не является и истиной субъективной. Не следует думать, что если истина не объективна, то она субъективна. Эти категории принадлежат только падшему миру, расколотому на внутреннее и внешнее, на объективное и субъективное. В Боге ничего этого нет, и человек, приобщаясь к Богу, тоже снимает эти противоречия в себе, внутри себя.

Божественное Откровение находит свое внешнее выражение в *церковном учении*. Но если оно только выражается в церковном учении, то это значит, что божественное Откровение и церковное учение – не одно и то же. Церковное учение может развиваться, улучшаться, совершенствоваться, а божественное Откровение само в себе абсолютно совершенно, хотя и может дополняться новыми откровениями, не отменяющими прежние.

Учение церкви, будучи внешним выражением в первую очередь божественного Откровения, базируется на нем. Божественное Откровение, входя в область человеческого разума и логики, становясь разумной и осмысленной истиной, входит в учение церкви на первоначальном уровне в качестве ее *ке́ригмы*, возвещаемой Церковью всем ищущим Бога людям (однако без каких-либо объяснений), а на следующем уровне – ее *до́гмата*, возвещае-

мого и теперь уже изъясняемого, но не всем, а лишь новопросвещенным и верным (полным членам церкви).

Будучи критически последовательным, можно было бы еще спросить: если божественное Откровение необъективно, недоказуемо и неопределимо, то откуда известно, что оно истинно? А может быть, оно все-таки ложно или субъективно? Ведь часто многие так и думают, приходя к выводу, что если человек верующий, то он немного «не в себе», поскольку путает объективное и субъективное. Итак, вопрос об истинности самого Откровения серьезен и потому требует серьезного ответа.

В истинности божественного Откровения можно удостовериться, но только через целожизненно проверенный опыт человеческого *Богопознания,* существующего лично и соборно в сердцах всех верующих, всей Церкви.

Следовательно, Богооткровение и Богопознание поддерживают друг друга. Они – результат синерги́и Бога и человека. Наше сердце, наш дух и опыт восприятия и дарения добра и красоты говорят нам об истинности Откровения и Познания. Но не только наше сердце и опыт, а опыт и сердца всех нас вместе подсказывают нам единый и единственный верный путь – Путь Божий.

Если божественное Откровение всегда нисходит как бы «сверху», то «навстречу» ему и в восполнение его, как бы «снизу», по пути опытного приобщения к божественной Истине, Правде, Любви и Красоте идет живой процесс человеческого Богопознания.

Роль Богопознания в жизни Церкви – возвещать о Боге и вести к Нему и Его Церкви.

Основой Богопознания и Богооткровения является «встреча и общение» человека и Бога в любви и свободе открытого Богу человеческого сердца (Откровение) и открытого человеку Божьего Сердца, Божьего Духа (Познание), для чего нужны лишь благодать Божья и постоянное усилие духовной человеческой личности.

Предел и главный плод Богопознания – Жизнь вечная, где и встречаются пути божественного Откровения и

Богопознания. Почему именно Жизнь вечная? Видимо, нет лучшего ответа, чем тот, который дается в Писании: «*Сия же есть Жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа!*» (Ин 17:3). «*Да знают Тебя, единого истинного Бога*» – это о Богопознании. Богопознание, таким образом, ведет к Жизни вечной, даруемой нам в Откровении.

Богопознание возможно только для человека, через него и в нем. Но почему? Что есть человек? Он – творение, такая же тварь, как и всё в мире. Он часть этого мира. Почему же только он может познавать Бога? Потому что человек есть живая «икона» Бога, потому что в нем самом есть богосродный корень, т. е. дух от истинного Бога.

Однако опыт Богопознания на земле всегда частичен, даже в богопросвещенном человеке. Как говорит апостол Павел, мы всё здесь «знаем отчасти» и видим «как сквозь тусклое стекло», но в Небесном Царстве будущего века увидим «лицом к лицу» и «познаем так, как мы познаны», т. е. вполне. Но и тогда процесс духовного Богопознания будет длиться вечно, а радость Богообщения будет вечно исполняться и возрастать.

Богопознание есть результат общения с Богом. Поэтому его степень является критерием духовной зрелости человека, даже единственным критерием, по которому мы можем определить, близок данный человек к Богу или нет, т. е. насколько он поистине духовен.

Когда мы говорим об этих вещах, мы часто подразумеваем, к сожалению, совсем другое. А оказывается, надо думать только об одном: насколько человек знает Бога. Ведь грешнику Бог Себя не открывает. Грешнику познавать Бога никогда не удается. Человек же, познающий Бога, – это человек праведный, близкий к Богу, приятный Ему. Праведный – не в смысле не совершающий ошибок, а в христианском понимании – как очищенный Богом, освященный Им за свое стремление к Нему, за то усилие, которое он при этом прикладывает.

Итак, запомним, что важнейшим критерием духовной опытности человека, зрелости его как личности является

мера его личного Богопознания, которая также определяет в человеке и степень возможного усвоения им даруемого свыше божественного Откровения.

Поэтому, в известном смысле, Богопознание само может стать Откровением Бога, а вслед за тем и откровением мира, жизни и человека, истинность существования которых тогда уже не надо «доказывать», поскольку она живо «показана» в человеке и через него. Так «невидимое» становится «видимым».

Как нельзя доказать существование Бога, но можно Его показать, так нельзя доказать и истинность Богооткровения и результатов Богопознания: они могут быть явленными, они могут быть убедительными только сами по себе, изнутри. Эта убедительность – не от мудрости человеческой, а от Духа, Который является в плодах Богопознания и божественного Откровения. Она – основа всякой живой христианской проповеди, всякой живой речи о Боге.

Какие *виды Откровения* можно различать? Божественное Откровение может быть непосредственным и опосредованным, так называемым «сверхъестественным» и «естественным». Ведь ясно, что непосредственное общение с Богом – сверхъестественно для мира сего, мира, лежащего во зле. Естественным, соответственно, является всякое божественное Откровение, опосредованное тем или иным тварным естеством (природой).

«Сверхъестественное» Откровение дается Богом непосредственно и прямо, лично человеку-избраннику для его личного служения. Оно всегда чрезвычайно и требует особого избранничества. Оно не есть Откровение всего в Боге. Оно есть личное Откровение конкретной воли (справедливости, правды) и, так или иначе, Истины Божьей, которая должна исполниться через конкретного человека и (или) в нем. Поэтому оно встречается достаточно редко.

«Естественное» же, опосредованное откровение доступно каждому именно в силу соóбразности каждого человека Богу. Оно может быть рациональным и мистическим. Как правило, слово «мистика» завораживает, люди думают, что мистика – это что-то сверхъестественное. Но

это совсем не обязательно. Это тонкие вещи, и поэтому они доступны не всем и для многих являются тайными, втайне. Но тонкие, даже связанные с тайнами вещи еще не всегда вещи сверхъестественные.

Рациональное естественное откровение – это откровение через философские, научные и логические построения, через размышления человека над духом и смыслом жизни и мира. И вы знаете, что всякий человек как-то об этом задумывается. Даже когда он отрицает саму возможность этих рассуждений, считает их бесплодными, свойственными только юношам, он невольно для себя пытается хотя бы осмыслить мир и думать о смысле жизни и существования. Даже отрицая этот смысл, он также решает вопрос о смысле.

Мистическое естественное Откровение – это когда через творения в их бесконечных добре и красоте открываются человеку «*вечная сила Божья и Божественность*». Как говорит апостол Павел, «*с тех пор как создан мир, Его* (Божьи) *невидимые свойства постижимы для* (человеческого) *ума, который видит их в творениях, – и вечную силу Его, и Божественность*» (Рим 1:20). Да, именно через «постижение умом творений» невидимое Божье становится видимым, видимой становится «*и вечная сила Божья, и Божественность*». Но только Божественность, как еще нечто безличное, далекое, как свет вдали.

«Естественного» откровения всегда недостаточно, хотя в нем можно найти большие пласты Правды и даже Истины, особенно в «мистическом» опыте-созерцании видимого как явления невидимого. Все так называемые «естественные религии», т. е. язычество Эллады, Индии, Китая, Египта и т. д., – пример ограниченности, но и плодотворности откровения пусть даже в одной своей «естественной» части. При всех своих достижениях они не знали и не знают единого, истинного, личного и благого Бога – Творца «неба и земли» (т. е. целого мира) и всего, что в них. Все они остались неприобщенными непосредственно божественной благодати, и отсюда – резко отрицательное отношение к ним в Ветхом завете, смягчившееся через Любовь лишь в Новом.

Почему одни люди получают божественое Откровение, а другие нет?

Основой для получения всякого подлинного божественного Откровения является исполнение сердца человека верой, надеждой и любовью к Богу и ближнему, а также личная готовность человека служить Истине, требующая от него согласия служить Богу, согласия нести соответствующие тяготы, связанные с этим служением.

Это возможно для всякого человека. И язычник вообще-то может «по природе делать доброе», и он в свою меру может исполниться верой, надеждой, любовью к Богу и человеку, даже еще не зная ни себя, ни Бога, ни человека. И он может иметь внутреннюю готовность к служению и несению тягот, связанных с этим призывом.

Когда вы внимательно прочитаете всю Библию, то, может быть, скажете: да, сколько бы ни было людей, описанных в Библии, получавших Откровение от Бога, а они именно этим и характеризовались, их сознание очень часто отставало, и они сами еще многого не понимали. И если один пророк все же мог сказать: «*Вот я, пошли меня*» – как Исайя, то другой, наоборот, считал себя лишь совершенно грешным и недостойным стать посланником Божьим. И даже апостол Петр – вспомним Евангелие – сказал Господу: «*Господин мой, уйди от меня, потому что я человек грешный!*» (Лк 5:8).

Исполненность сердца верой, надеждой и любовью здесь особенно важна. Далеко не всё, что человек представляет себе в духовном мире, подлинно от Бога, потому что оно не всегда базируется на Вере, Надежде и Любви. А может быть, именно в этом и заключается залог подлинности Откровения.

Откровение дает возможность человеку приобщиться к беспредельной полноте Истины, Правды, Добра и Красоты, но само это приобщение может быть на разной глубине. В человеческой истории Откровение всегда ограничено, хотя цель его – добиться полноты и совершенства в приобщении к Богу и в исполнении Его воли всеми, кто к этому призван (в конечном счете – всеми людьми, всем миром).

Божественное Откровение и Богопознание могут быть зафиксированы и собраны, как любой человеческий опыт может быть собран, например, через рассказы, пересказы, записи, символы, образы и т. д. Весь опыт человечества, содержащий истинное божественное Откровение и Богопознание, называется *Священной Историей*. Она говорит нам о том, как, когда, кому и почему пришлось послужить богооткровенной и уже познанной нами Истине. Священная история неразрывно связана с историей человечества, и не следует этого бояться. Некоторые думают, что они разоблачают божественность Откровения, если говорят, что это – человеческая история. Но божественное Откровение и Богопознание только и может жить в человеческой истории. С человеческой историей оно тесно переплетено, хотя ей и не тождественно.

Формы выражения в Слове и хранения и передачи в Духе Священной Истории, опыта Откровения и Богопознания, – это, соответственно, *Священное божественное Писание и Священное божественное Предание* (с большой буквы), в полноте принадлежащие всему богоизбранному Народу и хранимые им как *Церковью Божьей*.

Существенное воплощение этого божественного Писания и Предания мы можем найти и в *Священном церковном писании и предании* (с маленькой буквы), т. е. в Библии. Церковном – ибо она была написана церковными людьми. Человек, прочитавший Библию, автоматически еще не наполняется божественным Откровением и Богопознанием. Он может знать ее наизусть, но никакого отношения ни к Откровению, ни к Богопознанию не иметь. И зная букву Священного церковного писания, священной истории (с малой буквы), можно еще не вникнуть в Священное божественное Писание, т. е. в подлинное божественное Откровение, и в Священное божественное Предание, т. е. в опыт подлинного Богопознания. Об этом часто забывают и отождествляют божественное и церковное, и тем самым согрешают, не понимая при этом той реальной ценности, какая есть в этой уникальной церковной Книге, в Библии, ставшей главным подтверждением и утверждением нашей веры.

Однако не только Библия является воплощением Священного божественного Писания. На несколько другом уровне (почему оно прямо и не входит в Библию, в Священное церковное писание) – оно выражается в *Символе веры* церкви, содержащем кратчайшее изложение общехристианского вероучения.

Прочтем этот Символ и кратко прокомментируем его.

«*Верую во единого* (одного) *Бога*». Что есть эта вера, мы уже говорили. В Кого же именно мы верим?

В «*Отца, Вседержителя, Творца неба и земли*», т. е. всего мира и всего, что в нем.

Поскольку наш Бог – Творец всего мира, то Он и Отец ему. Вседержитель – все в мире доброе и прекрасное Поддерживающий и при этом Всемогущий и Обладающий всем в Полноте. Кто есть Творец, в отличие от творения, – об этом мы тоже уже говорили.

Далее. Мы верим в Творца «*видимым же всем и невидимым*», т. е. всего мира видимого и невидимого (см. Кол 1:16). Вспомним, что это полный синоним «неба и земли», мира в целом, только не в семитических, а в эллинских, греческих категориях, так как этот Символ – древнейшее изложение веры именно греческих и эллинистических восточных церквей.

Обратим внимание и на то, что, кроме творения видимого, есть и невидимое творение. Иногда его (как и «небо») называют тварными Божьими ангелами, силами, энергиями, а также космическими иерархиями. Это возможно, но здесь важнее то, что все оно – тварное. И было, и есть много охотников обожествлять эти космические энергии и иерархии, эти силы, или «воинства» ангельские.

Далее в Символе говорится о Сыне Божьем и Сыне Человеческом Иисусе Христе.

Мы верим «*и во единого* (одного) *Господа Иисуса Христа, Сына Божия*». Это место связано со словами апостола Павла: «один Господь, одна вера, одно крещение». Сын Божий – значит, Слово Божье. В какое Слово, какого Сына мы верим? «*Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век*», т. е. рожденного от Отца преж-

де всех миров и времен, или рожденного «прежде всякого творения» (Кол 1:15).

Далее изложение веры дано как бы смысловыми сгустками: «*Света от Света; Бога истинна от Бога истинна; рожденна – несотворенна; единосущна Отцу; Имже вся быша*», т. е. «*Которым все создано*» (Кол 1:16), все произошло, как бы «Им же всё было». Здесь имеется в виду то, о чем мы говорили прежде: словесность (логистичность) творения, что Бог творит мир Своим Словом: «и сказал Бог».

«*Нас ради, человек*», т. е. ради нас, людей, «*и нашего ради спасения сшедшего с Небес, и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася*», т. е. ставшего Человеком. Здесь говорится о воплощении Слова Божьего и Его вочеловечении. Это очень важно в нашей вере. В свое время мы будем говорить об этом подробно.

«*Распятого же за ны* (нас) *при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшего* (т. е. восставшего) *в третий день по Писаниям. И восшедшего* (т. е. вознесшегося) *на Небеса, и седяща одесную Отца* (т. е. по правую руку от Отца). *И паки* (т. е. снова) *грядущего со Славою*» – зачем? – дабы «*судити живых и мертвых, Его же Царствию не будет конца*».

Далее в Символе речь идет о вере в Духа Святого – Духа Божьего. «*И в Духа Святого, Господа, животворящего, (Иже) от Отца исходящего, (Иже) со Отцом и Сыном споклоняемого и сславимого* (т. е. вместе и равно с Ними почитаемого и прославляемого), *глаголавшего пророки*», или по-русски: говорившего через пророков. Не случайно древние христиане, когда еще не было таких установившихся богословских категорий, как сейчас, часто говорили не только «Дух Святой», но и «Дух Пророчественный», тем самым ярко отражая это положение Символа веры.

«*Во едину* (одну) *святую, соборную* (т. е. кафолическую, вселенскую) *и апостольскую Церковь*».

«*Исповедую* (т. е. признаю) *едино* (одно) *крещение во оставление* (т. е. для прощения, отпущения) *грехов*».

«*Чаю* (т. е. ожидаю) *воскресения мертвых и жизни будущего века* (т. е. вечной Жизни и нового состояния всего мира). *Аминь*».

Таков наш общехристианский Символ веры. Он называется *Никео-Цареградским* – по имени тех вселенских соборов, первого и второго (соответственно 325 г. и 381 г.), на которых был принят этот текст. Основная его часть была принята на первом Вселенском соборе, Никейском, а дополнение о Духе Святом, Церкви и далее – на втором, Константинопольском, или Цареградском. К четвертому Вселенскому собору (451 г.) этот текст стал общеупотребительным во всех церквах Запада и Востока, Севера и Юга.

И до сих пор этот текст является практически общецерковным исповеданием веры, общим для православных, католиков и почти всех протестантов. Так что это – один из важнейших текстов, который нас всех как христиан объединяет. Конечно, у нас есть существенные различия с католиками и протестантами, но есть и – никогда не надо об этом забывать – объединяющие нас во Христе и Его Церкви важнейшие вещи. Главным образом, их три: Символ веры, Священное писание и крещение. Здесь мы все едины, почему мы все и называемся христианами, братьями и сестрами во Христе, хотя, к сожалению, и не имеющими еще полноты общения в Духе и Истине и потому – в таинствах (прежде всего евхаристии и священства).

Никео-Цареградский Символ веры, который мы используем, возник на основании так называемых «крещальных символов» восточных церквей. «Крещальный символ» – это то, что преподавалось оглашаемым перед их крещением керигматически, т. е. через возвещение истин, доступных людям верующим, но еще некрещеным; доступных им по своему духовному содержанию, которое необходимо было им познать, чтобы их крещение было настоящим крещением, связанным с истинной, подлинной Верой.

Такие «крещальные символы» прежде назывались еще «правилами веры» (по-латыни *regula fidei*). Правда, уже в IV в. в них были включены некоторые дополнения, кото-

рые превосходят по своему смыслу и значению керигматический уровень и уходят корнями уже в догматику...

Мы должны помнить, что и Богооткровение, и Богопознание наше всегда еще неполно и, значит, еще несовершенно. В Церкви идет постоянное накопление опыта Богопознания и богатства Богооткровений. Однако и на этом пути возможны *ошибки* и *искажения*. Назовем лишь некоторые из них.

Очень часто получаемое людьми подлинное Откровение проходит через их культурные, исторические, социальные, психологические, психические и т. п. сферы. От этого возникают как бы «шумы», «фон», на котором это Откровение себя и выражает.

Это неизбежно, потому что человек всегда живет в какой-то среде, и когда он хочет выразить полученный им опыт или откровение, он выражает это на языке своего внутреннего мира и своего времени. Мы уже разбирали это в Библии, когда говорили о семитизмах в ней, об идиомах того времени, того народа и той культуры, в которой она родилась, о чем просто надо помнить и знать, хотя ее язык – это язык достаточно универсальный в силу своей мифопоэтической природы. Но и он требует некоторых знаний и толкований, а иначе возможны искажения. Если мы не поймем этого языка, то неправильно воспримем и само Откровение в Библии. К тому же ограничен и всякий человеческий язык.

И в Богопознании возможны искажения и ошибки. Основные из них следующие.

Смешения. Например, в мистической области часто смешивают трансцендентальное с трансцендентным, в результате чего теряется грань и существенное различие между божественным Откровением и еще пантеистическими или даже иногда политеистическими верами и религиями. Трансцендентное – это божественное, выходящее за рамки всего этого (тварного) мира. Трансцендентальное же – то, что выше нас, но что находится в границах этого мира. Например, это пространственно-временны́е отношения, различные космические силы, ангельские

иерархии. Это трансцендентальный мир, но не трансцендентный, потому что он тварный.

Разрывы. Например, Бога и мира. В этом случае в духовном плане мы впадаем в атеизм. Именно вследствие такого разрыва на пути Богопознания! Ведь откуда возник атеизм? Почему он широко распространился в Европе в XVIII веке? Тогда там и произошел один из таких разрывов в Богопознании. Сначала было вольтерьянское учение – деизм, который признавал Бога, но лишь в качестве оторванного от этого мира его Первотолчка. А коль скоро Бог стал оторван от нашего мира и жизни в нем, то вскоре можно было спокойно отказаться и от Самого Бога, что очень быстро и произошло.

Также возможны как бы «*разрывы в Боге*». Мы говорили об абсолютной простоте Бога. Но иногда люди как бы разделяют Бога: Отца, Сына и Святого Духа или их разные свойства и определения, как это обычно делали в гностических и некоторых других еретических учениях.

Отказ от уже данного Богом Откровения. Например, о внутрибожественной жизни, как это произошло в иудаизме и исламе. Современные иудаизм и ислам – не что иное, как реакция на данное Богом Откровение, когда это Откровение не было воспринято, потому что не базировалось на верном и полном Богопознании. Старое было воспринято, а новое – нет. Иудаизм воспринимает Бога как Творца, как единого Бога, но Христа – как Сына Божьего, в Котором «обитает вся полнота Божества телесно», – иудаизм не знает. То же относится и к исламу: он признает Иисуса даже Христом, но не Сыном Божьим. Это явный отказ от уже данного божественного Откровения. Почему? Это именно ошибка в Богопознании. В их опыте этой истины о Христе и Святом Духе как бы нет, и поэтому они ее отрицают. И они в этом в известной степени виноваты, во всяком случае те, кто стоит у корней, кто отвечает за то, чему учит и куда ведет свой народ.

И наконец, то, что может касаться и нас с вами. Это *соблазн считать ранее данное божественное Откровение и достигнутое в Богопознании чем-то абсолютно*

исчерпывающим. Мы часто думаем: ах, мы – православные, значит, нам всё дано, всё открыто – святые отцы написали, Священное писание есть, богослужение есть. Будто бы от нас ничего больше и не требуется и Богу на земле больше делать нечего. Это наша ошибка, свойственная и всем христианам. Этим болеют и православные, и католики, и протестанты, правда, в различной степени и в различных формах. Но всегда это бывает трагично.

И в заключение. Каковы же главные пути служения Откровению и Богопознанию в Церкви? Главный путь служения Откровению в Церкви есть пророчество, а Богопознанию – гносис. Пророчество – главное служение пророков, соответственно, гносис – служение гностиков. Путь пророков связан в первую очередь со Священным Писанием и жизнью на земле в Истине, по Истине, а гностиков – с опытом Священного Предания и жизнью «на Небесах», по Духу и в Духе (подробнее об этом – в IV теме).

Да будем же и мы жить в приобщении к полноте Познания Бога и да откроем свои сердца полноте Его живого Откровения!

Господи, Боже наш, благодарим Тебя за эту возможность проникновения в Твою Тайну через Познание Тебя и через Откровение Твое. Господи, пусть наша жизнь обогатится Твоим Откровением и Познанием Тебя, чтобы мы могли почувствовать всю близость нашего сердца к тому, что Ты даешь нам, и к тому, Кто Ты есть для нас. Господи, помоги нам жить Твоей Силой, Твоим Светом, Твоей Любовью, Твоей Истиной. Помоги нам освободиться от всякого зла, от всякого греха, от всяких страхов и заблуждений, пусть и невольных. Помоги нам, Господи, приносить Тебе искреннее и достойное покаяние, огради нас от всяких искушений и бед Своею благодатью! Дай нам молиться Тебе каждый день и стремиться к радости Познания Тебя и возвещения Твоего Откровения!

Аминь.

Тема III

Бог и человек. Сотворение человека

Первый, доисторический Завет – Бога с Адамом («первый» Завет)

Господи, Боже наш, Ты увенчал все творение, создав человека, вдунув в лицо его дыхание жизни. Господи, Ты создал того, кто мог взывать к Тебе, кто мог выполнять волю Твою разумно и духовно, кто мог одухотворять все окружающее, весь мир. Господи, мы, зная об этом высочайшем призвании, устремились к Тебе, чтобы служить Тебе, чтобы, отринув все прежние заблуждения, иметь общение в Тебе и с Тобою. Помоги нам, Господи, быть в едином духе и сохраниться в союзе мира, чтобы идти дальше к Тебе в покаянии, чтобы следовать за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И да прославится в нас и через нас Твое святое имя во веки веков! Аминь.

НАЧНЕМ с актуализации ваших собственных знаний по этим вопросам. Наверное, все люди сердцем ощущают тайну жизни и человека. То, что мы называем жизнью, и тот, кого мы называем человеком, всегда составляют тайну. Ф.М. Достоевский как-то сказал: «Человек есть тайна, и всякий, кто занимался ее разгадкой всю свою жизнь, не должен думать, что потратил время напрасно».

Общепризнан факт развития как форм жизни, так и человека и человеческого общества, причем в определенном направлении, от низшего к высшему, т. е. общепризнаны их эволюция и прогресс.

Признано всеми и то, что не решена сегодня и проблема возникновения жизни, и проблема появления человека. Ни один серьезный ученый, говоря о сотворении мира (космогонии, космологии) и о возникновении жизни и человека, никогда не скажет, что ему тут все в принципе ясно. Он скажет, что сначала не было мира – и вот он появился, что в какой-то период не было человека, а были высокоорганизованные животные – и вдруг появился человек. Различия в воззрениях на человека огромны, и хотя разные ученые скажут по-разному, когда именно появился человек и что они подразумевают под этим именем, любой из них подтвердит, что проблема возникновения жизни и появления человека до сих пор не решена.

Теперь заметим, что когда мы говорим о жизни и человеке в их развитии, мы обычно подразумеваем разные

вещи. Ведь жизнь как принцип, как некая реальная данность развивалась как эволюция видов, а человек развивается всегда в пределах одного биологического вида в направлении развития среды обитания, форм общежития и собственных личностных свойств.

Человек связан с Богом, причем всегда, независимо от его самосознания и его самочувствия.

Как же связан человек с Богом? Эта связь хорошо видна из отличительных свойств «духа человеческого, живущего в нем», а также из текстов Священного писания.

Человек сердцем чувствует внутреннюю связь с Богом. А Священное писание Ветхого завета говорит не только о связи человека с Богом, но и о сотворении человека и о значении этого.

Где конкретно мы находим эти места? Прежде всего это два взаимодополняющих рассказа в Быт 1–2. Но не только это место здесь важно. Так, в Иов 12:10 утверждается, что в руке Божьей остается «*душа* (т. е. жизнь) *всего живущего и дух всякой человеческой плоти* (т. е. его души и тела)».

Напомним, что два понятия – «плоть» и «тело» – не тождественны. Плоть – это тело, но живое, одушевленное, т. е. душа и тело вместе, ибо в Писании душа – это жизнь. Итак, душа и тело вместе называются, как правило, плотью. Так что, когда вы говорите о теле и о плоти, вы должны это чувствовать. И когда вы говорите о грехах плотских и телесных – вы эти вещи тоже должны различать.

Далее, о связи человека с Богом в книге Псалмов говорится, что человек всегда пред очами Господа и что Господь всегда достоин прославления за то, что «*человек так дивно устроен*» (Пс 138:7, 14). В Пс 8:5-7 на вопрос к Богу: «*Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?*» дается такой ответ: «*Не много Ты умалил его пред ангелами; славой и честью увенчал его; поставил его владыкой над делами рук Твоих; все положил под ноги его*». Для Ветхого завета это поразительное место. Оно нас поражает и в Новом завете, ибо оно имело серьезные последствия и для христианства.

А в Пс 81:6 человеку приписывается еще большее достоинство: «*Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы*». Это очень важное место также цитируется в Новом завете, где эти слова относятся к каждому человеку.

Наконец, в Пс 103 возвеличивается и прославляется Бог за все творение и за продолжающуюся о нем заботу, простирающуюся вплоть до ежедневной пищи человека и устройства его трудовой жизни.

Это для нас очень важно именно сейчас, в контексте преодоления дихотомии духовного (церковного) и светского, когда пытаются разделить жизнь христианина и общества: мол, вот это в них духовное, а вот это светское, причем это деление обычно возводится в ранг достижения общечеловеческой цивилизации. И тот, кто этого не делает, обычно считается человеком из архаического мира. Таким миром до сих пор часто называют мир мусульманский и мир иудейский. Думаю, что в этом критики не вполне правы. Ведь еще в Ветхом завете (и это не отменено в Новом) Господь действительно прославляется нами за Его заботу о нашей ежедневной жизни, и за то, что Он дает людям пищу, и за то, что Он устраивает человека, трудящегося на земле. Не забудем об этом.

А что говорится в Новом завете? В Деян 17:25-28 раскрывается уже не только та истина, что Бог дает всем «*жизнь, и дыхание* (дух), *и все*», но и то, что «*от одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив определенные времена и пределы их обитанию, дабы люди искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли* (Его), *хотя Он и недалеко от каждого из нас, ибо мы Им живем, и движемся, и существуем... мы Его и род*». Это тоже поразительное место из выступления апостола Павла в афинском ареопаге, где он говорил не иудеям, знавшим единого Бога, а язычникам, которые могли предузнавать, предощущать Бога как неведомого, но не знали Его как ведомого.

Итак, согласно Деян, предназначение человека – искать Бога, ощущать и находить Его. И это есть предназначение всякого человека в мире, независимо от его культу-

ры, нации, места обитания, внешних условий существования, состояния здоровья, возраста, пола и т. д. А Сам Бог недалек от нас. Хотя все мы произошли от одной крови, но мы – род Его. Что это означает, мы постараемся понять из дальнейшего.

Теперь рассмотрим два рассказа о сотворении человека из книги Бытия.

Первый рассказ – *Быт 1:26–2:4а*. Здесь говорится о конце шестого «дня» и о седьмом «дне» творения, когда Бог «*пребывал в покое*».

«*День*» здесь, в первой главе, – это, не забудем, символ Богоявления, а «*семь*» – символ полноты и целостности Божьего мира.

«*Пребывал в покое*». Это, конечно, антропоморфизм, свойственный Библии. Отец Александр Мень в книге «Как читать Библию» объясняет, что это выражение здесь означает «конец особых творческих (а мы бы сказали – мироустроительно-созидательных) деяний Бога». В дальнейшем мы еще коснемся этого более подробно, а теперь перейдем отдельно к каждому стиху первого библейского рассказа.

Ст. 26. «*И сказал Бог: Создадим человека – Наш образ и Наше подобие, – чтобы он господствовал над рыбами в морях, и над птицами в небе, и над скотом, и над всею землею, и над всею живностью земной*».

Итак, человек творится силой слова Божьего. Это видно из слов «*и сказал Бог*», что и означает творение силой Божьей, или словом Его. Но в данном случае мы можем говорить и об участии ипостасного Слова Божьего, «Слова прореченного», «Которым все произошло», причем это творение происходит при особом Его участии (ведь «по плодам их узнаете их»), поскольку сотворенный человек сам становится словесным, т. е. он обладает словом, что есть величайшая особенность всякого человеческого существа.

«*Создадим*» – слово, которое стоит во множественном числе, ибо здесь слово «Бог» также стоит во множествен-

ном числе. Вспомним, что слово «Бог» (Элохим) стоит в так называемом *pluralis majestatis*, во «множественном числе величества», выражающим превосходную степень, ибо в данном случае речь идет не о каком-то боге вообще, а о едином всевышнем Боге.

Это «создадим» – на древнееврейском, конечно, «бара», в отличие от «аса». Здесь мы находим третье, последнее «бара», которое отличается от первого и от второго тем, что сотворению предшествует как бы особый «совет» Божий в Себе о Своем «образе и подобии», которым человек будет отличаться от всего прочего живого и неживого мира. Здесь Бог в Себе как бы советуется, говоря «сотворим», а далее сказано «и сотворил», чем подчеркивается особая значимость совершенного Богом творения человека.

Теперь надо сказать о важнейшем понятии – об «*образе и подобии*». Сказано «сотворим человека по образу и по подобию». Здесь «образ и подобие» – понятия синонимичные, но, по толкованию некоторых отцов церкви, не вполне, т. е. они не тождественны, ибо это обозначение как бы актуальной и потенциальной данности, касающейся духовной сущности человека, его места и роли в тварном мире. «Образ» уже как бы актуально дан, вписан в человека, «подобие» же потенциально ему задано. Мы скоро в этом убедимся сами.

«*Чтобы он господствовал*». Это говорится о человеке, притом в оригинальном тексте во множественном числе, хотя прежде речь шла о человеке в единственном числе. Здесь речь идет о некоей изначальной потенции, которая еще должна будет человечеством реализоваться: о единстве образа Божьего во множественности человеческих лиц.

В Превечном Совете Божьем предполагается и определенная роль человека в мире. Какая роль? Его «владычество» над миром, над «небом и землей», над всем «видимым и невидимым».

Ст. 27. «*Бог сотворил человека, образ Свой, Божий образ Он сотворил, мужчину и женщину сотворил*».

Вначале, при творении, говорилось об «образе и подобии» человека, а здесь сказано только об «образе». Не скрыта ли под этим выражением как бы некоторая неполнота? С одной стороны, мы знаем, что «образ» и «подобие» – синонимы. Если это так, тогда это сокращение оправданно, ибо и в понятии «образа» содержится то, чем предполагалось отличить человека. Но с другой стороны, мы помним о различии этих понятий, а значит, и о том, что богоуподобление человеку еще предстоит.

Слово «*человек*», аналогичное слову «мир», разобранному нами в прошлой теме, употребляется в двух главных смыслах:

- человек, которого непосредственно сотворил Бог и о котором говорится именно в этом стихе;
- тот человек, которого мы знаем, видим сейчас, которого эмпирически познаем в этом падшем мире: это часто падший, однако часто и спасающийся человек, но это уже несколько другой человек.

Нам очень важно каждый раз верно понимать, какой смысл заложен в словах «мир» и «человек». Какой это мир или человек? О каком человеке идет речь? О первозданном или нынешнем, известном нам из современного опыта жизни в падшем мире?

Человек, созданный, согласно первой главе Бытия, во вторую половину шестого «дня» творения, – это венец творения. Он увенчал собою и отразил в себе все творение. Он есть некое новое духовное, душевное и телесное единство, новая, особая целостность, неизвестная прежнему миру. Ведь духа в первомире не было, пока не было личных его носителей.

Человек был сотворен «по образу Божьему». Без образа Божьего человека нет, его просто не существует. Сто́ит этот образ, эту икону живого Бога, в нем истребить, уничтожить, разрушить, и человека не будет: либо он умрет физически, либо перестанет быть человеком, даже оставаясь в человекообразном теле. Поныне известна русская поговорка: «Если Бог хочет наказать человека, то

Он отнимает у него разум» (здесь – в качестве духа и смысла). Человек способен себя полностью разрушить, превратиться в животное, точнее, стать даже хуже, чем животное. Животное и без духа существует нормально, а человек нормально существовать без духа никак и никогда не может: тут он теряет и душу.

Богоуподобление человека, о котором мы уже начинали говорить, – это реальная потенция, данная каждому человеку. Как процесс – это исполнение им своего предназначения, в соответствии с заложенной в нем Богом при сотворении духовной потенцией. Человек должен был стать помощником Богу и личностно раскрыть в себе и мире свое богосыновство. Личность человека и есть основа его духовно-душевно-телесной целостности. Личность человека в своей полноте едина, она не делима даже на «полы» (как бы его «половины»). Сказано «мужчину и женщину сотворил их» – это значит, что в каждом человеке заложена своя целостность и гармония, в данном случае гармония мужского и женского. Это не патология, не гермафродитизм, не бисексуальность. Это то, что мистики с древних времен называли андрогинностью, некоей полнотой человеческой перволичности (андрогин – в переводе с греческого «мужеженский»).

Наконец, возникает вопрос: сотворенный человек – кто он был? Как нам его понять? Как соотнести с известными нам реалиями жизни? Это был некий конкретный человек, или это было все первочеловечество, или человеческое племя, человеческое стадо?

Нам очень важно, вникая в текст Священного писания, понять, что в точном соответствии с духом и смыслом Библии первочеловек – это в первую очередь конкретный человек. Почему? Потому что мы говорим о личности сотворенного человека, а поэтому не можем говорить о нем в родовых понятиях. Но, конечно, в этой личности содержалось и все потенциальное человечество. Он был и всечеловек, «Адам всеродный».

Потенциально в Адаме было все первочеловечество, всечеловечество, поэтому он и мог порождать себе подобных по плоти и по духу, начиная с «жены».

При непосредственном участии Бога и появляется «жена», актуализируя единство человека во множественности. Этому посвящен второй рассказ книги Бытия. Но завершим сначала первый.

Ст. 28. «*И благословил их Бог такими словами: Будьте плодовиты и многочисленны, заселяйте землю и обладайте ею. Господствуйте над рыбами в морях, и над птицами в небе, и над всеми животными земли*».

Вспомним, что в Превечном Совете Бог сказал человеку «чтобы они господствовали», а теперь первочеловеку говорится: «*будьте плодовиты и многочисленны, заселяйте землю*». Впервые Бог обращается лично к Своему творению, способному общаться с Ним и слышать Его. Начало этого благословения – благословение, подобное и даже равное благословению, данному всему животному миру (достаточно вспомнить Быт 1:22). Оно дается для утверждения в человеке принципа биологической и социальной жизни. Но далее говорится то, что относится только к человеку и более ни к кому: «*обладайте*» (всем) и «*господствуйте*» над всеми.

«Обладать» и «господствовать» можно по-разному. Мы часто воспринимаем это с негативными ассоциациями, потому что имеем опыт падшего владычества и обладания, того, как мы сами привыкли или желали бы владычествовать и обладать. Здесь же сказано совершенно иное, ибо человеку говорится о таком владычестве и обладании, которое сродни божественному. Бог обладает миром и владычествует над ним, любя и оберегая его, но безо всякого насилия над ним. Теперь этой заповедью утверждается и человек как помощник и заместитель Божий на земле, в мире. Исполнение именно этой заповеди и должно было вести человека к Богоуподоблению – в духе любви, свободы и творчества.

Ст. 29-30. «*И сказал Бог: Я отдаю вам в пищу все травы с семенами, какие есть на земле, и все деревья, приносящие плоды с семенами. А зверям и птицам, и живности земной – всем, в ком жизнь, – Я отдаю в пищу зелень растений. И стало так*».

Здесь говорится о пище, прежде всего – о пище человеческой. Обратим внимание: исключается мясо. Почему? Ведь уже были животные, почему же человеку не дается благословения на мясо? Потому что человека с первого мгновения его жизни питает Сам Бог и Его благодать. И Христос говорит ученикам: «Я имею пищу, которой вы не знаете». Такое питание благодатью покрывает одиночество, чувство старости и холода, что будет восполняться мясом тогда, когда человек отойдет от Бога и утеряет благодать.

Согласно Библии, заповедь, разрешившая человеку употреблять в пищу мясо, впервые была дана Ною. Все благословения этого стиха будут повторены и для Ноя, а значит, и для послепотопного человечества, но кроме того, ему будет дано и разрешение на мясо именно потому, что падший человек нуждается в мясе, если оскудевает его любовь к Богу и ближнему. И до сих пор церковь, признавая возможность для человека взять на себя подвиг ограничения, воздержания от мяса, не возбраняет его употребления, так как знает, что человек пал и восстанавливается в Боге не сразу. Церковь осуждает, даже отделяет от себя тех, кто считает, что брак, вино и мясо нечисты сами по себе, хотя и благословляет добровольное временное или постоянное воздержание от них ради личного или соборного духовного подвига.

Ст. 31. «*Бог оглядел Свое творение – оно было очень хорошо. Настал вечер, настало утро – шестой день*».

С человеком мир стал «*хорошим весьма*», т. е. очень хорошим. А раньше, согласно, например, ст. 25, он был просто хорошим, т. е. еще не очень совершенным.

Итак, мир стал весьма гармоничным и красивым, и поэтому Бог теперь может «почить» (Быт 2:2), так как имеет в нем человека – Своего личного заместителя и помощника.

Перейдем ко второму библейскому рассказу о сотворении человека – *Быт 2:46–3:7*.

«*Когда Господь Бог создал землю и небо, то не было на земле ни куста, ни травинки. Ведь Господь Бог не*

посылал еще на землю дождя и не было людей, чтобы ее возделывать. Лишь поток, что поднимался из недр, орошал землю. И создал Господь Бог человека из пыли земной, вдохнул в его ноздри дыхание жизни, и стал человек душою живою».

Весь рассказ, и в особенности ст. 5, апофатичен. Это удивительный пример библейского апофатизма: Бог создал кустарник, которого не было, и траву, которая не росла, ибо дождя не было, и человека не было.

Почему здесь дан апофатический рассказ о сотворении мира? Из-за особой, исключительной антропоцентричности этого рассказа. Без человека всё – еще только «прах земной», хотя он сам создается из этого же «праха», который потом, чуть ниже, будет назван, впрочем, «лицом» человека: «*вдохнул в его ноздри дыхание жизни*».

«*Вдохнул*». Это значит, что Бог как бы вложил Своим Духом дух в человека, тем самым создав из душевного лица-ипостаси («ипостась» в переводе с греческого дословно означает «подставка», как бы «носитель») духовную личность человека, навсегда неразрывно связанную с Богом.

А вот «*лицо*» человека, оно же «*пыль земная*» – это внешнее выражение «микрокосмичности» человека в полноте ее душевности и телесности, это его плотская «форма», его телесно-душевная структура.

Далее, «*дыхание жизни*». Бог вдыхает в человека, в его лицо что-то от дыхания Своей Жизни. И в итоге – это уже не просто биологическая жизнь, это личный дух жизни в человеке от Господа Духа Святого, животворящего. Этот-то дух жизни и делал человека не только Богосообразным, но и Богоподобным. Делал, но еще не сделал.

Итак, дух человека – это «душа живая»: «*и стал человек душею живою*», в отличие от простой души, свойственной животным, т. е. от простой биологической жизни (ведь в Библии душа и жизнь – синонимы). Поэтому человеческая «душа живая» – это уже как бы «благодать на благодать», т. е. дар жизни духовной на дар биологической жизни, что и отличает человека от бессловесной твари, от животных.

Из библейско-христианского понятия о человеке неизбежно вытекает то, что «познать самого себя» как человека и означает прийти к познанию истинного Бога как Творца мира, жизни и человека, т. е. образа Божьего в себе, способного к Богоуподоблению. Интересно, что уже во II веке св. Феофил Антиохийский на просьбу к нему: «Покажи мне твоего Бога» – мудро ответил: «Покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога». Это было большое дерзновение, к сожалению, редко встречавшееся в более позднее время. Действительно, по христианскому учению, человек – это поистине живая икона Бога, образ Божий, и можно, увидев икону Бога, которой является каждый человек, через нее увидеть и Бога, пусть еще и не непосредственно, не «лицом к лицу».

В познании человека, как и в познании Бога, возможны два подхода: апофатический и катафатический.

Если мы познаём человека катафатически, то можем сказать, что человек – образ Божий, живая икона Бога. Это выражается в его особой, уникальной духовности, духовности богосродной, а не какой-либо иной, и значит, в его добре, красоте, благородстве, единстве, любви, свободе, вере, радости, мире, свойственных всякому человеку, живущему по Богу и в Боге.

Познавая человека апофатически, мы можем сказать, что человек, подобно Богу, загадочен, таинственен, непостижим и несказанен.

Таким образом, тайна человека, так же как и тайна Божия, антиномична.

Хорошо выразил антиномичность тайны человека Г.Р. Державин в своей оде «Бог»: «Я царь, я раб, я червь, я Бог». Преодоление этой антиномичности происходит только в Богочеловеке Иисусе Христе и через Него.

Такое понятие о человеке как об образе Божьем требует живой веры в него, так как оно, как и Богопознание, требует живой открытости нашего сердца. Не случайно известный московский проповедник священник Всеволод Шпиллер часто повторял: «Христианство есть вера в Бога и человека». Это глубоко верно, но только при истинном

познании истинной Божественности и истинной Человечности, познании Бога и Человека.

Теперь рассмотрим следующий отрывок – *ст. 8-15*. Это рассказ о внутренней и внешней жизни первочеловека и о соответствующем ему месте обитания – рае, где бы человек мог благодарить Бога, в изобилии создавшего для него все «хорошо весьма»: сад, пищу, воду, простор, красоту и даже естественное богатство (ведь там упоминаются драгоценные камни и золото). Единственным делом, достойным человека в раю, было все это «возделывать и хранить».

Поговорим подробнее о каждом стихе этого отрывка.

Ст. 8. «*В Эдеме, на востоке Господь Бог насадил рай и поселил в нем человека, которого создал*».

«*Рай*». Как часто мы слышим это слово и совсем его не понимаем, а подчас именно из-за этого несознательно искажаем. Рай же есть «сад», это точный перевод слова «рай». А сад – идеальный символ самой лучшей и прекрасной человеческой жизни.

Рай находился в «*Эдеме на востоке*». Что такое Эдем? Древнееврейское слово «Эден» происходит от месопотамского «эдину́» – «равнина». А где это – «на востоке»? «Восток» – символ «страны восходящего солнца». В Библии «страна восходящего солнца» – Месопотамия, т. е. междуречье Тигра и Евфрата.

«*И поселил*». Здесь ст. 8 почти дословно совпадает с завершающим этот рассказ ст. 15: «*Поселив человека в Эдемском саду, чтобы он возделывал этот сад и берег его, Господь Бог дал человеку такой наказ*».

Ст. 9. «*Господь Бог вырастил в раю всевозможные деревья, приятные взору и с хорошими плодами, а посреди сада – дерево жизни и дерево познания добра и зла*».

Здесь мы уже начинаем опасное путешествие меж деревьев рая. Бог «произрастил», или по-другому – развил, довел до совершенства то, что «из земли», т. е. то, что вокруг человека и «внутри» человека. Вокруг же человека в раю все было «приятным на вид», а внутри него – «хорошим для пищи», чтобы человек и *по плоти* стал в

полноте «тем, что он ест», по выражению Людвига Фейербаха, т. е. совершенством в добре и красоте.

А *для духа* человека Бог произрастил два особых дерева, «питание» от которых было связано с особым условием – самым первым, еще доисторическим заветом, союзом, договором между Богом и человеком, и соответствующей ему заповедью.

«*Посреди рая*», в «сердце» его, росло «*древо Жизни*». Немного поясним это на примере самого человека. «Середина» человека – это его «сердце». Дух человеческий тоже не случайно называется сердцем, сердцевиной человека. Так и в раю была своя сердцевина, свое «сердце»; и «сердцем» рая было «древо Жизни» – сфера обитания Самого Бога и Жизни вечной, т. е. Сам Бог в Своем явлении человеку и соприсутствии. Приобщиться к «древу Жизни» – значит приобщиться к Богу, к Жизни вечной, к «Жизни в себе», познав Бога и Жизнь вечную и став ее обладателем и даже, в каком-то смысле, источником.

Первочеловек этой Жизнью еще не обладал: «древо Жизни» было, но человек до него как бы еще не дошел. Он лишь *мог* ею обладать – ведь он был в раю, и в раю же было это древо. Человек в себе еще не знал и не имел вечной Жизни, так как до нее еще «не дорос». Он еще не прошел требуемого при этом испытания (искушения), связанного именно с ее познанием.

Однако откуда видно, что, познав Жизнь вечную, становишься ее источником? Дело в том, что само слово «познать» означает в Библии приобщиться; и слово «приобщение» – по-славянски «причащение». А стать причастником Жизни вечной и значит стать ее источником, ведь Жизнь эта всегда «жительствует», и «жительствует» с избытком.

Итак, человеку еще предстояло свести свой ум в сердце и удержать его в сердце райском. Умом же райского человека, умом духовным, и было «*древо познания добра и зла*», которое стояло на пути к «древу Жизни».

А человек был еще «дитя умом», т.е. он был еще незрел. Он еще не научился самостоятельному познанию,

лишь только вступив «во владение миром». Он еще не знал, что сам путь познания двоится, что здесь по сути два пути. Можно пойти путем любви – путем непосредственного познания через духовно-экзистенциальное проникновение и вмещение всех и всего в открытое, «расширенное сердце», при котором «правая рука не знает, что делает левая». И можно пойти путем «познания добра и зла», при котором происходит распадение человека и всего остального мира на объект и субъект, что означает объективацию и охлаждение духа, души и тела человека и даже всей плоти мира.

Чтобы лучше понять это, нужно напомнить, что «добро и зло» в Библии – это тоже идиоматическое выражение, подобное выражениям, которые мы уже знаем: «плоть и кровь», означающее человека, «небо и земля», означающее весь мир, и т. д. «Добро и зло» тоже означает «всё», но это – «всё», могущее существовать только в падшем мире и человеке, распадавшихся на объект и субъект. Поэтому-то второй путь, путь «познания добра и зла», был закрыт для первого, еще не согрешившего, человека. «Познать добро и зло» означало приобщиться не только к самостоятельному познанию (что еще, может быть, неплохо), но приобщиться и к самим «добру и злу» (что всегда уже нехорошо), стать носителем и источником самих объективно-субъективных «добра» и «зла», а не только субъективно-объективного знания.

Ст. 10-14. «*Из Эдема вытекает река; она орошает рай, а далее разделяется на четыре рукава. Один из них называется Пишон, огибает страну Хавила – ту, где золото (хорошее золото в той стране, есть там и благовонная смола, и драгоценный камень шохам). Вторая река называется Гихон и огибает страну Куш. Третья река называется Тигр, она течет к востоку от Ашшура. Четвертая река – Евфрат*».

«Рай» – это и сад, и полнота тварного универсума (т. е. всей вселенной). В нем была «*река*», источник «воды живой» для всего мира. Но рай же – это сердце и центр мира, из которого исходят «*четыре реки*» как символ четырех сторон света.

Так что когда говорится, что из рая исходили «четыре реки», не надо смотреть на географическую карту и искать, где они протекают, тем более что на ней есть только две реки с теми же названиями. Достаточно знать, что это символ четырех сторон света, связанный с универсальностью, космичностью образа рая. Некоторым эти реки напоминают еще крест, но это тоже символическое, особое «всё».

Ст. 15. Выше уже цитировался текст этого стиха (при разборе ст. 8). Здесь говорится о первом, доисторическом завете Бога с Адамом – «*возделывать и беречь*» рай, «обладая» всем и при этом «владычествуя» над всем. Это означало, что Бог дарует человеку рай, а в ответ человек будет совершенствовать его и себя, исполняя свою творческую миссию на земле и в мире. Здесь в тексте нет напрямую слова «завет», как в других местах Библии, в которых говорится о заветах. Но тем не менее по своему духу и смыслу это воистину завет, хотя бы еще и доисторический.

Следующий рассказ связан с *главной заповедью первого Завета* Бога с человеком, с которой сопряжено духовное «питание» и возрастание первочеловека в «мужа совершенного», в богочеловека по дару благодати.

Ст. 16-17. «*И заповедал Господь Бог человеку: Ты можешь есть плоды любого дерева в этом саду, кроме дерева познания добра и зла. Не ешь его плодов: если съешь – в тот же день умрешь*».

Здесь дана заповедь, вполне соответствующая первому Завету. Если есть Завет, то должна быть и заповедь. «*Заповедал*» и значит «установил» в порядке, не знающем исключений. Заповедь – не просто «закон», а еще как бы «благой совет» и указание пути.

Этот путь вел прямо к «древу Жизни», будучи наградой за победу над «умным» искушением познанием «добра и зла». Еще можно было «обойти» это «древо познания добра и зла», можно было не приобщаться к добру и злу, можно было не вызывать к жизни в этом мире самое добро и зло. В потенции «древо познания добра и зла»

было, но эта потенция могла бы и не реализоваться. У человека была лишь возможность «пойти другим путем», путем нарушения заповеди, но обязательной нужды в этом не было.

Слова «*не ешь*» – это не ограничение человека, а утверждение его в Любви и Свободе, которые не могут быть безответственными. Ведь где нет рамок, нет, как известно, и ответственности. Не пойти по указанному Богом пути – значило выпасть из Царства Свободы в царство «добра и зла», а далее и в царство необходимости. Но такое нарушение заповеди и отказ от Пути с Богом и есть грех.

Ведь что такое грех? Как раз нарушение заповеди и отказ от единого пути к Богу и с Богом. К сожалению, и то и другое часто понимают очень усеченно, а часто вообще забывают о втором, воспринимая заповедь только в качестве закона, и тогда человеку многое не открывается в его духовной жизни.

Грех же ведет к рас-падению человека и мира, к победе хаоса и смерти. Об этом как о свершившемся и свершающемся «грехопадении» мы будем говорить в следующих темах, а сейчас приступим еще к одному, последнему в этой теме библейскому рассказу.

Ст. 18-25 – это рассказ о реализации, с Божьей помощью, одной из важнейших возможностей, заложенных в первочеловеке, – возможности перехода от единства в потенциальной множественности к действительной, актуальной множественности в единстве.

Ст. 18. «*Господь Бог сказал: Плохо человеку быть одному. Сотворим для него помощника, соответствующего ему*».

Пока данная человеку возможность единства во множественности и множественности в единстве не была реализована, что-то в этом мире было еще «*плохо*». Удивительно: Бог творит человека, творит мир, который «хорош весьма», а потом говорит «не хорошо». Это для нашей еще недостаточной трезвенности ума полезно помнить. Иногда мы слишком идеалистически смотрим на

миротворение и не допускаем ничего нехорошего в тварном, но Самим Богом сотворенном мире. Но Бог Сам говорит: «плохо». Здесь впервые мы слышим из уст Божьих слова о том, что осталось в Божьем мире еще нехорошо: «*плохо быть человеку одному*».

«*Сотворим*» – тут множественное число связано с «Элохим» во множественном числе.

А далее дан более подробный (по сравнению с рассказом первой главы) рассказ о сотворении «второго» человека, причем не с высших позиций, подчеркивающих богородность человека, а с низших, говорящих о «земном» в нем, а также о различии в творении мужчины и женщины, «первого» и «второго» человека на земле.

Ст. 19. «*Господь Бог создал из земли всевозможных зверей и птиц и привел к человеку, чтобы посмотреть, как тот назовет их. Так животные получили от человека свои имена*».

В связи с тем, что Господь творит помощника человеку, но не просто помощника, не робота, не машину, не животное, а помощника, «соответствующего ему», возникает потребность и необходимость в назывании, и тем самым опознании всех животных. Может быть, из сотворенных тварей уже был «помощник, соответствующий человеку»? Ведь во втором рассказе нет четкого различения между «сотворил» и «произвел» («бара» и «аса»). Здесь о человеке говорится «создал», что близко к «образовал», т.е. к тому понятию, которое в первом рассказе прилагается к животному миру. Остается неясным, кого можно считать «помощником человеку, соответствующим ему». Может быть, это образованные, как и человек, «из земли» животные, которые окружали его на земле и в воздухе?

Они-то и приводятся к человеку как к их царю для называния и сравнения с ним. Бог «*привел*» их к человеку, но сравнение показало, что соответственного ему помощника среди них не было. Человек называл животных, что означало быть на порядок и даже в принципе выше животных, так как знать чье-то имя в то время означало

иметь власть над ним и быть выше его. Неслучайно всегда были некие тайные имена. Не забудем, что в Ветхом завете имя Божье тоже было тайным. Его никто не знал и, тем более, никто не мог произнести. Это делал лишь один раз в год первосвященник, входя во «святая святых» (т. е. во святое святого).

Кроме того, имя выражает собой содержание жизни и предназначение называемого, именуемого. И таким образом, когда человек назвал всех окружавших его животных, тут же выяснилось, что он выше их и поэтому по содержанию своей жизни и предназначению животные не могут быть «помощниками, соответственными человеку». При этом греховной объективации в назывании, как это нередко бывает в нашем мире, могло и не быть.

Ст. 20. «*Всем домашним животным, всем птицам и зверям дал человек имена – но не нашел среди них помощника себе под стать*».

Вот результат именования. В этом стихе отразилась личностность самого первочеловека, поэтому здесь, возможно, впервые употребляется как личное его имя – Адам, т. е. если трактовать пространно – «сын Божий от земли». Такое имя – «Адам», а не «человек» – стоит в подлиннике, хотя в русском и славянском переводах это, к сожалению, в 20-м стихе не отражено.

Создание нового, «второго» человека снова потребовало от Бога творческой энергии. Это знак особой близости «второго» человека к Богу. Но кто есть этот «второй» человек? – Жена, хотя еще и не Ева. (Ева – «Хавва», т. е. «Жизнь». Имя «Ева» относится совсем к другой реальности, к совершенно другому образу жизни внутри жены уже как женщины. Не всякая жена – Ева.)

Ст. 21. «*Тогда Господь Бог погрузил человека в глубокий сон и вынул у него ребро, а место, где оно было, закрыл плотью*».

Если разобраться в символах этого стиха, то можно предположить, что здесь речь идет о соединении Адама в акте любви с созданием, противоположным ему по полу

и в то же время ему подобным, призванным стать при этом «вторым» человеком – «женой». Или, говоря словами автора книги «Как читать Библию», этот стих символизирует тесную близость тех, кто становится «одной плотью».

Ст. 22. «*Из ребра Господь Бог создал женщину и привел ее к человеку*».

Таким образом, Адамово избрание стало и Божьим созданием («*Из ребра Господь Бог создал женщину*»), как и сам Адам был созданием Божьим.

И тут Адам так назвал ее, что через это и выяснилось, что она, хотя и младше его, но в главном подобна ему, и поэтому она – «*помощница, соответствующая ему*» (ср. ст. 19, где «первый» человек Адам, этот как бы «Бог от земли», сравнивается с Самим Богом, в чем-то уподобляясь Ему).

Ст. 23. «*Человек сказал: Это кость от кости моей, плоть от плоти моей. Женщиною названа будет она, ибо взята из мужчины*».

Когда Адам назвал свою помощницу «женщиною» (по-древнееврейски это слово «ишша́», т. е. жена мужу своему, а «муж» на древнееврейском – «иш»), то и в именах этих выявилось их подобие.

Итак, «женщина» – не только носитель женского начала, но и, подобно Адаму, человеческая личность, сотворенная Самим Богом. Это говорит о том, что пред Богом они равны, как и их потомство.

Обратим на это внимание. Библия пусть не декларативно, но внутренне, по духу и по смыслу, говорит о равенстве мужчины и женщины, ибо Богом сотворен и тот и другой, пусть и несколько по-разному. Человек – мужчина – первородный андрогин – произошел из земли. Бог «вдохнул в его ноздри дыхание жизни, и человек ожил». А женщина сотворена через этого человека от Бога. Это очень важно, ибо вспомним, что не так уж много веков назад совершенно серьезно велась дискуссия, является ли женщина человеком. (Сейчас скорее женщина склонна задавать вопрос: а является ли человеком мужчина? Это,

конечно, не более чем маленький реванш, историческая компенсация, но такая, которая может привести к очень серьезным последствиям.)

Ст. 24. «*Вот почему мужчина оставляет отца и мать, и живет с женою, и становится с нею единой плотью*».

Эти слова мы еще услышим много раз: «муж и жена». Это – еще одна целостность и еще одно универсальное единство («*и становится... единой плотью*»). Но это единство возможно только при полном единстве духа брачной пары людей друг с другом и с Богом.

Ст. 25. «*Оба, и мужчина и женщина, были наги, но не стыдились*».

Адам с женой были «*наги*», но им нечего было стыдиться. Они были детьми Бога и природы (мира). Внешне они были похожи на человекоподобных, высших животных, а внутренне в них благоухал рай, расцветавший и вокруг них.

Но продолжалось это недолго. Искушение не было выдержано, произошло «грехопадение» (однако это уже V тема).

В заключение – кратко о том, каков же *главный смысл сотворения человека*. В чем он? В том, что Божье творение получило принципиальное завершение через воплощенный образ Божий, призванный стать еще и воплощенным духом и словом Божьим, богочеловеком, Божьим помазанником – Христом.

Человек в единстве с Богом должен был личностно совершенствовать себя и мир. Бог и человек непрерывно общались друг с другом и взывали друг к другу.

Человек стал посредником между Богом и миром, собою он завершил и увенчал все творение.

Но это было связано, в прямом и в переносном смысле, с «риском для жизни»: человек из сына Божьего мог превратиться в сына блудного.

Истинный человек должен был взять на себя ответственность за всех и за всё в этом мире, проявив «сердце милующее» по отношению ко всякой жизни, ко всему миру и всем себе подобным.

Только через человека могло и должно было прийти в мир Царство Божье Небесное и Жизнь вечная!

Итак, уверуем же и мы в человека как сообразный Богу венец творения, призванный к Богоуподоблению вместе с миром! Возлюбим всем сердцем всякого человека, равно мужчину и женщину, старика и ребенка, праведника и грешника, ближнего и дальнего, врага и друга! Поймем же, наконец, что, делая что-то для человека, мы делаем то же самое и для Бога, а делая что-то для Бога, мы делаем это и для человека – во славу Божью.

Господи, Боже наш, Отец наш Небесный, мы благодарим Тебя за творение человека, за то, что Ты вывел всех нас на свет Свой. Благодарим Тебя, Господи, за этот великий дар жизни, за этот великий дар духа, за то, что мы призваны из небытия в бытие, чтобы славить Тебя, Господи. Мы благодарим Тебя и за дар богоуподобления, за то, что мы можем возрастать в Любви Твоей, возрастать в Тебе, возрастать в полную меру того роста, которого Ты удостоил нас и к которому Ты призываешь нас. Господи, да будем мы тем, к чему Ты нас призвал, да будет каждый из нас достоин имени человека Божьего! Да будем мы, Господи, всегда с Тобою, пребывая в Любви Твоей как сотворенные Тобою люди Твои!

Аминь.

Тема IV

Священное божественное Писание и Предание и Священное писание и предание церкви. Ее писания и предания

Господи, Боже наш, Ты даешь нам Свое Откровение и призываешь нас познать Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа, чтобы наследовать Жизнь вечную. Господи, Ты открываешь нам тайну Слова Твоего и тайну Твоего Писания. Мы видим единство этого Писания в Духе – в том Предании, которое наполняет Слово Твое. Господи, дай нам быть носителями Твоего Предания, всего того опыта Церкви, который накоплен ею веками и тысячелетиями. Дай нам, Господи, не потерять ничего важного из того, что Ты дал и открыл нам и всему народу Твоему. Дай нам, Господи, не принять часть за целое, но во всем следовать за Тобою, в Твоей Церкви, которая есть «Полнота Наполняющего все во всем». Дай нам, Господи, быть храмами Твоего Духа и Твоего Слова во веки веков! Аминь.

В О ВТОРОЙ теме мы уже говорили, что основная форма выражения в слове всего накопленного человечеством опыта божественного Откровения и Богопознания – это Священное божественное Писание, а основной формой его хранения в Духе и передачи (трансляции) является Священное божественное Предание. Под Священной Историей мы понимали сам этот накопленный человечеством в истории опыт божественного Откровения и Богопознания.

Это Священное божественное Писание и Предание «живо и действенно» в Священной Истории. И поскольку оно живо и действенно и является живым общечеловеческим опытом, Священное Писание Церкви растет – через дальнейшее божественное Откровение, через пророчество в ней, а Священное Предание Церкви накапливается – через дальнейшее в ней Богопознание, через гносис в Церкви, через ее боговедение и боговидение.

Рост и передача опыта божественного Откровения и Богопознания, рост и передача другим божественного Писания и Предания выражает стремление к их исполнению, и отсюда их внутренняя преемственность, ведь в этом процессе не должно быть никаких разрывов, не должно быть такого нового Откровения и такого нового Бого-

познания, которые бы противоречили прежде данному и воспринятому. Преемственность божественного Писания и Предания Церкви предполагает лишь их углубление и расширение, но не разрыв и противоречие в них.

Прекрасный богослов и мыслитель и, можно сказать, один из святых праведников нашей церкви, Алексей Степанович Хомяков, живший в первой половине XIX в. (к сожалению, он не вполне еще понят и оценен в церкви), писал, что Священное Писание Церкви – это «всякое Писание, которое Церковь признает своим», т. е. соответствующим ее Священному Преданию, ее целостному опыту Богопознания.

По Хомякову, «Писание – не иное что, как Предание начертанное (т. е. его смысл), а Предание – не иное что, как живое Писание» (т. е. его дух).

Писание и Предание, как Священное и божественное, существуют только в полноте Церкви (с заглавной буквы). Это главное условие их существования. Иначе это только человеческий смысл и дух, и их плоды – только исторические, культурные, литературные, национальные и тому подобные памятники. Например, даже Библия для неверующего человека является таким памятником. А для нас это великий дар и плод Священного божественного Писания и Предания.

Хомяков говорил: «Только тот может понять пророка, кто сам пророк», т. е. кто сам так или иначе причастен в Духе подлинному божественному Откровению и Богопознанию. Отсюда следует вывод, на который многие до сих пор не могут решиться: в Церкви должно быть не Писание *или* Предание, а Писание *и* Предание, ибо в ней есть и Слово и Дух, и Откровение и Познание, и они *вместе* являют нам Полноту Духа и Истины в Боге и Церкви. Но эти Слово и Дух не тождественны *букве и Духу,* часто противоречащим друг другу, ибо Слово всегда духовно, а буква – еще нет.

Лучшей формой хранения в церкви и передачи другим Священного божественного Предания и выражения в ней

Священного божественного Писания Церкви является *Священное церковное предание* и *Священное церковное писание*, целиком освященные Богом и Церковью в церкви, хотя и сохраняющие чисто земной, человеческий элемент.

Священное церковное писание и Священное церковное предание церковью строго определены и тем самым ограничены и закрыты, в отличие от всегда растущего и открытого Священного божественного Писания и Священного божественного Предания.

Священное церковное писание – это все тексты Библии, т. е. как бы «письмо Христово», однажды написанное Церковью для церкви, т. е. апостолами и пророками для всех Божьих чад и для всего Божьего мира, которые живут в мире сем в историческом времени.

Священное церковное предание, которое соответствует Священному церковному писанию, – это тот дух богочеловеческой жизни Церкви, который был признан церковью неизменной основой всей человеческой жизни, самой Церкви и всего мира.

Кроме Священного божественного Писания и Священного церковного писания, есть еще *писания Церкви*, т. е. все остальные тексты, мысли и другие словесные формы, имеющие хотя бы какое-нибудь положительное духовное значение в жизни Церкви и более или менее освящаемые и признаваемые «своими» церковью (со строчной буквы), церковью канонической, догматической и мистериальной.

Предания Церкви – это все остальные духовные принципы, так или иначе влияющие на конкретно-историческую богочеловеческую жизнь Церкви и церквей со всеми их живыми, хотя и частными, традициями.

Далее, нам надо знать, чем является наша Православная церковь – церковью более Писания или Предания? Мы – православные, и независимо от того, кто из нас полный, а кто неполный член церкви, всем необходимо понимать, что такое реальное Православие.

Православие можно рассматривать как бы в двух аспектах. Во-первых, Православие рассматривается как кон-

фессия (вероиспове́дание), т. е. как «Восточная греко-российская церковь» – так ее называли до начала XX в. По Божьей воле сложилось так, что в России это по преимуществу церковь, сориентированная на Церковь Священного божественного Предания, но не только церковных преданий и даже Священного церковного предания, как многие думают. Православие как конфессия главным образом сориентирована на Церковь Духа Святого, Церковь Богопознания, Церковь гносиса и потому часто – догмы. Увы, эта историческая особенность ряда древних поместных церквей из-за разделения церкви на Западную и Восточную со временем превратилась и до сих пор иногда превращается в их ограниченность. Это призвание Восточной церкви осуществляется нередко в ущерб призванию Западной и, значит, в ущерб Священному божественному Писанию, Богочеловеку и воплощенности Богочеловечества, в ущерб праведности, исповедничеству, учительству и пророчеству, т. е. в ущерб божественному Откровению в его Священной Истории.

Во-вторых, православие мы можем рассматривать просто как Православие в его полноте, т. е. как синоним истинного Христианства в его полноте и, значит, в соединении обеих основных сторон жизни «Восточной» и «Западной» церквей, в их гармонии и единстве жизни во славу Божию.

Поясню подробнее, что это практически означает. Мы знаем, что в нашей традиции нередко не хватало праведности, часто простой, элементарной праведности, даже простой общечеловеческой правды и справедливости, не говоря уже о правде более высокой. Нередко мы, православные люди, ценящие Дух, Богопознание, духовность и предание, оказываемся далекими в своей личной жизни от правды, далекими от праведности. Как часто мы отказываемся также от исповедничества, от признания пред людьми своей веры, чего требует от нас Евангелие. Признания – в смысле исповеднической ее проповеди. Так же часто мы, православные, отказываемся и от учительства, почему в наше время народ в церкви практически весь

оказался ненаученным. Часто мы отказываемся и от пророчества за счет гносиса. Гносис – да, Богопознание – да, а пророчества, требующего активности, полной отдачи себя на служение, в том числе и внешнее (больным, ущербным, обществу, да и всем, требующим восстановления правды и справедливости в этой жизни), – этого в историческом «восточном» православии после разделения церквей мы не находим, или, точнее, находим только как исключение из общего правила. Это заметно и сегодня в нашей Русской православной церкви.

Однако, отмечая эти исконные недостатки нашей церкви, исторические родовые недостатки православия как конфессии, как одного из исповеданий христианства, а не Православия в качестве полноты Христианства, к которому мы с вами тоже хотим принадлежать, многие люди часто забывают о множестве уникальных положительных сторон жизни нашей церкви. Я снова здесь имею в виду нашу церковь как церковь Предания, церковь Богопознания, церковь Духа Святого, ведущую нас по пути внутреннего богоуподобления.

Вот об этих двух сторонах Православия нам надо помнить и их знать. А заодно необходимо осознать, что разделение «западных» и «восточных» церквей – грех, что оно чуть не поделило Истину Богооткровения с Истиной Богопознания.

Конечно, это не означает, что для православных теперь стало важно только божественное Предание, а божественное Писание для нас уже неважно. Да, у нас нередко Священная История раскрывается более в части познания и духовного опыта, но тем не менее она у нас есть, и полнота Церкви в Православии, пусть часто лишь в потенции, – живет. И когда нам приходится сталкиваться с заявлениями о неистинности, безблагодатности и т. п. нашей церкви, мы должны понимать, откуда они происходят, и свидетельствовать, что у нас тоже есть приобщенность к полноте Истины. Поэтому, если вы услышите, особенно от представителей западных конфессий (а это можно иногда слышать и от католиков, и от протестантов), резкие

выражения по отношению к нашей церкви, что у нас чего-то в принципе нет и, значит, мы как бы уже и не истинная Церковь, то вы должны понимать, в чем и почему они неправы.

Начнем теперь более подробный разговор о Священном церковном писании.

Священное церковное писание – это Библия, а Библия – это «книги» (др.-греч. βίβλος – книга). О значении Библии говорится в ней самой – во 2-м Послании к Тимофею. Когда писалось это послание, тогда в нем подразумевались только книги Ветхого завета, но потом оно само вошло в канон книг Нового завета, которые были признаны церковью как ее Священное писание, и таким образом получилось как бы «самосвидетельство» Писания о Писании.

В 2 Тим 3:16-17 говорится: «*Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен*».

«*Все Писание богодухновенно*». А что такое «богодухновенность»? Часто она понимается неверно. Богодухновенность – это не формальная, а духовная сторона Священного церковного писания, означающая внутреннее его соответствие Священному церковному преданию и его принципиальную непротиворечивость с истинным Священным божественным Писанием и Преданием. Поэтому богодухновенность Библии не означает, что авторам Библии ангел или даже Бог на ухо шептал или диктовал текст, а они, как механизмы или посредники, записывали, медиумически и магически воспринимая его. Священное писание создано людьми, но не просто людьми, а людьми, жившими в Духе Святом и знавшими божественное Откровение. Поэтому всем христианам, начиная с оглашаемых, надо постоянно углубляться в знании и познании Священного божественного Писания и Предания, особенно через Священное церковное писание и предание в Библии.

Но что есть Библия по своему *составу*? И что есть в ней Ветхий и Новый завет в их *связи и различии*?

Как вы знаете, Библия состоит из Ветхого и Нового заветов. Об их взаимосвязи и различии также говорится в самом Священном писании: «*Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил*» (Евр 1:1-2).

Из этих слов ясно, что к Ветхому завету дорога идет через Новый завет, а не наоборот. Поэтому если мы хотим понимать и принимать Ветхий завет, но при этом не хотим отходить на позиции лишь Ветхого завета, то мы должны идти к нему через Новый завет. Христианские школы и учителя Закона Божьего делали большую ошибку, когда поступали наоборот. Они начинали с Ветхого завета и медленно шли к Новому, поэтому часто так и оставаясь на уровне Ветхого. Как сказано у Н.С. Лескова в «Однодуме», если человек «до Христа дочитался», то считалось, что он становится как бы немного «сдвинутым», ибо живет уже не «как все». А «все» тогда чаще всего ни в жизни, ни в учении до Христа так и не добирались...

Полная Библия *состоит* из 50 книг в Ветхом завете (39 канонических и 11 неканонических) и 27 – в Новом завете (в котором ныне есть только канонические книги). В Ветхом завете неканоническими могут быть и отдельные части канонических книг (например, в книге Есфири, в Псалтири, в книге пророка Даниила). Когда-то в древности неканонические книги входили в состав и Нового завета, но потом они составили корпус других книг, например «Писаний мужей апостольских».

Нельзя путать неканонические книги Библии с *апокрифами*. Апокрифы несут в себе сильный волшебно-сказочный и (или) еретический элементы, а неканонические книги полезны для чтения, назидательны, они входят в Священное писание, но они не признаны церковью непререкаемой основой вероучения, т. е. источником ее веры. Итак, вероучительного авторитета неканонические кни-

ги Библии не имеют, но имеют преимущественно жизнеучительный и назидательный авторитет.

Обычно весь Ветхий завет делят на три или четыре больших раздела.

Вот «*функциональное*» деление всех его книг на четыре раздела:

- *Законоположительные* книги. Это Закон – Торá (Пятикнижие Моисея – от Бытия до Второзакония).
- *Исторические* (от Иисуса Навина до Иудифи).
- *Учительные* (от Есфири до Премудрости Иисуса, сына Сирахова).
- *Пророческие* (4 больших и 12 малых пророков – от Исайи до Третьей книги Ездры).

Подобным же образом иногда делят и Новый завет:

- *Законоположительные* – Четвероевангелие.
- *Исторические* – Деяния свв. апостолов.
- *Учительные* – все послания апостолов (7 соборных и 14 апостола Павла).
- *Пророческие* – Апокалипсис, или Откровение ап. Иоанна Богослова.

Конечно, такое деление – некоторая натяжка, и это понятно, если вдуматься, например, в различие самого понятия «закон» в Ветхом и Новом заветах. Поэтому, если мы называем Законом Пятикнижие Моисея, то назвать точно так же Четвероевангелие мы не можем, так как оно иное по своему содержанию, духу и смыслу.

Но существует и другое – «*смысловое*» – деление Ветхого завета (без неканонических книг) на три раздела.

- *Закон,* т. е. та же Тора, Моисеево Пятикнижие.
- *Пророки* – старшие (ранние) и младшие (поздние).
- *Писания.*

О первых двух разделах говорится в Новом завете: «В этом весь закон и пророки». При этом делении к стар-

шим пророкам относятся «исторические» книги Иисуса Навина, Судей, 1–4 Царств (или, как они называются в еврейской традиции, 1–2 Самуила и 1–2 Царей), а к младшим – три великих пророка (без Дан) и двенадцать малых.

К писаниям относятся все учительные и часть исторических и пророческих книг: Псалтирь, Притчи, Иов, Песнь Песней, Руфь, Плач, Екклезиаст, Есфирь, Даниил, Ездра, Неемия, 1–2 Паралипоменон (Летописи).

Ветхий и Новый заветы рождены одним Духом, в них содержится *единое* Священное церковное предание. В них открывает Себя один и тот же Бог, но по-разному, ибо различным было духовное состояние людей, воспринимавших Его Откровение. Это разные страницы одной священной истории.

Когда была написана Библия? Ветхий завет создавался очень долго. Как текст он писался от XII в. до н. э. (самый древний записанный текст, как обычно считают, – песнь Деворы в Книге Судей) до II–I вв. до н. э. (книги Премудрости), т. е. более тысячелетия. Новый завет писался с середины до конца I в., некоторые части могли быть написаны или доработаны на границе I–II вв.

В Ветхом завете речь часто идет о событиях более древних, чем то время, в которое они были записаны. Например, в книге Бытия говорится об Аврааме, который жил в XIX в. до н. э., хотя сама книга Бытия писалась в X–V вв. до н. э. Это огромный разрыв во времени. Значит, все то, что было позже записано и обработано в книгах Библии, сперва долго передавалось устной традицией.

У книг Библии есть *авторы*, хотя часто те, чьими именами они надписаны, жили раньше, чем эти книги писались. Так, первые пять книг приписаны Моисею. Но сам он жил в XIII в. до н. э., а самые древние тексты Библии, да и то вне рамок Пятикнижия, были написаны лишь в XII в., и значит, ни одна из этих книг не написана Моисеем собственноручно.

Как это объяснить? Дело в том, что авторство библейских книг – не чисто личное, как это обычно бывает в наше

время. В древности автор – это родоначальник духа и традиции, отраженной в тексте. А конкретные авторы, редакторы и переводчики текстов Священного писания должны были сохранять в них Священное предание родоначальника.

Если это так, то книги Пятикнижия имеют личное отношение к Моисею, хотя там ему не принадлежит ни одной строчки, ибо их традиция, дух и смысл в большой степени имеют своим родоначальником именно его. Редакторы и переводчики должны были сохранять его традицию, и они это делали. И хотя у каждой книги было много редакторов – ведь веками редактировались эти книги, – тем не менее Библия от этого нисколько не страдала. Отсюда, в частности, нам должно быть ясно, что всегда возможны любые переводы Библии, если только они верны ее глубинному духу и смыслу, если в них в этом нет противоречия с оригиналом.

Конечно, Библия имеет свой «*святой язык*». Язык Священного церковного писания – Священное божественное Писание и Предание в нем. Это не просто тот или иной человеческий *язык оригинала*, которых на самом деле было всего три: древнееврейский, арамейский и древнегреческий. На древнееврейском была написана основная часть книг Ветхого завета, на арамейском – частично 1 Ездры, Даниила и, может быть, большая часть неканонических книг, на древнегреческом – почти весь Новый завет.

Как складывался *канон Библии*? Канон книг Ветхого завета сложился очень поздно, в самом конце I в. новой, христианской эры. И далее он продолжал уточняться, но уже как иудаистский канон, вплоть до VI в., когда была проведена и принята огласовка всего текста. До этого весь текст был записан без гласных, в нем писались только согласные. Чтение такой записи принадлежало традиции.

Канон книг Нового завета в основном сложился в середине II в., хотя уточнялся до начала V в., т. е. почти полтысячелетия. Некоторые книги после долгих споров были в него включены, а некоторые из него исключены. Те книги, которые с апостольской древности I–II вв. читались в

христианских храмах и поэтому входили в Новый завет, но потом были исключены из него, и называются неканоническими книгами Нового завета. Это – послания святых Климента Римского, Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского, Послание апостола Варнавы, Апокалипсис апостола Петра, «Пастырь» Ерма и «Дидахи» (т. е. «Учение 12 апостолов»). Все эти тексты сохранились до наших дней. Они были исключены из канона Нового завета на серьезных основаниях, но сохраняют свое большое значение, хотя уже и не являются непререкаемыми источниками нашей веры.

Книги Ветхого завета имеют как бы свои *жанры*. Вот основные из них: прежде всего, это притчи, назидательные сказания, исторические тексты, летописи, эпос и пророчества. При чтении Библии о них надо помнить, чтобы лучше понимать текст, так как в зависимости от того, к какому жанру принадлежит тот или иной текст, будет определяться и подход к нему, а следовательно, и методы его толкования, которые могут быть разными. Ведь в одних случаях надо понимать текст дословно, а в других – нет, особенно если в них употреблены поэтические образы, символы и гиперболы. Здесь мы специально не называем аллегории, так как аллегоричность в чистом виде в целом не характерна для Библии.

Далее, каков характер библейского языка? *Язык Библии* часто мифологизирован, т. е. он использует особые условные образы и символы, которые восходят к коренным человеческим архетипам. Эти библейские мифы – особые, они существуют, как правило, без подробностей и фантазий. Они не лгут, не рассказывают сказок, хотя и не говорят ни о чем прямо. Они позволяют передать на человеческом языке, т. е. в душевной форме, духовное содержание текста, его целостный смысл и дух (т. е. Священное предание). Поэтому Библия не устаревает и не устареет никогда. Нам надо только верно подобрать к ней ключи, найти к ней правильный подход.

Библию в принципе нельзя «демифологизировать», можно только перевести ее с одного мифологизированно-

го языка на другой. Что мы и делали, например, когда говорили о первых двух главах Бытия. Вы слышали то же, что и в Библии, но только на современном языке, который тоже мифологизирован, хотя мы пока этого не замечаем, так как он для нас привычен. Вообще нельзя говорить о духовном, кроме как языком мифа. Конечно, миф может быть и сказкой, но он может ею и не быть. Библия мифологизирована, но ее канонические тексты – не сказки.

Как можно *толковать* Библию? Все известные нам *методы* ее толкования лишь дополняют друг друга. И здесь нужно использовать все допустимые методы. Только тогда можно будет получить ясную картину словесного откровения.

Обычно выделяют следующие традиционные методы толкования.

- *Телесно-буквальный* (так называемый «антиохийский»), признающий главным образом лишь *прямой* смысл текста. Сюда же относится *душевно-этический* метод, который часто используется в проповедях, когда из текста Библии выводят в основном этические, актуально подходящие для слушающих рекомендации.
- *Символическо-аллегорический* (так называемый «александрийский»), который еще называют *духовным* и который выявляет глубинный, но сокровенный смысл текста. В этом методе есть много положительного, но существует в нем и опасность произвола. Когда мы ищем за прямым смыслом текста смысл неявный, легко теряется духовный критерий Истины, и тогда от подлинного смысла и духа текста можно уйти в фантазии. И здесь трудно будет что-либо доказать, так как в ответ всегда можно услышать: мол, я так вижу и чувствую. В истории было много подобных примеров. Этот метод нередко одних приводил к ереси, но все же других – к глубочайшему опыту познания себя, Бога, жизни и мира.
- *Типологический (прообразовательный)*, когда в сюжетах Ветхого завета видят прообразы каких-то вещей,

характерных, скажем, для эпохи Нового завета. Он был очень развит среди отцов церкви. Его родоначальники – члены общины кумранитов в Палестине еще дохристианского времени. Этот метод толкования относит образы Библии не к одному, а к различным этапам истории, таинства спасения, т. е. Священной Истории, и имеет большое значение для понимания духовного единства Библии.

Существуют еще два относительно новых метода – *литературно-критический* и *историко-богословский*. Будем внимательны: слово «критика» здесь употребляется в значении анализа, т. е. метода литературного исследования текстов Библии, а не в смысле деструктивного тотального критического отрицания.

Оба эти метода используют результаты научных, археологических и исторических работ. Оба метода дали новый материал, говорящий о времени и истории возникновения библейских книг, внесли ясность и в основные понятия *библейского богословия*.

Эти методы толкования в нашей церкви развиты пока еще мало в связи с нашим отставанием по разным причинам в области библеистики. И все же не случайно замечательный философ и богослов первой половины XX в. о. Сергий Булгаков в книге «Православие» писал: «Церковь не только не преграждает пути изучения слова Божия *всеми* доступными способами, и в частности, современными средствами научной критики, но и не предрешает наперед выводов этой критики. Православному сознанию нет оснований бояться библейской критики или смущаться перед ней, потому что через нее лишь конкретнее становятся постижимы пути Божьи и действие Духа Божия».

Уже первые христиане регулярно собирались, чтобы, «*разбирая Писание*», как сказано в самом Писании, совершенствоваться в познании Господа. Когда же мы эту практику переносим в наши условия, нам необходимо помнить о различии между *толкованием, трактовкой* и

индивидуально-личным пониманием текста, т. е. чьим-либо частным мнением.

Когда мы самостоятельно читаем текст, то мы имеем индивидуально-личное его понимание. Даже если в нашем понимании будут ошибки, это не приведет еще к ереси и не станет чем-то особо духовно опасным. Человек здесь, как в школе, только приступает к изучению предмета. Если он скажет, что дважды два – пять, его, не делая трагедии, поправят и пойдут дальше.

Трактовка – это более серьезный подход. Он имеет значение уже не только для небольшого собрания людей, но и для той или иной части церкви. Это мнение в церковной традиции уже обретает какой-то авторитет.

Только толкование в полном смысле слова может претендовать на общецерковную значимость. Поэтому именно в этой области, на этом уровне и могут рождаться ереси. Сейчас для нас толкование практически недоступно, ибо, к сожалению, наше время почти совсем нетворческое, и поэтому новых толкований, даже в чем-то ошибочных, практически никто в мире пока не рождает.

Впрочем, ошибок в понимании Священного писания, пусть и на более частном уровне, довольно много, даже у тех, кто всю жизнь занимается изучением Писания, – причем подчас ошибок грубых, иногда в самой методологии, в самом подходе к изучению Писания. Одна из них нами выше уже упоминалась, когда мы говорили, что демифологизация библейского текста невозможна, что даже такой задачи никому ставить не следует. Тем не менее почти все западные церкви с середины XX в. были увлечены именно ею. Р. Бультман и его последователи ставили перед собой и другими именно такую задачу. Когда на одной давнишней встрече с представителями западных церквей мне пришлось говорить, что демифологизация не нужна, что это абсурдно, этого совсем не поняли, вероятно, считая, что это мы тут безнадежно отстали от жизни. К сожалению, библеистика у нас действительно развита слабо.

Священное писание Церкви – едино и единственно. Это – Библия, и из нее ничего нельзя ни убрать, ни в нее

добавить. Но ведь христиане в Церкви продолжали и продолжают мыслить, говорить и писать, – например, святые отцы. Их труды – это те или иные формы церковных писаний.

Писания Церкви многообразны. Вот их основные виды.

- Писания *святых отцов* – мужей апостольских и апологетов, учителей церкви, отцов-аскетов, догматистов и канонистов, в том числе отцов признанных церковью вселенских и поместных соборов, святых авторов литургических чинов и молитв, проповедей и песнопений, храмов и икон.
- Писания Церкви как плоды *ее соборного творчества*, особенно литургического и символического. Например, очень важный текст – Символ веры. Он не принадлежит никому отдельно. Раньше во всех церквах были свои подобные символы. Но в нашей церкви существуют также и другие признанные символические тексты, такие как «Послание восточных патриархов» (1848 г.), «Православное исповедание» митр. Петра Могилы, «Катехизис» свт. Филарета Московского.
- К писаниям Церкви относятся также важные по содержанию и своей исторической роли *тексты известных христиан,* не принадлежащих к святым отцам. Это лучшие апокрифы и писания известных церковных учителей (Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена и других), церковных историков (например, Евсевия Кесарийского), представителей школьной богословской науки и школьного богословия, церковной публицистики, критики и т. д.
- К церковным писаниям относятся и писания *всех остальных верных христиан*. К примеру, мы можем сами вдохновиться и написать какое-нибудь письмо другу, но только именно как христиане, в христианском духе. Это тоже может входить в писания Церкви, хотя и будет иметь значение только для нас двоих, а возможно, и еще для кого-то, если когда-нибудь оно будет распространено или опубликовано как наше эпистолярное наследие.

Конечно, не всё в церковных писаниях равно священно, причем это неравенство – не только между приведенными выше четырьмя разделами, но и внутри них. Даже у одного и того же святого отца или в одном литургическом последовании можно найти тексты разной духовной глубины и, тем самым, разной церковной ценности. Конечно, в известной степени это относится и к самому Священному церковному писанию, к Библии, ведь и в ней ценность текстов бывает неодинакова.

Граница между Священным писанием и писаниями Церкви условна и относительна. Например, в Эфиопской церкви в Новый завет до сих пор входят еще Писания мужей апостольских, Писания апологетов и даже постановления I, II и III Вселенских соборов. В нашей церкви мы благоразумно остановились на апостольской эпохе, а в Эфиопской церкви все важные церковные духовно авторитетные тексты независимо от времени их создания подшивались воедино. При заключении канона книг Священного писания мы остановились где-то на границе I–II вв., а они – на рубеже IV–V вв.

Этот пример говорит об условности границы между писаниями Церкви и Священным церковным писанием. О том же писал и известный наш богослов XX в. В. Лосский в статье «Предание и предания»: «Иконы Христа, так же как и догматические определения, могут быть сближены со Священным писанием и получать то же почитание, потому что иконография показывает в красках то, о чем написанными буквами благовествуют слова».

Все писания Церкви, начиная со Священного, существуют, чтобы, по словам св. апостола Иоанна Богослова, «*вы имели общение с нами, а наше общение – с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом*» и «*чтобы радость ваша была совершенна*» (1 Ин 1:3-4).

Все писания Церкви учат ее преданиям, которые, в свою очередь, как мы уже говорили, будучи выражением опыта Богопознания, удостоверяют степень истинности их, как и всех вообще форм божественного Откровения. Как пи-

шет апостол Павел, «*итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим*» (2 Фес 2:15). Только эти апостольские «слова» и «послания» нельзя путать с их *буквой*, ибо, по слову того же апостола, «*буква убивает, а дух животворит*» (2 Кор 3:6).

Для нехристиан любое писание Церкви – только буква, поэтому оно неизбежно ими профанируется, что может считаться большим грехом. Поэтому церковь с древнейших времен запрещала «выдавать» нехристианам текст Священного писания. И если в III в., например, епископ даже пред лицом гонений и перед угрозой смерти отдавал язычнику Библию или Евангелие, его лишали сана и называли «тради́тором», т. е. предателем.

Мы часто об этом не помним и потому сразу даем Библию любому интересующемуся. Но этого делать нельзя, ибо, повторяю, для нехристиан этот текст не является священным, т. е. требующим не просто формального почитания, а внутреннего и ответственного восприятия. Нам нужно стараться проповедовать неверующим на основе Евангелия живым словом, и почти никогда нельзя будет перейти границу в сохранении святыни, если только в нас самих есть Дух Святой и внимание к ближнему. Не случайно в церкви для всех верующих есть особое посвящение – крещение, которое «эзотерично». Из некрещеных только оглашаемым и просвещаемым дозволено читать тексты Священного писания, так как они уже стали христианами, членами церкви, хотя еще и неполными.

Как мы уже говорили, в церкви существует Священное церковное предание, которое всегда соответствует духу Священного церковного писания, духу Библии, выражающемуся в духовных принципах христианской жизни. Конечно, и основные виды *преданий Церкви* соответствуют основным видам ее писаний, и поэтому также не всё в них равно священно.

Эти предания могут быть выражены на письме и могут быть не выражены нигде и никак, кроме одной практики христианской жизни. Все они могут жить века и

тысячелетия или отмирать очень быстро, могут существовать на всех уровнях церковно-институциональной и неинституциональной жизни.

Мы сказали много хороших слов о церковных писаниях и преданиях, но почему в Евангелии мы иногда встречаем осуждение «*преданий старцев*»? Да, Господь действительно строго осуждает «*предания человеческие*». Почему же? Потому что любым писанием Церкви и еще более ее преданием легко злоупотребить. Такое *злоупотребление* становится возможным при «неразличении духов», при смешении преданий разной ценности, при недолжном противопоставлении преданий, при внесении их как «чуждого огня пред Господом», т. е. как чуждого Богу духа через какие-либо неистинные предания, или же при забвении божественного и важнейшего ради слишком человеческого и незначительного, что порождает своих книжников, фарисеев и лицемеров.

Как сектантское отрицание, так и гипертрофия преданий Церкви в церкви, как правило, основаны на неразличении этих преданий, Священного церковного предания и Священного божественного Предания. Отрицание с порога преданий Церкви – это грубый «протестантизм». Многие его представители говорят, что все предания – лишь «предания человеческие» и поэтому они никому не нужны. Это и есть признак духовного сектантства. Но, повторим, и гипертрофия преданий отцов и старцев, которые в реальной жизни некоторых христиан становятся чем-то самым главным, так что при этом они забывают и про Библию, – это тоже признак опасного духовного сектантства.

Чтобы войти в Священное божественное Предание, нам необходимы особые *усилия*. Также нужны усилия и чтобы войти в Священное божественное Писание. Вспомним, что об этом говорится в Евангелии: «*От дней Иоанна Крестителя и доныне Царство Небесное терпит насилие, и употребляющие силу овладевают им*» (Мф 11:12). Поэтому нам необходимо творческое усвоение всего цер-

ковного опыта Богопознания на всех, но особенно на высших его уровнях. Это и значит обрести способность рассуждать в свете Духа Святого, а не только по собственному разумению.

Нам всем нужно учиться рассуждать в свете Духа Святого. И как здесь не вспомнить слова прп. Серафима Саровского о цели христианской жизни, говорившего, что она не заключается ни в постах, ни в бдениях, ни даже в молитвах и таинствах, а в стяжании, приобретении Самого Святого Духа Божьего. А всякое приобретение начинается с труда и молитвы.

Так рождается живая вера, ведущая за Богом, т. е. та духовная атмосфера, в которой мы идем за Христом правильно – «право-славно». Не случайно епископ Таврический Михаил (Грибановский), святой праведник, один из лучших русских богословов конца XIX в., говорил: «Бог – Тот, за Кем мы идем, а не то, что признаем».

Да будет же и в нас и через нас так расти Священное Писание и Священное Предание Церкви, как это было в ней изначала!

Господи, Боже наш, благодарим Тебя за то, что Ты дал нам духа терпения и разумения для того, чтобы мы могли внимать Твоему божественному Слову, для того чтобы понять, как Ты строишь наш путь в этом мире через Свою Священную Историю, через Откровение и Познание. Господи, помоги нам жить Словом Твоим и Познанием Тебя, чтобы эти живительные источники благодати были всегда с нами, чтобы не отклоняться нам от Тебя ни вправо, ни влево. Господи, также помоги нам познать и записать Твои заповеди, чтобы действительно не осталось в нас ничего из того, что неугодно Тебе, что лишает нас благодати и сбивает с пути Истины. Да прославится в нас и через нас Твое святое имя!

Аминь.

Тема V

Добро и зло, грех и закон. Грехопадение. Начало истории человечества

Господи, Боже наш, Ты сотворил мир, сотворил жизнь, сотворил человека, и все это было хорошо — «добро зело», так что Ты достоин хвалы и благодарения за этот акт Любви и божественной Свободы. Но мы видим, Господи, как теперь много зла в этом мире, как много несправедливости, страданий, болезней беспричинных, безвинных, и мы ищем ответа на вопросы об этом мире, о его судьбе, как и о своей судьбе. Мы печалимся, когда приходится отступать под ударами несправедливости и зла. Наше сердце тоскует и ноет, когда мы видим торжество зла над добром, когда мы видим, как воздыхает человек, принося свое страдание как невинную жертву пред Тобою. Господи, утешь же наше сердце, помоги и нам найти путь добра, путь справедливости и мира, путь победы над злом и грехом внутри нас и вокруг нас. Благослови нас, Господи, в нашем желании соблюдать волю Твою, заповеди Твои, писаные и неписаные. Помоги нам во всем любить Тебя и Твою правду, чтобы прославлялось в нас и через нас Твое святое имя во веки веков! Аминь.

КОГДА человек смотрит в себя, на свою жизнь и вокруг себя, то ему очень важно найти отношение между тем, что является его внутренней нормой жизни, и тем, что объективно, независимо от него существует. Эта тема посвящена как раз возникающим здесь соответствиям и несоответствиям, их сути и происхождению.

Всякий человек может обнаружить, что ныне в мире и людях *не всё «хорошо весьма»*. И вот, когда мы сталкиваемся с тем, что не хорошо, мы невольно задаем вопрос: «А подлинно ли то, что говорил Бог?» Или даже более того: «А есть ли Он, этот совершенный Бог Творец, в Которого нам только и можно и нужно верить?» Так, начав задавать подобные вопросы, человек обычно долго не успокаивается. Ему хочется знать, откуда в мире зло и в людях грех, откуда бедствия, жестокость, войны, невинные и детские страдания, болезни и смерть. Откуда везде следы смешения добра и зла, красоты и безобразия, созидающего развития и разрушающего хаоса? Откуда в человеке, в обществе и в мире рас-падение и раз-деление?

Однако человек может пойти и дальше и задаться еще целым рядом вопросов. Например, откуда в нем существует само это совестливое понятие о противоположном злу и греху добре, о добродетели, о справедливости и правде как этическом и духовном законе? И откуда у него самого есть стремление к очищению от скверны зла и греха, которые тяготят и сковывают его? Далее, откуда в нем желание бороться со злом и освободиться от греха? Если есть в человеке чувство чуждости ему зла и греха, то откуда в нем это чувство?

На эти вопросы о зле, в котором «*мир лежит*» (1 Ин 5:19), и о грехе, заразившем всех так, что «*нет человека, который не грешил бы*» (3 Цар 8:46), дает ответ библейский рассказ о грехопадении Адама и его жены, содержащийся в 3-й главе книги Бытия. Но в Библии имеется повествование и о последствиях зародившегося через человека зла и греха, и о путях освобождения мира от них: в Ветхом завете – начиная с 4-й главы книги Бытия и особенно в 31-м и 50-м псалмах, а в Новом – прежде всего в Четвероевангелии и в посланиях святых апостолов Иоанна Богослова и Павла.

Рассказ Библии о «грехопадении» – это, конечно же, рассказ о великой духовной *тайне*. И поскольку здесь речь идет о духовном, то мы не должны удивляться, что этот рассказ изложен на языке мифа, в чем и состоит его особая трудность для понимания.

Прежде чем приступить к изъяснению 3-й главы книги Бытия, разбирая каждое ее слово, каждое выражение, мы должны подумать о *предпосылках* (но не более) явления зла и греха в мире и в человеке. А такие предпосылки существовали, потому что человек был сотворен по образу Божьему, и значит, он был носителем свободного духа, т. е. свободы веры и любви.

Вот эта свобода и должна была раскрыться в процессе человеческого богоуподобления, ибо, как мы уже говорили, человек, получив образ Божий, был также призван и к богоуподоблению. А свобода есть свобода, так что на

пути к «древу Жизни» в творчестве и познании, присущем человеку с самого начала, была заложена возможность нарушения Божьей заповеди человеку и союза любви между ним и Богом.

Впрочем, предпосылки для падения человека существовали не только «сверху», со стороны духа человеческого, но и «снизу», от плоти человеческой и от мира. Ведь в теле и душе человека, как и в мире, изначала «хаос шевелился», как писал Ф.И. Тютчев, т. е. «*тьма над бездною*» первозданного, еще не завершенного творением и несовершенного мира – «неба и земли». Тварный мир – не Бог, и поэтому его несовершенство и незавершенность оставались. Они могли быть преодолены только через богоуподобление, заданное человеку.

Все предпосылки «сверху», от духа, и «снизу», от мира и плоти, и в том числе от свободной души, т. е. от человеческой свободы воли и разумного выбора, не актуализировались до тех пор, пока человек был в духовном единстве с Богом и пока над бездной мира, «над водою», «носился» Дух Божий. Однако человек, имевший свое свободное духовное начало, будучи заместителем Бога в тварном мире, мог злоупотребить этим даром и, поддавшись голосу хаоса в своей плоти и мире, отклониться от Отца и тем самым оторвать от Него и мир, владыкой которого он был. Для этого достаточно было лишь поверить в себя как в самостоятельный дух, отличный от Бога, или, что то же, поверить в себя, как в бога, знающего «добро и зло», т. е. «всё» в этом мире.

Теперь займемся изъяснением 3-й главы книги Бытия.

Ст. 1. «*Змей был самым хитрым из всех зверей, созданных Господом Богом. Он спросил у женщины: Правда, что Бог не разрешает вам есть никаких плодов в этом саду?*»

Первое слово – «*змей*». В этой главе это ключевое слово. Что оно означает? Змей – это целостный и емкий мифологический образ, несущий в себе ряд очень важных ассоциаций (достаточно понятных человеку того времени, хотя их без особого труда может воспринять и современ-

ный человек). Змей ассоциировался, во-первых, с драконом восточной мифологии. Практически во всех крупных восточных мифологических системах – космогонических и вообще говорящих «о началах» – есть образ змея, дракона; во всех, даже самых отдаленных от Средиземноморья. Во-вторых, он ассоциировался с чудовищем – олицетворением зла в восточной символике, т. е. с символом потенциальных и реальных богоборческих сил «тьмы» и стихии «воды», неорганизованности и хаоса. Третья ассоциация – с космическими трансцендентальными демоническими силами, которые могли стать выше человека и через это поработить его. И наконец, последняя ассоциация – с символом язычества вообще, но особенно «языческих богов плодородия, культ которых столь часто соблазнял израильтян» (*Мень А., прот.* Как читать Библию). Не случайно же сказано, что «*змей был самым хитрым из всех зверей*», именно по ассоциации с богами плодородия.

Итак, по Библии, «змей» тварен, он «*был самым хитрым из всех зверей, созданных Господом Богом*». Поэтому он не есть нечто абсолютное или самостоятельное. Это исключает для христиан дуализм в божественной сфере, т. е. представление о двуначалии или иной двойственности в божественном мире, как это было, например, в манихействе, зороастризме и т. д., где признается доброе начало – как добрый бог и злое – как бог злой. Церковь всегда очень серьезно предостерегала людей от этого дуализма. И именно сейчас, как ни странно, среди простого народа мы очень часто встречаемся с тем же дуализмом: есть добро и зло, есть Бог и есть дьявол, они борются как бы на равных началах. Но как только мы подумаем, что эти начала равны, разрушится самая важная основа нашей веры, связанная с единобожием, именно та основа, которая позволяет нам верить в победу Божью во Христе.

Далее, сказано, что змей был «был самым хитрым *из всех зверей*». Значит, сам он – как зверь. Звериность «змея» утверждает «равноангельскую» (или демоническую) его природу, т. е. его безличность (точнее, безличностность) и производность от мира в целом.

Это очень важно. Мы иногда этого не осознаем в силу того, что плохо различаем такие вещи. Обычному читателю ничего не говорит упоминание о «звериности», хотя те, кто интересовался хоть какой-то мистической литературой, знают, что здесь, как и во многих иных случаях, «звериность» соответствует «ангельской» природе. Не случайно у нас «водятся» на небе Большая Медведица, Малая Медведица, всякие Скорпионы, Раки и т. д. Вот это нужно иметь в виду, потому что такой же смысловой оттенок дан змею и в Библии – через упоминание о том, что он «был самым хитрым из всех *зверей*».

Хитрость «змея» – это символ его изощренности и негрубой искусительности. Ведь настоящее искушение всегда «гибко», тонко и серьезно, и оно реально искушает, т. е. испытывает единство с Богом и верность искушаемого Ему.

Итак, уже в 1-м стихе говорится, что искушение началось, как бы заговорило в жене от лица «змея». Именно в ней самой, а не извне. Искушение началось одновременно и «сверху», от свободы духа человеческого в ней, и «снизу», от вожделения ее плоти.

Но почему можно считать, что оно началось не извне? Тем, кто знает иконопись, это легко понять. В иконописи есть принцип: если что-то изображается на фоне, допустим, какого-то здания, это, как правило, означает, что все изображенное происходит внутри него. Так и здесь: искушение идет не извне, хотя изобразительные средства библейского языка говорят как бы об обратном, иначе бы оно по сути означало снятие духовной ответственности с искусившегося и падшего человека. Ведь противостать Богу и заповеди Божьей могло только соóбразное Богу единое, живое, духовное, личное (личностное) и свободное существо, а таковым во всем мире был только человек.

Искушая, «змей» вопрошал: «*Подлинно ли то, что сказал Бог?*» Это вариант вопроса «*что есть Истина?*», который часто служит лазейкой для отрицания всякой живой Истины. В вопросе «змея» было заложено искушение в виде искажения Божьей заповеди. В нем уже со-

держался и яд клеветы на Бога. Не случайно слово «сатана» означает «противник», «противоречащий», т. е. «клеветник», «клевещущий», а «дьявол» – «разделяющий».

Но что это было за искажение? «Правда, что Бог *не разрешает вам есть никаких плодов в этом саду?*» – говорит «змей». Но разве Бог говорил что-нибудь подобное? Не говорил и сказать не мог. Да и задавая вопрос, а подлинно ли сказал что-то Бог или не подлинно, «змей» уже одним этим провоцирует человека стать на ложный путь, ведущий к дихотоми́и (двойственности) «добра и зла».

Ст. 2-3. «*Нам можно есть плоды, – ответила женщина. – Вот только про дерево, которое стоит посреди сада, Бог сказал, чтобы мы его плодов не ели и даже не прикасались к ним, а то умрем!*»

Искушение развивается. Жена отступает от Божьей правды, не умея различить в сердце, «*посреди сада*» «*древо Жизни*» от его темного двойника – от связанного со смертью и потому запрещенного для человека «*древа познания добра и зла*». Она и «змею» отвечает, что Бог запретил им вкушать лишь плоды от древа «посреди сада». Но «посреди сада» было «древо Жизни», а разве запрещено было вкушать его плоды? Нет, напротив, запрещение касалось только плодов «древа познания», а не «древа Жизни», в чем и заключается принципиальная разница.

Ст. 4-5. «*Не умрете, – сказал змей. – Просто Бог знает, что когда вы съедите их, то прозреете и сами станете как боги – познавшими добро и зло!*»

Здесь «змей» подрывает доверие и веру в Бога, совершая еще одну подмену. Он говорит: «*Не умрете*», тем самым делая Бога лжецом и вступая с Ним в пререкания. Но о какой смерти говорит «змей»? Если Бог в Своей заповеди говорит о смерти духа человеческого, отпадающего от Него через приобщение к плодам «познания добра и зла», что означало приобщение к самому злу и греху, то «змей» говорит о смерти плотской, о физическом умирании.

И правда, «змей» нигде внешне как будто бы не лжет. Ведь человек, отступив от Бога, как известно, сразу фи-

зически может не умереть. В нем лишь начинает господствовать «закон смерти», а физически человек может еще существовать. Да и знать «добро и зло» в определенном смысле действительно значит «быть как Бог» (или, что здесь тождественно, как «Боги», по-еврейски «Элохим»). Но для человека это еще означает, что он, став как Бог и минуя Творца, захочет пользоваться самочинной властью над миром. Да, Бог может знать «добро и зло», не познавая его, т. е. не приобщаясь к ним, но человек этого не может, ибо он сам «от земли», т. е. из того же тварного и «удобопреклонного ко злу» мира.

Почему искушение началось с женщины? Ранее мы утверждали, что в духовном отношении мужчина и женщина равны. Может быть, женщина все же более низменна по своему происхождению, если она первой поддается такому искушению? Происхождение «первого» и «второго» человека духовно, пред лицом Божьим, было равным, потому что как Адама, так и его жену сотворил Бог. Но хотя по-Божески они были равны, по-человечески они равны не были, ведь «снизу», по плоти, а точнее, по своему человечеству, женщина была ближе к «земле». В отличие от Адама она духовно происходила не просто от Бога, а от Бога и Адама. Эта разница между мужчиной и женщиной здесь и сыграла свою роковую роль. Женщина, которая была создана помощницей Адама, сама начала искушаться и «помогать» в этом уже ему.

Ст. 6. «*Женщина увидела, что плоды этого дерева хороши, приятны взору и сулят знание. Она сорвала плод и съела. И мужу она дала плод – муж ел вместе с ней*».

Так в жене «бессеменно» было оплодотворено зло и с ее помощью родился в мир «первоначальный» (первородный) грех. И тут же стали сбываться слова Господа Бога о смерти, ведь, как говорит апостол Иаков, «*похоть рождает грех, а грех – смерть*» (Иак 1:15).

Но перед этим жена увидела духовное «древо познания» подобным «*всякому дереву от земли*». Как мы уже говорили, в раю были как бы простые деревья (ведь «рай», «сад», и есть цветущий, как сад, мир), но «древо позна-

ния» и «древо Жизни посреди него» были духовными, невидимыми деревьями. А жена «увидела» древо познания подобным всяким древам и поэтому, как сказано, «*приятным взору и вожделенным*». Так духовное она стала рассматривать лишь плотскими очами и при этом «вожделенно». А вожделение и есть похоть, та самая похоть, о которой говорит апостол Иаков, похоть, которая, зачавши, «рождает грех», которая и есть жажда обладания и познания своим духом и своей силой «добра и зла» мира сего.

Так похоть привела к «вкушению» от запретного плода и ко греху, а грех как вырвавшаяся вовне и воплотившаяся разрушительная духовная сила зла – к его неизбежному плоду, к *смерти*, т. е. к торжеству хаоса над Духом Божьим и к рас-падению, распаду духовного единства человека с Богом.

Ст. 7. «*Они прозрели, увидели свою наготу и сделали себе набедренные повязки из листьев смоковницы*».

Плотскими очами увидели теперь Адам и его жена свой новый объект познания – *мир сей*, мир уже падший, а вместе с тем и *отдельно* самих себя в *этом мире*.

Но тут «*прозрели*» они совсем не духовную тайну «добра и зла», а только то, что «наги»... Познание наготы другого – это знак отчуждения друг от друга. С этим ви́дением был связан и первый *стыд*. Но этот стыд был еще добрым чувством, предохранявшим от злоупотребления собою и ближним, ибо сам стыд есть чувство неловкости от приблизившегося или сотворенного греха.

Кроме стыда, Адам и его жена почувствовали еще и приближение *страха*. В них возникло желание загладить соделанное. Но они уже ничего не могли поделать, кроме как сшить «*смоковные листья*» и ими опоясаться, прикрывая, так сказать, «фиговыми листьями» свой срам и наготу, которые им открылись.

Ст. 8. «*Повеял ветер – они услышали, как по саду идет Господь Бог, и спрятались за деревьями*».

Только теперь вспомнили они о Боге и почувствовали Его живое присутствие. Они «*услышали, как по саду идет*

Господь Бог», но Его Самого уже *не увидели*, потому что глаза их были открыты теперь совсем на другое. Проявившееся присутствие Божье вместо хвалы и радости вызвало у них еще больший страх, и они «*спрятались за деревьями*» от слишком еще близкого к ним Господа Бога, лица Которого нельзя было увидеть плотскими очами и не умереть... А как раз духовные их очи закрылись. Поэтому и возник страх, страх вполне обоснованный.

Ст. 9. «*Где ты? – позвал человека Господь Бог*».

Трагедия разрыва человека с Богом – трагедия взаимная. Сам Господь Бог уже не видит Адама и жену его. Он, подобно слепцу или отцу, потерявшему своего единственного сына, взывает к Адаму и говорит: «Где ты?»

Ст. 10. «*Тот ответил: Я услышал, как Ты идешь по саду. Я испугался, что я голый, и спрятался*».

Так Адам свидетельствует о своей наготе и страхе перед голосом Божьим, ставшим теперь внешним по отношению к нему. Он сам уже свидетельствует о заполонившем его ужасе бездны и древнего хаоса (древние язычники сознавали этот ужас, называя его *terror antiquum*). Адам свидетельствует об этом ужасе, ожившем в нем и через него получившем в мире новую силу, силу зла, и потому новую в мире власть.

Ст. 11. «*Кто сказал тебе, что ты голый? – спросил Господь Бог. – Ты ел плоды дерева, с которого Я запретил тебе есть?*»

Бог как бы «не верит Своим ушам». Он еще верит не столько Адаму, сколько в Адама, в его невинность, и поэтому суд Свой начинает со слов: «*Кто сказал тебе это?*» Но было уже поздно.

Ст. 12. «*Человек ответил: Женщина, которую Ты мне дал, – она дала мне эти плоды, и я ел*».

В ответе Адама – яд плодов греха. Он как бы говорит: «Я почти не виноват. Это все жена и Ты, Который мне ее дал».

Здесь явно, что Адам не понимает своей личной вины и ответственности, не чувствует их, более того, еще и

осуждает других – и жену, и даже Бога. Тут явно и самооправдание Адама без какого-либо покаяния пред Богом.

Ст. 13. «*Зачем ты это сделала? – спросил Господь Бог у женщины. Та ответила: Змей меня обманул, и я ела*».

Печальный, скорбный вопрос Божий к жене: «*Зачем ты это сделала?*» Но в ответ слышится и та же самая ссылка на «объективную причину» – змея, и то же самооправдание без какого-либо покаяния пред Богом и мужем.

Ст. 14-15. «*И Господь Бог сказал змею: Ты проклят за то, что сделал: изгой среди зверей и скота, ты будешь ползать на брюхе и пылью питаться всю жизнь. Тебя и женщину Я сделаю врагами, и дети ваши – враги друг другу: сын ее голову тебе разбивает, а ты жалишь его в пяту*».

Таков приговор высшего Суда. Таковы немедленные последствия *грехопадения*. Каждый, через пострадавшего от него, получил то, что заслужил, в меру своей личной вины. «*Змей*» был наказан сам собою, ему самому свойственным проклятьем – униженностью и окончательной оторванностью от Бога, а также бесперспективной борьбою с «семенем» пострадавшей от него жены. *Женщина* будет наказана господством над нею пострадавшего от нее мужа, *муж* – восстанием против него пострадавшего от него мира, особенно земли, а проклятая за Адама его *земля* – возвращением в нее смертельно искусившегося человека.

Так началась эпоха *человеческой истории*, неотделимая от борьбы и вражды, в особенности между «семенем жены» и «семенем змея», т. е. в конечном счете между Христом и антихристом. «Сын жены» будет «*разбивать голову змея*» как основу хаоса и зла мира сего, а змеиное «семя» «*будет жалить его в пяту*». «*В пяту*» – т. е. в плоть. По отношению ко Христу это значит – умертвив ее на Кресте. Не случайно этот текст издревле считается первым мессианским пророчеством в Ветхом завете.

Ст. 16. «*Женщине Господь Бог сказал: Мучительной я сделаю беременность твою, в муках будешь рожать*

детей. Мужа своего ты будешь вожделеть: муж будет господином твоим».

Вместо свободного отклика на творческий призыв Божий «плодитесь и размножайтесь» жена теперь будет нести в себе и с собою скорбную *необходимость* продолжения рода. Тем самым от нее отнимается тот мир, тот покой святости, в котором «нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но (есть) жизнь бесконечная», будущая, вечная.

Ст. 17-19. «*А человеку Господь Бог сказал: Послушав женщину, ты съел плод, который Я запретил тебе есть! Ныне проклята из-за тебя земля: в муках будешь ее плоды добывать. Колючие кусты она тебе произрастит, полевою травою питаться будешь и в поте лица добывать свой хлеб. И вернешься ты в землю, из которой был взят, потому что ты пыль и вновь станешь пылью*».

Проклятье «*земли*», т. е. мира, заключается в зараженности ее злом. Человек же стал слишком от нее зависим, быв порабощен «вещественным началам мира». Уже в Ветхом завете говорится о них как о «*немощных вещественных началах*». Но как видим, эти немощные начала оказываются сильнее человека, что всегда и есть следствие греха, результат грехопадения.

Отсюда «*мука*» человека, отсюда явление ему «*колючих кустов*», отсюда необходимость буквально рабского труда «*в поте лица*» до самой смерти человека, ставшей проклятьем для земли, ибо ее ожидавшееся преображение через человека становится невозможным, поскольку человек возвращается уже не к Богу вместе со всем миром, а в землю, всего лишь как прах.

Итак, человек пал, да так пал, что подняться сам уже не мог. Ему и миру теперь требовалось новое, творческое и спасительное вмешательство Бога, что и произошло во Христе и через Христа.

Ст. 20. «*Человек – Адам – дал имя жене своей Ева, ибо она стала праматерью всех живущих*».

Таким образом, Адаму ничего не остается, как констатировать происшедшее как факт. Жена здесь им назва-

на *Ева* (др.-евр. Хавва), т. е. «жизнь», но жизнь уже не в божественно-духовном, а более в телесно-плотском и биологическом смысле этого слова.

Ст. 21. «*Господь Бог сделал одежду из кож и одел человека и его жену*».

Бог также констатирует происшедшее как факт и, заботясь о продолжении человеческого рода, дает им временную внешнюю защиту от одиночества, холода и старости – покров плоти, «*одежду из кож*».

Ст. 22-23. «*И сказал Господь Бог: Человек стал как один из Нас – познавшим добро и зло! Не сорвал бы он еще и плод дерева жизни, чтобы, съев его, стать бессмертным! И Господь Бог изгнал человека из Эдемского сада – пусть возделывает землю, из которой был взят*».

Так завершается Божий Суд. И завершается он новым «советом» Божьим в Себе: человек остается смертным, но заповедь о его вечной Жизни от него не отнимается. Меняются только пути, средства ее достижения.

Так человек был удален из рая, «сердце» которого – Жизнь вечная, «древо Жизни». Удален он был в «*мир сей*», т. е. в землю проклятую и потому как бы худшую той, из которой он прежде был взят, чтобы теперь «возделывать» не рай, а ее.

Ст. 24. «*Изгнал человека, а у Эдемского сада, на востоке, поставил стражу – херувимов и огненный меч, во все стороны разящий, чтобы они охраняли дорогу к дереву жизни*».

Рай после грехопадения становится «не от мира сего», поэтому его «до времени» надо «*охранять*» особой божественной силой. Такой силой ангельского происхождения является «*херувим*». Его «*огненный меч, во все стороны разящий*» – символ полной и всесторонней закрытости для человека прямого пути назад.

После «изгнания из рая» к «древу Жизни» остается один, но кружной путь, который все же – путь вперед и вверх, *per aspera ad astra*, как говорили в древности, т. е. «через тернии к звездам». И даже выше, чем к звездам: через Христа, Солнце правды, к Новому Иерусалиму, к

новому раю и новому «*древу посреди него*» – духовному «*Источнику воды живой*», где будут пребывать Новый Адам – Агнец Божий и новая Жена Его – Церковь, где «*чистая река воды Жизни*», где «*новое имя*» у каждого и «*все новое*». Тогда будут «*блаженны те, которые соблюдают заповеди* (Божьи и Агнца), *чтобы иметь им право на древо Жизни и войти в город воротами*» (Откр 22:14).

Об этом – о новом рае и новом человеке – говорит нам Апокалипсис, последняя книга Библии. Так первые страницы Библии полностью соединяются и сочетаются со страницами самыми последними, с двумя последними главами Нового завета, с 21-й и 22-й главами Откровения Иоаннова.

Главы 4–11. Закончив разговор о грехопадении, поговорим теперь о том, как развивалась жизнь падшего человечества «от Адама до Абрама».

Если современный человек, то существо и тот род, который ученые называют *Homo sapiens sapiens*, или кроманьонец, появился на земле примерно 40–50 тыс. лет тому назад, то события, исторически нам известные как события времен Авраама, произошли около 4 тыс. лет назад. Что же было между этими датами?

Наука нам говорит, что около 30 тыс. лет назад возникли различного вида магические культы и соответствующие им искусства. Их следы до сих пор можно видеть в пещерах и на скалах в разных местах земли. Наскальные рисунки довольно хорошо сохранились. Далее, уже примерно 10–12 тыс. лет существуют города и городской культ и культура. А около 6 тыс. лет назад в мире произошли события, позже осознанные в Библии как «всемирный потоп», т. е. как великий потоп. Прототип «вавилонской башни» также, как известно, был открыт учеными. Это было вавилонское культовое сооружение, башня, храм – зиккура́т – в честь обожествленных астрально-космических стихий мира сего.

В Библии весь этот период истории человечества описан очень кратко. Ему посвящены лишь несколько глав – оставшаяся часть так называемого «пролога» книги Бы-

тия (4–11 гл.). Конкретнее – это рассказ о потомках Адама и Евы: Авеле и Каине и других, о «всемирном потопе» и Ное с сыновьями, о строительстве вавилонской башни (так называемом «вавилонском столпотворении») и его последствиях.

После «изгнания из рая» основные события в жизни мира разворачиваются вполне закономерно, и в этом главный смысл повествования «пролога». Каковы же эти события и закономерности?

Прежде всего, в геометрической прогрессии в мире растет зло и грех, сея новые грех и зло и принося соответствующие плоды. Так, в 4:1-16 говорится о зависти Каина к более свободному духом Авелю, брату его. Каин слышит голос Божий, предостерегающий его от греха, как бы голос совести, но уже не может поступить по совести. Он убивает брата, за что уже «земля» проклинает Каина, не желая носить его. Возникает кровная месть «*всемеро*», а со времен Ламеха, одного из каинитов, т. е. потомков Каина, – «*семьдесят раз всемеро*». Так начинается «борьба всех против всех».

В 6:1-4 говорится о том, что «*сыны Божии*» стали посещать (т. е. брать в жены) дочерей человеческих. Это довольно трудное, но важное место. В нем речь идет о том, что люди начали пренебрегать Духом Божьим вследствие оформления их «брачного» (религиозного) союза с «сынами Божьими», с космическими, ангельскими иерархиями, т. е. о начале сознательного языческого поклонения астральным, солярным, лунарным, хтоническим и т. п. силам как верховным, божественным и владычествующим. Так появляется магия и волхвование (колдовство), делается следующий шаг в сторону от Бога.

В результате уже в 6:5 и далее говорится о новом излиянии силы зла в мир – о «*всемирном потопе*», призванном истребить всех с лица земли. «Потоп» есть символ того, что «вне Бога жизнь людей [и мира] обречена на гибель» (*Мень А., прот.* Как читать Библию).

Но когда в лице Ноя с послепотопным человечеством Богом уже был заключен первый исторический (и вто-

рой после завета с Адамом в раю) Завет, сын Ноя Хам воистину «нахамил», тут же нарушив его. Он нарушил единственную и самую *естественную заповедь этого Завета* – о почитании родителей, за что и был проклят собственным отцом.

Далее в прологе Бытия говорится о «*вавилонском столпотворении*», которое важно для нас не только как исторический факт, но и как новый символ извращения человеком своих путей. Так, в 11:1-9 сказано о попытке строительства «*города и башни до небес*». Это символ мощной богоборческой цивилизации, построенной на языческой лжи, человеческой гордости и социальном насилии. Ясно, что эта попытка изначала была обречена на крушение. История показывает, что подобные попытки никогда не прекращались, хотя известно, что они всегда приносили только разделение, разложение, распад, страх и рассеяние.

Но в прологе Библии есть и другого рода свидетельства. Нет-нет, да и являются иные образы, говорящие о том, что была и другая линия развития истории человечества – *линия обращения, или возвращения к Богу*, не позволявшая человечеству совсем погрязнуть в грехе и вымереть.

Здесь вспоминается образ убитого братом Авеля, а потом и Сифа, данного Адаму и Еве вместо него, Еноса, сына Сифова, при котором люди «*начали призывать имя Господа*» (4:26). Даже среди каинитов упоминаются отец скотоводов Иавал, музыкантов – Иувал и кузнецов-ремесленников – Тувалкаин, поскольку они были способны создавать произведения искусства, носящие пусть часто смешанный, но все же духовный и творческий характер. Еще обращает на себя внимание образ Еноха, того таинственного персонажа Библии, о котором трогательно, просто и кратко сказано, что «*жизнь его шла с Богом. И не стало Еноха: Бог взял его к Себе*» (5:24). Потом – и самого Ноя, который «*был угоден Господу*» (6:8).

Вместе с Ноем возникают образы спасительного ковчега и голубя с масличным листом – символом милости

Божьей. Тут же описано и первое в истории человечества *жертвоприношение* в благодарность Богу за дар спасения от потопа. Это умилостивление и благодарение привело к благословению Богом Ноя и сыновей его, подобному благословению первочеловечества до грехопадения (8:20–9:1). В связи с Ноем мы и читаем о заключении первого в истории «*радужного*» *завета* милосердия Божьего, который потом будет дополняться в рамках эпохи Ветхого завета другими: сначала с Авраамом, Исааком и Иаковом будет заключен завет веры, потом с Моисеем – завет дел закона и с царем Давидом – завет надежды (о чем подробнее – в следующей, VI теме), пока, наконец, со Христом не будет заключен Новый завет любви, мира и свободы.

Теперь попытаемся осмыслить сказанное в целом и дать некоторые определения.

Всё библейское откровение о грехопадении дает представление о единстве и различии первозданного мира Божьего и мира сего, объясняя нам, почему наш опыт жизни в этом мире не соответствует тому образу мира, который называется первозданным Божьим творением. Мы существуем в обоих этих мирах, но между ними нет и никогда не будет полного мира.

Далее, понятие о грехопадении ведет к понятию о грехе и зле мира сего, которое столь же фундаментально, как и понятие об Откровении Божьем и Богопознании или о божественном Писании и Предании. Зло и грех, никогда этого не забудем, родились «не в низинах материи, а на вершинах духа» (Н.А. Бердяев). Многие века люди, читавшие Библию, этого не знали и всячески пытались лишь во плоти увидеть основы греха и зла, прямо сводя их чуть ли не к плодам одних узко плотских отношений.

Но это неверно. Зло и грех духовны, они не рациональны, по отношению друг к другу они являются как бы «двумя сторонами одной медали», так же как Писание и Предание или Богооткровение и Богопознание. При этом сами *зло и грех* друг другу не тождественны, как и противоположные им *добро и правда*.

Поясним немного подробнее. Наверное, легко ответить на вопрос: что противостоит злу, что находится как бы на другом полюсе? Конечно, добро. Несколько труднее с понятием греха. Что противостоит греху? Правда. Именно она и все то, что правильно, справедливо и праведно. Не следует об этом забывать.

Зло есть внесенный в мир через человека дух жизни иной, находящейся в отрыве от Бога, а грех – сама эта иная жизнь во всех ее проявлениях. Зло есть дух противления Богу, а грех – основа и плод этого духа. Зло есть «*лжеиме́нный гносис*» (1 Тим 6:20) или просто лжезнание – познание мира сего и всего, что в нем, т. е. его «добра и зла», по преданию человеческому (Мк 7:8), а грех – плод или остов такого познания. Зло более тяготеет к духовной объективности, а грех – к духовной субъективности, и в этом смысле, при всей их взаимодополнительности, зло и грех все же относительно самостоятельны, а иногда даже в мире сем противоположны.

Таким образом, зло – не просто отсутствие добра, как иногда думали под влиянием языческой философии даже великие святые отцы (хотя это тоже верно). Так же как и грех – не просто отсутствие правды (хотя верно и это). Грех есть неправда, а правда и есть безгрешность, непогрешимость. Зло есть дух греха и неправды, а добро – дух правды и гармонии. Говоря словами Священного писания, точнее, святого Иоанна Богослова, «*грех есть беззаконие*» (1 Ин 3:4), и тогда правда есть закон. Это значит, что закон Божий и есть правда Божия, закон Божий и есть воля Божия. Когда человек ищет волю Божью, то очень часто он не знает, чего ищет. А искать надо одного – правду Божью, и тогда будешь исполнять волю Божью. Иной воли Божьей не существует!

Вся ветхозаветная и новозаветная этика – это закон борьбы со злом и грехом, т. е. беззаконием, посредством добра и правды, т. е. тем же Божьим законом.

То, что в мире сем, раздвоенном и противоречивом, дуалистичном, называется правдой и грехом или добром и злом, может быть снято и возведено к высшему единству

лишь во Христе и Святом Духе, в Церкви, через синтез, который называется Писанием и Преданием Церкви, которые и приводят нас к Богу Отцу через божественное Откровение и Богопознание в рамках Священной Истории.

Теперь вспомним, как в IV теме мы употребляли в трех смыслах понятия писания и предания. Мы различали Священное божественное Писание и Предание (с большой буквы), Священное церковное писание и предание (с малой, или «средней», буквы, в единственном числе) и церковные писания и предания (также с малой буквы, но во множественном числе).

Точно так же в трех смыслах можно употреблять и понятия зла и греха (беззакония), добра и правды (закона). Вот примеры того, насколько это различение бывает плодотворно, хотя оно и непросто, потому что у нас в этом деле может быть недостаточно навыка.

Так, *грех против Бога* может быть понят трояко. Первое – как первородный Грех (с большой буквы), т. е. как совокупный грех мира сего (вспомним: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя Грех мира»). Второе – как первородный грех (с малой, или «средней», буквы), т. е. как «первоначальный» грех, описанный в библейском откровении о грехопадении, грех, который имеется в виду в тексте Библии и о котором мы говорили, читая 3-ю главу Бытия. И наконец, третье – как грехи, т. е. как те или иные конкретные нарушения «правила добра» – доброты и красоты в истории.

Другой пример – *правда* Божья. Во-первых, это может быть Правда Божья (с большой буквы), т. е. единая Правда Ветхого и Нового Заветов. Во-вторых, это может быть правда Божья (с малой, или «средней», буквы), т. е. конкретно библейская правда (этика) Ветхого и Нового заветов. И в-третьих, это могут быть те или иные дела правды (с малой буквы, но во множественном числе) в рамках человеческой истории.

Следующий пример – *зло*. Во-первых, это Дух Зла (с большой буквы), т. е. «интегральное мировое Зло», называемое также Сатана, Лукавый, Беззаконник, Отец Лжи,

Греха и Неправды. Во-вторых, это дух Зла (с малой, или «средней», буквы), т. е. «змей»-искуситель начального библейского откровения, противящийся Богу. И в-третьих, это те или иные исторические духи зла, т. е. злые духи, бесы, демоны падшего мира – человека, животных и космоса.

И наконец, *добро*. Во-первых, это может быть Дух Добра и Красоты (с большой буквы), являющийся абсолютным в мире сем. Во-вторых, это дух Добра (с малой, или «средней», буквы), изначально библейский. Могут быть и духи добра (с малой буквы, во множественном числе) – проявляющиеся в истории ангелы, добрые духи, те или иные светлые иерархии, чины, порядки и закономерности в человеческом, животном и космическом мире.

Таким образом мы можем использовать и объединить в этой теме все то, что уже знаем из предыдущих.

В чем же основные *последствия* для мира и человека откровения о добре и зле, грехе и правде?

Все попытки самоосвобождения человечества от зла и греха не удались, а таких попыток было много. Собственно, вся великая дохристианская культура есть набор свидетельств о той или иной человеческой попытке самоспасения или самоосвобождения. Так было и в ветхозаветном Израиле, когда пытались через закон или законные жертвы (культ) освободиться от Греха. Так было и в языческих учениях и практиках всех видов. Но наше спасение – во Христе, через посланного Им нам в залог Духа Святого, а через нас – освобождение и спасение всей твари, всего мира, как учил апостол Павел (см. Рим 8:21).

В заключение сделаем некоторые важные выводы.

Основной нравственный закон таков: зло всегда рождает только зло, а добро – только добро. «Не может дерево благородное приносить дурных плодов» (Мф 7:18). Мы должны это знать и понимать, как этот закон применять в жизни. Надо помнить, что невозможна так называемая «святая ложь», невозможны ложь или грех «во спасение», как невозможны доброе насилие или принуждение.

Когда мы стоим перед *выбором добра или зла, греха или правды*, мы всегда должны выбирать добро, а не зло, правду, а не грех. Но если мы встали перед другим выбором – *из двух зол* или *из двух грехов*, то, конечно, нужно выбрать меньшее зло и меньший грех. Однако при этом мы должны понимать, что все равно выбираем зло и грех и потому находимся в ловушке безблагодатного состояния, ибо в такую ситуацию может попасть только человек, от которого так или иначе отворачивает Свое лицо Бог.

Для того же, чтобы правильно выбирать добро, а не зло, правду, а не грех, наши духовные чувства должны иметь хороший «*навык различения добра и зла*», должны быть приучены к такому различению (Евр 5:14).

Итак, каждый «*не будь побеждаем злом, но побеждай зло добром*» (Рим 12:21). Злом же, даже относительно меньшим, победить зло в этом мире не удается и никогда не удастся. Окончательно зло мира сего побеждается духом любви, свободы и мира.

Конечно, само метаисторическое Небесное Царство в своей полноте снова, подобно раю, будет «по ту сторону добра и зла», как и мы в нем, поскольку действительно «*наше жительство* (т. е. общество и гражданство) – *на Небесах*» (Флп 3:20).

До Рождества Христова это было еще совсем невозможно, почему и связь человека с Богом осуществлялась только через «закон и пророков», выступавших против всякого зла и греха, и даже вообще против мира сего, как и против надежды на этот мир, но призывавших во всем надеяться лишь на Бога. Специально этой духовной эпохе закона, писаний и пророков будет посвящена следующая, VI тема.

Итак, действительно у нас нет проблемы теодицеи, а есть проблема антроподицеи, т. е. нет нужды оправдывать Бога, а есть нужда в оправдании человека. Если мы оправдаем человека, его существование, его судьбу в этом мире, тогда мы оправдаем и Бога и тем самым как бы докажем Его существование. А чтобы оправдать человека, нужно прежде всего решить вопрос добра и зла, греха и

оправдания, т. е. высшей правды и справедливости. Тогда все остальное уже решается изнутри, ибо и Бог познается в сердце человека, не иначе.

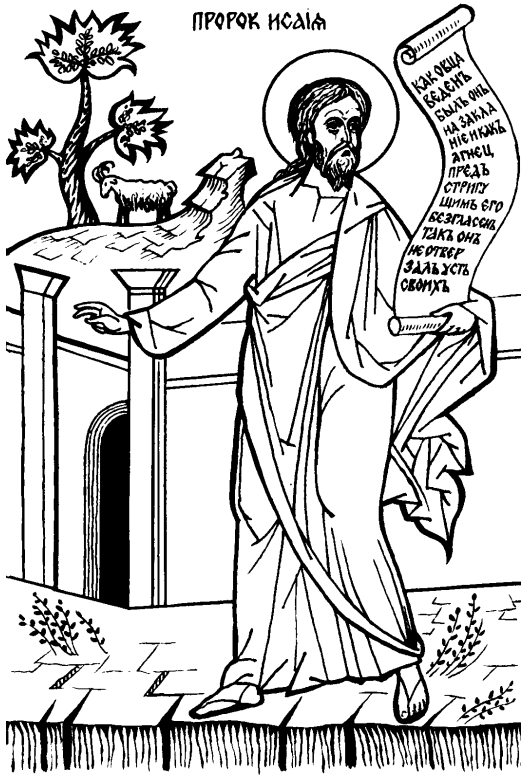
Господи, Боже наш, благодарим Тебя за то, что Ты собрал нас сегодня, дал нам силы и дал разумение. Господи, просим Тебя, умножь Свою милость, избавь нас от грехов и всякого зла, чтобы мы никогда не были источниками зла, чтобы мы не были неразумными в этой жизни, дай нам Свою единую Премудрость – Закон Свой. Господи, Боже наш, объедини всех нас в духе любви, милосердия, покаяния, истины и делания правды в этой жизни, чтобы все знали, что верующие в Тебя могут творить дела правды, во славу Твою,
и идти путем Истины!
Аминь.

Тема VI

Ветхий Завет Бога с людьми. Четыре Завета – с Ноем, с Авраамом, Исааком и Иаковом, с Моисеем, с Давидом

Закон как «детоводитель ко Христу». «Десять заповедей» как основной ветхозаветный закон отношений к единому Богу и ближним «в народе Его»

Пророки и основные пророчества – «мессианские места» Священного писания Ветхого Завета



Господи, Боже наш, Ты никогда не оставляешь человека, Ты никогда не оставляешь никого из нас. Мы чувствуем Твое присутствие, Твою крепкую руку, которая выводит нас из ада преисподнего, из тьмы греха. Господи, Ты противостоишь всем нашим греховным помыслам и деяниям, Ты очищаешь сердце наше. Господи, Ты направляешь нас на путь правды, на путь Закона, на путь исполнения заповедей Твоих. Господи, Ты даешь нам веру, Ты даешь нам надежду, Ты ведешь нас к любви. Дай же нам, Господи, верно идти за Тобою во все дни жизни нашей, дай нам, Господи, всегда ставить на первое место то, что дано Тобой для совершенства жизни. Пусть этот путь приведет нас к полноте общения с Сыном Твоим единородным, Господом нашим Иисусом Христом. Пусть этот путь даст нам силу любви и благодати, чтобы сердце наше раскрылось в Тебе и осталось с Тобой. Да будет Твое святое имя благословенно во веки веков. Аминь.

ЗАВЕТ. Как часто мы употребляем это слово и как редко задумываемся над его смыслом и значением! Мы говорим: Новый Завет, Ветхий Завет – и обычно не понимаем всерьез того, что говорим. А слово «завет» значит «союз», или «клятвенный договор» (по-древнееврейски «бери́т»). Всякий «завет означает *связь* человека с Богом, связь, которая растет, крепнет, проходит ряд ступеней, чтобы завершиться в лице Сына Человеческого» (*Мень А., прот.* Как читать Библию).

Возникает вопрос: как вообще *возможен* Завет между Богом и человеком? Как возможен между ними союз, договор, который предполагает равенство сторон? Не может же царь заключать договор с простым рабом! А может ли быть равенство между Богом и людьми, причем не только христианами – ведь и до начала истории христианства были такие заветы?

Но если мы вспомним, что человек, в силу его уникального единства с Богом, в силу его сообразности Богу, в некотором смысле равен Ему, сам являясь по призванию сыном Божьим и даже богом по благодати, по усыновлению, то мы поймем, почему в течение всей истории че-

ловечества человек жил в том или ином Завете с Богом, по крайней мере, мог, призван был жить в нем. Это выявляет силу, славу и высочайшее достоинство человека по его призванию.

Исходя из этого, всю Священную историю Ветхого и Нового Заветов можно представлять себе как противоречивую историю духовных эпох, связанных с тем или иным Заветом.

Да, эти эпохи нельзя выстроить по прямой линии. Но смена этих духовных эпох продолжается и сейчас в наших душах. И мы по своему реальному духовному состоянию часто находимся на уровне то одной, то другой эпохи, или того или иного Завета.

В Библии мы находим всего пять исторических заветов, не считая одного доисторического – завета с Адамом, а также одного метаисторического, постисторического – завета Бога Отца с Агнцем-Христом «во славе» и всею Его мистической Церковью (с большой буквы) в Царстве Небесном.

Первые четыре исторических завета вместе составляют Ветхий Завет. Пятый, последний исторический завет, есть Новый Завет, в котором мы с вами и живем или, во всяком случае, призваны жить.

Всякий завет с Богом для людей есть «*завет жизни и мира*». Он вечен, поскольку он от Бога. Значит, каждый последующий завет как бы «в снятом виде» содержит в себе все предыдущие. Поэтому в какой-то степени ко всем заветам можно отнести слова Божьи, сказанные еще Моисею: «*Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, и вы будете у Меня царством священников и народом святым*» (Исх 19:5-6). И поэтому позже, в Новом завете, и апостол Петр в своем Первом послании, и автор Апокалипсиса возвращаются к этим словам из Ветхого завета как исполняющимся и даже уже исполнившимся и называют всех христиан «*царями и священниками*». «*Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы*

возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой Свет» (1 Пет 2:9).

Теперь посмотрим внимательно, каковы эти заветы, эти главные вехи Священной истории человечества. Для этого вернемся немного назад и сначала вспомним о *первом* в истории «*радужном*» завете Божьем с праведным *Ноем* и всеми вышедшими с ним из спасительного ковчега, как сказано в Быт 9:8-11. Этот завет – *завет милосердия и смирения Божьего*. Он всегда *воспоминается* Богом и пред Богом как спасающий человека, находящегося в любом состоянии, всякого человека, от отчаяния и уныния.

Суть этого завета дана в Быт 8:21-22: «*Господь сказал Себе: Впредь не буду Я насылать на землю проклятия из-за людей. Хотя их мысли с самой юности устремлены ко злу, Я не стану больше истреблять все живое. Не прекратятся, доколе стоит земля: сев и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь*».

Зна́мением завета с Ноем была *радуга* – это чу́дное явление на фоне грозовых туч, которое восходит от земли к небу и снова нисходит на землю как знак милости и перемирия. Напомню, что историческим прообразом всего, связанного с Ноем, были события Великого потопа, произошедшие 6 тыс. лет тому назад (ок. IV тысячелетия до н. э.).

Второй завет, данный нам в откровении Священного писания Ветхого Завета, – это завет Божий с пра́отцем *Авраамом*, его сыном *Исааком* и внуком *Иаковом*, или *Израилем*. Рассказ о них приведен во всей остальной части книги Бытия – с гл. 12-й до конца. Исторически эти события приходятся на XIX–XVII вв. до н. э.

Второй завет, после завета милости Божьей к человеку, – это завет с первым и одним-единственным богоизбранным человеком Авраамом и далее с таким же первым и одним-единственным богоизбранным *народом* его потомков и наследников, в силу *веры* Авраама не только в одного, единого Бога, но и Самому этому Богу в разных, самых затруднительных обстоятельствах и условиях. Так

Авраам стал «*отцом всех верующих*» на все века. Значит, он и наш отец. Все христиане называют себя детьми Авраама по вере.

Авраам был праведен и непорочен и ходил пред Богом. Но эта характеристика относилась и к Ною. Авраам же был не только таковым. Он был еще и первым человеком, которого можно было бы назвать Божьим *святым*, ибо он *поверил* Богу, сказавшему, что надо отделиться от родства своего и идти в некую землю Божью, и *сделал* так по своей вере. Ведь святой человек Божий – это и есть *богоизбранный* человек, тот, кого Бог Сам избрал; он верит не только в Бога, но и Богу, и живет по своей вере. Поэтому так мало святых даже среди «верующих». Люди часто бывают готовы поверить в Бога, значительно чаще, чем мы думаем, но поверить Богу и Его слову и делать все по своей вере, жить по своей вере, отдавая свое сердце Богу, – на это у людей обычно не хватает решимости, не хватает веры и сил.

Итак, Авраам по вере идет в «*землю обетованную*», и там от него происходит «*обетованный народ*», наследующий его богоизбранность.

Суть завета с патриархами, т. е. с пра́отцами Авраамом, Исааком и Иаковом, содержится в словах Божьих: «*Я буду твоим Богом и Богом твоих потомков*» (Быт 17:7).

Знамением этого завета, его *печатью* стало *обре́зание* всех лиц мужского пола из этого народа на восьмой день по рождении (Быт 17:11-14).

Что значит это знамение завета, эта печать, что такое это «обрезание»?

Сама по себе подобная операция часто производилась и поныне производится на Востоке. До сих пор она практикуется как особый ритуал у язычников. Обрезывались и египтяне, и другие народы, но тем не менее они не имели на себе знака завета с Богом. В чем же разница?

Дело в том, что обрезание в согласии с заветом Авраама стало знаком, во-первых, явленной мужеской *силы*, необходимой для исполнения обетования Божьего о потомке Авраама от свободной его жены Сарры и о его на-

роде, и во-вторых – знаком *посвящения* человека единому Богу Авраамову, а не просто некоему божеству, как это было у других народов.

Главное в завете с Авраамом и другими праотцами – это *вера* народа Божьего в своего единого Бога *и верность* Ему. Так он и *воспоминается* Богом и пред Богом – как завет, явивший *всемогущество Божье* и силу правой *веры человека*, готовой ради этого на любые *жертвы*. Пример такой жертвы представлен в библейском рассказе о том, как Авраам, по своей безграничной вере Богу, чуть не принес в жертву своего обетованного, обещанного Богом сына. Но Богу никогда не были угодны человеческие жертвы, Бог хотел лишь испытать Своего избранника, поистине ли он верит Ему и готов ли он поступить по своей вере.

Что же такое истинная, *праведная жертва*? Человек жертвует истинно не тогда, когда он просто отдает нечто, а когда он это отнимает от себя и отдает, когда он отдает Богу даже жизнь свою и все, что поддерживает эту жизнь. Отдать Богу жизнь или то, что ее существенно поддерживает, что является принципиально важным для поддержания жизни, – это и значит вверить свою жизнь Господу, жертвенно посвятить, предать ее Богу.

Это относится, конечно, и ко всем нам. Мы часто пытаемся получить какие-то внешние гарантии в этой жизни, но совсем не вверяем себя и свою жизнь Богу. Мы часто не идем на риск, боимся рисковать, как бы не верим в то, что Бог посетит нас, и покроет нас, и поистине сохранит нашу жизнь и всё, необходимое нам «днесь», т. е. сегодня.

Бог Авраама, Исаака и Иакова «*не есть Бог мертвых, но живых*», как говорится у евангелиста Матфея (22:32) и евангелиста Луки (20:37-38). Он же есть *Бог Израилев*, а Израиль (т. е. Иаков), так же как Авраам и Исаак, суть *поручители* этого завета, они – люди Божьи и даже те, кто олицетворяет весь «*народ Божий*».

Повествование о завете с праотцами завершается вторым в Библии значительным мессианским местом: в Быт 49:10 говорится о том, что «*колено Иудино будет*

возвышено» над остальными коленами Израилевыми до тех пор, «*пока не придет Примиритель*», по силе уподобляемый льву. Этот «Примиритель», «Лев из колена Иудина» – явный намек на Христа, устанавливающего истинное богопочитание в Своем мессианском Народе и далее – в Своем Царстве.

Следующий, *третий* исторический завет – это *завет праведных дел, дел по Закону Божьему*. Он был заключен Богом со святым пророком Божьим *Моисеем*, который жил где-то в XIII в. до н. э. Это завет, данный для ограничения зла, завет, сильный против греха и в то же время связанный с новым Богоявлением и новым Богооткровением и Богопознанием. Вспомним, как «*Моисей вошел во мрак, где Бог*» (Исх 20:21).

Это Откровение явило и новое имя Бога, Который сказал Моисею, что Он «*являлся Аврааму, Исааку и Иакову как Бог Всемогущий*», а Моисею явился как Господь, точнее, *Яхве* (Иегова), т. е. как единый истинно Бытийствующий, Тот, Кто один истинно Существует, в полном смысле этого слова (Исх 6:2-3).

Именно с этих времен человек становится рабом одного только Бога, уже не рабом людей, или обстоятельств, или своих страстей. Люди и сейчас часто этого не понимают и думают, что быть рабом Божьим – это что-то унизительное. Нет, это шаг к освобождению от рабства миру сему, от рабства грехам, как и людям, и человеческим мнениям, и внешним обстоятельствам. И пусть это еще рабство, но на то он и Ветхий Завет. А в Новом Завете Господь Своих учеников называет уже не рабами, а друзьями.

Для завета с Моисеем характерны такие категории, как законное *владычество, господство и*, с другой стороны, *полное послушание*. Если Бог открывается как Владыка и Господь (как Господин), то Он законно требует безоговорочного послушания Своей воле, Своей Правде, Своему Закону. Так и *воспоминается*, согласно книге Исход (24:7), этот завет.

Именно с тех самых времен, со времен Моисея, послушание всегда возводится к Богу и возводит человека к

Нему, и никогда – лишь к человеку, к его организациям, формам и обстоятельствам жизни, и тем более к его слишком человеческим наклонностям или страстям.

Итак, теперь в духовную жизнь людей особым образом входит качество послушания. Но это послушание всегда связано со службой, единым *служением*, которое, в свою очередь, связано с самой сутью Моисеева завета.

Суть же завета с Моисеем – в *законе*, регулирующем практические отношения верующего человека с Богом и ближним. Этот закон выражается в конкретных *уставах и заповедях*, данных для *научения* народа. Поэтому «*проклят тот, кто не послушает слов завета сего*», как говорит пророк Иеремия (11:3-5). «*Господу, Богу вашему, последуйте*, – говорится о том же во Второзаконии (13:4), – *и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте, и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь*», во избежание проклятия свыше. Это краткая формулировка цели завета с Моисеем.

Поэтому неудивительно, что в этом же завете для непослушных Бог открывает Себя как «*Огонь поядающий*» и как «*Бог Ревнитель*» (Исх 20:5; Втор 4:24, 6:15). Но для послушных Он – *Бог верный*, Который хранит завет (Втор 7:9).

В Моисеевом завете конкретизируются понятия греха и зла. По Моисею, *зло* есть преступление завета (Втор 17:2), а *грех* есть преступление закона заповедей. Если человек преступит закон, совершит грех или зло и оставит Господа, тогда Бог сокроет от него Лицо Свое (Втор 31:16-20), что приведет этого человека к *смерти* – огнем или врагом (Нав 7:15).

В Библии есть и основной «текст» завета, договора Божьего с Моисеем. Эти «*Слова завета*» в Библии называются «Десятисловием» (по-гречески «Дека́логом») или, что для нас более привычно, Десятью заповедями Моисеевыми. (Кроме Десяти заповедей, другие требования Господа концентрированно изложены еще в двух местах книги Второзаконие – 6:4-25 и 10:12-21.)

Теперь нам нужно задать себе вопрос: какая из заповедей Декалога характерна именно для завета с Моисе-

ем? – Конечно, четвертая, стоящая на стыке двух частей: заповедей, относящихся к Богу и к ближнему. Это заповедь о «*субботе*», о субботнем «*покое*».

Слово «суббота» переводится с древнееврейского как «покой». «Суббота» и есть святой седмичный «покой» – ради Господа Бога и всего Его творения, служащий также для научения во святом законе Господнем.

Нам нетрудно понять столь важное значение заповеди о субботе. Коли Моисеев завет связан в первую очередь с законом, то этот закон надо было изучать и учить, а значит, по закону надо было выделить и время на это, надо было утвердить для народа время покоя от дел своих и от всякой иной суеты. Но, конечно, этот покой имеет значение и для Бога, и для существования всего Его творения. Так в эпоху Моисея был сделан еще один шаг в сторону ограничения в мире зла и греха.

Среди десяти заповедей, конечно, существуют и все главные заповеди прежних заветов: завета с Авраамом – о едином Боге (1-я), завета с Ноем – о почитании родителей (5-я). В этом проявляется то, что все последующие заветы «в снятом виде» содержат предыдущие.

Суббота стала и *знамением* завета с Моисеем (см. Исх 31:12-17), как обрезание – завета с Авраамом, а радуга – с Ноем.

Именно в это время появляются регулярные праздники и развивается жертвенный культ Ветхого Завета. Устанавливается, прежде всего, праздник Пасхи, связанный с важнейшим событием в жизни народа – спасительным «*исходом*» из Египта. Вместе с тем в завет с Моисеем органично включается и законное *священство*, или «завет с Левием», т. е. с родом священников, согласно пророкам Малахии (2:4-8) и Неемии (13:29). Поэтому завет с Моисеем был не только «заветом мира», но и «заветом священства вечного» (см. Чис 25:12-13).

И наконец, *четвертый* исторический завет – также со святым пророком Божьим, но еще и царем, *Давидом*. Это завет *надежды* на Бога и Его спасение через Спасителя мира – Мессию (Христа).

Царь Давид царствовал, скорее всего, с 1005 по 961 г. до н. э. Он был «*помазанником Бога Иаковлева*» (2 Цар 23:1), но, конечно, он еще не был совершенным Помазанником, таким как Иисус. «Помазанник» по-древнееврейски «Маши́ах», или «Мессия», а по-древнегречески «Христос».

Суть завета с Давидом заключалась в том, что *упование* его, т. е. надежда его, – в Боге, как и «*спасение и хотение его*» – у Бога и от Бога (см. 2 Цар 23:4-5).

Бог обещает Давиду дать светильник спасения в вечном царстве Сына, Отрока, Потомка из рода его, так что *знамением* завета с Давидом и являются его *род* и *дом*, и его всемирный царский *престол*, который должен устоять *вовеки* (Пс 131:11, 2 Цар 7:16, 19).

Таким образом, будет необходим новый завет, который будет заключен с обновленным домом Израиля через Сына Давидова. Этот Новый Завет должен быть «*заветом мира*», написанным «*во внутренностях*» людей – в их «обрезанном» сердце, по выражению пророка Иеремии (31:31-34).

Пророки Ветхого Завета приближали эпоху Нового, но различать два Завета внутри единой эпохи Нового Завета они еще почти не могли. Для них исторический Новый Завет с Богочеловеком Христом (в котором мы ныне живем) и метаисторический Новый Завет с Богочеловечеством (Церковью) в явлении полноты Царства Христова, Божьего, сливались воедино. В реальности же исторический и метаисторический Новый Завет – это два завета.

Сейчас мы уже очень хорошо понимаем разницу между ними. Когда мы читаем пророков, то прекрасно различаем те части, которые относятся к нашей современной жизни, когда мы еще живем в мире сем, хоть и не от мира сего, и те мессианские места у пророков, которые говорят о грядущем метаисторическом Новом Завете и, очевидно, могут относиться прямо и непосредственно только к Небесному Царству, открывшемуся в Его полноте и силе. Но до Христа даже пророкам это было почти не видно.

Помогали царям и пророкам в приближении Нового Завета и *учителя* Израилевы, и *священники* Иерусалимского храма.

Завершив разговор о заветах, кратко поговорим теперь собственно о *Законе* и *Пророках*.

Что такое вообще *закон*? В узком смысле слова – это закон дел, действий и пожеланий, помышлений, по типу закона Моисея. В широком же смысле закон уже только условно может называться законом, в соответствии с заповедями каждого из семи заветов.

Можно сказать и более: все люди, в том числе и язычники, и неверующие, находятся под законом. Не нужно думать, что неверующие не знают и не имеют никакого закона. Но это закон, который апостол Павел (Рим 2:14-15) называет «*законом совести*»: не имея откровенного закона Божьего, «*они сами себе закон*», этот закон написан у них (язычников) в сердце, по нему они и судятся Богом. Они или исполняют его – и тогда «*по природе законное делают*», или нарушают его – и тогда «*вне закона и погибнут*».

Непоследовательность и частичность в исполнении закона Божьего – это всегда грех, ведущий прямо ко злу, даже при «благих намерениях». Человек часто в принципе все принимает, но в своей жизни остается непоследовательным, раздвоенным и частичным и поэтому от греха не освобождается. Как здесь не вспомнить слова Н.В. Гоголя, который часто видел именно такую непоследовательность и частичность в исполнении закона Божьего, и особенно закона Нового Завета. Он писал: «Грусть от того, что не видишь добра в добре» (из Записной книжки 1846 г.).

«*Законом познается грех*» (Рим 3:20), поэтому всем нужно знать и исполнять закон Божий. Всем! Праведность нужна и христианам. Не случайно Господь говорит: «*Не нарушить пришел Я (закон), но исполнить*».

Закон Божий всегда имеет значение, потому что он всегда от Бога, а поэтому он всегда и добр, и свят, и духовен,

по характеристике апостола Павла (см. Рим 7:12-16). Он дан против зла, безобразия, распада, хаоса и смерти в мире сем и, особенно, в падшем человеке. Он – закон Божьей правды и человеческой справедливости.

Но здесь мы начинаем встречаться и с некоторыми трудностями. Как говорит апостол Павел, «*когда пришел закон, то грех ожил*». Познать грех и означает его собою оживить. Любой закон в мире сем неразрывно связан с несвободой, формальной обязанностью, наказанием и даже человеческим мщением за его нарушение. И значит, он связан со злом и беззаконием (грехом).

Отсюда обычное недоразумение – обвинение «ветхозаветного Бога» в жестокости, ограниченности, монархизме и даже в несправедливости, т. е. грехе. Ему часто противопоставляют «новозаветного Бога» с новым духовным законом Любви и Свободы, который не от мира сего и поэтому уже не совсем закон, ибо Дух Божий не под законом – Он свободен.

Таким образом, ветхий закон связан для человека с неизбежным его неисполнением, что ставит человека под угрозу проклятия. «*Законом никто не оправдывается пред Богом*» (Гал 3:11), поскольку «*закон* (который сам по себе несовершенен, даже если он Божий) *ничего не довел до совершенства*» (Евр 7:19).

Однако закон дел не есть, как некоторые думают, некое антихристианское явление. Он есть явление лишь до- и предхристианское. Даже в христианстве, по словам апостола Павла, «*мы не уничтожаем закон верою, но закон утверждаем*» (Рим 3:31), потому что христианству нельзя быть беззаконным, как и христианину нельзя быть беззаконником, а закон дан именно затем, чтобы таковым человек не был. «*До пришествия веры мы заключены были под стражею закона...* (который) *был для нас детоводителем* (по-гречески «педагогом») *ко Христу, дабы нам оправдаться верою*» (Гал 3:23-24), т. е. полнотой духа и смысла от Бога.

Всем оглашаемым тоже пока еще требуется лишь «*молоко, а не твердая пища*». Они идут ко Христу под

«детоводительством», с «педагогом», пока живут более под законом, который для них есть «*детоводитель ко Христу*». Но, конечно, они не могут и не должны буквально исполнять весь закон, данный через Моисея, и не только в его обрядовой части, но и в том, что отражает особенности нашей жизни, связанные с местом, временем и культурой. Однако будем помнить, что «*навык в различении добра и зла*», который заключается в том, чтобы различать закон и беззаконие, выбирать первое и быть праведным, – этот навык всем нам совершенно необходим.

По Евангелию, важнейшим в законе является «*суд, милость и верность*» (Мф 23:23) наряду, конечно, с двумя «наибольшими заповедями» о *любви к Богу и ближнему*. Но по Моисееву закону дел главным остается исполнение *Десяти заповедей*. Поговорим теперь подробнее о них.

Десять заповедей в Ветхом завете несколько различно изложены трижды: во-первых, в 20-й гл. Исхода (ст. 1-17), во-вторых, в 5-й гл. Второзакония (ст. 6-21) и, в-третьих, в 34-й гл. Исхода (ст. 11-26), где больше внимания уделено культовой стороне.

Хотя в 20-й гл. книги Исход дано не самое древнее изложение Декалога, возьмем за основу этот известный всем текст и рассмотрим подробнее, какой смысл имеет каждая из десяти заповедей. Все они только на первый взгляд кажутся общепонятными и доступными для всех, всегда и везде. На самом же деле все не совсем столь просто.

Первая заповедь. Ее можно было бы сформулировать в таком синтезированном виде: слушай, Израиль, народ Божий: твой Бог, открывшийся Аврааму, – один-единственный, Он – Спаситель твой и Освободитель, но Он же и Бог Ревнитель.

Вторая заповедь может быть понята так. Все боги других народов – совсем не боги, а их изображения – лишь идолы. Твой Бог неизобразим, ибо Он Сам – Творец всего мира, видимого и невидимого. Он запределен

этому миру (свят миру) и без-виден, а поэтому и не-видим телесными очами. Только Ему, справедливо наказывающему ненавидящих Его, но еще более – милостивому к любящим Его, надлежит *поклонение со служением*: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Тут, правда, нужна оговорка. Истинно так, поклонение со служением подобает и надлежит одному лишь Богу. Но тому, на ком (или на чем) лежит печать образа Божьего, – человеку, иконам Христа, Богоматери, святых, святым дарам таинств, мощам и т. д. – тоже надлежит поклонение, но только так называемое «почитательное поклонение», т. е. поклонение без служения. Об этом очень подробно писал еще в VIII в. св. Иоанн Дамаскин.

Конечно, граница здесь очень тонкая. Ее, к сожалению, очень легко перейти, и людей нередко заносит в крайности. Они то совсем не хотят воздавать честь образу Божьему, например в человеке или на иконе, и впадают в протестантскую, мусульманскую или иудейскую и т. п. крайность, то, наоборот, столь многое приписывают, например, иконам и уже так их почитают, что готовы чуть ли не служить иконе как Богу. У них икона сама и ходит, и говорит, и все делает за Бога и как Бог.

Все это великий соблазн, и истинное почитательное поклонение, т. е. воздание чести святым и святыням, никогда не должно подменять или затемнять собою поклонения и служения единому Богу. Седьмой Вселенский (Никейский) собор, который принял иконопочитание в 787 г., совершенно недвусмысленно отлучал от церкви всякого, кто переходил эту границу в любую сторону.

Третья заповедь понимается нами следующим образом: как Бог свят, так же свято, священно и Его имя, которое должно быть вне суеты мира сего. Поэтому пред ним требуется благоговение, страх и трепет, без чего нельзя исполнить Божий закон и иметь даже «*начало премудрости*».

Именно поэтому все законы Ветхого завета произносятся от имени Божьего. А иначе человек никогда не был бы способен их исполнять. Только если человек благогове-

ет перед именем Божьим, то он стремится исполнить все, что идет от него. На этом стоял Ветхий завет, особенно завет с Моисеем – завет праведных дел.

Четвёртая заповедь. Также должен быть свят, освящен, священен и хотя бы один день в неделю. Им стал недельный покой ради Господа Бога – суббота, в которую надо было все оставить именно для своего освящения и очищения, для научения законам и заповедям Божьим и исполнения их, для воспоминания о Боге и Его делах, о сотворении мира и освобождении Его народа от египетского рабства и смерти.

Первые четыре заповеди относятся к Богу. Исполнить их – значило подтвердить свою подлинную *любовь* к Господу. В законе Моисеевом это означало даже «*возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всей душою и всеми силами своими (всей крепостью своею)*» (Втор 6:5).

Конечно, это было еще совсем не то, о чем говорит Господь в Новом завете, когда требует исполнять заповедь о Любви. Разница между ветхозаветной и новозаветной любовью принципиальная.

Остальные шесть заповедей – о «*любви к ближнему в народе твоем*» (Лев 19:18). Важно заметить, что слова «в народе твоем» говорят о том, что Моисеев закон распространялся только на народ Божий, на Израиль, но еще отнюдь не на всех людей.

Пятая заповедь. По аналогии с почитанием Бога Отца Небесного, требуется такое же беспрекословное почитание родителей, отца и матери, от которых тоже, в свою очередь, требовалась верность «Богу отцов».

Другими словами, слушайся своих отца и матерь, которые слушаются Бога, и тебе будет благо, и долголетен будешь ты на земле, ибо и «*у тебя должны быть дети*». То есть когда ты будешь слушаться Бога, а дети будут почитать тебя, тогда всем будет хорошо.

Шестая заповедь. Суд над народом Божьим, и особенно над жизнью его членов, принадлежит только Богу,

ибо у этого народа как единственного богоизбранного в то время народа есть особое происхождение и особая миссия в мире.

Здесь еще нет и речи о всяком человеке и тем более о всяком живом существе. Таким образом, заповедь «не убей» также относится только к членам народа Божьего. Причем здесь употреблен глагол, говорящий об убийстве бытовом, потому что для убийства на войне существовало другое слово, которое здесь, в этой заповеди, не употребляется. И важно также заметить, что здесь сказано «не убий», или по-русски – «не убей», а не «не убивай», как мы читаем в синодальном переводе Библии. Это более правильно, поскольку слова этой заповеди надо переводить глаголом совершенного вида, ибо закон Моисеев требовал именно этого.

Впрочем, то же относится и ко всем другим заповедям. По одной только этой детали сразу чувствуется, что русский перевод делали христиане, забывшие специфику Ветхого завета. Лишь в принципах внутренней христианской жизни, в которую входит любовь ко всякому человеку вообще, можно сказать «не убивай», т. е. не убивай вообще. Но Ветхий завет был значительно у́же и конкретнее, он говорил «не убей» – в той или иной конкретной ситуации, в которой ты можешь оказаться среди членов народа Божьего.

Седьмая заповедь. По аналогии с верным Своему народу Богом, так же и сам храни верность как Ему – Богу, так и своей семье, своим самым ближним, т. е. не нарушь законных уз любви, конечно, в ветхозаветном смысле этого слова – как уз закона и завета (ср. Иез 20:37), регулировавшего и все семейные отношения. Значит, не будь предателем Бога и ближних – «не прелюбы́ сотвори», «не прелюбодействуй».

Восьмая заповедь. Подобно тому, как всё в тварном мире принадлежит Богу и это Его владение не должно быть нарушено, так же ненарушимо должно быть и законное владение чем-либо в Его народе.

Поэтому и говорится: «Не укради». Опять же не «не кради», а «не укради», т. е. довольствуйся только своим и для увеличения благосостояния своего народа законно, т. е. честно, умножай свое земное достояние (как это отлично от акцентов Нового Завета!).

Девятая заповедь. Не нарушь правды, т. е. законности, даже в слове, особенно в отношениях с другом, т. е. с тем же ближним – членом народа Божьего. В праведную любовь к ближним должна входить и правдивость.

Конечно, здесь имеется в виду правдивость, понятая тоже правильно, потому что некоторые, ради правдивости, готовы забыться и пойти даже на предательство, когда они везде и всюду начинают говорить все подряд, именно как правду. Мол, я должен быть правдивым, меня спрашивают, вот я правдиво и отвечаю. Без всякого разбора, кто, о ком и зачем спрашивает. Но надо же быть мудрым. Это может пригодиться и в нашей современной жизни. Иногда надо и промолчать, а иногда сказать не все. Единственное, чего нельзя, – так это врать. Хотя можно просто придумать какую-то притчу или образ, можно сказать о чем-то или о ком-то иносказательно. Итак, можно по-разному высказывать правду, но всегда надо быть правдивым.

И наконец, *десятая заповедь*. Не нарушь правды, т. е. законности, и во внутреннем, как бы тайном слове, т. е. в своих пожеланиях, по отношению к своим близким. Поэтому даже «не пожелай» чужой жены и (или) чужой собственности.

Таким образом, Десять заповедей – это эталон законной праведности «от дел» в условиях жизни с ближними в народе Божьем.

Закон был дан для блага этого народа, но всегда под *страхом наказания*. Закон Моисея утверждал равенство всех израильтян пред Богом и Его законом, и в этом было его большое достоинство. Но в нем еще недоставало личностности и соборности, кафоличности.

Завершая разговор о законе, можно только повторить слова Моисея у горы Синай: «*Бог пришел, чтобы испы-*

тать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили». Это значит, что закон был дан лишь против всякого беззакония, но не для личностного сочетания с божественной благодатью и не для подмены ее собою.

Неисполнимость всего закона Моисеева требовала заключения следующего завета. Сначала завета с Давидом и Левием – завета надежды. А милость, любовь и свобода Божьи вообще требовали перехода от Ветхого Завета к Новому, спасительному не только для национально-исторического Израиля, но и для всего мира.

Прийти к Новому Завету нельзя было без *покаяния*, а это требовало *навыка* духовных чувств в «*различении добра и зла*» (Евр 5:14) и в принесении «*достойного плода покаяния*» (Мф 3:8). Но здесь надо было бояться теневой стороны эпохи закона – законничества с его ограниченностью и гордости самоспасения, мелочности и подавленности страхом, как и чувством своей беспомощности и греховности.

Новый Завет отношение к людям сводит к одной заповеди: «А потому во всем поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами: вот суть Закона и Пророков» (Мф 7:12). Так Новый Завет содержит в себе «в снятом виде» весь ветхозаветный Закон и соответствующие ему добродетели: смирение, покаяние, пост, послушание, целомудрие, нестяжание, а также определенный культовый чин (порядок богослужения). Правда, в Новом Завете они должны быть соединены уже не столько с этическими, сколько аскетическими требованиями, которые идут несколько дальше всех обычных заповедей Ветхого Завета.

В заключение – коротко о *пророках*. Как мы уже говорили, наряду с Законом ко Христу вели Пророки, которые в своей правде возвышались до вечной Истины во всем, о чем бы они ни пророчествовали, касалось ли это прошлого, настоящего или будущего.

Многие же считают, что пророк может и должен говорить лишь о будущем, что совершенно неправильно. Он

может говорить и о прошлом. Но о чем бы он ни говорил, он всегда должен говорить правду и истину, и только тогда он пророк святой и истинный.

Пророки Божьи в Ветхом завете – это избранники Божьи, Божьи трубы, орга́ны или сосуды, которые были святы и не имели иного смысла своего существования. Но их святость была не такой, чтобы быть для них уже личным вечным спасением.

Пророки свидетельствовали о нарушениях народом Божьим или его руководителями заповедей и говорили о последствиях этого. Они призывали к покаянию и восстановлению старого Божьего завета, но свидетельствовали и о милости Божьей и тем самым о том, что настанет время Нового Завета как исполнения завета с Давидом через Сына Давидова, Отрока Божьего – Иисуса Христа.

По их пророчествам мы можем удостовериться в том, что Иисус и есть Христос (мессианские места можно найти в IV теме или в приложениях к «Брюссельской» Библии).

Последний пророк Ветхого Завета – св. Иоанн Предтеча, но он уже прямо связан с первым периодом жизни Иисуса на земле, о котором пойдет речь в следующей, VII теме.

Господи, Боже наш, Ты удерживал человека от зла, но даровал всем нам и свободу. Дай нам, Господи, сил воспользоваться этой свободой во благо, чтобы, хорошо различая добро и зло, прийти к Твоей Истине. Дай нам, Господи, ценить каждый Твой Завет как Твое наследие, как эпохи Твоего Откровения. Дай нам, Господи, стремиться вперед и вверх, укрепляясь в законе Любви, в Завете с Сыном Твоим возлюбленным Иисусом Христом. Дай нам, Господи, покаяние, чтобы нам открыть Тебя в сердце своем, чтобы во всем последовать за Тобою, опираясь на Тебя, а не на свои суетные обстоятельства, дела и размышления. Дай нам, Господи, сил на этом пути, во славу Твою!

Аминь.

Тема VII

Первый, подготовительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: Богоявление – Рождество и Крещение с последующим Искушением

Господи, Боже наш, Ты открываешь нам Тайну Сына Своего – Господа нашего Иисуса Христа, открываешь нам Путь спасения, говоришь нам об этом Пути как о Благой Вести. Господи, пусть же возрадуется сердце наше от этого. Дай нам приготовить путь пред Тобою. Дай нам, Господи, воспринять тот евангельский путь, который есть путь Жизни вечной. Пусть никто из нас никогда не сойдет с этого пути, но идет по нему и освящается Твоей благодатью, и радуется Твоему спасению во веки веков! Аминь.

ПОСКОЛЬКУ первородный Грех и Зло отрывали человека от Бога, постольку и созданная «по образу Божию наша красота» стала «безобразной и бесславной», как говорится в одном из церковных песнопений. Лишь закон милосердия Божьего (по завету с Ноем) не давал окончательно погибнуть миру и человеку, лишь закон прообразовательных, а потому у многих часто еще слепых, веры и надежды (по завету с Авраамом и Давидом) давал человеку живую перспективу достойного существования, лишь закон праведных дел и жертвенного богослужения (по завету с Моисеем) имел силу реально сдерживать добром и правдой наступление зла и греха.

Однако Бог все так же хотел, чтобы человек жил с Ним, не просто сосуществуя параллельно, и даже не как раб в Его Доме, а в свободе и единстве сыновней любви и мира, ибо Свобода и Любовь Божьи оставались все так же неизменны. Но чтобы человек, а за ним и мир могли вернуться к Богу, нужно было, чтобы кто-то освободил человека от рабского служения Злу и Греху, не на Жизнь, а на Смерть растлевающим его и мир. Все же человеческие попытки самоспасения, почти всегда связанные с откровением нового, хотя нередко лишь «отрицательного» (апофатического) религиозного опыта, до конца не удавались и, как теперь многим стало ясно, не удадутся.

Так в историю человечества постепенно вошло ожидание спасения от единого Спасителя – Бога, с пониманием того, что для прощения человека и омытия его греха необ-

ходимо особое явление Духа и Слова-Сына божественной Любви, которое одно способно подорвать порочные основы лежащего во Зле и Грехе «мира сего», которое одно способно обратить этот мир к своему Творцу и Богу. Одновременно с появлением и углублением через возрастающий грех этого ожидания происходило столь же постепенное его исполнение. Этот двуединый процесс и составляет по сути саму человеческую историю, или *историю человечества*, далеко выходящую за рамки его Священной Истории.

Священное божественное Писание и Предание Церкви, т. е. содержимое ею все божественное Откровение и Богопознание, открывают перед нами *три периода* этой Истории.

Первый период – приготовление к пришествию Спасителя. Это время от самого начала человеческой Истории (от Грехопадения) до Явления миру его Спасителя, или Бого-Явления.

Второй период – время от этого Явления до Сошествия Святого Духа и рождения новозаветной Церкви – нового Народа Божьего. Почти целиком это было время земной жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего.

Третий период человеческой Истории – время от Сошествия Святого Духа и далее до ее конца. Это есть время жизни на земле новозаветных людей, верующих в Бога и Христа Его и водимых Духом Святым. Это же есть время проповеди всем и везде Царства Божьего – Жизни вечной: «*да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа*». Но это есть и то время, когда молящиеся Богу и восклицающие Ему «аллилуия!», т. е. «хвалите Бога, вот Он идет!», тем самым предвосхищают Новое, так называемое «Второе» пришествие Христа и конец всей человеческой истории, разрешаемой в последнем, седьмом Завете Бога и Отца со Христом и Его Церковью в Духе Святом, со всем Богочеловечеством (по закону полноты Жизни вечной, Любви, Свободы и Творчества), когда «*Бог будет всё во всём*».

Первому периоду Истории человечества мы посвятили две предыдущие беседы (темы V и VI), второму перио-

ду посвятим три (темы VII, IX и XI), а третьему – еще две (темы XIII и XIV).

Второй период условно поделим на три главных этапа:

- *подготовительный* (а лучше – приуготовительный), или период собственно Явления Иисуса как Христа;
- *евангельский*, или период собственно Благовестия Иисуса о приблизившемся Царстве Божьем, о покаянии, обращении к Богу и примирении с Ним, т. е. этап Его так называемого общественного служения;
- *искупительно-спасительный,* или период свершения Иисусом самого Спасения и Примирения человека с Богом, т. е. период жизни Иисуса от Входа в Иерусалим до Вознесения, в том числе и Его Смерти, плюс время ожидания Его учениками исполнения обетования о Сошествии Святого Духа.

Обратимся теперь к первому этапу земной жизни Иисуса Христа – от мифологизированного евангелиями «пророческого» Зачатия и Рождения Иисуса до Его Крещения и Искушения в пустыне. Это и есть приуготовительный этап по отношению к открытому личному служению Иисуса Христа, ради которого Он и пришел. Это Явление – главное на первом этапе.

С повествования о полном *Бого-Явлении* в лице Иисуса Христа и начинаются все четыре евангелия. Само это Богоявление эсхатологично («эсхатóн», с греческого – «конец»), так как оно уже стоит под знаком «конца», причем конца двоякого. С одной стороны, под знаком конца очередного завета, ввиду его исчерпания и разрушения, как это всегда было и прежде со сменой заветов, а с другой – под знаком конца вообще всего противоположного Богу в мире сем, ибо с Явлением Господа разрыв между Богом и миром сокровенно преодолевается. То и другое требовало, чтобы ко времени начала этого Откровения в полноте личностного Богоявления «*пришла полнота времен*», как и сказал апостол Павел: «*Когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего единородного, Кото-*

рый родился от Жены» (Гал 4:4). Итак, Бог являет Себя («приходит») «*в последние времена*» (1 Пет 1:20).

Описание Богоявления, о котором мы говорим как о первом этапе земной жизни Спасителя, в евангелиях *удвоено*.

Первое Богоявление – это явление в мир Бога во Христе, или то, что мы называем Рождеством, точнее, Зачатием и Рождеством Христовым. Но это явление Его еще только в мир. *Второе* Богоявление – то же явление Бога во Христе, но уже не просто в мир, а именно израильскому народу, богоизбранному и обетованному обществу, почему и следующий после него второй этап жизни Христа часто называется этапом «общественного» служения Спасителя.

Второе Богоявление *изначально* в Евангелии, оно первично в нем, а первое – от него, скорее, производно.

Начнем с первичного Благовествования Церкви о втором Богоявлении, т. е. о *Крещении Иисуса* в воде и нисхождении на Него Святого Духа от Отца Небесного со Свидетельством от Него об истинном Богосыновстве Иисуса.

Поскольку любое Богоявление – всегда *тайна духа*, постольку и всякое о нем повествование всегда будет мифологизировано. Эту тайну «понять» можно, только имея Божью премудрость и Божье просвещение; ее «увидеть» можно, только «имея очи», чтобы истинно духовное видеть; ее «услышать» можно, только «имея уши», чтобы истинно духовное слышать.

Евангелисты Матфей и Лука начинают свое повествование с первого Богоявления, но они не забывают и второго. Прямо со второго Богоявления начинаются Евангелия от Марка (1:1-11) и от Иоанна (1:6-34).

Говоря о втором Богоявлении Иисуса, возьмем за основу пролог Евангелия от Марка, его 1-ю главу. Весь пролог составляет пятнадцать первых стихов этой главы, но о Крещении Господа речь идет только в первых одиннадцати стихах. Из них первые восемь говорят об Иоанне Крестителе, и лишь ст. 9-11 – о самом Крещении.

Пойдем последовательно по тексту Евангелия от Марка, стараясь разобраться в основных словах и понятиях. Здесь мы берем за основу лучший на сегодня перевод – академика С.С. Аверинцева (но можно воспользоваться и другими).

Ст. 1. «*Начало благовестия Иисуса Христа [Сына Божия]*».

Вероятнее всего, этот стих представляет собой древнее заглавие всего текста Евангелия от Марка.

«*Иисуса Христа*». Эти слова здесь стоят в родительном падеже. Что это значит? Это может означать или то, что речь идет о благой вести *об* Иисусе Христе, о Его Личности, или же о Благовестии, принесенном *Самим* Иисусом Христом. Все экзегеты, т. е. те, кто занимается толкованием Священного писания, сходятся на том, что самым верным будет первое понимание, так как именно Сам Иисус Христос и Его Явление служат *содержанием* Благой Вести у Марка.

Ст. 2-3. «*Как написано у пророка Исаии: Вот, Я шлю Ангела Моего пред лицом Твоим, который уготовит Тебе путь, голос вопиющего в пустыне: уготовьте пути Господу, выпрямляйте тропы Его*».

У евангелиста Марка путь для Христа пролагается уже не столько через изучение закона, как это было в Ветхом Завете, сколько через людские сердца. Но под препятствиями на этом пути Новый завет понимает только нечистоту, обусловленную грехом, т. е. тем же беззаконием. «*Уготовить путь Господу, выпрямить тропы Его*» – значит убрать эти препятствия, для того чтобы возвещаемый благой, радостной вестью Царь мог прийти беспрепятственно.

Итак, приуготовление здесь означает не просто то, что обычно думали в Ветхом Завете. О приуготовлении пути для Бога знали до Христа, но толковали его только в духе закона. Изучаешь закон Божий – вот ты и готовишь путь для Бога. А здесь уже говорится о том, что само сердце человеческое должно быть готово для Бога во Христе.

Ст. 4. «*Явился в пустыне Иоанн Креститель, возвещая крещение покаяния ради прощения грехов*».

«*Возвещая*». Возвещать, проповедовать – значит объявлять, провозглашать. Это слово имеет как бы официальный, властный смысл публичного объявления уполномоченного глашатая, герольда. В данном случае объявляется, провозглашается вполне определенная воля Божья. Русское «проповедовать» обрело скорее другой смысл – назидательно-изъяснительный.

Что проповедует Предтеча? – «*Крещение покаяния*». Это семитизм, смысл которого таков: это крещение, символизировавшее и выражавшее собой покаяние.

Покаяние же есть изменение возвращающегося к Отцу сердца (духа и направления жизни). Покаяние – важнейшее для нас понятие (по-гречески μετάνοια – «метанойя», или «мета́ния», от глагола, обозначающего «менять мнение, передумывать, сожалеть о прошлом, раскаиваться»). Это слово означает более, чем интеллектуальный процесс. Оно включает в себя акт обращения, поворота, затрагивающего и сердце, и волю человека. Если раньше человек имел волю к другим вещам, стремился к достижению других целей, то через покаяние он должен изменить само направление своей воли и пожеланий своего сердца.

В результате этого внутреннего движения меняется к лучшему и внешнее поведение человека. Таким образом, не от внешнего *поведения* к внутреннему, а от внутреннего покаяния к изменению внешнего поведения – такова логика покаяния как обращения. Поэтому и говорится в Писании, что «*Бог смотрит на путь человека*», а не просто на отдельные поведенческие стороны его жизни. Покаяние – это поворот *с пути* греха *к* Богу, движение одновременно и назад, и вперед. Первичным внешним выражением такой перемены было открытое заявление об этом, или признание, «*исповедание грехов*», с просьбой об их прощении, или отпущении, а после него – крещение.

«*Прощение*». Само слово происходит от греческого глагола, обозначающего «отсылать прочь». Библейское значение этого слова таково: это действие Бога, Который

как бы отсылает прочь, отпускает, «аннулирует», вычеркивает грех как долг или прощает его как преступление закона. О том же мы просим и в молитве «Отче наш»: «*и прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим*».

Итак, прощение – это Божье действие, выпрямление того, что было искажено, извращено. Простить – значит выпрямить, выправить, исправить, для чего нужна Божья сила, которая способна как бы вычеркнуть наш грех из того списка грехов, который представляется Богу.

«*Грех*». Мы уже говорили о грехе в V теме, но здесь обратимся к нему с другой стороны. Это слово, как ни странно, происходит от греческого слова, означающего «не попасть в цель», «совершить промах», «ошибиться», «погрешить». Первоначальное значение слова «грех» – «ошибка», «промах».

Итак, в первых четырех стихах 1-й главы Евангелия от Марка говорится о том, что обетование исполняется в Иоанне, которого Марк, видимо, считая его известным лицом, называет Крестителем. «*Приготовление пути Господу*» и есть то крещение, для совершения которого послан «вестник» («ангел») Иоанн. Он объявляет крещение покаяния так же, как в Ветхом завете объявлялся пост для всего народа (3 Цар 21:12; Ион 3:5). «Крещение покаяния», вероятно, было уже установившимся термином для обозначения только Иоаннова крещения. Здесь же снова звучит мотив «пути»: «покаяние» есть обращение, поворот от неверного пути – пути нарушения завета – на верный путь Христа. Другой смысл «оставления (прощения) грехов» мы встречаем уже значительно позже – в Мф 26:28, на Тайной вечере.

Ст. 5. «*И выходила к нему вся страна Иудейская и все жители Иерусалима, и принимали от него крещение в реке Иордан, исповедуя грехи свои*».

«*Крестить*», по-гречески «бапти́зо» или «вапти́зо», означает «погружать, купать». Для нас это очень важное понятие. В Новом завете слово «крещение» используется в основном в ритуальном смысле. Но как это делает-

ся? Во-первых, имеется в виду иудейский обычай омовения. Например, в евангелии говорится: «*вы соблюдаете омовение чаш, кружек, котлов, скамей*», «*есть и много других обрядовых предписаний, которые принято соблюдать, например омовение чаш, кувшинов и медной посуды*» и т. д. (Лк 11:38, Мк 7:4). Во-вторых, имеется в виду Иоанново и христианское крещение. И в-третьих, это метафора для обозначения страдания и мученичества (Мк 10:38-39, Лк 12:50) или прохождения Израиля через Чермно́е, т. е. Красное, море.

«*Исповедуя*». Здесь «исповедь» – открытая. Грешники громко признавались Богу в своей греховности, и их при этом слышал как свидетель Иоанн. Универсальность этого крещения отличает его от подобных действий иудейских сект и партий (не случайно сказано, что в «пустыню» шли креститься «*вся* Иудея и *все* иерусалимляне»).

Когда мы теперь крестимся, то нам обычно кажется, что это только наше личное дело. Мы исправляем лишь свою жизнь и вообще занимаемся собой. Но ничего подобного в первые новозаветные времена не было. Люди прекрасно понимали, что их исправление пред Богом и крещение имеют отношение и к последующему времени, что они имеют колоссальные последствия, потому что, как это еще в Ветхом завете было открыто Моисею, Бог милует любящих Его на множество родов.

Но самое, наверное, неожиданное, что при таком покаянии и крещении может меняться также и прошлое на множество родов. Этот опыт мы потеряли даже больше, чем первый. Однако в нем заключена еще более глубокая духовная Тайна, касающаяся целостности всего творения. Итак, христианство (силой Божьей во Христе) может изменять и настоящее, и будущее, и прошлое человека и мира.

В других евангелиях, по Луке (3:8, 10-14) и Матфею (3:8), еще говорится о том, что при крещении всем надо также принести «*достойные плоды покаяния*». Так, в Евангелии от Луки сказано, что приходили к Иоанну Крестителю разные люди и перед крещением спрашива-

ли его: «*Что нам делать?*» И тут уже раскрывается, что значит «*принести достойные плоды покаяния*», что значит подлинно и до конца покаяться, изменить путь и дух своей жизни: кающиеся должны показать, что их покаяние «*живо и действенно*» и положительно влияет на всю их жизнь.

Этот рассказ есть только у Луки. Вопрос «что нам делать?» там задают мытари (финансовые чиновники – сборщики налогов) и воины (военные), а Предтеча отвечает не о том, как им строить свою семью или свою внутреннюю жизнь, а о том, какими они должны быть, как мы бы сейчас сказали, на работе (в чем тоже, между прочим, есть существенное отличие от современного сознания). Он говорит: «*Не бери лишнего, не обижай*» и т. д. Все, что могло быть связано, так сказать, с должностными преступлениями, со злоупотреблениями служебным положением или еще с чем-то подобным, следует исправлять в первую очередь, ибо от этого в мире рождается больше всего зла. Вот тут речь уже идет о некотором подобии простой, причем открытой, исповеди.

Ст. 6. «*И носил Иоанн одежду из верблюжьей шерсти, и пояс из кожи на бедрах, и кормился саранчой и диким медом*».

Этот стих посвящен самому Предтече.

Аскеза, пусть еще и не совсем в христианском таинственном смысле этого слова, и неприхотливость в потребностях всегда служили внешним выражением обращения и покаяния. То, к чему призывал Иоанн, он сам должен был являть собою.

Итак, перед нами образ аскета Иоанна Предтечи, который уподоблялся пророку Илие, пищей которого была пища кочевников.

В связи с этим несколько подробнее скажем о церковных *постах*. Согласно монастырскому уставу, пост по своей строгости бывает нескольких ступеней. На первой ступени снимается мясо и все мясное, на второй – молочное и яйца, на третьей – рыба, на четвертой – постное масло и вино, на пятой – всякая вареная пища (этот пост на-

зывается «сухоядение»), а на шестой – обходятся совсем без пищи, иногда даже без воды (это уже так называемый полный пост, в церкви он самый древний и всегда, естественно, краткий, обычно не более чем однодневный).

Ст. 7. «*И возвещал, говоря: “Идет за мною Тот, Кто сильнее меня, у Кого я недостоин, наклонясь, развязать завязки обуви”*».

«*Развязывать завязки обуви*» – это было унизительной обязанностью раба.

Христианство видит пришествие Бога совершившимся в пришествии Иисуса Христа. В этом выражает себя божественная эпифания (первое полное Богоявление), так что Грядущий воистину облечен такой силой, которой не обладал Иоанн. Он «сильнее» Иоанна, ведь сказано: «*идет... Тот, Кто сильнее меня*».

Здесь «*Сильный*» употребляется в мессианском смысле, как и у пророка Исайи (9:6): «*Бог крепок*», т. е. «Бог силен». Так что и у Иоанна это не просто какая-то внешняя сила, а сила Божья.

Ст. 8. «*Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым*».

Это стих о Духе Святом. Дух Святой, Который в Ветхом завете время от времени, да и то не в полноте, изливался на пророков, царей и священников, теперь будет излит в полноте (ведь «крещение» означает «погружение») на всех верующих, как сказано у пророка Иоиля (2:28): «*Изолью от Духа Моего на всякую плоть*». Изливающийся на всех Дух – это знак уже начавшейся новозаветной эсхатологической эпохи.

Ст. 9-10. «*И свершилось во дни те: пришел Иисус из Назарета, что в Галилее, и принял крещение от Иоанна в Иордане. И когда Он выходил из воды, тотчас увидел разверзающиеся небеса и Духа, подобно горлице, нисходящего на Него*».

Мы ранее уже говорили, что есть «мир» первый, второй, третий, есть «начало» первое, второе, третье и т. д. Так же нам надо разобраться и с «небом».

Что такое «*первое*» небо? – Это наше видимое небо, все то, что у нас над головой. Это тот или иной наш, если угодно, человеческий «потолок», то, что непосредственно над нами. Это всякое небо, видимое нашими чувственными очами.

«*Второе*» небо (или «небеса») – это космос, вся толща космоса как универсума. Оно тоже над нашей головой, над нами, но оно уже – видимое больше умом, умными очами, или, как говорили прежде, умопостигаемое небо. Это и есть тварная «твердь», «небеса» с малой буквы, вплоть до «седьмого неба» включительно.

На «первом» небе плывут облака, на «втором» живут олимпийские и прочие языческие боги и божки, потому что они – реальность трансцендентального мира (во втором смысле слова «мир», т. е. в смысле падшего мира, мира сего), реальность, которая может быть «над нами», если мы подчинены ей как тем или иным силам внутри космоса, другими словами, если мы находимся как бы в «рабстве у космоса».

А «*третье*» Небо (или «Небеса») – это реальность трансцендентального мира в первом смысле слова «мир». Это сфера действия вечной Божьей памяти в вечном покое и вечной силе чистой божественной Любви и Премудрости первозданного мира, который всегда выше мира сего, но который и нам надо «хранить и возделывать» для обретения совершенства вечной Жизни, Любви, Мира и Свободы. Будучи тварным и не будучи Богом внутри Себя, в Самом Себе, в Своем существе и существовании, это Небо может доходить и до наших сердец, когда они вполне открываются в правде и любви Богу и ближним. На этом Небе живет и прославляется наш Бог, там же предсуществует Его Царство, которое нам заповедано более всего искать и восхищать как драгоценнейшую Жемчужину.

«*Сошел на Него Дух Святой*». Интересно, что в одной из древнейших рукописей здесь стоит не «*на* Него», а «*в* Него», т. е. «*сошел в Него Дух Святой*». В этом и заключается *главный смысл Его Крещения:* Дух входит в добровольно и ответственно взявшего на Себя «*Грех мира*»

Иисуса, и с тех пор Он как Господь, *исполненный* Духом и Истиною, выходит на Свое «общественное» служение. Только этот Дар Духа как результат «*возрастания и укрепления в духе*» Иисуса и нужен был Ему для начала открытого и полного мессианского служения. Если раньше Иисус, как все, жил в Своей семье, в Своем городе, будучи простым плотником, примерно до тридцати трех лет, то вот тут, в Крещении, Он получает божественную Силу как особое призвание на служение и как свидетельство с Неба, что Он созрел, что Он готов, что и для других «*пришла полнота времен*».

Но почему все же это было связано именно с Крещением? В некотором смысле это тоже понятно. Тут Господь «*берет на Себя Грех мира*», и «*исполняет всякую правду*», и добровольно приравнивает Себя ко всем членам разрушившего завет богоизбранного народа, и до конца смиряет Себя, что благоугодно в очах Божьих и потому вызывает Откровение о Божьем, Отчем благоволении к Нему.

Итак, в то время как крещаемые Иоанном, выходя из воды, воспринимали благодать покаяния, т. е. обращения на путь праведности, и тем самым очищались от греха и принимались в народ Божий, Иисус, в отличие от них, видит разверзшееся Небо и обретает актуальную силу и по Человечеству Своему нести «*Свой Крест*», взяв на Себя «*Грех мира*».

Дух сходит *в* Иисуса, чтобы засвидетельствовать то, что Он – Сын Божий, и чтобы в полноте действовать в Нем. Сошествие Духа есть результат Крещения Иисуса, но Он обретает силу Духа не в воде, которую Он этим освящает, а с Небес, что свидетельствует о непосредственной близости Иисуса к Отцу. Иисус Сам – обладатель Духа, Которым Он и будет в Свое время крестить Свой народ, Своих людей.

Ст. 11. «*И был голос с неба: “Ты – Сын Мой Возлюбленный, на Тебе благоволение Мое”*».

Проявления особого призвания Иисуса были и раньше, но это призвание само еще оставалось как бы в по-

тенции. Теперь же оно актуализируется и раскрывается. Поэтому Отцом и дается Откровение через глас с Небес: «*Ты – Сын Мой Возлюбленный*».

Ветхозаветное раввинистическое богословие утверждало, что с тех пор, как угасло пророчество в Израиле, божественный глас более не может достигать земли, но в Крещении Иисуса мы видим, что голос Самого Бога с Небес объявляет Иисуса Сыном.

Отношение «Отец–Сын» – это отношение теснейшей и существенно единственной, уникальной связи между Ними. Что же значит выражение «*Сын Божий*»? Выясняя это понятие, совершим небольшой экскурс. Для нас это понятие – одно из самых принципиальных, поэтому и рассмотрим его специально.

В вопросе о происхождении и значении словосочетания «Сын Божий» обратим внимание на соответствующий титул в древневосточном царском обиходе (Пс 2:7, 2 Цар 7:12-16) и на эллинистический культ царя. В Египте царь считался рожденным, зачатым от Бога, то же – в Вавилоне. В Сирии царь – земная форма явления божества (отсюда прозвание сирийских царей эллинистической эпохи Епифан, «богоявленный»). В Греции, где боги вступали в близкие отношения с людьми, особо выдающихся людей называли богорожденными (например, Платон – сын Аполлона). Стоические философы наделяли каждого человека достоинством богосыновства (Эпиктет). Особенно устойчивым выражение «сын божий» было в греко-римском культе царей и императоров.

Но весь рассказ о Крещении указывает скорее не на языческий греко-римский культ, а на мир Палестины с ее особыми образами и понятиями. Здесь для понимания слова «сын» существенно его фигуральное использование в качестве соотносительного понятия (для нас это непривычно, но это нужно и важно знать). Так, когда два понятия тесно соотносились друг с другом, их отношение часто и обозначалось словом «сын». Например, сын тука – это утучненная почва, сыны пламени – искры, сын лука

или колчана – стрела, а сын зари, например у пророка Исайи (14:12): «*как ниспал ты с неба, денница, сын зари*», – утренняя звезда (Венера).

Иисус – Сын Божий от начала. Он – Сын Божий не потому, что Он Христос, а скорее наоборот: Он Христос потому, что Он – Сын Божий. Но где берет начало это именование Иисуса Сыном Божьим? Анализ ветхозаветных и мессианских традиций показывает, что они не могли быть непосредственным источником такого Его именования. Следовательно, этот источник надо искать в духовном свидетельстве и самосознании Самого Иисуса.

Христу свойственно неповторимое, единственное сочетание чрезвычайной возвышенности духа со смиренной покорностью воле Отца. Поскольку Иисус неповторимо, уникально несет на землю окончательную волю и полноту Откровения Бога Отца, постольку Он и осознает Себя, и именуется Сыном Божьим.

Итак, Иисус крестился и явно, хотя и духовно, облекся Силою Полноты сошедшего в Него Святого Духа. Так что нет сомнений, что Он – Сын Божий. Но не забудем, что Он же и *Сын Человеческий*, Который (приходя ко Крещению по Своей Любви и Свободе) берет *на Себя* Грех мира. Это – по Его Человечеству.

Именно так, как Сын Божий, но вместе с тем и Сын Человеческий, Иисус *начинает Свое служение* по освобождению и искуплению человечества от рабства Греху, Проклятию и Смерти.

Завершая рассказ о Крещении Иисуса, т. е. о «втором» Богоявлении во Христе, евангелист Лука говорит (3:23): «*И было Иисусу, когда начинал Он Свое служение, лет тридцать; и был он, как думали (!), сын Иосифа, сына Ели...*» и дальше, дальше, дальше – через Давида, Авраама, Ноя, Адама – к Богу. Так, по Луке, Сын Божий как бы проходит через все поколения человечества. Это символ того, что во Христе соединилось все человечество, что Он Сам – Всечеловек, Новый Адам (при этом утверждается не столько историческая достоверность родословия, сколько именно символическая, почему и говорится «*как думали*»).

Но вот если обратиться к евангелисту Матфею, там мы увидим другое родословие. С «*книги происхождения Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова*» и начинается рассказ Мф о «первом» Богоявлении, начинается так называемая «история детства» Иисуса.

Своими вступительными рассказами Матфей отвечает на два вопроса: в 1-й главе – Кто есть Иисус из Назарета, а во 2-й – откуда Он происходит. По Матфею, Он есть Мессия конца времен, и обетование (обещание) Его пришествия сопровождало историю народа Божьего с самого ее начала. Поэтому Он и есть «*Сын Авраама*». Достигнув своего апогея, история избранного народа в Нем пришла к исполнению главного обетования. Поэтому Он и есть обетованный «*Сын Давидов*», Который во тьме падения народа Божьего является как Освободитель от грехов (1:21). По Мф, Он как Рожденный от Бога и Силы Духа Божьего – Тот Обетованный, в Котором Бог соединяет Себя со Своим народом. Поэтому имя Его – «*Еммануил*» (т. е. «с нами Бог») (1:23). По обетованию же Он происходит из Вифлеема, охраняется Богом во время преследований, ведется через Египет в Назарет. Поэтому Он и становится Иисусом из Назарета – «*Назореем*». (Хотя слова-имена Назарет и Назорей связаны только по созвучию и больше никак, это созвучие не простое, а вещее, как это и бывает всегда в мифопоэтическом творчестве.)

В пути Иисуса отражается вся судьба Израиля, а поскольку над всей историей народа Божьего господствует грядущее явление Мессии, то и в Его вхождении в эту историю видны божественное Провидение и Промысел. Таким образом, о том, Кто есть Иисус и откуда Он, свидетельствуется божественным Откровением и Священным Писанием, как и Священным церковным писанием, обетования которого в Нем и приходят к исполнению.

Генеалогия по Мф, подчеркивая принадлежность Иисуса к избранному народу, а именно к роду Давидову, устанавливает тем самым Его мессианство, в котором и должна была исполниться история Израиля. Иисус есть Мессия, поэтому Он – сын Авраама и Давида, но Он же, как

мы только что говорили, есть сын Авраама и Давида, и поэтому Он – Мессия-Христос.

Эта предлагаемая Матфеем генеалогия, по-видимому, происходит из семьи, в которой родился Сам Иисус. Древняя церковь свидетельствовала о наличии родословных таблиц, подтверждавших происхождение Иисуса Христа от царя Давида.

За генеалогическим списком в Мф следуют еще *пять рассказов*, повествующих об обстоятельствах рождения младенца Иисуса и судьбе новорожденного. Они по содержанию и форме тесно друг с другом связаны. Первый рассказ (Мф 1:18-25), примыкая к предыдущей генеалогии, также отвечает на вопрос, Кто есть Иисус из Назарета, и говорит о Его божественном происхождении, явленном уже в Зачатии и Рождестве. Остальные же четыре открывают нам, откуда конкретно Он происходит по Своему Человечеству (Мф 2:1-12, 13-15, 16-18, 19-23).

Поскольку Матфей в первом рассказе без труда соединяет изначальное христианское предание об отцовстве Иосифа с верой в прямо физическую девственность этого рождения, что было столь близко духу эллинистической эпохи, постольку далее он приводит соответствующую цитату из писания пророка Исайи: «*Се, дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил*».

2-я глава Мф содержит остальные четыре рассказа из «истории детства» Иисуса. Так же как ранее говорилось, что Он – и от Бога, и от Его народа, здесь утверждается, что Он и из Вифлеема Иудейского, и из Назарета Галилейского, Он и из «дома Божьего» – Израиля, и из «дома рабства» – Египта, Ему царственно и мудро поклоняются волхвы, и в то же время за Него страдают невинные вифлеемские младенцы.

Центральным по форме и содержанию здесь является первый из четырех рассказов – о *поклонении волхвов* (2:1-12). Ко Христу, о происхождении Которого по плоти (по Человечеству) и по Духу (по Божеству) только что поведал евангелист, приходят поклониться иноземные маги.

В то же время собственно народ Божий большей частью пребывает в заблуждении или незнании о происшедшем в нем. Даже природа знает больше него, о чем говорит «*вифлеемская звезда*». Вифлеемская звезда первой книги Нового завета, подобно потопу первой книги Ветхого завета, есть очень глубокий, переосмысленный в библейском контексте символ, отражающий материал и образ реального, врезавшегося в память человечества исторического события, но никогда целиком не сводимый к нему.

Второй рассказ в Мф 2 – о *бегстве святого семейства в Египет* (ст. 13-15), третий – об *избиении царем Иродом вифлеемских младенцев* (ст. 16-18) и четвертый – *о возвращении из Египта после смерти Ирода и поселении в Назарете* (ст. 19-23).

Все рассказы о детстве Иисуса, как в Мф, так и в Лк, мифологизированы, они имеют даже явно прослеживаемые легендарно-мифологические черты. То, что за легендами и мифами может стоять их историческая основа, конечно, не делает эти мифы историческими сообщениями. Но нельзя также из легендарной формы рассказов делать вывод об отсутствии реальных исторических причин для них. Легенды и мифы не парят в безвоздушном пространстве. История и легендарно-мифологическая форма писаний и преданий пронизывают друг друга.

Чем задаваться вопросами о внешней фактичности этих рассказов, гораздо важнее попытаться всмотреться и вслушаться в то, *о чем* все они сообщают. Их цель и смысл – показать «первое» полное Богоявление во Христе. Потому-то во всех изображенных там событиях и виден Божий Промысел (Замысел) и Божье Провидение (Предвидение). Младенца Иисуса и Его ближних ведет и охраняет Сам Бог Отец.

Поскольку кроме Мф о «первом» полном Богоявлении во Христе еще повествует евангелист Лука, очень кратко коснемся и этого.

Как и в Мф, «история детства» в Лк занимает первые две главы. Их можно условно разделить на восемь смысловых отрывков.

1:1-4 – так называемый пролог Лк. К нему мы еще вернемся в следующей, VIII теме.

1:5-25 – предсказание о рождестве Иоанна Предтечи от престарелых родителей.

1:26-38 – благовещение ангела (вестника Божьего) Марии о Зачатии и Рождении Иисуса Христа и Ее смиренное, «авраамово» согласие на это еще неясное Ей, невиданное и великое служение.

1:39-56 – рассказ о посещении Марией матери Иоанна Предтечи Елисаветы в Иудее, об их встрече и взаимном приветствии. Этот рассказ включает в себя и «песнь Богородицы» – «*Величает душа моя Господа*», – дерзновенно посрамляющую всех сильных мира сего и возносящую всех смиренных, униженных.

1:57-80 – рассказ о рождении Иоанна Предтечи и пророческом наречении ему имени. В этот рассказ включена и так называемая «песнь Захарии», отца Предтечи, – «*Благословен Господь*». Эту песнь, как и песнь Богородицы, ежедневно положено петь в церкви на Утрене.

2:1-20 – рассказ о Рождении Иисуса и явлении ангелов пастухам, а также о поклонении этих пастухов новорожденному младенцу (не исключено, что это вариант поклонения волхвов по Мф).

В ст. 14 дается прекрасная «песнь ангелов» при Рождении Христа: «*Слава в вышних Богу и на земле мир, в людях благоволение*». Эта краткая песнь ангелов называется «*малым славословием*», в отличие от «*великого*», которое поется или читается на Утрене после возгласа «Слава Тебе, явившему нам Свет». Она также ежедневно используется в начале Утрени. По своей глубине и целостности это место Писания можно было бы еще назвать одним из «малых символов веры» христиан. В нем, как в зерне, потенциально заключено как бы все христианство.

2:21-40 – рассказ об обрезании, по закону, на 8-й день младенца Иисуса и о встрече (по-славянски «сретении») Его в храме на 40-й день старцем Симеоном и пророчицей Анной. Старец принял Его и принес жертву Богу за Него как за первенца мужеского пола, которого надо было,

по закону, в этот день выкупать у Бога, ибо в то время весь израильский народ принадлежал только Богу. Старцу Симеону принадлежит, по Лк, и еще одна «библейская песнь» – «*Ныне отпускаешь*», которую можно ежедневно слышать в храме на Вечерне, т. е. за каждой вечерней церковной службой. Особенно торжественно она исполняется в праздник Сретения Господня. Эту песнь старец произнес в знак установления общения со Христом при своей взаимопроникновенной встрече с Ним, потрясшей его до глубины открытого Богу и Христу-Младенцу сердца.

2:41-52 – заключение, в котором говорится о том, что «*Младенец возрастал и исполнялся премудрости*» (т. е. правды Божьей, через познание и исполнение закона Божьего), а также о том, что Он в год Своего совершеннолетия, в 12 лет, отправился с родителями из Назарета Галилейского в Иудею, в Иерусалим, где проводил время в доме Отца Своего Небесного – в иерусалимском храме, среди учителей, пораженных Его Боговедением (Богопознанием) и знанием Писания, т. е. пророческой приобщенностью к Богооткровению.

Так, с первых же глав Евангелия от Луки перед нами встают живые образы двух лучших людей ветхозаветного человечества, являющихся его плодами и венцами. Здесь – весь закон и пророки. От пророков – великий *пророк Иоанн Креститель*, а от праведников – великая *праведница Дева Мария*. Не случайно позже в церкви в отношении ко Христу Иоанн будет назван другом Жениха, а Дева Мария – Невестой Агнца, почитаемой и прославляемой более высших ангельских чинов – херувимов и серафимов. В новозаветной истории образ Богоматери, Богородицы – всесвятой, непорочной, преблагословенной Приснодевы (т. е. Вечнодевы) – воплощение кротости и смирения, смиренномудрия или, по апостольским словам, «*нетленной красоты кроткого и молчаливого духа*», чем и объясняется то, что на страницах Священного писания, которое само всегда, прежде всего «глас», мы с Ней более почти не встречаемся.

Однако нам пора вспомнить о «втором» Богоявлении во Христе, а точнее, о последовавшем за ним Его *Искушении*.

«Второе» Богоявление, исполнившее «всякую правду» во время Крещения Господня, этого первого шага зрелой человеческой свободы во Христе, было первичным. В нем открылась полнота Божества в Иисусе. Но для баланса ее с откровением полноты Его Человечества Святой Дух Божий сразу повел Его в пустыню для великого испытания – искушения от дьявола.

Обычно спрашивают: а мог ли быть искушаем Иисус Христос, ведь Он Бог? Неужели Он мог искуситься и пасть? Но серьезное отношение к полноте Человечества во Христе требует задаться более глубоким вопросом: а мог ли Богочеловек Иисус, начиная служить Богу и ближним, искушаемым *не* быть?..

В Мк рассказ об Искушении Господа в пустыне занимает всего два стиха в прологе – 12-й и 13-й, а в Мф и Лк это довольно пространные рассказы (притом Матфей соединяет предания евангелистов Луки и Марка).

Искушение Господа в пустыне есть Его испытание при выходе на служение. В чем его смысл? Оно было нужно для личностного *опознания и отвержения ложных путей спасения* человечества и мира. Господь лично должен был эти искушения испытать и побороть, отвергнуть. Он начинает служение Спасителя мира, но перед Ним, как и со времен Адама перед миром, стояло дьявольское искушение – пойти по неверному пути. Каков же был этот ложный путь, точнее, каковы были эти пути?

Прежде чем говорить о них, приведем два места из Писания, повествующие вообще об искушении. Во-первых, это известное место из Ветхого завета, из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «*Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению*» (2:1). Во-вторых, апостол Иаков пишет: «*Блажен человек, который переносит искушение, ибо будучи испытан, он получит венец жизни*» (1:12). И то, и другое место применимо ко Христу, Сыну Чело-

веческому, как, в принципе, и к любому из нас, в том числе оглашаемым.

Итак, после Своего Крещения и Посланничества от Отца Господь начинает с Себя. Вначале Он Сам преодолевает искушение. Это искушение и для Самого Господа не было игрушечным. Искушение всегда искушает! Мы же привыкли говорить о Христе только как о Боге, что для нас невместимо, а потому часто и непонятно то, как Он мог искушаться. Неужели Он мог пасть под напором искушающих сил и согрешить? Тем не менее мы знаем, что искушение Господа в пустыне было реальным. Да, искушение не привело ко греху, Господь преодолел, отверг его, но ведь Он жил во плоти и, значит, был подвержен немощи жизни во «плоти и крови». Эта немощь, конечно, еще не означала грех. Немощь – это ограниченность. Мы говорим о божественном самоуничижении (*ке́носисе*), о том, что Бог, воплотившись во Христе, Себя ограничил, Себя ума́лил, потому что во Христе «плоть и кровь» были такими же, как и у нас. Поэтому-то искушение приходило и к Нему по немощи плоти, хотя и не из-за греха, и слава Богу и Христу за его преодоление!

Искушение было отвергнуто. Но каково же это искушение? Прекрасные рассказы Матфея и Луки говорят примерно одно и то же: это искушение *хлебом, чудом и властью*.

Первое искушение – хлебом. Оно как бы говорит: «Иди, накорми всех, и этим Ты спасешь людей! Сперва накорми, чтобы не говорить о Царстве Божьем голодным и холодным! Ты это можешь, Ты это и делай!» Да, мы еще не так давно в своей истории слишком хорошо познали, как легко люди поддаются на это искушение, подчеркнем – искушение сатанинское.

Второе искушение – чудом. Оно шепчет: «Соверши такое, чтобы людей поразить, заворожить, и они пойдут за Тобою, и тогда Ты их спасешь!» И эта уловка Сатаны отвергается.

Последнее, *третье* искушение – властью. Господу предлагается вся власть над миром в обмен «лишь» на поклон Сатане.

Человеку, как правило, кажется, что если он получит власть – а он же добр, он же хорош, он же всегда хочет другим добра, – то он со властью-то властно и сделает добро, он и выведет людей из тьмы и освободит их от всех последствий мирового Зла и Греха. Но нет, как бы говорит Господь, нет никакой спасающей власти, кроме власти Божьей Любви. Вся же слава и власть мира сего принадлежат Дьяволу. Он – «князь мира сего»! Он, а не Бог, есть тот, кто управляет этим миром. Ведь Сатана сам говорит, что все царства мира, которые он показывает Иисусу, и вся власть в них принадлежит ему. Он говорит: «*Я дам Тебе ее, если Ты поклонишься мне*».

Христос отвергает и это поклонение, и эту власть именно потому, что знает, что существует только одна реальная, настоящая и спасающая власть – власть Любви. Но, к сожалению, об этом так часто забывают люди и попадаются в дьявольские сети. Увы, этот Христов закон Любви и Свободы часто нарушается даже во внутренней и внешней жизни церкви.

Да, Господь не отвергает и хлеб, но говорит, что кроме телесного хлеба, не спасающего людей, есть Хлеб духовный – Слово Божье: «*Не одним только хлебом будет жив человек, но каждым словом из уст Божьих*». Он предлагает иной хлеб, Хлеб, о котором сказано, что он есть Слово. Вот таким Хлебом Господь, Который Сам есть воплощенное Слово Божье, хочет накормить и спасти всех.

Конечно, очень часто это Слово – не только слово вербальное. Мы очень упрощаем дело, когда хотим накормить себя или насытить людей просто духовной беседой, просто духовным словом. Мы же очень хорошо знаем, что такое слово можно принять и можно не принять. Питание Словом Божьим означает уже не только желание приятно поговорить о духовном или прочитать что-то духовное, даже евангелие, даже Писание. Не случайно евхаристия, причастие Телу и Крови Господним, есть питание и Словом Божьим. Конечно, чтение Писания тоже может быть таким питанием, тоже может быть духовным хлебом, но это значительно более трудный путь, он требу-

ет, может быть, еще большего напряжения. Думается, что человек, который причастен к самой полноте духовной жизни, который живет этим причастием, – такой человек легко услышит Слово Божье и сам сможет его возвещать. А кто вне такого причастия, тот, даже получая удовлетворение, допустим, от чтения Слова Божьего, сам получит и даст другим все равно очень немного.

И наконец, как, чем отвергается искушение чудом, т. е. производимым на людей впечатлением? Мы знаем, что до сих пор, а в наше время, может быть, как никогда ранее, люди особенно подвержены этому искушению. Отчего сейчас стали так популярны «старцы» и прочие им подобные «мудрецы» и гуру? Люди увидели, что́ те могут сделать в материальном и тварнодуховном мире, и дали им себя заворожить. Это и есть самое натуральное искушение никого не спасающим чудом. А Иисус призывает не искушать Бога гордой демонстрацией «себя» и «своих» возможностей, т. е. призывает к спасительной кротости и к смирению в отношениях с Богом и друг с другом, и так побеждает это искушение.

Что же касается рассказа об Искушении в 1-й главе Евангелия от Марка, то и здесь есть ряд моментов, на которые нам надо обратить внимание.

В ст. 12 говорится, что Дух Святой сразу после Крещения Господа ведет Его «*в пустыню*», т. е. в ближайшие окрестности места Иоаннова крещения. Теперь Иисус как бы уже не принадлежит только Себе: отныне Он выходит на Божье дело через личное служение, Он живет и действует в полноте Духа, ибо и Дух теперь Сам может действовать в Нем вполне.

В ст. 13 называется традиционный срок испытания, включающего и самоиспытание, – «*40 дней*». Столько же провели в пустыне пророки Моисей (Исх 34:28) и Илья (3 Цар 19:8), такое же испытание избранника встречается в книге Иова. Так же испытывались перед началом своего служения Заратустра и Будда.

Напомним, что в этом стихе слово «*Сатана*» означает «обвинитель», «клеветник», «противник» и что он же –

символ всех сил мирового Зла, противник Богу и враг людей.

Итак, Сын Божий и Человеческий Иисус преодолением Искушения свидетельствует о Себе как о Новом Адаме, Родоначальнике нового человечества. В Нем исполняется то, что было завещано, заповедано Адаму ветхому, древнему: Человек становится владыкой всей земли. Как и положено Праведнику последних времен, Иисус гонит Дьявола, и тот от Него бежит. Дикие звери боятся Его и не трогают, а ангелы служат Ему, заботясь о Его телесных потребностях.

Поистине, всем нам, как и Иисусу Христу, необходимо водное крещение с сошествием Святого Духа и личным посланием на служение. Нам всем нужно внешнее и внутреннее подражание Христу, исполнившему Закон и Пророков, хотя мы должны знать, что на этом пути и у нас будут искушения. А предварительно от всех нас требуется принести покаяние и плоды, достойные его.

Господи, Боже наш, мы благодарим Тебя за эту встречу. Мы благодарим Тебя за то, что Ты обращаешь наш ум и наши сердца к Себе, за то, что открываешь нас действию благодати Святого Духа и даешь нам познание Своей Истины. Господи, укрепи нас в свете Твоего Евангелия, дай нам проходить подвиг поста, исполняя Твою волю, Твои заповеди и с любовью познавая Тебя и ближних!

Аминь.

Тема VIII

Четвероевангелие, особенно «синоптики»

Жизнь Иисуса на земле – «исполнение» Закона и Пророков

Внутреннее и внешнее подражание Христу

Господи, Боже наш, Ты обращаешь к нам Слово Свое, Ты открываешь нам Свое Писание как Благовестие и даешь нам знать о той радости, которая пришла вместе с воплощением Сына и Слова Твоего. Господи, дай нам силу для подражания Господу нашему Иисусу Христу, дай нам, Господи, силу видеть и познавать Христа как исполнение Закона и Пророков. В Нем обитает вся полнота Божества, в Нем – всё, о чем предсказывали пророки, в Нем вся правда и весь закон. Помоги же нам, Господи, совершить подвиг поста, молитвы и покаяния, помоги и нам, Господи, исполнить Твой Закон и жить Верой для того, чтобы радость благодати всегда была с нами и чтобы в нас и через нас прославлялось Твое святое имя во веки веков! Аминь.

ПРАВИЛЬНО понимать Евангелие непросто. Это можно было почувствовать уже тогда, когда в предыдущей теме давалась евангельская *экзегеза*, т. е. смысловое изъяснение или богословское истолкование некоторых мест из евангелий. При этом мы проводили и внутреннюю *герменевтическую* работу, т. е. филологически толковали или изъясняли смысл каждого слова и всего рассматриваемого текста так, как он заложен в Священном писании, а не так, как нам самим хотелось бы его понимать. А теперь мы должны будем вкратце заняться еще и евангельской *исагогикой*, т. е. введением в Четвероевангелие, третьей частью *библеистики* – науки, которая занимается изучением Священного писания.

Обычно Писание и рассматривают в этих трех планах – с точки зрения исагогики, герменевтики и экзегетики. Если герменевтика изучает и толкует смысл каждого слова или фразы в тексте, а экзегетика дает его толкование в целостном церковном контексте, то исагогика – это именно введение в изучение Священного писания, которое говорит нам об авторстве его книг, о месте и времени их написания, о том, кому и как они были написаны, каковы особенности их стиля, языка, каковы исторические, археологические и другие реалии времени их создания. Это то, что нам нужно знать для лучшего понимания книг Священного писания.

В IV теме уже шла речь о Новом завете. Тогда мы говорили вообще о Священном писании и, в частности, о том, из чего состоит и как подразделяется Священное писание не только Ветхого, но и Нового завета. Тогда же мы говорили, что Новый завет был написан во второй половине I в. А теперь поговорим о Новом завете подробнее, и особенно о первом его разделе – Четвероевангелии. Ибо нам надо учесть, что новозаветное миросозерцание, т. е. ви́дение мира, с наибольшей полнотой раскрывается не в изложении общего хода процессов мировой и Священной истории, т. е. не в Апокалипсисе и Деяниях, и не в веро- и нравоучении, т. е. не в посланиях апостольских, а именно в Евангелии, дающем *личный образ Иисуса Христа*.

Конечно, это разделение очень условно, здесь не нужно резких противопоставлений, потому что, скажем, в апостольских посланиях есть много того, что дополняет евангелия, а в евангелиях есть много того, что прямо перекликается с посланиями, и т. д. Но все евангелия апеллируют не к истинам-формулам, а к Личности, к Которой нам необходимо иметь свое личное отношение. Как говорит Господь о Себе: «*Кто любит Меня, слово Мое сохранит, и Отец Мой возлюбит его, и к нему Мы придем и обитель Себе у него сотворим*» (Ин 14:23).

«*Евангелие*» – что же это? Мы немного касались смысла этого слова, разбирая Мк 1:1. Давайте теперь поговорим о нем с другой стороны. Евангелие *как текст*, т. е. Четвероевангелие, по сути единственный наш источник сведений об Иисусе Христе. Лишь кое-что можно еще почерпнуть из некоторых апостольских посланий и Деяний. Кроме этого, вне канонических писаний есть еще апокрифические речи Христа, но они чаще всего сомнительной подлинности. В светской же литературе того же времени о Христе упоминают только Иосиф Флавий и Тацит.

«Евангелие» в Греции – это всё, что связано с «евангелом», т. е. человеком, приносящим хорошую, благую, доб-

рую, радостную, счастливую весть (буквально с греческого «евангелие» – благовест, благовествование).

Однако новозаветный смысл этого слова в большей степени коренится не в эллинской культуре, а в Ветхом завете, в поздней иудейской культуре (см., например, Пс 95:2). Там «евангелие» – весть о пришествии спасения, о грядущем времени спасения. Там это – божественная весть.

Таким образом, в эллинской культуре это была скорее весть о прошедшем событии, а в Ветхом завете – это весть о долженствующем свершиться событии, так что она имеет личностно-эсхатологический смысл (см. Ис 52:7). И для первых христиан Иисус Христос – не столько первый евангелист, сколько Сам – центр Евангелия (вспомним Мк 1:1). Для них Евангелие – не столько весть о случившемся, т. е. об Иисусе Христе, Который был, сколько Весть о *грядущем* Царстве и божественной парусии, т. е. о Новом, «Втором» пришествии, о Пришествии Христа во Славе.

Итак, в Новом завете Евангелие – это скорее живое слово проповеди о спасении и жизни во Христе. А поскольку эти жизнь и спасение – едины, то и слово «Евангелие» в этом случае не имеет множественного числа и пишется с большой буквы. Так оно употреблялось в церкви до середины II в. (см. Послание св. Поликарпа 9:2 и Дидахи 15:3-4). Но с того же века это слово стало означать еще книги-евангелия (во множественном числе), т. е. книги «воспоминаний апостолов» (так они несколько неточно были названы св. Иустином Философом в середине II в.). Поэтому вскоре и слово «*евангелист*» стало обозначать уже не просто, как раньше, странствующего миссионера, отличного от апостолов из двенадцати (см. Деян 21:8, Еф 4:11, 2 Тим 4:6), а автора евангелия как книги (так это было уже в конце II – начале III в. у св. Ипполита Римского и Тертуллиана).

Примерно тогда же появляются *символы евангелистов* (на некоторых иконах, расположенных, например, на царских вратах, они до сих пор иногда изображаются вмес-

те: Матфей и человек, Марк и лев, Лука и телец, Иоанн и орел). Эти символы берут свое начало от образов херувимов в первой главе книги пророка Иезекииля (подобно и в Откр 4:7). Древнейшее упоминание о них мы встречаем в конце II в. у св. Иринея Лионского (Против ересей. III. 11. 8).

Евангелия в литературном смысле – *особый жанр*. Это не эллинистическая биография: в них историографический элемент отступает на задний план по отношению к керигматическому, учительному моменту. Евангелисты не преследуют цели подробно и последовательно изложить жизнь и деятельность Господа Иисуса. Ведь если первые христиане устно возвещали лишь отдельные изречения и притчи Христа, Его споры с иудеями и чудеса, Его Смерть и Воскресение, то позднее, после небольшой переработки, собрания этих разрозненных рассказов и были зафиксированы евангелистами письменно.

По тем же причинам в евангелиях отсутствуют точный хронологический порядок и полнота изложения, из-за чего о больших периодах жизни Иисуса мы почти ничего не знаем, а все периоды Его деятельности определяются лишь приблизительно. Топографические реалии также играют в евангелиях незначительную роль. Нет и четких характеристик действующих лиц, часто они вообще анонимны. Канонические евангелия отличаются от апокрифов как раз тем, что им чужд интерес к таким моментам, которым уделяют внимание апокрифы.

Таким образом, цель евангелий – не мемуарная и не историческая, а прежде всего духовная. Это книги для церковного употребления, т. е. для чтения их во время церковного собрания и богослужения и для проповеди после него. Евангелия – тексты не для кабинетного и индивидуального чтения. Они представляют собой собрание «перикоп», т. е. отдельных смысловых и сюжетных отрывочков и абзацев, которые вместе и составляют нечто подобное драгоценной мозаике. При этом «слова» («ло́гии») и притчи Господа были предназначены для запоминания наизусть.

Тип евангельского текста резко отличается от грекоримской классической прозы еще и тем, что в нем нет самодовлеющих описаний, а люди в евангелиях – не объекты внешнего наблюдения, а субъекты личного духовного выбора своего жизненного пути.

Теперь скажем подробнее о каждом евангелии и евангелисте.

Евангелист Марк – прямой ученик апостолов Петра и Павла. Его евангелие самое краткое. В нем нет даже больших речей Иисуса, отсутствует вступление, есть много разговорных форм. Считается, что оно было написано в Риме в 65–70-х годах для языкохристиан, т. е. для христиан из язычников. Главное в нем – возвещение Царства Божьего, приблизившегося к нам через Иисуса Христа, Сына Божьего. Язык Евангелия от Марка прост, народен.

Евангелие от Матфея выявляет стремление автора примкнуть к библейскому типу «Священной истории», оно выявляет и его особый интерес к спорам о Христе с неверующими в Него иудеями. Поэтому, в частности, в нем дается родословие Иисуса от Авраама, Давида и Соломона, а также приведено много ссылок на ветхозаветные мессианские пророчества. Этими так называемыми «рефлективными цитатами» Матфей вновь и вновь доказывает, что на Иисусе исполнилось все предсказанное пророками в Ветхом завете. Для этого он и повторяет свою формулу: «*Сие произошло, чтобы исполнилось сказанное через пророка...*» Исполнение пророчеств Матфей распространяет на мельчайшие подробности жизни Иисуса, поэтому частота цитирования в Мф не имеет аналогов в других евангелиях.

Вообще в Мф Иисус постоянно ссылается на Ветхий завет, особенно на Закон Моисея. Не случайно Нагорная проповедь прежде всего выявляет отношение Иисуса к Закону как основе иудейской религии и благочестия. Конечно, Он «*не пришел, чтобы упразднить Закон, но чтобы восполнить*». Это исполнение, однако, состоит в том, что Иисус, критически подходя к закону дел, ради-

кализирует и обновляет его требования, сводя их всего лишь к двум заповедям – о любви. Если уже евангелист Марк (12:31) говорил, что «*нет заповеди, которая была бы больше этих*», то Матфей усиливает это и говорит, что «*на этих двух заповедях* (любви к Богу и ближнему) *держится весь Закон и Пророки*» (22:40). Тогда как раввины того времени разлагали Закон на бесчисленные заповеди и предписания, Иисус все нравственные требования и предписания сводит, наоборот, к единой заповеди о любви как тому началу, которое одно лишь способно исполнить, и докончить, и наполнить все.

Факт, что Иисус «*не пришел, чтобы упразднить Закон, но чтобы восполнить*», подчеркивается тем значением, которое придается Им плодам любви – делам милосердия, т. е. как бы новым божественным требованиям. Истинное благотворение противопоставляется Им нередко лицемерной иудейской практике.

Итак, сама жизнь Иисуса Христа, как это особенно хорошо видно из Мф, есть *исполнение* (*полнота*) *Закона и Пророков*.

Центр Мф – это учение о мессианстве Иисуса и Его собственное учение, концентрированным образом данное автором в целом ряде мест, но главным образом – в большой Нагорной проповеди.

Скорее всего, Мф было написано около 80-го года в Антиохии для иудеохристиан, т. е. для христиан из иудеев, живших в Сирии. Язык его в литературном отношении немного уступает Лк.

Евангелист Лука – ученик апостола Павла и, вероятно, врач, судя по древним свидетельствам о нем. Он – христианин из язычников, скорее всего, грек. Он более других евангелистов использует светский материал и соответствующие литературные приемы, например, адресует свое евангелие некоему Фео́филу (см. Лк 1:1-4). Переводится это имя как «Боголюбец», что, впрочем, не исключает конкретного адресата с таким именем.

Лука старается написать как бы классическую «Жизнь Иисуса», используя для этого некоторые специфические

приемы жанра греко-римской биографии. Он также старается дать четкую датировку событий и тем самым связать их с общим ходом мировой истории. Для него характерны любовь к деталям (например, ясли, пастухи в «истории детства»), обилие женских образов, смягчение наиболее неутешительных мотивов, подчеркивание сострадания Христа к людям, понимания Им их слабостей. В Лк много характерных для того места и того времени бытовых особенностей, более всего в притчах, например, в притче о блудном сыне.

Лука пишет свое евангелие для языкохристиан, примерно тогда же, когда и Матфей, может быть, немного позже него – в 80-е годы, в римской провинции Ахайе.

Первые три евангелия представляют собой один тип благовествования. Поэтому их называют *синоптическими* евангелиями (от греч. «си́нопсис», т. е. общее, совместное, параллельное рассмотрение чего-либо). Другой тип новозаветной письменности – это так называемые *гностические* евангелия, которые переосмысливают повествование и проповедь о Христе в духе мифологического эзотерического символизма, насыщенного религиозно-философским материалом (например, евангелия от Фомы, от Египтян, от Филиппа, от Иуды, от Евы и евангелие Истины). Многие из этих евангелий сейчас изданы на русском языке.

Но и в каноне Нового завета есть одно такое «гностическое» евангелие – это *Евангелие от Иоанна*. Ин было написано в конце I в. или даже в самом начале II в. В нем подчеркивается, что земная жизнь Иисуса есть откровение полноты Духа и самораскрытие полноты Смысла как божественного Логоса-Слова. В нем Христос и есть само воплощение этого Слова. Отсюда понятно, почему евангелисту Иоанну свойственно обращение к сфере изначального, подобно первым главам книги Бытия.

Итак, все четыре канонических евангелия ассимилировали в себе и иудейские религиозно-мистические традиции, и эллинистическую моральную и эмоциональную

культуру с элементами греческой философии и диалектики греческого мифа.

Как же в евангелиях как форме Священного писания выявляется Священное предание? Евангелия называются *от* Матфея, Марка, Луки, Иоанна. «От», по-гречески «ката́», что означает не столько «от», сколько «по», т. е. «от» надо понимать как «по» Матфею, Марку и т. д., или, что то же, «согласно» им. Апостол Павел говорит: «*Я воспринял то, что и передал*», т. е. он передал нам то, что сначала лично воспринял. А в прологе Лк говорится о событиях, «*совершившихся среди нас и переданных нам теми, кто с самого начала были очевидцами и служителями Слова*». Это значит, что мы в евангелиях имеем то, что в церкви изначально было передано святым апостолам и евангелистам. Они же передали это нам как свидетельство единства Священного церковного писания и предания, а через него – и Священного божественного Писания и Предания.

Поэтому церковь духовно и словесно идентична самой себе от апостольских времен до наших дней. Какой была наша церковь по духу почти две тысячи лет назад, такой в принципе она и остается. Меняются формы ее жизни, меняются некоторые акценты, меняется и еще многое, церковь в истории что-то теряет и обогащается новым опытом, но ее основа всегда остается неизменной, той же самой.

Евангелия помогают нам верно *подражать Христу*. Запомним, что все мы в своей жизни призваны подражать Ему. Об этом нам говорит апостол Павел: «*Подражайте мне, как я Христу*». Так что мы должны постоянно смотреть за собой и по мере познания Христа все чаще и чаще задавать себе вопрос: «как поступил бы Христос вот в этой моей ситуации?» – и делать так, как нам подсказывает в данном случае наша верующая и чистая совесть. Сам Господь говорит: «*Научитесь от Меня, как Я кроток и смирен сердцем*», указывая на необходимость следования за Ним и подражания Ему, и в

этом, конечно, неоценимую помощь нам могут оказать евангельские и другие библейские тексты, а также различные писания Церкви.

Но подражание Христу может быть преимущественно *внешним* или *внутренним*. В православной церкви традиционно подчеркивается значение не столько внешнего, сколько внутреннего подражания. Впрочем, многие святые нашей Восточной и особенно Западной церкви шли по пути преимущественно внешнего подражания (например, на Востоке – Антоний Великий, на Западе – Франциск Ассизский и Фома Кемпийский). Однако при сходстве духовных ситуаций всегда важнее внутреннее подражание. Поэтому нам нужны не столько отдельные внешние факты жизни Христа, сколько качества, являющиеся ее общими принципами. Например, такие как послушание Отцу, целомудрие, простота, нестяжание и самоотвержение (вспомним: «*Кто хочет идти за Мной, отвергни себя, и возьми крест, и следуй за Мной*») или как единственная специфически новозаветная заповедь, о которой мы уже говорили, – заповедь о любви (вспомним: «*Заповедь новую даю вам,* – говорит Господь, – *да лю́бите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите*»).

Как говорится в раннехристианском памятнике III в. «Первом послании к девственникам», приписываемом св. Клименту Римскому: «Хочешь ли быть Христовым? *Подражай во всем Христу*... Подражающие Христу должны деятельно подражать Ему во всем: ибо если они действительно облеклись во Христа (Рим 13:14), то должны отпечатлеть образ Его и в помышлениях своих, и во всем образе жизни своей, и во всех действиях своих, и в словах, и в делах – и в терпении, и в силе духа, и в ведении, и в целомудрии, и в великодушии, и в чистом сердце, и в вере, и в надежде, и в любви к Богу, полной и совершенной» (гл. 7).

Дух Святой уже напоминает нам все, что сказал и сделал когда-то, как и до сего дня говорит и делает, Иисус Христос, Он Сам отверзает наш ум к уразумению Писания, и через это нам открывается вечная новизна Его святого Евангелия.

Евангелие нам надо почитать подобно святой иконе, и хранить его в сердце, и жить всегда с ним в руках. Но главное – нам нужно соблюдать и исполнять его слово и дух!

Что же послужило самим предметом евангельской проповеди Христа? В первую очередь – Царство Небесное, Царство Божье, открывающееся в Самом Христе. Об этом и поговорим полнее в следующей, IX теме.

Господи, благодарим Тебя за Твой призыв, обращенный к нашему сердцу, ко всей нашей жизни, призыв к подражанию Христу, подражанию внешнему и внутреннему, каждому – по силам, каждому – по дару. Господи, мы знаем, что в жизни очень важно иметь тот образ, которому подражаешь во всем, очень важно иметь возможность спросить себя: «А что сделал бы Христос на моем месте?» – чтобы найти в глубине совести и духовного своего опыта лучший ответ на все жизненные вопросы. Господи, благодарим Тебя за откровение Сына Любви Твоей и за нашу веру в Него. Помоги нам очистить Твой образ в сердцах наших и во всем следовать за Тобой по любви к Тебе и Слову Твоему! Аминь.

Тема IX

Второй, благовестнический этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: евангельское учение Господа (до Входа в Иерусалим). Его центр – евангельские «блаженства» и молитва Господня «Отче наш»

Господи, Боже наш, Ты послал нам Слово Твое святое, Ты научил нас жизни в любви, вере, надежде и свободе. Ты призвал нас к блаженству, Ты даровал нам Духа Святого. Господи, дай нам вникать в себя и в учение так, чтобы нам жить праведно и чтобы праведность наша могла превзойти праведность книжников и фарисеев. Господи, дай нам и далее видеть, как изгоняется зло из сердец наших и наших ближних. Дай нам, Господи, видеть Твое торжество и прославлять Тебя, поклоняясь Тебе в Духе и Истине! Аминь.

КАК МЫ УЖЕ ЗНАЕМ из VII темы, сразу после второго новозаветного Богоявления, т. е. после Своего Крещения, Спаситель начал Свою проповедь. Об этом времени так и говорит евангелист Матфей: «*С этого времени начал Иисус возвещать и говорить: "Творите покаяние, ибо Царство Небесное близко"!*» (4:17). А у евангелиста Марка в конце пролога (1:1-15), в стихах 14 и 15, сказано еще и о том, что после того, как был предан Иоанн Креститель, «*пришел Иисус в Галилею, возвещая Благовестие Божие и говоря, что срок исполнился и Царствие Божие совсем близко: "Покайтесь и веруйте в Благовестие!"*». Так Господь объявляет о завершении первого этапа Священной истории Своей земной жизни и начале второго.

Эти два стиха, завершающие пролог Мк, построены очень торжественно. Они носят программный характер, выражая переход от возвещения будущего Явления Мессии и Его Царства к началу «*осуществления ожидаемого*», т. е. к исполнению веры. После того, как Иисус из Назарета был засвидетельствован от Бога как Его Сын и как Сын Человеческий был испытан в пустыне, Он Сам начинает возвещать приближение Царства Божьего, Благовестником (Евангелом) которого Он является. Но здесь не столько Иисус приносит Царство Божье, сколько это Царство само осуществляется в Его пришествии.

Иисус – новый Учитель, Пророк и Проповедник, Который не только провидит «исполнение времени», но и возвещает его, как и то новое, что за ним последует, т. е.

Царство Божье. Оно – в непосредственной близости, хотя еще не вполне осуществилось в действительности. Но близость его уже заметна и распознаваема.

Благая весть, которую возвещает Иисус, есть Он Сам. Поверить этой вести – значит довериться Ему. Кающийся же и есть тот, кто, доверившись Иисусу, обращается через Него к Отцу.

Слово «Евангелие» начинает и заканчивает пролог Мк. Затем следует рассказ о так называемом «общественном» служении Иисуса, т. е. собственно о втором этапе Его жизни, в центре которого – это Евангелие, эта *Благая весть*, имеющая своим содержанием близость уже открывающегося Царства Божьего и потому предполагающая личное обращение каждого к вере Иисусу и во Иисуса. Таков самый главный вывод из Мк 1:14-15.

Итак, согласно Мк 1:15, Господь начал проповедь приблизившегося Божьего Царства, ибо исполнились его сроки. Однако Господь начинает Свою проповедь не только свидетельством о Царстве, но и как бы *свидетельством о Себе*, поскольку в Нем Самом и существует полнота этого Царства. Как же Он это делает? Он нигде никогда не говорит: «Я – Мессия, Я – Сын Божий, следуйте за Мной!», но в основном обращается к внутреннему, духовному опыту человека. Например, это хорошо видно в случае, когда Он приходит в субботу в Назаретскую синагогу (см. Лк 4:16 и далее).

Тут поясним, что такое вообще *синагога*. Синагога (с греческого – собрание, чаще всего равных) – это место, где каждую субботу собирались иудеи, члены ветхозаветной церкви, для чтения Слова Божьего, особенно Закона и Пророков, для проповеди и общей молитвы. В этом собрании равно могли участвовать все, начиная с тринадцати лет, но проповедовать и вести собрание могли только мужчины, достигшие тридцатилетнего возраста. Даже в присутствии законных священников это было собрание равных. В этом, в частности, заключалось отличие всякого синагогального богослужения от богослужения в Иерусалимском храме, где для принесения очистительных жертв

Богу и исполнения прочих обязанностей, в том числе молитвенных, культовых, нужна была иерархия (с греческого – священноначалие). Там и была жесткая трехчинная иерархия: первосвященник, т. е. «архиерей», священники, т. е. «иереи», и левиты, т. е. как бы «дьяконы».

Так что же произошло в Назаретской синагоге? Начальник синагоги (по-гречески «архисинагог», т. е. не священник, а содержатель ее и распорядитель, старший, «первый» в ней) подает Господу книгу пророка Исайи, предлагая Ему сказать слово, т. е. проповедь с изъяснением. Иисус открывает книгу и читает следующее: «*Дух Господа на Мне, ибо Он посвятил Меня помазанием Своим: благовестить убогим послал Он Меня, возвещать плененным свободу и слепцам прозрение, отпускать на волю утесняемых, возвещать лето* (т. е. юбилейный год) *Господне благоприятное!*» (61:1-2, см. Лк 4:18-19 в переводе академика С.С. Аверинцева, который мы, как правило, будем использовать в этой теме и далее).

Затем Господь, сев и начав слово проповеди, говорит: «*Ныне исполняется перед ними это слово Писания*» (Лк 4:21). Это и есть Христово откровение о Себе, ибо именно Его при Крещении явно, а при Рождении сокровенно помазал Господь Бог Святым Духом, так что это Он – Помазанник, что по-еврейски и значит Мессия (Маши́ах), а по-гречески – Христос.

Так Иисус дает зна́мение приблизившегося Небесного Царства и одновременно зна́мение Своего мессианства. И слушающий Его человек должен был иметь только достаточно чуткую и открытую Богу совесть, чтобы сразу сказать в себе и себе: «Этот простой человек, по внешности почти ничем не отличающийся от любого из нас, именно Он, этот плотник, сын простого плотника, как я слышу и вижу, и есть Сын Божий, Мессия, а значит, и наш руководитель, наш единый истинный Царь, Первосвященник и Пророк».

Конечно, у многих людей недостает такой честности и открытости в их вере в Бога и Богу. Но тем не менее

именно так Господь начинает Свою мессианскую проповедь, подтверждая каждое Свое слово Своими делами – *чудесами и исцелениями*. Ведь если Он говорил, что Он благовествует нищим, отпускает угнетенных на свободу, дает слепым прозрение и т. д., то Он должен был это явно показать, тем самым дав знамения благовествуемого Им Царства и Своего спасительного для всех мессианства. Это Он и делает.

Первым чудом Иисуса, а лучше сказать, зна́мением, было *чудо в Кане Галилейской*, совершенное Им после Его Сорокадневного поста и Искушения в пустыне.

Как сказано в Ин 2:1-11, Иисус был в Кане Галилейской с Матерью на свадьбе у бедных людей, и им не хватило вина для гостей. И вот по просьбе Матери Он помогает им и совершает чудо – претворяет воду в каменных сосудах в «*доброе вино*». Этим Христос, как написано в евангелии, «*явил Славу Свою*», что тоже есть, конечно, некое Богоявление, и «*положил начало зна́мениям*» (ст. 11). К слову говоря, в древней церкви в праздник Богоявления воспоминалось не только Крещение и Рождество Христово, но и это чудо.

Но, как мы уже говорили, не только чудеса были совершаемы Господом как Мессией-Христом. Он начинает и Свои исцеления людей от их болезней плоти и духа. Поводом для исцелений, конечно, чаще являлись болезни плоти, т. е. души и тела, но они сами часто были свидетельством болезни духа, и Господь, спасая человека, а значит, в первую очередь, его дух, нисколько не гнушается плотью. Он – Целитель, но целительство для Него, как и чудотворения, – не цель Его пришествия, а знамения Царства, т. е. то, что является естественным для Мессии, дающего «*новое учение со властью*» (Мк 1:22, 27).

Один из первых конкретных примеров такого исцеления – это *исцеление бесноватого в Капернаумской синагоге*.

«*И входят они в Капернаум. И тотчас, войдя в субботу в синагогу, Он стал учить. И они дивились поучениям Его; ибо Он учил их как тот, кто имеет власть, а не*

так, как книжники. И тотчас оказался у них в синагоге человек, обуреваемый нечистым духом, и он вскричал: “Чего Ты хочешь от нас, Иисус Назарянин? Ты пришел на погибель нам! Знаю, кто Ты, Святой Божий!” И пригрозил ему Иисус, говоря: “Замолчи и выйди из него!” И сотрясши того человека судорогой, нечистый дух вышел из него с громким воплем. И все пришли в ужас и стали спрашивать друг у друга: “Что это такое? Неслыханное учение, со властью! И нечистым духам отдает повеления, и те слушаются Его!” И слух о Нем тотчас разошелся по всей округе Галилейской» (Мк 1:21-28).

Из этого отрывка, который говорит о деянии Иисуса в Капернаумской синагоге, куда Он пришел из синагоги Назаретской, где, как мы видели, читал Ис 61:1-2, видно, что Иисус не только Пророк-Вестник (Мк 1:14), но и Учитель Премудрости (высшей Мудрости, Правды, Закона). Экзорцизм, т. е. совершаемое Им изгнание беса из человека, иллюстрирует силу и истинную премудрость Его учения, премудрость не только в словах правды, но и в соответствующих делах. (Это то, чего мы с вами постоянно добиваемся, – чтобы и наша премудрость тоже была не в одних человеческих словах, но и в делах, во всей нашей жизни.) Воздействие учения Иисуса на слушающих определяется именно деятельной его силой.

Ст. 23. Возвещенная Христом в Капернаумской синагоге весть о Царстве Божьем немедленно вызывает дикий крик. Кричит больной человек, в котором живет демон. Этот дух отторгает человека от Бога и тем самым делает его оскверненным. Против этого нечистого духа и выступает Чистый (т. е. Святой) Божий, в Котором Святой (т. е. Чистый) Дух.

Одержимость, как и многие другие болезни, считалась вызванной нечистыми духами. *Болезнь боговраждебна, она неугодна Богу*. Поэтому исцеление (т. е. спасение) есть борьба Спасителя (т. е. Целителя) с враждебным Ему злом.

Ст. 24. Одержимый сопротивляется и говорит Иисусу: «*Чего Ты хочешь от нас... Ты пришел на погибель нам!*

Знаю, кто Ты, Святой Божий». В Том, Кого народ называет Иисусом из Назарета, злой дух видит Святого Божьего.

Ст. 27. Здесь изображается всеобщее возбуждение в синагоге. Обмениваясь оживленными вопросами, люди пытаются разгадать загадку, внезапно поставленную перед ними: «*Что это? – Это новое учение со властью*». Но «*новое*» здесь означает эсхатологическое, действенное и окончательное. Поэтому-то оно и «*со властью*». Слушатели тотчас убедились в этой действенности.

Итак, Евангелие, Благовестие Царства, сопровождаемое мессианскими чудесами и исцелениями, Царства, узнаваемого во Христе и через Христа в Духе, было по сути и Благовестием о Христе.

В евангелиях дается и еще ряд важных о Нем свидетельств, как бы малых Богоявлений. Остановимся на двух из них – Мф 16:13-20 и 17:1-9. Эти два места, наверное, всем хорошо известны: первое – исповедание апостолом Петром Иисуса Христом, Сыном Божьим, и второе – Преображение Господне.

Сначала несколько слов об *исповедании Петра*. Здесь, в ясном исповедании веры во Иисуса как Христа, апостол Петр – первый и в этом смысле единственный. В этом и заключается непреходящее для всех нас его значение, учитывая особую значимость самого́ данного ему и через него откровения: «*Ты – Христос, Сын Бога Живого*» (16:16).

Господь спрашивает: «*За кого почитают люди Сына Человеческого?*» (16:13), и остальные ученики ответили на этот вопрос очень непосредственно: одни, мол, – за того, другие – за иного. Таким образом, они еще не открыли своего сердца Христу. Этот вопрос Господа не затрагивает их личность, и отсюда их, так сказать, духовный провал. А апостол Петр не говорил о том, за кого почитают Иисуса люди, зато в ответ на следующий вопрос Господа: «*А вы за кого почитаете Меня?*» (16:15) – он уже не молчал, а дерзновенно сказал, что Иисус и есть Мессия-Христос, что Он – Сын Божий!

За это апостол Петр и получает уникальное обетование. Ему говорится, что по исповеданной им вере он теперь «камень», по-гречески «пéтрос». «*И на этой скале* (“пéтра”) *Я воздвигну* (т. е. построю, создам) *Церковь Мою*, – говорит Господь, – *и врата* (т. е. силы) *ада не одолеют ее*» (16:18).

Эти слова требуют дополнительного толкования. Конечно, их православное толкование нам представляется более приемлемым, чем, например, католическое, которое, может быть, излишне связывает это обетование с одним только апостолом Петром и его так называемыми преемниками на одной лишь римской епископской кафедре. Хотя мы тоже связываем (или, по крайней мере, должны связывать) это обетование с личностью апостола Петра, ибо оно не было словами «в воздух», т. е. просто кому-то, или словами вообще, но было прямо и личностно обращено именно к Петру, тем не менее мы считаем, что оно содержит в себе и нечто большее, чем обетование одному ему. Да, на «камне» всякого личностного исповедания Иисуса Христом, Сыном Божьим, невозможного без соответствующего Богооткровения и Богопознания, и зиждется Церковь, *начиная* с личности апостола Петра, но не случайно в этой же главе Мф, буквально в следующем абзаце, Господь говорит ему: «*Прочь, сатана! Ты вводишь Меня в соблазн*». Именно поэтому для полноты присутствия Господа в Его Церкви недостаточно лишь «одного», кем бы он ни был, а нужны хотя бы «*двое-трое*».

Итак, мы не отвергаем особого значения исповедания Петра, исповедания, за которым последовало столь великое обетование Господа, но нам очевидно, что оно, как и данная тут же Господом Петру «власть ключей», имеет значение не только, а, может быть, в данном случае и не столько личное, сколько личностное и межличностное, церковное и тем самым общечеловеческое, мировое.

Следующее Богоявление – это *Преображение Господне*. Здесь мы видели вместе со Христом уже не одного свидетеля-ученика, а троих. Тот же Петр и братья Иаков и

Иоанн идут с Господом на гору и приобщаются Его божественному, святому «фаворскому Свету» Преображения.

Преображение было мистическим свидетельством мессианского достоинства Иисуса, и свидетельством столь явным, что Господь даже предупреждает Своих учеников, чтобы они не разглашали о нем, поскольку воспринять его сердцем, т. е. истинно, другие еще не могут. Но не случайно именно с этого времени начинается шествие Господа в Иерусалим, шествие прямо на Голгофу, к следующему великому Богоявлению, плоды которого были бы способны привести «на Фавор» всех.

И все-таки не чудесный и не внешне мистический, а личностный и учительный, керигматический момент в Евангелии, особенно в евангелиях от Матфея и Луки, стоит на первом месте, ибо основная цель евангелий – *жизне- и вероутверждающая*. Теперь мы и должны будем обратиться к главным моментам конкретного учения Господа.

Но начиная говорить об этом учении, предварительно надо иметь в виду, что Господь не отменил учения прежних заветов, бывших до Него, как Он не отменил и прежних законов. Он Сам сказал, что *пришел не нарушить Закон или Пророков, но их исполнить. Не подумайте, будто Я пришел, чтобы упразднить Закон или Пророков; не пришел Я, чтобы упразднить, но чтобы восполнить* (см. Мф 5:17).

«*Восполнить*» прежде переводилось как «*исполнить*», что некоторых вводило в заблуждение, ведь это слово, которое имеет два основных значения: исполнить в смысле совершить, сделать, выполнить что-то и, с другой стороны, исполнить в том смысле, в котором мы говорим об «исполнении времен», т. е. наполнить, довести до известного совершенства, до полноты и таким образом придать новое качество.

Итак, с одной стороны, очищается и утверждается прежний закон, данный еще Моисеем и известный Ветхому завету, а с другой – этот закон приобретает какие-то новые качества, новую динамику и становится новым уче-

нием, «*учением со властью*», как об этом в евангелии прямо и сказано. Поэтому в Послании к ефесянам ап. Павла даже говорится, что Господь плотью Своею на Кресте «*упразднил закон заповедей, состоявший из предписаний*» (2:15). Значит, со Христом все предписания закона уходят на второй план, ибо это его «исполнение» во втором смысле слова становится важнейшим, хотя оно и остается содержащим в себе «в снятом виде» все прежние заветы и их законы.

Мы уже говорили о преемственности заветов, о том, как один завет следовал за другим, и как целая чреда заветов проходит перед нами в Ветхом завете, и как каждый из них преемственно содержал в себе предыдущий и «исполнял» его. Так и в данном случае: все прежние заветы содержатся в Завете Христовом, но в том же «снятом виде». Уходит лишь то, что было временным, что было присуще только прежнему завету. Поэтому мы со спокойной совестью можем не исполнять ритуальных предписаний Ветхого завета, справедливо не считая это нарушением Закона, но мы не можем не видеть в духе Нового Завета и не исполнять, например, Десять заповедей Моисея. А если мы их не исполняем, то, даже веря во Христа, не можем считать свою совесть чистой, свободной и спокойной. Но и ограничиться одними, даже обновленными, заповедями мы тоже не можем.

Господь говорит о Своем учении: «*Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня. Если кто хочет творить волю Его, он узна́ет об этом учении, от Бога ли оно*» (Ин 7:16). И вот многие люди смотрели, слушали, узнавали это и шли за Иисусом.

Но наряду с этим образовалась и определенная *община* ближайших учеников Господа, причем образовалась она очень быстро, о чем мы можем прочесть буквально сразу за прологом Мк, в 1:17-18.

Призывая их, Господь говорит: Я сделаю так, что вы станете рыбаками, которые будут ловить людей (эта фраза традиционна, она принадлежит еще Ветхому завету, ср. Иер 16:16; Иез 29:4-5).

Призыв Иисуса звучит как короткий приказ, Он как бы говорит ученикам: «*Сюда! За Мной!*» Он говорит это именно как Господь, и этот властный приказ отличает отношения Иисуса со Своими учениками от отношений книжников с их учениками. Кроме того, ученики раввина могли выбирать себе учителя, Иисус же как Пророк Сам призывает Своих учеников (ср. 3 Цар 19:19 и сл.; Ин 15:16). Раввина с учениками связывал закон: один обучал закону, другие его изучали, здесь же на месте закона стоит Сам Иисус и Его Благая весть, отчего ученик, пока он еще не достиг Его полноты и совершенства в Истине, никак и не может сам стать наравне с Учителем, как это было в раввинских школах. Ученики Иисуса на земле всегда останутся учениками, а Он – их Учителем.

Итак, в призыве «следовать» Христу вновь, как и в проповеди Иоанна Крестителя, появляется мотив пути. Последователи Иисуса вступают на Его путь и идут за Ним. Призвание первых учеников происходит без предварительных переговоров с ними. Это призыв божественного Учителя и Пророка.

Господь начинает Свое конкретное учение. Важнейшая его часть прекрасно собрана евангелистом Матфеем в знаменитой *Нагорной проповеди* (Мф 5–7). Здесь мы снова будем опираться на аверинцевский перевод евангелия. В других евангелиях те же элементы Христова учения часто разбросаны и даются в разных контекстах, в Мф же они сведены вместе почти как «логии», т. е. древнейшие собрания «слов» Господа.

И вот, согласно Мф, «*Он* (Иисус), *увидев эти толпы, поднялся на гору; и когда Он сел, ученики Его подошли к Нему. И отверзши уста Свои, Он стал учить их, говоря...*» (5:1-2). После этих слов и следуют евангельские призывы – то, что потом стали называть «*евангельские блаженства*» (5:3-12).

По Мф, Иисус прежде начала Своего нового учения как бы собирает вокруг Себя Свой новый народ (как в 4:23-25). При этом Он не только осмеливается возвещать во-

обще приближение Царства Божьего, но указывает и на тех, к кому именно уже приходит Бог. Так кто же эти люди, составляющие новый народ Божий? Все те же бесправные, страдающие от насилия, жаждущие справедливости, милосердия, миротворцы. Из этого народа как бы исключаются «сильные мира сего», люди гордые и пресыщенные, уже не стремящиеся к Богу и Его Слову, не готовые жертвенно взять на себя свой крест.

В обетовании блаженства содержится явный парадокс: те, кого люди обычно считают достойными сожаления, именно они-то оказываются первыми избранниками Божьими и удостаиваются блаженства, именно им обещается дар спасения и дается целительная сила, всё чудесным образом в них и вокруг них изменяющая. Не случайно вокруг Иисуса собираются главным образом те, кто достоин считаться блаженным.

Теперь подробнее поясним каждое из «блаженств».

Первое блаженство: «*блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*» (ст. 3).

В греческом языке «*блаженный*» – это счастливый человек (с религиозным оттенком – благословенный). У нас же, когда теперь говорят о ком-то, что он «блаженный», обычно подразумевают совсем другое, скорее даже противоположное.

В Мф утверждается блаженство по внешности *нищих*, бедных, жалких. Матфей начинает с приветствия нищим, как и Лука в своем варианте «блаженств», но добавляет еще конкретизирующее «*духом*», что присутствует не во всех текстах Лк и что очень многих в наши дни затрудняет и сбивает.

В лучших толкованиях это «духом» понимается скорее так: нищий духом человек выражает именно духовную готовность добровольно принять на себя нищету даже тогда, когда у него есть то или иное состояние или имущество. «Нищие по велению духа своего» – так можно перевести это выражение. Блаженны люди, которые преодолели обольщающую приманку внешнего богатства.

(Так пишет С.С. Аверинцев в первом томе «Мифов народов мира» в статье «Иисус Христос», опираясь на евангельский рассказ о богатом юноше, а также на ряд древних толкований и результаты исследования семантики кумранских текстов.) Такое толкование, по замечанию С.С. Аверинцева, снимает многозначность и произвол всех прочих толкований этого места.

Итак, «*нищие духом*» – это те, кто никак не держится за свое богатство, ни за какое свое имущество, которое принадлежит миру сему, кто не считает, что реальная обеспеченность его жизни зависит от его внешнего благосостояния, от внешнего благополучия.

Эта заповедь Господа, на наш взгляд, несет в себе и еще один важный смысловой момент. Если мы перенесем акцент со слова «нищие» на слово «духом», то получим не просто блаженство нищих по духу, но и блаженство постоянно сознающих, что им не хватает в первую очередь именно духа, и поэтому бесконечно просящих у Бога-Духа дара духовного, «дара духа», даже «Дара Духа Святого» и благодати, т. е. «Дара Духа Любви». Ведь нищий – это не просто бедный. Бедный не имеет и обычно не просит, тогда как нищий, осознавая, как и бедный, что ему чего-то жизненно важного не хватает, в отличие от бедного, смиренно этого еще и просит.

Другими словами, если человек нищ духом, значит, он никогда не удовлетворяется имеющимся у него (в нем) духом и снова и снова этого столь ему нужного в жизни (и для Жизни) духа (и Духа) просит. Это толкование существенно дополняет приведенное выше, нисколько ему не противореча.

Тот, кто сам испытывал подобное состояние духовной нищеты, с первым блаженством легко согласится. Но пока человек не испытает его, ему не докажешь истинность этих слов Господа. Умом их не вместить, ибо все внешнее, плотское в человеке противится этой заповеди. По-настоящему испытывать унижение и внутреннюю и (или) внешнюю нищету и при этом быть блаженным, быть счастливым – это, по плотскому уму, невозможно. Но тот,

кто хоть раз освободился от плотского ума и испытал счастье духовной нищеты, знает, что именно по-евангельски все в жизни и бывает. Более того, в этой нищете – основа духовной жизни человека. Не случайно эта заповедь среди блаженств стоит на первом месте, а сребролюбие в Новом завете называется «*корнем всех зол*».

Второе блаженство: «*блаженны скорбящие, ибо будут они утешены*» (ст. 4).

«*Скорбящие*» прежде переводили как плачущие. Это значит, что здесь текст Мф был со временем уравнен с соответствующим параллельным местом из Лк, но в подлиннике Мф стоит «скорбящие», «сетующие», а в Лк – «рыдающие», «плачущие».

Кто же такие эти «*скорбящие*»? Причина их скорби в Мф не называется. Однако Сам Иисус стоял среди печальной, скорбной толпы. Он обещает им благодать, которая превратит их скорбь в радость, и, что бы ни было причиной скорби, скорбящий будет утешен Богом. Утешен, поскольку Он говорит, что все такие люди будут утешены. Но что значит «утешены»?

«*Утешение*» (по-гречески «пара́клисис») – это дело Мессии. Уте́шитель (греч. – Пара́клитос, евр. – Мена́хем) – не только одно из имен Духа Святого, но также и одно из имен Мессии, что было известно еще и до Христа (ср. Лк 2:25). Вообще говоря, по-гречески слово «утешать» (которое нельзя путать со словом «утишать», в смысле устанавливать тишину) многозначно: вызывать, призывать, внушать, увещевать, убеждать, просить о помощи, ходатайствовать, оказывать помощь. Последние значения лучше всего подходят к смыслу этого стиха.

Таким образом, второе блаженство можно было бы истолковать так: блаженны скорбящие, ибо они будут просить о помощи у Бога и получат помощь от Него.

Третье блаженство: «*блаженны кроткие, ибо они примут в удел землю*» (ст. 5).

Хорошо прочувствовать значение слова «кротость» можно, например, в том месте евангелия, где дается очень

важная характеристика Иисуса: Он говорит о Себе, что Он «*кроток и смиренен сердцем*» (Мф 11:29).

Истинное *смирение* сердцем (а как часто в христианстве и вне его злоупотребляли и злоупотребляют «смирением»!) означает полное внутреннего *мира* и покоя преклонение перед Богом и волей Божьей, точнее, полную мирную открытость перед Ним знающего свою *меру* сердца, т. е. духа, живущего Верой. Поэтому оно означает и свободную, спокойную самоотдачу, в противоположность гордой надменности некоторых прежних и современных законоучителей.

Истинная же *кротость* сердцем означает полную снисхождения *доброту и мягкость* – в противоположность черствости хотя бы тех же «*книжников и фарисеев*» времен Христа или нашего времени.

Отсюда следует, что «кроткие», как и «нищие», живут с тем же внутренним миром и спокойствием, с каким они предают себя Богу и воле, правде Божьей и с каким они общаются с другими людьми. Их духовная доброта не есть плод только их человеческой мудрости, как в эллинизме, но плод их свободного упования, надеяния на Бога Любви. Вот что является источником данного блаженства по Евангелию.

Этим-то добрым, кротким и смиренным людям и обещается «*наследование земли*», что и вообще было в традиции библейской веры.

Следующее, четвертое блаженство, оно же и последнее в первой части блаженств: «*блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо будут они насыщены*» (ст. 6).

Уточнив предмет алкания и жажды – «*правду*», Мф подчеркивает смысл данного блаженства, выходящий за рамки чисто плотского: не просто алчущие и жаждущие, а «*алчущие и жаждущие правды*». Это вновь проявляет бóльшую точность Мф в отличие от Лк 6:21. Но, разумеется, понятие «правды» охватывает и телесную сторону жизни людей, хотя бы в качестве справедливости (увы, для нас это теперь стало очень неочевидной вещью).

Вообще понятие «правда» (отсюда и праведность, оправдание, справедливость) – одно из ключевых понятий Священного писания, которое сродни понятиям «воля Божья», «закон», «заповедь», «наставление», «премудрость» (по-гречески «софия») и т. п.

Результаты неправды бывают многоразличны. Конечно, к ним относится и физическая социальная несправедливость, порождающая «алчбу (голод) и жажду». Страдающие от неправды, в том числе и страдающие физически, алчут и жаждут правды. Задача Мессии – восстановить и обновить порядок союза-завета с Богом, т. е. восстановить, обновить и исполнить всякую правду – праведное (правильное) отношение к Богу, людям и миру (ср. Мф 3:15 – слова Христа Своему Предтече: «*Надлежит нам исполнить всякую правду*»).

Итак, правда в своей богооткровенной полноте – это дар мессианского времени. Но те, кто получает этот дар, призваны показывать эту правду в ее плодах, т. е. доказывать ее своими делами («*блаженны гонимые за правду*» – 5:10; далее 5:20; 6:1 и т. д.). Царство Божье и правда нерасторжимы (см. 6:33: «*прежде всего заботьтесь о Царствии и о правде Его*»). Царство Божье говорит о той сфере, в которой мирно и радостно властвует и Любовью творит всю Свою справедливую правду Бог. Эта правда говорит об образе и цели Божьего властвования.

Страдающие от неправды, которую они творят сами и которая творится над ними, но при этом ищущие праведных отношений получают обетование участия в праведной мессианской трапезе, поскольку им сказано, что «*будут они насыщены*».

Когда мы слышим это блаженство, то о чем мы думаем, какое насыщение имеем в виду? Вероятно, сейчас мало кто думает здесь о мессианской трапезе, о том брачном пире, который в евангелии часто упоминается и в других местах (вспомним, что в Священном писании трапеза – характерный образ Царства Божьего). Но на этой-то трапезе люди и получат насыщающую их откровенную правду.

Связь первых четырех блаженств определяется надеждой на новое небо и новую землю, «*на которых обитает правда*» (2 Пет 3:13).

Перейдем ко второй части «блаженств».

Пятое блаженство: «*блаженны милосердные, ибо будут они помилованы*» (ст. 7).

Если в предыдущих блаженствах утешение было дано тем, кто смиренно склоняет себя перед Богом и жаждет восстановления в себе и в мире праведных отношений, то теперь то же утешение дается как награда тем, кто уже праведно живет и поступает по милости. Если непосредственно перед этим говорилось о страдании от неправды и о жажде праведности, то здесь поясняется, что *любовь и милосердие* и есть та праведность в этом злом мире, которая дает страдающему от неправды помощь и оживляет его.

Для Иисуса любое дело милосердия – это воля Божья, простирающаяся далее всех предписаний закона и дел культа (как говорится в Мф 9:13 и 12:7, согласно Ос 6:6, «*милости хочу, а не жертвы*»). Фарисеям Он бросает упрек как раз в отсутствии у них милости: «*Горе вам... Ибо вы отсчитываете десятину с мяты, аниса и тмина, а небрежете о самом важным в Законе – о суде, милости и верности*» (Мф 23:23), т. е. то, что соответствует трем заветам из четырех в Ветхом Завете.

Блаженство милостивым дарит им милость, требует от них милости и обещает им милость на Последнем Суде (см. Мф 25:31-46). Милостивый отражает в своих делах дела Божьи. Бог дарует милость всем, но тот, кто принял милость Божью и отказал в ней своему ближнему, теряет ее. Разумеется, заслужить милость Божью невозможно, но ее можно сохранить и умножить или потерять.

Шестое блаженство: «*блаженны те, чьи сердца чисты, ибо увидят они Бога*» (ст. 8).

В Священном писании «сердце» означает внутренний духовный фокус человеческой личности во всех ее проявлениях. Это как бы ее сердцевина и средоточие самого духа человеческого, т. е. то, что делает человека «целым»

и просто поистине человеком. Сердце, знающее о своей нечистоте и просящее у Бога дара чистоты, уже находится на верном пути к своему очищению, а через это и к Боговидению.

Иисус Христос, не связывая людей какой-либо жесткой организацией (типа Кумранской общины, прихода или монастыря), обещает полноту благ через Боговидение, т. е. «лицезрение» Бога, тем, кто внутренне чист. Ведь только в «сердце» и плодах его – подлинное свидетельство чистоты или нечистоты человека (см. Мк 7:1-23; Мф 23:26).

Нечистота входит в мир из сердца человека. Чистота сердца означает и чистоту мира. Очищение сердца – начало богоугодной жертвы и истинного богослужения!

Так что же означает собственно «*чистота сердца*»? Согласно библейскому словоупотреблению, это есть его святость, т. е. его приятность Богу, принятие Богом, а значит, это есть и отсутствие лукавых, злых и «задних» мыслей, прямота намерений, простота, честность, а главное – чистота совести и внутренняя целостность (*целомудрие* – в смысле нераздвоенности и святости духа, мысли, т. е. души, и тела). Все это благодатно и поэтому должно выражаться в отношениях между людьми и в нашем служении Богу и людям. Только живущие Святым Духом и поступающие так удостаиваются Боговидения.

По евангелию же, *Боговидение* – это та встреча и то общение с Богом в Новом Иерусалиме, о которых говорят также апокалиптики и которые уготованы всем праведникам и вкусившим небесного Дара блаженным. Эти встреча и общение с Богом в разной степени предвосхищались и предвосхищаются великими людьми каждого исторического завета в переживаемых ими Богоявлениях, но в полноте они произойдут в грядущем Завете и будут означать полноту спасения и блаженства в Царстве Божьем, в которое, конечно же, войдут и все искренние, нелукавые, святые духом, т. е. «*чистые сердцем*», люди.

Седьмое блаженство: «*блаженны миротворцы, ибо наречены они будут сынами Божьими*» (ст. 9).

«*Мир*». Он уже в Ветхом завете считался высшим благом. «*Человек мира*» – это благой человек. Мир – одно из имен Божьих. «*Начальник мира*» – это имя Мессии (Ис 9:6, ср. Еф 2:14).

Заметим, что Иисус называет блаженными простых людей – галилейских «нищих». Тут очевидно, что для Него не только великие миротворческие дела, но и самые незначительные дела примирения несут в себе обетование Божье.

Но что здесь значат слова «*сыны Божьи*»? Это выражение рассматривается иногда в связи с Боговидением предыдущего стиха. Боговидение обладает преображающей силой (см. 2 Кор 3:18; 1 Ин 3:2). Видеть Бога – значит преображаться по образу и подобию Божьему и становиться в чем-то похожими на небесных ангелов, т. е. быть истинными «сынами Божьими» (ср. Мф 22:30; Лк 20:35-36). Такое толкование подтверждается и словом «*нарекутся*», ибо божественное наречение – не просто наименование, а новое творение, пре-творение, пересотворение.

Разумеется, слово «*сын*» означает также и прямое происхождение от Бога. Конечно, миротворчество и богосыновство – дело и достоинство Мессии. Поэтому все миротворцы принимают участие в Его служении и они же разделяют Его достоинство.

Хвала миру в мире со стороны раввинов и правителей эллинистических государств не могла скрыть того факта, что мира в нем не было. Даже между их собственными словами и делами зияла пропасть. Они говорили о мире и сеяли раздоры. Только Иисус Христос истинно приносит в Себе и с Собою Любовь и Мир. Поэтому Он Сам ищет настоящих миротворцев и обещает им величайшую награду.

Восьмое блаженство: «*блаженны гонимые за правду, ибо их есть Царствие Небесное*» (ст. 10).

Блаженный Иероним (IV в.) пишет, что «многие терпят гонения по причине своих грехов, но не суть праведные».

Слушателей Иисуса Христа, чья праведность должна теперь заключаться не в делах закона, а в их уповании на Бога, их милосердии и миролюбии, в этом порочном мире ожидает участь преследуемых. В мире сем, на этой земле они не смогут найти себе спокойного места, но им обещается и дается приобщение к внутреннему блаженству приоткрывающегося уже на земле Царства Небесного. Так конец этого блаженства соединяется с первым блаженством «нищим» (ср. 1 Пет 3:14).

Следующие два стиха (11-й и 12-й) – третья, последняя часть евангельских «блаженств».

Ст. 11. «*Блаженны вы, когда станут вас бесчестить и гнать, и лживо скажут про вас всякое худое слово, из-за Меня*».

Преследование состоит прежде всего в том, что благой призыв учеников к Богу во Христе не будет услышан, а потому их начнут ложно обвинять и гнать. На них станут даже клеветать, хотя клевета уже тогда считалась страшным грехом, равным идолопоклонству, разврату и убийству вместе взятым. Вот это преследование и породит силу блаженного христианского мученичества!

Ст. 12. «*Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах! Так ведь гнали пророков, что были прежде вас*».

Уже в позднем ветхозаветном иудействе и раннем христианстве страдание за исповедание истинной веры служило знаком избранничества и приносило радость в само́м страдании. Видимо, не потеряло своего значения это обетование Христа Своим ученикам и поныне.

Итак, все «блаженства» обращаются к тем людям и объединяют собой тех людей, которым Иисус Христос обещает Небесное Царство, Царство Божье.

Эти «блаженства» совершенно не похожи на ветхозаветный закон. Они уже не обращаются к Израилю как единому целому, хотя и имеют источником Завет Господа с ним. Они обращены к каждому конкретному челове-

ку, ставят его перед своей совестью и Богом и связывают его с ближними.

Насколько люди личностно и соборно ставят себя в связь с Богом, насколько они определяют себя Его волей, настолько они и отражают в себе Его «дела». Хотя в «блаженствах» нет прямого соотнесения их с Иисусом Христом как пророчески властным Проповедником и в то же время мудрым Учителем, в основе Евангелия от Матфея лежит следующий взгляд: Сам Иисус, конечно, таков, какими Он изображает блаженных людей. А в них, в свою очередь, отражается Его собственная жизнь.

Вот почему евангельские «блаженства» возвышают и пробуждают к *синергии, сотрудничеству с Богом и соработничеству Христу*, состоящему в согласной с «блаженствами» праведной, правильной и благодатной жизненной позиции. Поэтому, хотя эти «блаженства» носят не повелительный, а изъявительный характер, Церковь уже с древнейших времен видела в них как бы новые «заповеди», новые та́инственно-аскетические нормы жизни и поведения новозаветного блаженного, т. е. христианского святого-праведника. Впрочем, личностно реализовать их стало возможным только после Христова Креста и Воскресения...

Далее посмотрим *ст. 13-16*. Если в конце «заповедей» блаженства (ст. 12) ученики Иисуса сравниваются с «*пророками, бывшими прежде них*», то это имеет значение не только для апостолов и прочих будущих служителей Церкви, но и для всех подлинных учеников, членов Церкви Христовой, поскольку таковыми действительно можно стать, лишь приняв от Отца Небесного, через веру в Иисуса Христа, Дар Святого Духа – того Духа, Который называется по преимуществу «пророчественным» (по терминологии св. мученика Иустина Философа, сер. II в.).

Именно к таким блаженным, единственно счастливым настоящим и будущим ученикам-пророкам (которые нищи духом и скорбят, кротки, алчут и жаждут справедливости, правды и праведности, которые милостивы и чис-

ты сердцем, миротворцы и не боятся быть гонимыми за правду и которым неложно обещано наследие Царства небесного и земного, утешение, насыщение и помилование, личностное зрение Бога и Богосыновство) Господь наш Иисус Христос может обратиться со следующими словами: «*Вы – соль земли, вы – свет миру*».

При этом дается предупреждение, чтобы соль эта никогда не теряла силу и не становилась пресной и чтобы свет этот не скрывался под сосудом. Господь говорит и нам: «*Так да воссияет свет ваш пред людьми, чтобы увидели они от вас добрые дела и восславили Отца вашего, Пребывающего на Небесах*».

«*Чтобы восславили*» означает чтобы объединили и свои духовные силы с Божьими, тем самым умножая действенность их в мире, в котором постоянно идет борьба Бога с дьяволом и где «поле битвы – сердца людей» (Ф.М. Достоевский). Будучи «солью», ученики Христовы должны сохранить мир от гниения и разложения, а будучи «светом» – спасти мир от наступающей на него абсолютной тьмы.

Ст. 17-20. Если во вступлении Нагорной проповеди (5:3-16) говорилось о том, как Господь соотносит Себя, Свое учение и Своих учеников с прежними *пророками* и их писаниями, то в ее основной части речь заходит уже о соотнесении с прежним *законом*, впрочем, также данном через ветхозаветных пророков. Господь «исполняет», т. е. Своей Любовью и Свободой доводит до Полноты, и всех Пророков, и весь Закон.

Стихи 17-20 являются зачином основной, т. е. почти всей остальной, части Нагорной проповеди, простирающейся до ее заключения (до 7:15-27).

В этих стихах Господь сначала солидаризируется с прежним законом, так же как ранее с прежними пророками. Он не упраздняет ни того, ни другого. Но у Господа и к закону отношение живое, динамичное, новое. Он не только Сам «исполняет», но ждет и от Церкви совершенного «исполнения» и Закона, и Пророков, зная, что для

этого и существует еще время, для этого есть еще история, для этого и осуществляется еще в Божьих людях Богопознание и Богооткровение, для этого и совершалось всякое Богоявление, вплоть до последнего – в Нем Самом и Им Самим. «*Пока небо и земля* (т. е. мир сей) *не прейдут, не прейдет от Закона ни единая иота и ни единая черта* (т. е. ни одна даже малейшая заповедь), *покуда все не сбудется*» (ст. 18). Здесь же Господь предупреждает об особой ответственности учителей закона, которые могут или упразднить, или исполнить ту или иную заповедь Божью, уча других тому же своим примером.

Господь выступает за соблюдение Закона Божьего (ст. 17), за праведность Своих учеников (ст. 20). Но если бы все ограничилось только этим, то Господь никогда бы не стал для нас единым и единственным Ходатаем Нового Завета. Он был бы очередным законоучителем или, в лучшем случае, очередным великим пророком, пока еще только указывающим на Новый Завет и Грядущего Мессию. И Господь не ограничивается лишь проповедью восстановления законной правды, не сводит Свое учение к одному очищению от ошибок и перегибов окружавшей Его ветхозаветной жизни, к одному лишь количественному утончению и усилению, ригоризации ее принципов, что могло бы превратить общину Его учеников не более чем в очередную ветхозаветно-иудейскую секту «чистых» (по образцу тех же кумранитов или терапевтов). Он говорит о принципе Закона по отношению к Себе: «*Не пришел Я, чтобы упразднить Закон, но чтобы восполнить*» (ст. 17), а по отношению к Своим ученикам о праведности законной говорит так: «*Если не будет праведность ваша обильнее, нежели праведность книжников и фарисеев, не войдете вы в Царствие Небесное*» (ст. 20).

Здесь-то и был осуществлен прорыв в новое и будущее – к Царству Небесному и к Самому Иисусу именно как Мессии. Эти слова как бы ничего не нарушают и не взрывают в порядке Ветхого Завета, более того, они целиком содержат его, хотя и в «снятом виде». Их даже можно по-старому понять лишь внешне, количественно, и на том

успокоиться. Наверное, их так в свое время и поняли слушатели, поскольку они еще не знали, что перед ними – не простая законническая или нравственная система, и еще не познали – Кто говорит с ними.

Как раз раскрытию нового смысла «заповеди» об «исполнении» Закона и, следовательно, о «большей» праведности, чем праведность книжников и фарисеев, и служит остальная часть основного раздела Нагорной проповеди. Именно в ней раскрывается та сторона смысла этих слов, о которой до сих пор не задумываются даже многие христиане.

Ведь как мы уже знаем, слово «*восполнить*» как в русском, так и в греческом языках происходит от корня «полн-» и означает не только «выполнить», но и «дополнить», точнее, возвести на новый качественный уровень приобщенности к «*полноте*». Это прямо связывает то, что от Бога и по Его воле (т. е. по Его Праведности, Правде, Справедливости, Добру, Закону), с Самим Богом, Который выше этого, ибо Он Сам есть *Полнота* Блага (Любви).

Точно так же и слово «*больше*» может означать не просто нечто количественно возросшее, но и высшее – «большее».

О том, что Господь в ст. 20 имел в виду именно такой смысл слова «больше», свидетельствуют Его дальнейшие слова, которые Он говорит Своим ученикам: не став бóльшими в праведности, «*не войдете вы в Царство Небесное*». Другими словами, праведность книжников и фарисеев довела ветхозаветный принцип Закона до абсурда, и поэтому ее уже нельзя ни исправить, ни подчистить, ее можно лишь качественно превзойти и «исполнить», став выше. Так по преемственности сохраняется достоинство и правда всех прежних исторических заветов Божьих с людьми и в то же время максимально возможно в рамках истории снимается их ограниченность.

Так Господь возвещает тот новый Путь, который ведет всех Его настоящих последователей в Царство Небесное. Его следовало усвоить сначала количественно и внешне, но после Сошествия Святого Духа и рождения Христо-

вой Церкви, в силу искупления и спасения мира, совершенного Господом на Кресте и в Воскресении, еще качественно и внутренне, т. е. по сердцу, в силе духа человеческого и Духа Божьего.

Как же Господь «исполняет» Закон и что это за «бóльшая», высшая праведность, к которой Он призывает Своих учеников? В основной части Нагорной проповеди по Мф ответ дан, условно говоря, в четырех частях.

1) *5:21-48*. Здесь по единой схеме – «*вы слышали, что было сказано древним... а Я говорю вам*» – даются шесть принципов пути *совершенствования* всякого человека перед лицом Отца Небесного: а) не гневайся на брата, не унижай в нем человеческого достоинства и, не медля, мирись с противником; б) не прелюбодействуй и в сердце своем, для чего жертвуй тем, что соблазняет тебя; в) не оставляй любимую и любящую, и в этом смысле всегда единственную, жену свою; г) не клянись вовсе, ибо ничто не принадлежит одному тебе и ничто не зависит только от тебя; д) не противься злому (человеку) и не отвращайся ни от кого, кому можешь чем-то помочь; е) люби и врагов своих, молись и за гонящих тебя, чтобы стать истинным сыном Отца своего Небесного.

2) *6:1-18*. Здесь говорится о *праведности*, которая может выражаться в тех же традиционных формах милостыни, молитвы и поста, но которая теперь должна базироваться только на Любви и, значит, всегда существовать *не напоказ*, будучи лишена лицемерия, основанного на законе, точнее, на проистекающей из него излишней рефлексии.

3) *6:19-34*. Здесь проповедуется *освобождение* человека от излишних, т. е. суетных, но общепринятых в лежащем во зле и страхе мире сем, забот: от собирания «на черный день» и увлечения земным богатством, от подобных же забот о пище, одежде и вообще «*о завтрашнем дне*».

4) *7:1-14*. Это набор отдельных, но важных «заповедей» Христа: не судите (т. е. не осуждайте неправедно никого

на земле и не теряйте веры в каждого человека как в еще живой образ Божий); не давайте святыни псам (непосвященным, нечистым, неверным), т. е. будьте благоговейны со святыней; просите без ложного стеснения, стучите и ищите, чтобы получить благо; найдите тесный путь, ведущий в Жизнь вечную, т. е. входите в нее узкими вратами.

Рассмотрим теперь особо *Мф 6:9-15*. Основную часть этого текста занимает «*Молитва Господня*» – «*Отче наш*». Это, так сказать, основной ее текст. Он несколько иной по сравнению с соответствующим параллельным текстом в Лк 11:2-4, где «*долги наши*» прямо названы «*грехами нашими*», а «*насущный хлеб*» испрашивается не просто на «*сегодня*», но вообще «*на каждый день*».

Прекрасно в этой краткой молитве само обращение: «*Отче наш, сущий на Небесах!*» или лучше: «Отец наш Небесный!»

«*Отец*» – продолжение темы богосыновства человека-христианина.

«*Наш*» – не «мой», ибо беседа Господа велась со всем братством, со всей общиной учеников Господа. Да и личностное общение с Небесным Отцом невозможно во внутреннем отрыве от других Его чад, т. е. индивидуально и (или) индивидуалистично. Оно с начала и до конца церковно, общинно, что всегда предполагает то посредническое и живое присутствие Христа, о котором Он Сам сказал: «*Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них*» (Мф 18:20).

«*Небесный*» – здесь снова имеется в виду невидимое и нечувственное, ангельски-духовное, но тварное «третье небо», т. е. тварная божественная слава (по-древнееврейски – «кабаóт»), а вероятно еще и нетварная божественная Слава (по-древнееврейски – «Шехи́на» – как Присутствие и Свет), о которой говорится, что «*Бог во Свете живет неприступном*» (1 Тим 6:16). «Небеса» во множественном числе здесь тот же семитизм, о котором речь шла в связи с Быт 1:1, указывающий на превосходную степень (в смысле «Небо неба» или «Небеса небес»).

Далее в молитве «Отче наш» идут семь прошений.

«*Да святится имя Твое*». В этом мире имя Божье может или хулиться (по грехам нашим – см. Рим 2:24), или благословляться, прославляться (по добрым делам нашим – см. Мф 5:16) и, тем самым, святиться в душах и телах верных людей, в Церкви. Таким образом, это прошение и о возрастании Божьего мира, т. е. Церкви Божьей во Христе, Духом Святым и усилиями людей – членов Христова народа.

«*Да придет Царствие Твоё*», которое, по апостолу Павлу (Рим 14:17), есть «*не пища и питие, а праведность* (правда), *мир и радость во Святом Духе*» (т. е. основанные на Любви и благодати). Но это Царство «*силой берется, и употребляющие усилие обретают Его*» (Мф 11:12), поэтому нельзя забывать о постоянной внутренней и внешней борьбе за него, для чего и дано это прошение, напоминающее нам о том, что пока еще не всё в мире – от Бога, но что до сих пор «*князь* (т. е. верховный правитель) *мира сего*» – дьявол (см. Ин 14:30 и Еф 2:2).

«*Да будет воля Твоя и на земле, как на Небе*». «*Небо*» здесь – все то же «третье Небо», т. е. горний невидимый мир чистых святых – носителей Божьей воли, Божьей Правды, Божьего Закона, нарушенного на земле, а вслед за ней – и на «первом» и «втором» небе. Второе и это третье прошения явно параллельны и близки друг другу по смыслу.

«*Хлеб наш насущный подай нам сегодня*». «*Насущный*» – значит потребный для нормального существования нашего тела, а тем самым и души, и духа. Прошение в Мф ограничивается лишь потребностью одного «дня», в соответствии с «заповедью»: «*не заботьтесь о завтрашнем дне*» (ст. 34). Сегодняшний день здесь надо понимать в том же смысле, т. е. не как календарные или астрономические сутки. С подобной же заповедью «*не заботьтесь... что вам есть*» (ст. 25) связано существование и самого́ прошения к Богу о хлебе насущном.

«*И прости нам долги наши, как и мы простили* (возможный перевод – прощаем) *должникам нашим*». Бог

есть Любовь, и поэтому прощение Божье может получить всякий без каких-либо условий. Значит, дело – лишь за человеком. Если его сердце любящее, т. е. если оно прощает согрешающих ближних, то не будет в нем препятствий и для восприятия, усвоения Божьей Любви и Божьего прощения. Вот почему это прошение носит условный характер.

«*И не введи нас во искушение*». «*Искушение*» – это испытание. С одной стороны, «*Бог не искушает никого*» (Иак 1:13), т. е. Он никому не причиняет зла, всегда являющегося искушающей силой в мире сем, но с другой стороны, в Ветхом завете Бог всегда искушает, испытывает Своих любимых рабов, а Господь Иисус, «*быв искушен, может и искушаемым помочь*» (Евр 2:18). Это надо понимать в связи с тем, что в Ветхом завете, не знавшем «закона» Любви и Свободы, была традиция и тенденция возводить к Богу все – и добро, и зло, ведь главным там был закон, который хотя и добр, но действие его обеспечивалось системой наказаний и принуждений, т. е. пусть и ограниченным, но злом. Так что это прошение надо понимать в смысле параллельного ему следующего, седьмого прошения.

«*Но избавь нас от лукавого*», т. е. интегрального мирового (и всякого частного) *Зла* как принципа внутренней и внешней жизни.

Исходя из такого понимания двух последних прошений естествен и переход к заключительному славословию, свидетельствующему о том, что человек, вместе со всей своей церковью-общиной, передал все свое сердце, весь дух своей жизни Богу и *Его Царству, Его Силе и Славе*.

Аминь – т. е. так да будет, воистину! – достойное завершение той молитвы, которой Сам Господь научил Своих учеников.

В заключение нашего краткого изъяснения этой молитвы приведем комментарий к ней известного англиканского богослова конца XIX в. Ф. Фаррара из его книги «Жизнь Иисуса Христа». Он писал: «По тому сочетанию любви и благоговения, с которыми Молитва Господня

научает нас приближаться к Отцу нашему Небесному; по духовности, с которой она заставляет просить прежде всего Царства Небесного и правды его; по духу всеобъемлющей любви и прощения, который внушает она; по той множественной форме (т. е. множественному числу) ее прошений, которая имеет в виду показать нам, что себялюбие всецело и навсегда должно быть исключено из наших прошений и что никто не может приходить к Богу как к своему Отцу без признания и злейших врагов своих Его чадами тоже; по тому, что из ее семи прошений одно и только одно относится к земным благам, и даже это одно просит земных благ только в их простейшей форме; даже по той поразительной краткости, показывающей, что Бог не хочет делать из молитвы утомительного бремени, – по всему именно этому отцы церкви и называли ее "сокращенным Евангелием", жемчужиной среди молитв...»

Заключение Нагорной проповеди содержится в Мф 7:15-27. Здесь снова, как и во вступлении, Господь обращается к Своим ученикам как призванным пророкам, которым для того, чтобы жить в одном пророческом Святом Духе, надо беречься лжепророков, т. е. людей иного, чуждого им и Богу духа. Лжепророки, как и «многие», также идут «*широким путем*» «*в погибель*». Они готовы увести туда и верных, так что им следует противостоять, как хищным волкам, особенно если они приходят в Божье стадо в овечьей шкуре (ст. 15).

Ст. 16-20. Для опознания их Господь предлагает Своим ученикам универсальное средство – смотреть «*по плодам*». Здесь не говорится, какие это плоды – духовные или внешние, выражаемые в делах. Вероятно, имеются в виду и те, и другие. Как тут не вспомнить о «*плодах Духа Святого*», перечисляемых апостолом Павлом в отношении к христианам! Это «*любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*» (Гал 5:22-23).

Еще в Ветхом завете было сказано, что «*Господь смотрит на путь человека*» (1 Цар 16:7). И пусть полноты со-

вершенства никто из людей на земле не достигает, но в человеке важнее всего то, каким духом он живет, куда стремится, чем определяется его путь. Если он идет верным путем, то каким бы несовершенным и грешным на данный момент он ни был, он – не «репейник» и не «тёрн». Ведь и у доброго дерева совершенные плоды являются не сразу, а в свое время. Но если в это время соответствующих плодов все нет, то и дерево, скорее всего, не то, это – «*бесплодная смоковница*», которая проклинается (см. Мф 21:19; а также Иуд 1:12), это дерево, которое «*срубают и бросают в огонь*» (ст. 19). «*Огонь*» – это подобие всепоглощающей духовной, душевной и физической смерти, происходящей от рас-путства, суетного ума, помрачения в разуме, неведения (невежества) и ожесточения сердца, т. е. человеческого духа (см. Еф 4:17-19).

Ст. 21-23. Но не только приходящие извне хищные волки-лжепророки страшны общине Христовых учеников, живущих Даром и дарами Святого Духа и приносящих во время свое плоды Его. И среди самих этих учеников, как предупреждает Иисус, «*не всякий, кто говорит Мне: "Господи! Господи!" – войдет в Царство Небесное, но тот, кто творит волю Отца Моего, что в Небесах*» (ст. 21). Можно по вере в Господа как бы «в залог» получить большие, даже чрезвычайные *дары* Святого Духа, в том числе пророчества, экзорцизма (изгнания бесов) и чудотворения (ст. 22), но если при этом у человека нет «*праведности, превосходящей праведность книжников и фарисеев*» (5:20), если нет соответствующих внешних и (или) внутренних *плодов* Святого Духа, то этот человек останется чуждым Христу беззаконником и, следовательно, лжепророком (ст. 23).

Ст. 24-27. Итак, Дом Божий (Божья Церковь) должен стоять, как и Христос, на исповедническом камне обновленных и исполненных Им Закона и Пророков. Тогда никакие «дожди» и «ветры» «житейского моря» не одолеют его. Этот твердый фундамент не позволит пасть и живущему в Доме «*благоразумному мужу*», который не просто слушает слово Божье, но и «исполняет» его (ср. Лк 11:28 –

«*Еще блаженнее те, кто слышит слово Божие и соблюдает его*»). О том же говорит и апостол Иаков: «*Кто вникнет в закон совершенный, закон Свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании*» (1:25).

Вот так, благовествуя приблизившееся Царство Небесное, учил Господь Своих учеников и народ, учил «*как власть имеющий, а не как их книжники и фарисеи*» (ст. 29). То была власть Духа, власть Любви и Свободы, на что не могли претендовать прежние учителя.

Проповедь Господа имела и свои плоды. В итоге ясно обозначились *две линии, две тенденции*. С одной стороны – линия постепенного откровения и познания Сына Божьего и Сына Человеческого и, следовательно, тенденция к *Его принятию*: от Иоанна Крестителя и апостола Петра до трех учеников при Преображении, предварившем Страдания Христовы в Иерусалиме. С другой стороны – линия и тенденция постепенного *отвержения Господа*: от непризнания на родине до начала розыска Иисуса. Кульминация их и их развязка произошли на третьем этапе земной жизни Спасителя, завершившем Его земное служение – при Его Кресте и Воскресении (о которых речь пойдет в теме XI).

Господи, Боже наш, Ты открываешь нам силу милосердия Своего, силу благодати, силу Любви и силу Свободы, силу святого Своего Слова. Дай нам, Господи, жить в этом Духе и в этой силе Слова Твоего. Дай нам, Господи, приобщиться к Твоему Царству, не соблазняясь благами мира сего, не уходя от Твоего Слова, не лукавя пред Тобою. Дай нам, Господи, жить в единстве со всем народом Твоим, во славе Твоей!

Аминь.

Тема X

Участие просвещаемых в синаксарных богослужениях. Основная часть и специфические элементы Литургии оглашаемых

Введение в таинство просвещения – таинство слова и таинства покаяния, крещения, миропомазания и причащения

Господи, Боже наш, Отец наш Небесный, мы благодарим Тебя за то, что Ты собрал нас сегодня, дабы мы слушали слово Твое, чтобы наше научение продолжалось. Господи, мы благодарим Тебя за то, что Ты даешь нам молиться вместе, за то, что Ты открываешь нам традицию служения Тебе, за то, что мы уже можем познать, как всем нам служить Тебе, Господи, а не богу иному. Господи, помоги нам лучше понять то, как служить Тебе, потому что жертва уст, жертва благодарения, которую мы учимся приносить, – это прекрасное дело каждого человека, который стремится к Тебе. Господи, да будем мы едины с Тобою, да будем мы прославлять во всей нашей жизни Тебя, ныне и всегда и во веки веков! Аминь.

ПЕРВАЯ часть этой темы говорит нам о том, *как полноценно участвовать в доступных для просвещаемых богослужениях*.

Во время второго этапа оглашения ваше участие в церковном (храмовом) богослужении еженедельно, как минимум один раз вечером и один раз утром, является обязательным. Вечером – это служба, которая доступна для всех оглашаемых и которая, как правило, состоит из Вечерни и в большинстве храмов сразу следующей за ней Утрени, соединяемой еще с одной краткой службой, называемой Первый час. А утром почти всегда – это Литургия оглашаемых, на которой оглашаемым рекомендуется быть от начала до конца.

Все эти внешне не очень схожие друг с другом службы в принципе однотипны, ибо в основе своей имеют одну и ту же схему еще синагогальных молитвенно-проповеднических собраний. Когда мы читали в Евангелии, что Господь входил в субботу в ту или иную синагогу, мы понимали, что Он там участвовал в совершении богослужения. В отличие от храмового, т. е. строго иерархического жертвенного богослужения в единственном тогда храме в Иерусалиме, это было богослужение синаксарного или, что то же, синагогального типа. «Синагоги́» и «сина́кс» – синонимы, по-гречески означающие «собрание».

О синаксарно-синагогальных богослужениях, прежде всего о Вечерне, Утрене и Литургии оглашаемых, которые вполне самостоятельны по отношению к Литургии верных, и настало время поговорить.

Итак, основа у этих служб одна и та же – синагогальная. Но что было и до сих пор есть в синагоге? Это в какой-то степени нам уже известно из Евангелия, рассмотренного в предыдущей теме. Так, вспомним, в Назаретской синагоге Господу сперва дали свиток с книгой пророка Исайи, который Он развернул и стал *читать*. Потом Он сказал *проповедь*, т. е. комментарий на прочитанный текст из Священного писания, сопоставив его с современной Ему жизнью. Кроме того, в синагоге были еще общие псалмопение (стихословие) и *молитва*, например благодарственная и просительная, когда приносились прошения Господу, т. е. то, что у нас в церкви сейчас называется «ектеньями» (ектеньи – разного рода просительные молитвы, которые обычно состоят из ряда очень кратких прошений, общих для всего собрания). Все эти элементы (чтение из Священного писания, следующая затем проповедь и молитва) и составляют постоянную основу всякого синаксарного, или синагогального, богослужения.

Если в ветхозаветной синагоге читать Писание и затем проповедовать мог *любой* дееспособный мужчина, член народа Божьего, начиная с 30-летнего возраста, то в новозаветной церкви это же может делать *любой* «верный», или «полный» член Церкви, что значит – человек взрослый, наученный вере (оглашенный), крещеный и регулярно причащающийся, т. е. усвоивший все основы христианской веры и жизни.

В синагогальном собрании не было и не могло быть иерархического принципа. Если приходил священник или иной член ветхозаветной иерархии, т. е. человек, облеченный «священным саном», то он участвовал в собрании наравне со всеми. Таковому лишь предоставляли почетное место в первом ряду, чем ему воздавалась, естественно, особая честь, его также могли пригласить произнести особые благословения, но не более. А старшим в синагоге

считался, и реально им был, не он, а так называемый «архисинагог», или в переводе с греческого – «начальник синагоги». Это человек типа наших ктиторов, или старост, но только не ограничивающийся материальной поддержкой храма и хозяйственной деятельностью, а ведущий еще и молитвенно-проповеднические собрания. Именно такой человек, по Евангелию, подошел в Назаретской синагоге к Иисусу и предложил Ему слово, т. е. предложил прочесть что-нибудь из Писания и проповедовать. В ответ можно было отказаться, но важно то, что каждому взрослому мужчине, который не был отлучен от синагоги, такая возможность в принципе могла быть предоставлена.

Каков же *смысл* православного синагогального, или синаксарного, богослужения? (В дальнейшем мы почти не будем употреблять слово «синагогальное», потому что хотя оно по своему корню и греческое, и принято в православно-литургической и богословской литературе, но слишком часто оно ассоциируется лишь с иудаизмом и иудаистским культом.)

Главным смыслом и целью всякого христианского синаксарного богослужения является прежде всего *научение* (что, как известно, совсем не то же, что «школьное» обучение) христианской вере и жизни. Каким образом? Так же, как и в древней синагоге, – через преподание мира, чтение и слышание Священного писания, его толкование, или проповедь, пение духовных песен и псалмов и принесение Богу разного рода совместных молитв.

И сейчас в богослужениях такого типа все должно быть подчинено достижению их главной цели. Поэтому эти богослужения не предполагают индивидуальных молитв где-то «в уголочке», в приятном, укромном местечке, лишь бы тебе никто не мешал. Только зная это, можно правильно участвовать в православном богослужении на Вечерне, Утрене и Литургии оглашаемых.

Чтобы лучше разобраться в смысле и порядке (чине) наших богослужений и правильно участвовать в них, надо знать, что все они могут быть условно подразделены *на*

три части: *вступление, основную часть* и *заключение*. Хотя это и условность, но для нас такое деление важно. Почему? Потому что «основная часть» богослужения – это, как правило, его древнейшая и важнейшая, а значит, и наиболее постоянная, неизменяемая его часть. Это ядро, которое сохранилось у нас в практике со времен апостолов и в какой-то мере – даже от ветхозаветного синагогального богослужения. А «вступление» и «заключение» – это части, которые, не будучи в целом столь важными и древними, в течение веков в разных поместных церквах и даже в границах одной церкви по своему чинопоследованию и составу очень сильно варьировались и могут варьироваться и меняться дальше, не являясь духовным центром богослужения, не питаясь непосредственно от корня апостольского литургического предания церкви.

Такое различение частей нам поможет, участвуя в богослужении, правильно распределить свои силы и внимание, а также понять, что в нем более, а что менее ценно. Это особенно важно, когда по каким-либо серьезным причинам приходится сокращать свое участие в богослужении, когда надо выбирать, за счет каких элементов это лучше сделать.

Приведем конкретный пример, обратившись к *Литургии оглашаемых* (см. приложение).

Что на Литургии оглашаемых является *вступлением*? Оно начинается приуготовлением. Сперва идет возглас предстоятеля: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков», т. е. теперь, и всегда, и вечно. Хор с нами или от нашего имени отвечает: «Аминь», т. е. истинно так да будет! После этого следует *Великая ектения*, которую дьякон начинает словами: «Миром (т. е. в мире, в тишине) Господу помолимся!»

Далее поются три изобразительных антифона с предваряющими их краткими, но довольно поздними молитвами предстоятеля, обращенными к сослужащим ему в алтаре клирикам и к народу.

Последующая молитва предстоятеля, к сожалению, сейчас почти никому или просто никому не слышна, ибо хотя она и напрямую касается всего народа, она до сих пор, как правило, читается в алтаре «тайно».

Вообще же «тайное» чтение молитв – это чаще всего искажение изначального смысла и порядка богослужения, проистекающее из желания облегчить и сократить службу или утаить ее важнейшую часть даже от полных членов Церкви. По словам о. Иоанна Мейендорфа, в храме св. Софии в Константинополе это произошло по вполне обыденным причинам, когда ведущий службу обычно немолодой патриарх уже не мог наполнить голосом огромный храм и был вынужден читать свои молитвы тихо, и тогда громкоголосый дьякон стал заполнять образовавшиеся паузы чтением однообразных ектений. Это вошло в обычай, попало в устав этой церкви, а из нее – в уставы других византийских храмов. Так что эти молитвы, будучи и действительно нередко «та́инственными», сакраментальными, все-таки не должны читаться «тайно», тем самым делаясь сакральными, или «секретными». Среди древних молитв есть всего несколько таких, которые всегда были и могут быть тайными, так как они касаются духовной подготовки к служению этим таинствам лично предстоятеля или его и сослужащих ему. Остальные молитвы касаются всей церкви, а значит, они и должны читаться для всей церкви, вслух, чтобы в них могли участвовать все. Впрочем, эта практика теперь быстро возрождается во многих православных церквах мира.

Далее предстоятель произносит возглас: «Яко подобает...», представляющий собой последнюю фразу только что прочитанной первой предстоятельской молитвы – Молитвы перед пением первого антифона. За возгласом следует пение самого́ *первого антифона*, т. е. всех или части стихов 102-го псалма, которые принято было петь попеременно то правым, то левым хором.

Затем следует *Малая ектения* (она называется малой, потому что состоит всего из трех прошений). В это время обычно все так же «тайно» читается Молитва перед пе-

нием второго антифона, завершающаяся соответствующим возгласом.

Далее следует *второй антифон*, т. е. 145-й псалом. К нему присоединяется песнопение «Единородный Сыне» (тропарь, написанный в VI в. императором Юстинианом) с последующей Малой ектеньей, «тайной» Молитвой перед пением третьего антифона, возгласом и самим *третьим антифоном*, состоящим из евангельских «блаженств». На этом и заканчивается вступление.

Тем временем уже начинается *основная часть* Литургии оглашаемых. Когда еще поются «блаженны», совершается так называемый *малый вход* с Евангелием: его берут с престола, выносят с «тайной» молитвой перед входом и благословляют вход. Потом возгласом «Премудрость!» указывают на Евангелие и под пение Входной песни «Приидите, поклонимся» его вновь вносят в алтарь и полагают на престол.

В древности именно с Входной песни и выноса для чтения книг Священного писания начиналось всякое синаксарное богослужение. А затем, как это и положено в начале всякой службы, совершалось *каждение*. Если служит епископ, каждение совершается и поныне. Оно означает приветствие, когда всех присутствующих (телесно-реально – в храме и символически-реально – на иконах и в росписях) духовно приветствуют, как бы говоря тем самым «Мир всем!». Когда кадят на кого-то лично, естественно, в ответ надо встать и поклониться. Вообще же на всех синаксарных богослужениях можно сидеть, как до сих пор обычно сидят епископы. Это служба равных, и то, что на ней делает епископ, в принципе можно делать и всем. Не положено сидеть лишь при чтении Писания (только Четвероевангелия, а не Апостола или Ветхого завета) и, как уже говорилось, при каждении. Сейчас принято вставать еще на «Мир всем», на ектеньях и на «Единородный Сыне», но и последнее не обязательно (что подтверждается практикой греческих церквей).

Итак, после того как предстоятель и сослужащие ему клирики с пением входного стиха вошли в алтарь и за-

кончилось каждение, начинается пение *тропарей и кондаков* этого дня и храма. Что и понятно: уже спели стих, с которым входили в храм, и начинается служба наступившего дня, а значит, нужно как-то отметить именно этот день. Поэтому и поют основные песнопения – тропари и кондаки – этого дня (праздника) и этого храма (такая структура начала богослужения часто используется и в других службах).

Затем предстоятель «тайно» читает так называемую Молитву перед пением Трисвятой песни с окончанием ее возгласа дьяконом, задающим словами «и во веки веков» тон народу для дальнейшего пения. Далее поётся *Трисвятое* (песнь V в.): «Святый Боже, святый Крепкий, святый Бессмертный, помилуй нас».

После этого совершаются чтения Писания. Следует дьяконский призыв «вонмем», или «внемлем!», т. е. «будем внимательны!» Предстоятель в соответствии с древнейшей синагогальной практикой начала богослужения вновь приветствует всех, преподавая им мир и благословение со словами: «*Мир всем!*» Все ему отвечают: «И духови (т. е. духу) твоему».

Далее читаются стихи из Псалтири, предваряющие чтение Священного писания («прокимен») и очередной отрывок («зачало») из *Апостола*. После чтения Апостола поется «*аллилуия*», которое относится уже к Евангелию, опять же со стихами («аллилуарием») и «тайной», но по своему смыслу общенародной Молитвой перед чтением Евангелия, которая обычно, к сожалению, также никому не слышна. Дьякон или священник читает положенный отрывок («зачало») из *Евангелия*.

После чтения Писания каждый раз положено говорить толкование или иного типа огласительную или учительную *проповедь*. В наше время проповедь – этот важнейший элемент синаксарного богослужения – находится, к сожалению, в упадке, и сразу после чтения Писания проповедуют очень редко.

После чтения Священного писания и, если есть, проповеди положена *Сугубая ектения* (усиленное, прилежное,

«сугубое», т. е. удвоенное, прошение) с ее «тайной» молитвой в конце. И тут на ектенье обычно *поминают «за здравие»*, читая соответствующие «мирянские» записки.

После заздравных прошений в любой день (кроме воскресений и других больших праздников) часто еще совершается *Заупокойная ектения*, тоже с соответствующими поминовениями и Молитвой об усопших в конце.

Далее начинается *заключение* Литургии оглашаемых. Сюда входит призыв дьякона к оглашаемым помолиться, их ответ («Господи, помилуй»), обращенная ко всем верным дьяконская *Ектения об оглашаемых* и «тайная» общенародная молитва предстоятеля о «преклонивших свои главы» оглашаемых, заканчивающаяся возгласом: «Да и тии (т. е. они) с нами славят...» и дьяконским призывом: «Изыдите, оглашении, изыдите...», после которого оглашаемые, как и все непричащающиеся, должны выйти из храма (или хотя бы отойти назад, в притвор).

Итак, всем членам Церкви надо правильно строить свое участие в богослужении. Надо знать, где начинается и оканчивается основная часть службы, чтобы концентрироваться именно на ней, надо понимать смысл всех ее частей и то, как они друг с другом связаны, а при возможности надо еще и пытаться восстанавливать целостную структуру службы, помня о полном смысле того богослужения, в котором участвуешь. Конечно, если нет серьезной и регулярной проповеди и ввести ее пока не удается, то уже само внятное и понятное чтение Священного писания может быть живой проповедью, так же как и молитвы, псалмы и прочие элементы синаксарного богослужения. Может быть, косвенно, неполно, но тем не менее такое чтение будет проповедью, ведь в Писании, хотя оно и требует всегда толкования, можно что-то понять и на основании общей подготовки, уже имеющегося опыта духовной жизни и в силу общего молитвенного настроя. Поэтому, если и нет проповеди, все равно надо стараться так настроиться, чтобы всякая церковная синаксарная служба была исполнением и достижением ее духа, цели и смы-

сла, т. е. научением всех членов собрания христианской вере и жизни и укреплением в ней через чтение Священного писания, проповедь по Писанию и общую молитву.

Все службы синаксарного типа, хотя в общей своей основе подобны друг другу, в чем-то, естественно, друг от друга и отличаются, поскольку каждая имеет свою *специфику*. Так, на Литургии оглашаемых ее специфическими элементами являются, во-первых, все заключение, во-вторых, само чтение Писания, когда-то подбиравшееся с учетом состава слушающих (в том числе оглашаемых), и в-третьих, проповедь по Писанию, которая также должна быть огласительно-учительного или, в случае присутствия неверующих, миссионерского типа.

Конечно, сама Литургия оглашаемых, как ныне и все синаксарные службы, еще не является собственно таинством евхаристии, которая совершается далее – на иерархически возглавляемой, по образу Христа среди Его учеников на Тайной вечере, Литургии верных. Но это не значит, что синаксарная служба неблагодатна. Ведь всякий церковный литургический обряд, будучи связан со Словом Божьим, молитвой и живым устремлением Церкви к Богу, благодатен, хотя может быть более опосредованно и менее полно по сравнению с таинством (ведь обряд – это то, что мы как христиане делаем по любви, с помощью благодати Божьей для Бога и ближних, а таинство – тот же человеческий обряд плюс некий идеальный знак воспоминаемого и то, что Сам Бог в Церкви через Церковь и этот знак может и хочет открыть нам и сделать для нас).

Вторая часть темы – *введение просвещаемых в таинство просвещения*.

Таинство просвещения состоит из четырех таинств, т. е. богочеловеческих актов церковной жизни, и таинстводействия Слова, т. е. оглашения, или научения основам личнособорной христианской веры и жизни. Его еще можно назвать таинством крещения в широком и полном смысле слова. В древности у него были и другие названия: таинство возрождения, спасения и освящения человека и т. д.

Вообще в древности в церкви был более широкий, чем сейчас, спектр понимания того, что в жизни происходит с нею самой и ее полными и неполными членами. Это только по нашим схоластическим понятиям таинство просвещения состоит из научения и четырех разных таинств: покаяния, крещения, миропомазания и благодарения с причащением, а на самом деле оно скорее едино и единственно (к этому мы еще вернемся на таинствоводстве).

Первые три таинства в нормальном случае совершаются один раз в жизни. Все они неразрывны и не существуют в своей полноте одно без другого. Благодарение же с причащением, регулярно повторяясь, способствует распространению таинства просвещения на всю жизнь человека.

Теперь конкретнее поговорим о том, как следует готовиться всем «избранным» и «достойным» «просвещаемым», т. е. взрослым нормальным оглашаемым второго этапа оглашения, к личному участию в совершаемом Богом и Его народом таинстве просвещения, последовательно раскрывающемся в церкви через таинства покаяния, крещения, (миро)помазания и причащения на евхаристии, т. е. благодарении.

Покаяние. Мы уже знаем, что Господь наш Иисус Христос всегда требует от приходящих к Нему покаяния. Он Сам начал Свою проповедь о приблизившемся Царстве Божьем с призыва: «*Кайтесь!*» И когда апостола Петра после проповеди в день Пятидесятницы и Сошествия Святого Духа спросили: «*Что же нам делать?*», то он, не задумываясь, ответил (правда, иудеям, людям уже подготовленным, которым нужно было только уверовать во Иисуса как Христа, как Мессию, ибо ничего другого ни от них, ни для них не требовалось, в том числе никакого иного оглашения, поскольку все остальное они уже прежде знали и умели): «*Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов ваших, тогда и вы получите Дар Святого Духа*» (Деян 2:38).

Здесь по существу говорится сразу о трех духовных Тайнах и таинствах, но начинает апостол Петр с Покая-

ния. Итак, *Покаяние* – это обращение человека к Богу Отцу, его обращение с пути небожеского на божеский, от греха и отвержения (или неведения) Бога и Его Завета – к Нему Самому. Конечно, такое Покаяние в жизни человека может быть только одно. Потому, в принципе, не должно быть его повторений (во всяком случае, без серьезных на то духовно-нравственных оснований или больших, даже трагических надрывов).

Далее, мы уже знаем, что каждому кающемуся нужно принести «*плод, достойный его покаяния*», который обретается через изменение самого пути и духа жизни, изменение жизни тела, души и духа человека, а значит, и через *исповедь*, т. е. признание своих уже осознанных прошлых грехов.

Исповедь является и личным обещанием Богу более так не грешить. Добровольный же грех поверившего во Христа человека – это «смертный грех» (как написано в Послании к евреям). Исповедь может быть не только внутренней, совершаемой в сердце пред Богом, но и внешней, выраженной в словах при свидетелях – обычно тех или иных представителях церкви. В любом случае всем просвещаемым нужно быть готовыми к этой исповеди за всю жизнь.

Покаяние предварительно требует особого *поста* и особой *молитвы*, желательных и для тех, кто духовно соучаствует в Крещении и Воцерковлении человека, т. е. для его катехизаторов, поручителей (крестных) и других духовно близких ему людей. В древности вся церковь постилась при подготовке к крещению ее новых членов. (Так когда-то и родились общецерковные посты, в первую очередь Великий пост, поскольку традиционно именно в это время, перед Пасхой, оглашаемые готовились к своему крещению.)

Особенно строго требуется полный пост и постоянная молитва в самый день крещения, или миропомазания, или покаяния, или причащения.

Второе таинство, входящее в таинство просвещения, – собственно *таинство крещения* (в узком смысле слова).

В конце Евангелия от Матфея Господь говорит: «*Идите и сделайте учениками все народы* (что сейчас и происходит с оглашаемыми), *крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, научая их соблюдать все, что Я* (Христос) *заповедал вам*». В Мк 16 еще сказано Им: «*Кто уверует и крестится, будет спасен*».

Слыша это, желающим Спасения и Крещения по их вере надо помнить и другие слова Господа: «*Не вы Меня избрали, но Я вас избрал*» (Ин 15:16). Никогда не следует думать, что мы лишь сами согласились прийти на призыв Божий, что наше крещение и воцерковление – чуть ли не наша собственная заслуга и одолжение Богу и церкви. Нет, это – всегда великая милость Божья и истинное свидетельство Божьей Любви к нам, недостойным и грешным.

Далее, Крещение, по словам апостола Петра, «*есть не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести*», оно-то и «*спасает Воскресением Иисуса Христа*» (1 Пет 3:21). Поэтому всякое нарушение этого обещания есть нарушение *обетов Крещения*, согласно которым крещаемый отрекается от дел и духа Сатаны и облекается во Христа. В Евангелии от Иоанна о Крещении говорится: «*Рожденный от плоти есть плоть, а рожденный от Духа есть дух. Дóлжно вам родиться свыше...*» (Ин 3:6, 7) и еще: «*Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Небесное*» (Ин 3:5).

Итак, если покаяние – это прежде всего знак Обращения к Богу Отцу, то водное крещение, крещение в узком смысле слова, есть знак Крещения, Погружения, по апостолу Петру, «*во имя Иисуса Христа*» (а значит, и «*во имя Отца и Сына и Святого Духа*»). Поэтому и символика чина таинства крещения в основном Христова, тем более что само Крещение, по словам Послания к римлянам апостола Павла, воспринимается как смерть верующего крещаемого со Христом для греха и, в то же время, как его воскресение со Христом для Жизни вечной.

Всем надо знать и главные моменты *чина, обряда таинства крещения*, чтобы можно было сознательно и пол-

но участвовать в нем. После возгласа: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа...» следует ектенья с особыми по случаю крещения прошениями. Это, как всегда в начале службы, *Великая ектения*. Потом идут особая Молитва предстоятеля о себе, древняя Молитва на освящение воды и Молитва на освящение елея (масла). Далее сразу совершается помазание этим маслом (что не надо путать с таинством миропомазания, совершаемым после крещения) и после этого – само крещение, т. е. троекратное погружение в воду с формулой таинства, служащей объявлением церкви о происходящем в ней.

После крещения те, кто крестился, наизусть читают вслух Пс 31:3-9 (обычно по-русски). Первые два и последние два стиха этого псалма может читать кто-то другой, возможно, церковнослужитель или катехизатор. Затем, естественно, происходит облачение в белую одежду, вместе с которой надевают крест, что совершается под пение гимна: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся Светом, яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш!»

Повторим, что необходимо для подготовки к участию в таинстве крещения.

Прежде всего, взрослому крещаемому надо *знать наизусть* Символ веры, молитву «Отче наш» и 31-й псалом, а также вспомнить все остальное, что задавалось выучить наизусть в процессе оглашения.

Что крещаемому нужно с собою *иметь*? Свечи, крестик на достаточно длинной цепочке или ленточке, чтобы во время крещения не замешкаться, и длинную белую рубашку с длинными рукавами и пояском, сшитую специально для крещения, которая никогда ранее не надевалась. Еще надо взять с собой большую белую простыню, полотенце и тапочки.

Кроме того, всем крещаемым и поручителям надо постараться освободить этот день целиком от всех личных, семейных и рабочих забот. Также надо будет освободить и всю неделю после этого дня (о чем следует подумать заранее!) – для *ежедневного* причастия по утрам, личной молитвы, духовного чтения (что читать – будет

сказано на последней огласительной встрече перед крещением) и таинствоводственных встреч днем. Надо постараться устроить все именно так, хотя это и бывает трудно в наших условиях жизни. Как показывает опыт, люди практически всегда, когда искренне верят и хотят, находят необходимые возможности.

Третье таинство – *миропомазание*. Обычно, кроме чрезвычайных случаев, оно совершается сразу после крещения, без перерыва, являясь как бы непосредственным его развитием и продолжением.

Уже св. Иоанн Предтеча говорил о Грядущем за ним Христе: «*Он будет крестить вас Духом Святым*», а пророк Иоиль говорил от лица Божьего о временах Нового Завета: «*Изолью Духа Моего на всякую плоть*». Таким образом, всем надо родиться не только от воды, но и от Духа. Таинство миропомазания лично запечатлевает в новокрещеных Дар Святого Духа. Именно «Дар», в отличие от «даров», тех или иных особых, личностных даров Святого Духа. Всем истинно крещеным во Христа даруется Дух Святой, поэтому таинство миропомазания и является продолжением собственно таинства крещения, т. е. облечения во Христа, Сына Божьего, посылающего Своим ученикам Святого Духа от Отца.

Чин таинства миропомазания краток и прост. Сразу после крещения, чтения 31-го псалма и облачения совершается специальная молитва, а потом и само миропомазание (т. е. помазание особым веществом – св. миром, которое в Русской православной церкви освящает раз в несколько лет только патриарх). При помазании пресвитер (священник) произносит слова: «Печать Дара Духа Святого», в ответ на которые помазуемый отвечает: «Аминь».

После этого начинается шествие новокрещеных и их крестных со свечами в руках вокруг купели. Когда-то это был настоящий крестный ход из баптистерия-крестильни в храм для встречи с церковью на ее евхаристическом собрании. При этом поется стих из Послания к галатам св. апостола Павла: «*Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Аллилуия*», т. е. «все вы, во Христа

крестившиеся, во Христа облеклись. Аллилуия». Здесь важно вспомнить, что слово «аллилуия» означает призыв хвалить приближающегося к нам Бога. За шествием следует чтение (когда-то – уже в храме, на Литургии Слова, которую уже можно назвать Литургией оглашённых) соответствующих мест из Апостола и Евангелия.

Наконец, совершаются еще два кратких обряда: обряд «восьмого дня», т. е. снятия белых одежд и омовения знаков мира (его когда-то было положено совершать по окончании таинствоводства, на восьмой день по крещении), и «постриг», или обряд пострижения волос, – в знак перехода в подданство Царя Христа и первой жертвы новокрещеного Богу (когда-то этот постриг совершался только над младенцами, у которых только начали расти на голове волосы).

В конце крещения, но до причастия новокрещеного, над ним может быть совершено еще и так называемое «воцерковление», т. е. введение в алтарь мужчин и «пред алтарь» – женщин. Но по сути дела для взрослых крещаемых этого (как, например, и пострига) уже не нужно, потому что подлинным воцерковлением является именно их введение как новокрещеных в церковь, в евхаристическое собрание, и их последующее священнослужение и причастие вместе со всею церковью.

Для миропомазуемых «второй раз», т. е. воцерковляющихся через покаяние с миропомазанием по чину свт. Мефодия Константинопольского (из Большого требника), от которых во время оглашения требуется и особое покаяние, совершается другой чин миропомазания – с особой молитвой до и после него. Только формула таинства та же – «печать Дара Духа Святого», и ответ тот же – «аминь». Так же, как и крещаемым, миропомазуемым по этому чину или впервые, если крещение было совершено прежде лишь мирянами или протестантами, будут нужны новые белые крестильные рубашки, крестики, свечи и т. д.

Наконец, сразу после таинства покаяния, крещения и миропомазания, совершаемых «во имя Отца и Сына и Святого Духа», будет совершаться еще и четвертое таинство –

таинство причащения, которое является по преимуществу таинством воцерковления, приобщения к Телу Христову, к Церкви.

Таинство причащения (или евхаристии, т. е. благодарения) совершается во исполнение заповеди Господа нашего Иисуса Христа на Тайной вечере, когда Он, дав Своим ученикам хлеб и вино, сказал, что это есть ломимое тело Его и проливаемая Им кровь Его, кровь Нового Завета, и добавил: «*Сие творите в воспоминание обо Мне*». Именно это «воспоминание Господа» в Церкви, когда Церковь ощущает себя Телом Христовым, является основой таинства причащения, т. е. приобщения, ко Христу и друг ко другу.

Итак, если первые три Тайны и таинства есть приобщение к Отцу, Сыну и Святому Духу, то четвертое есть, кроме того, знак приобщения к Церкви Божьей, во Христе и Святом Духе (к вопросу о Церкви мы еще вернемся в XIII теме).

Во время таинства евхаристии, т. е. на евхаристической литургии («литургия» в переводе с греческого означает «общее дело», точнее, «общее служение»), в новокрещеных членах Тела Христова реализуется их примирение с Богом и священнослужение, ведь через их Крещение все они, мужчины и женщины, становятся, как сказано в Писании, «*царями и священниками Бога Живого*».

Надо знать, что во Христе и Его Церкви существует так называемое «всеобщее священство Народа Божьего». Те же, кого мы сейчас в просторечии называем «священниками» (т. е. приносящими жертвы, жрецами), на самом деле должны называться по-другому. Да и везде в серьезных православных текстах они всегда называются «пресвитерами», и нигде в Новом завете не найти слова «священник», кроме как в отношении к ветхозаветному священству и Самому Христу. Подлинными священниками в христианстве, в меру их причастности и приобщенности ко Христу и Его священству, т. е. Его крестной Жертве, являются *все* полные члены Церкви, т. е. все верные, которые и служат как цари и священники на Литургии верных. Так что все новокрещеные будут вместе с верны-

ми совершать на евхаристии свое священнослужение – в причастности к Полноте Божества, ко Святой Троице.

Очень важно, чтобы каждый сразу после своего покаяния, крещения и миропомазания приобщился именно к Церкви, ведь по словам апостола Иоанна Богослова, «*кто не любит брата, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?*» Протопресвитер Виталий Боровой как-то очень хорошо сказал по этому поводу в одной своей проповеди в патриаршем Богоявленском соборе: «Кто думает, что он причастился на евхаристии Богу, тот ошибается: он еще не причастился Богу, если при этом остался равнодушным к стоящему рядом человеку».

Во все дни таинствоводственной Светлой седмицы, как мы уже говорили, до восьмого дня включительно, как и в первый день крещения, всем нужно будет причащаться, согласно 66-му правилу VI Вселенского собора. Исповедь с разрешительной молитвой будет необходима лишь перед первым причастием, особенно тем, кто ранее был крещен и миропомазан, а сейчас воцерковляется через покаяние за всю жизнь.

Итак, всем надо быть готовым причащаться каждый день все восемь дней, т. е. в сам день крещения и всю неделю, причем без исповеди, но с испытанием самого себя и необходимой подготовкой, во избежание компромиссов с совестью, если только она не осуждает человека за какой-либо совершенный в эти дни большой грех (избави Бог!).

После восьмого дня всем надо будет стараться причащаться тоже регулярно, в нормальном случае – один раз в неделю, и каждый раз, по обычаям нашей Русской церкви (в некоторых других поместных православных церквах этого правила нет), с исповедью и особой подготовкой постом и молитвой (*говением*). Для этого надо будет всякий раз как минимум читать из молитвенника «Канон покаянный» и «Последование ко святому Причащению» (кто желает, может читать эти последования по-русски). При этом не надо забывать и о свободной молитве «своими словами».

Еще надо иметь в виду, что перед причастием пост всегда полный, т. е. с полуночи уже нельзя ни есть, ни пить, ни иметь брачных отношений. Кроме того, накануне причастия вечером всегда очень желательно быть в храме на богослужении, за исключением таинствоводственной недели, когда его будут заменять таинствоводственные встречи, домашняя молитва и чтение и когда общая большая нагрузка потребует от каждого значительных физических и душевных сил и постоянного обостренного внутреннего восприятия себя и своей церковной жизни, а не просто внешнего исполнения тех или иных правил. В связи с этим (только во время таинствоводства!) для тех, кто особенно почувствует усталость и недостаток физических сил, можно разрешить приходить в храм не к началу Литургии оглашаемых, а к началу Литургии верных, но никак не позже пения Херувимской песни. В дальнейшем опоздания на богослужения, как и разговоры и отвлечения на них, недопустимы. Во всяком случае под страхом отлучения от причастия на литургию нельзя будет приходить позже начала чтения Писания (ко всем этим проблемам мы еще вернемся на молитвенно-покаянной встрече в конце второго этапа оглашения).

Благодарим Тебя, Господи, что Ты собираешь нас в молитве, в радости и в познании слова Твоего, что ведешь нас в Церковь и в светлый мир Твоей благодати и Жизни вечной. Господи, помоги нам через покаяние, молитву и пост, через трезвенное самопознание и познание Тебя приобщиться к Жизни Твоей, к Свободе, Истине и Любви. Господи, дай нам истинное покаяние на нашем пути, открой наши уши, открой наши сердца, открой наши глаза так, чтобы никакой страх, никакой грех, ничто нечистое не входило в них. Помоги нам, Господи, усвоить Твою благодать и принести достойный ее плод, во славу Твою! Аминь.

Приложение

Основная часть и специфические элементы Литургии оглашаемых

Особый смысл Литургии оглашаемых — в ее проповеднически-научительном характере. Она преимущественно, по сравнению с остальными службами, допускает присутствие как нехристиан, так и христиан из неполных членов Церкви — оглашаемых, просвещаемых, кающихся, неправославных, другими словами, всех тех, кто, уже будучи христианами, по разным причинам не могут еще участвовать в Литургии верных, причащаясь со всей собранной в данном месте церковью. Поэтому главным здесь должно быть свидетельство православной веры и жизни через чтение Священного писания и соответствующую проповедь.

I. ВСТУПЛЕНИЕ

(Предварительное приветственное каждение всего церковного собрания совершается раньше, на Третьем–Шестом часе, во время которого в алтаре обычно совершается проскомидия, т. е. «принесение», или приготовление к Литургии верных хлеба и вина с воспоминанием соответствующих мессианских пророчеств Ветхого завета и поминовениями о здравии и за упокой верных по запискам.)

Дьякон: **Благослови, владыко!** (это традиционное византийское обращение к предстоящему на богослужении епископу данной церкви).

Предстоятель: **Благословенно Царство...**

Лаики: Аминь!

Д: Великая ектенья: **Миром Господу помолимся!..** (как всегда в начале службы).

П (обычно в то же время и тайно): Молитва перед пением первого антифона с заключительным возгласом: **Яко подобает Тебе всякая слава...**

Л: Первый антифон (песнопение, которое попеременно поется то правым, то левым хором), т. е. 102-й псалом: **Благослови, душе моя, Господа!..**

Д: Малая ектенья: **Паки и паки...**

П (в то же время и тайно): Молитва перед пением второго антифона с возгласом: **Яко Твоя держава...**

Л: Второй антифон, т. е. 145-й псалом: **Хвали, душе моя, Господа...; Слава, и ныне; Единородный Сыне...** (тропарь Господу Иисусу Христу, написанный для константинопольского храма св. Софии императором Юстинианом в середине VI в.).

Д: Малая ектенья: **Паки и паки...**

П (в то же время и тайно): Молитва перед пением третьего антифона с возгласом: **Яко благ и человеколюбец Бог...**

Л: Третий антифон (Мф 5:3-12; обращение к собирающимся вокруг Христа ученикам. Это евангельские «блаженства», или «блаженны», которые по большим праздникам иногда поются с особыми стихами после каждой заповеди): **Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блаженны нищие духом...**

(Вместо этих трех антифонов, которые называются изобразительными, иногда в будни или большие праздники поются иные, специальные антифоны, которые тогда и называются вседневными или праздничными.)

II. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

(Во время пения третьего антифона начинается «Малый вход» с Евангелием, с которого когда-то, как и со «входов» на Вечерне и Литургии верных, начиналась данная служба, тогда как все совершаемое ныне во вступлении могло предварять ее в притворе храма, где народ ожидал начала собрания.)

Д (тихо, в алтаре): **Господу помолимся!**

П (так же): Молитва перед входом.

Д (тихо, перед «царскими вратами». Когда-то, века до XII, так назывались входные двери в храм, а не в алтарь): **Благослови, владыко, святый вход!** (Когда-то это был именно вход народа во главе со своим предстоятелем из притвора в храм, а не выход из алтаря в алтарь, как теперь. И Евангелие с другими необходимыми книгами Священного писания переносилось не с престола на тот же престол, а из особого хранилища на амвон посреди храма для чтения.)

П (благословляя, тихо): **Благословен вход святых Твоих...** (т. е. двери во святая святых, в храм, во святилище Божье).

Д: **Премудрость!** (относится к возвышаемому перед глазами всех Евангелию). **Про́сти!** (т. е. встаньте благоговейно, а кто сидел — просто, прямо).

Л (входное): **Приидите, поклонимся и припадем ко Христу!..** (при епископском служении дальше идет предваряющее это древнее начало богослужения каждение всех; затем поются отмечающие этот день праздничные и храмовые тропари и кондаки, в наше время — очень часто со вставкой «на Славу» кондака «Со святыми упокой» и заупокойных поминовений по запискам, которые могут читаться равно как священнослужителями, так и мирянами).

П (в то же время, тихо): Молитва перед пением Трисвятого.

Д (тихо): **Благослови, владыко, время** (пения) **Трисвятого!**

П (благословляя дьякона начинать собрание с пения Трисвятого, возглашает окончание Молитвы Трисвятого): **Яко свят еси, Боже наш...**

Д (задает тон народу для пения): **и во веки веков!**

Л: **Аминь!** Трисвятое (относимое ко всем трем лицам Святой Троицы): **Святый Боже...** (в нарочитые дни крещений заменяется на входной стих новокрещеных: **Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся! Аллилуия!**).

Д: **Вонмем!** (т. е. будем внимательны, что относится к предстоящему преподанию мира, с которого в еще большей «синагогальной» и раннехристианской древности только начинались подобные богослужебные собрания).

П: **Мир всем!**

Чтец: **И духови твоему!**

Д: **Премудрость!** (относится к прокимну).

Ч: **Прокимен, глас...** (праздника или дня; в это время дьякон начинает совершать каждение, которое должно относиться не к Апостолу, как сейчас, а к Евангелию, олицетворяющему собой Христа как Слово Божье).

Д: **Премудрость!** (относится к предстоящему чтению из Священного писания. Сейчас оно состоит из чтения (или чтений) из Апостола, но когда-то начинали с Пророков или других частей Ветхого завета и только потом читали отрывки из Апостола и Евангелия. После каждого чтения проповедовали).

Ч: (название читаемой книги)... **чтение!**

Д: **Вонмем!** (относится к предстоящему чтению).

Ч: (читает положенный *текст из Апостола* *, один или несколько).

---

* Курсивом выделены специфические элементы службы

П: **Мир ти!**

Ч: **И духови твоему!**

П (может быть и Д): *проповедь* (на тему Писания или дня; сейчас почти никогда не бывает).

Д: **Премудрость!** (относится к предстоящему пению «аллилуия», восхваляющему приближающегося к нам Бога во Христе через Его слово, т. е. Евангелие).

Ч: **Аллилуия** (трижды), **глас...** со стихами («аллилуарием»), также относящимися к возгласу «аллилуия».

Л: ***Аллилуия*** (трижды)!

П (в то же время и тайно): *Молитва перед чтением Евангелия.*

Д: (берет благословение на чтение).

П (или Д): **Премудрость! Про́сти! Услышим святаго Евангелия!**

П: **Мир всем!**

Л: **И духови твоему!**

Д: **От** (имя евангелиста) **святаго Евангелия чтение!**

Л: **Слава Тебе, Господи, слава Тебе!**

П (или Д): **Вонмем!**

Д: (читает *текст из Евангелия*, один или несколько. Когда-то, как и Апостол, а также ектеньи, читалось лицом к народу).

Л: **Слава Тебе, Господи, слава Тебе!**

П (может быть и Д): *проповедь* (теперь в этом месте бывает очень редко, хотя здесь могло бы быть и несколько проповедей; когда-то этим и заканчивалась основная часть Литургии оглашаемых).

Д: Сугубая ектенья: **Рцем вси...** (как всегда, после чтения Священного писания; на этой ектенье очень часто вставляются поименные заздравные поминовения по запискам и даже особые прошения; эти записки, как и далее заупокойные, на Литургии оглашаемых могут читать и клирики, и миряне).

П (в то же время и тайно): Молитва перед прилежным (усиленным, сугубым) молением с возгласом: **Яко милостив и человеколюбец Бог...**

Л: **Аминь!**

(Очень часто далее вставляется Заупокойная ектенья и молитва с поименным заупокойным поминовением по запискам.)

Д: Заупокойная сугубая ектенья: **Помилуй нас, Боже...** (здесь также обычно читаются соответствующие записки). **Господу помолимся!**

Л: **Господи, помилуй!**

П (в то же время и тайно): Заупокойная молитва с возгласом: **Яко Ты еси воскресение и живот** (жизнь)...

Л: **Аминь!**

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Д: **Помолитесь, оглашеннии, Господеви!** (обращение к тем, кто не относится к чину верных и поэтому не будет далее участвовать в Литургии верных).

Л (а должны бы только оглашаемые): **Господи, помилуй!**

Д: *Ектения об оглашенных* (точнее, оглашаемых первого этапа оглашения; Великим постом в будни, по средам и пятницам, произносится также Ектенья о просвещаемых, т. е. об оглашаемых второго этапа оглашения): **Вернии! О оглашенных помолимся...** (и в конце ее): **Оглашеннии! Главы ваша Господеви приклоните!**

Л (а должны бы только оглашаемые): **Тебе, Господи!** (после чего оглашаемым надо и физически наклонить головы).

П (в то же время и тайно): *Молитва об оглашенных* с возгласом: **Да и тии с нами славят...**

Л: **Аминь!**

Д: **Елицы** (т. е. те, кто, или которые) **оглашеннии, изыдите!..** (после чего им действительно надо уйти из храма, хотя бы в притвор).

Тема XI

Третий, искупительно-спасительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: от Входа в Иерусалим до Вознесения

Христос – Новая Пасха. Заключение Христом – Новым Адамом – Нового Завета с Богом

Господи, Боже наш, Ты Своим Крестом и Воскресением открыл нам путь, Сам будучи Путем, Ты явил нам торжество жизни, Сам будучи Жизнью, Ты дал нам откровение истины, Сам будучи Истиной. Помоги нам, Господи, не отвергнуться этого Пути, этой Жизни и этой Истины. Дай нам, Господи, во всем служить Тебе и быть в единстве с Тобою, друг с другом и со всею Церковью, существующей во всех концах земли. Господи, дай нам жить во Свете Твоем, не забывая о тех Страданиях, которые привели нас к Жизни вечной. Господи, дай нам всегда любить и ближних, даже тех, с которыми мы идем разными путями. Научи нас понимать их и восполнять их веру и жизнь, в надежде, что и сами получим такое восполнение от Тебя и наших ближних. Дай нам, Господи, дерзновенное пребывание в Тебе, в Твоем Сыне и в Твоем Духе, чтобы в нас и через нас прославлялось Твое святое имя во веки веков! Аминь.

МЫ УЖЕ говорили о первом и втором этапах жизни нашего Господа: во-первых, о Богоявлении, т. е. о явлении Его миру и народу: миру – в Рождестве, народу – в Крещении; во-вторых, о Его проповеди приблизившегося в Нем и с Ним Царства Божьего и покаяния, о Его чудесах, исцелениях и о Его учении, вплоть до времени Его Входа в Иерусалим.

Теперь перейдем к последнему, третьему этапу земной жизни Христа. Он является важнейшим, хотя многие этого часто не понимают. Некоторые же, напротив, как бы разрывают жизнь Господа на части и просто недооценивают этот ее этап по сравнению с другими. Но Господь от са́мого Своего Рождества жил, а позже и учил так, что было ясно – одним учением и одними зна́мениями Царства Его служение ограничиться не может. С самого начала Он шел ко Кресту, а значит, как мы скоро это увидим и поймем, и к Воскресению. Это был Его прямой путь, непосредственно связанный с основным Его служением – служением как Спасителя и Искупителя, Нового Адама, заключающего с Богом Новый Завет. В Евангелии от Иоанна есть об этом такие слова: «*Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется*

одно, а если умрет, то принесет много плода» (12:24). Все мы любим Господа более всего за Его Крест – за Его невинную жизнь и смерть, ставшую залогом Его и нашей Победы над Смертью!

В жизни Господа весьма скоро наступил такой момент, когда время зна́мений прошло и Сыну Человеческому до́лжно было *прославиться*. Вспомним, что Божья Слава, Божий Свет – это знак Его Святости и Чистоты, т. е. отделенности от мира сего. Мы уже отмечали, говоря об искушениях Господа в пустыне, что слава человеческая и Слава Божья – не одно и то же. Более того, они часто бывают противоположны. Слава Божья, Сила Божья совершается и в немощи, она всегда предполагает самоумаление и жертвенность. Слава Божья, Сила Божья и Власть есть Власть Любви, и Сила Любви, и Слава Любви, в отличие от того, что обычно представляют себе люди. И вот, апофеозом жизни Господа и знаком такой трагической, но и радостотворной Любви – Его Любви! – становится Голгофа и страшный голгофский крест.

О кресте нам говорят все канонические евангелия, в отличие, например, от столь древних апокрифов, как Евангелие от Фомы, где есть «логии», т. е. «слова» Учителя, но нет места Страданиям Христа и Его Воскресению. В канонических евангелиях повествования об этом есть. Причем среди них в несколько более позднем и особом по духу и стилю христианско-гностическом Евангелии от Иоанна это повествование занимает не менее половины всего текста, с 12-й по 21-ю главу, а по значению оно является в нем основным. В синоптических же евангелиях новозаветного канона это повествование содержится в последних трех главах каждого из них.

Начинается оно несколько раньше – *с рассказа о Входе Господа в Иерусалим* (у Матфея – это начало 21-й главы, у Марка – начало 11-й главы, у Луки – конец 19-й главы). С краткими экзегетическими комментариями прочтем это повествование. Если мы пользовались преимущественно Евангелием от Марка, говоря о первом этапе жиз-

ни Господа, Евангелием от Матфея – о втором, то теперь, говоря о третьем этапе, возьмем за основу Евангелие от Луки – от 19:28 и до конца главы, до 48-го стиха. Предпочтем при этом замечательный перевод акад. С.С. Аверинцева.

Итак, Господь «*пошел дальше, поднимаясь к Иерусалиму*» (ст. 28). Само это «восхождение в Иерусалим», как известно, началось еще с Преображения Господня, с явления небесной Славы «на горе Фаворской» при свидетельстве Моисея и Илии – двух величайших ветхозаветных пророков, явленных трем лучшим ученикам при преобразившемся их Господе и Учителе. Тогда, как сказано, уже шла горняя беседа о предстоящем пути Господнем, о Его предстоящих страданиях и смерти.

Ст. 29-48. «*И вот, когда приблизился Он* (Господь) *к Вифагии и Вифании, у склона той горы, что зовется Масличной, послал Он двоих из числа учеников и сказал им:*

“Ступайте в селение напротив, и у входа вы найдете осленка на привязи, на которого еще никто из людей не садился; отвяжите его и приведите сюда. И если кто спросит вас: «Почему вы его отвязываете?» – отвечайте так: «Потому что он нужен Господу!»”

Те, кто были посланы, пошли и нашли все, как Он сказал им. А когда они отвязывали осленка, его хозяева сказали:

“Что это вы отвязываете осленка?”

Но они сказали:

“Он нужен Господу!”

И привели они его к Иисусу; и накинув на осленка свои одежды, усадили Иисуса. И когда ехал Он, люди устилали дорогу своими одеждами. И когда Он уже приближался к тому месту, где спуск от Масличной горы, вся толпа учеников в радости начала громогласно славословить Бога за все чудные дела, которые было им дано увидеть, восклицая:

“Благословен Грядущий во имя Господне, Царь!

Мир на небе и слава в вышних!”

И какие-то фарисеи сказали Ему из толпы:

“Учитель, уйми Твоих учеников!”

Но Он ответил:

“Я говорю вам: если замолчат они, камни будут вопиять”.

И когда Он настолько приблизился, что видно стало город, Он пролил о нем слезы и сказал:

“О, если бы в этот день и ты уразумел, что ведет к миру! Но это сокрыто ныне от глаз твоих. И вот постигнут тебя такие дни, когда твои враги возведут против тебя осадные башни, и возьмут тебя в кольцо, и отовсюду будут тебя теснить, и повергнут во прах тебя и обитающих в тебе, и не оставят у тебя камня на камне, – за то, что не узнал времени, когда спасение было тебе предложено”.

И войдя в Храм, начал Он изгонять торгующих, говоря им:

“Сказано в Писании: «И будет дом Мой домом молитвы»; а вы сделали из него притон разбойничий!”

И учил Он в Храме каждый день. А первосвященники и законоучители, как и предводители народа, хотели устроить расправу над Ним, но не знали, как это сделать, потому что весь народ слушал Его неотступно».

Вот повествование Лк о торжественном, мессианском Входе Господа во святой град Иерусалим. Господу воздаются царские почести. Все, кажется, радуется, даже камни града. Господь восходит в Иерусалим в полном единстве с народом, которому Он служил. С Ним входят и ученики, причем, как сказано, «*все множество учеников*», т. е. не просто Двенадцать, а все те, кто прислушивался к проповеди Иисуса. Они «*в радости громким голосом*» восхваляли Бога за те чудеса, которые видели. Но говорили при этом о Грядущем (все знали, что Грядущий – это одно из имен Мессии): «*Благословен Грядущий во имя Господне, Царь! Мир на небе, и слава в вышних*», т. е. Спасение, спасительный Свет от Бога с Небес (только в Евангелии от Луки говорится «*слава в вышних*», в остальных евангелиях сказано «*осанна*», что здесь можно перевести просто как «спасение»).

Вход Господень сразу вызывает реакцию народа. Некоторые из фарисеев хотят остановить это движение, запретить ученикам так восхвалять Иисуса. Но Иисус, зная, что слава, которая Ему воздается, – истинная, говорит: «*Если замолчат они, камни будут вопиять*», другими словами, говорит, что в этом есть воля Божья. А поэтому никто и ничто, не впадая в богоборчество, не может помешать исполнению этой воли.

Но не только со стороны фарисеев мы чувствуем наступающую опасность и даже надвигающуюся трагедию. Сам Господь говорит, что время, «*когда спасение было тебе предложено*» Иерусалим уже не узнал. Едва увидев город, Иисус «*пролил о нем слезы и сказал: "О, если бы в этот день и ты уразумел, что́ ведет к миру!"*» Под этим «миром» подразумевается не только внешний, но и внутренний, мессианский Мир, тот Мир, который и должен был принести с Собою Божий Помазанник-Христос.

Итак, Господа встречали торжественно, как мессианского Царя. Но все это делали так или иначе действительные или потенциальные Его ученики, те, кто уже склонялся к вере в Господа. Весь же город и народ оставался к ней почти равнодушным. Более того, Мессия (как Царь, как Грядущий) был сокрыт от глаз Иерусалима, и за это Иерусалиму суждено было уже не жить. «*И вот постигнут тебя такие дни,* – говорит Господь, – *когда твои враги возведут против тебя осадные башни, и возьмут тебя в кольцо, и отовсюду будут тебя теснить, и повергнут во прах тебя и обитающих в тебе, и не оставят у тебя камня на камне, – за то, что не узнал времени, когда спасение было тебе предложено.*» Из истории мы знаем, что через сорок лет эти слова сбылись, и сбылись со страшной точностью. Множество людей были распяты за вратами города римлянами, взявшими и уничтожившими в 70–71 гг. город и храм.

Но Господь не только с ужасом видит город и его судьбу. Он сразу входит в Иерусалимский храм и начинает дерзновенную акцию, которую Он когда-то, в начале Своего служения, видимо, уже совершал (или пытался, или

хотел совершить). Он начинает изгонять всех продающих, напоминая им о том, что дом Божий есть дом молитвы, а не вертеп разбойников, т. е. это не дом купли-продажи, всегда связанный с человеческими страстями и человеческими грехами.

Господь, изгоняя продающих со двора храма, снова и снова пытается возбудить в людях веру и верность по отношению к Богу. Но этого не происходит. Народ привык к определенным формам, определенному ритуалу, определенному «порядку», и ничего менять не только не хочет, но уже как бы и не может (ибо таковой, увы, стала его вера).

И вот, после такого Входа, и радостного, и трагического, и царского, и похожего на ведение на казнь, Господь, оставаясь в городе, тем не менее продолжает ежедневно учить в храме, в то время как первосвященники, книжники, первые люди народа ищут, как бы им Его погубить. Ищут и, конечно, пусть не сразу, но находят.

Пропустив теперь то, о чем Господь говорил после Своего Входа в Иерусалим (а в основном это были трагические слова, связанные с эсхатологической реальностью, с концом света, с тем, что ожидает как верных, так и неверных и о чем мы еще будем говорить в XV теме), обратимся, наконец, к трем последним главам Евангелия от Луки, начиная с так называемых «крестных», т. е. с 22-й и 23-й, глав.

Лк 22:1-2. «*Между тем приближался праздник Опресноков, называемый Пасха; и первосвященники с книжниками искали возможности, как бы убить Его, потому что они боялись народа*».

Это явное продолжение того, чем кончилась 19-я глава, почти повторение последней фразы 19-й главы о нависшей над Иисусом смертельной опасности (см. 19:47-48).

Но что такое праздник Опресноков? Законом требовалось, чтобы еврейская Пасха была воспоминанием Исхода, совершенного Моисеем, когда в течение сорока лет он вел свой народ через пустыню из Египта в «землю обетованную». Быстро уходя, евреи не успевали испечь на до-

рогу хлеб на дрожжах, с закваской. Поэтому и в праздник нельзя было иметь в доме никакого квасного (на дрожжах) хлеба, а только опресноки, «*хлебы бедствия*» (см. Втор 16:1-6), то, что теперь у иудеев называется мацой.

С приближением этого важнейшего праздника года усилился страх первосвященников и книжников перед наплывом народа, усилились и поиски ими Иисуса, чтобы успеть убить Его до начала праздника, продолжавшегося семь дней при большом стечении народа в городе (это было связано с определенными ритуалами и строгими правилами, предписанными в праздник Пасхи).

Ст. 3-6. «*И вошел сатана в Иуду, по прозванию Искариот, одного из числа Двенадцати; и он пошел и сговаривался с первосвященниками и начальниками храмовой стражи, как он Его им предаст. А они были рады и обещали дать ему денег. И он согласился и стал искать случая, чтобы предать Его им не при народе*».

Как видно, и раньше, и сейчас власть имущие, духовные и светские власти, боясь народа, далеко против него идти не могут. Но, к сожалению, народ, та или иная его часть и отдельные его представители часто сами подают повод и создают обстоятельства, чтобы исполнились злые замыслы начальников народа, чтобы им можно было совершить задуманное «*не при народе*». Вот и в Иуду, сказано, вошел сатана. Что это значит? То, что его сердце окаменело под действием Духа Зла. Оно перестало быть верующим, надеющимся и любящим. В его сердце вошел холод Зла. Ведь Сатана, Дьявол, и есть интегральное мировое Зло. Вот это Зло, овладев сердцем Иуды, и отделило его от общины истинных учеников Христовых и сделало способным к предательству.

Ст. 7. «*И настал день Опресноков, когда надлежало закалывать пасхального агнца*».

В этот день, а точнее, в эту ночь в каждой иудейской семье при определенных ритуалах совершался пасхальный ужин, или ве́черя, при активном участии «старшего» (председательствующего) и «младшего» (по возрасту или положению). Младший вопрошал старшего о том, что

произошло при Исходе из Египта, а старший ему отвечал. Например, младший вопрошал: «Почему на столе горькие травы?» – и старший отвечал: «Потому что отцы наши были в пустыне, проводили горькие дни...» В центре трапезы был «пасхальный агнец», т. е. ягненок (или собственно «пасха»), которого надо было съесть, не сокрушая его костей, и обязательно до конца, не дожидаясь утра. Всё на этой трапезе должно было напоминать и символически изображать ту обстановку и жизнь, которая была в пустыне при Исходе израильского народа из египетского рабства под предводительством пророка Моисея.

Ст. 8-13. И вот, «*когда надлежало закалывать пасхального агнца*», Иисус «*послал Петра и Иоанна, сказав:*

“Ступайте, приготовьте для нас пасхальную трапезу!”

А они спросили Его:

“Где же Ты нам велишь ее приготовить?”

И Он сказал им:

“Вот, когда будете вы входить в город, встретится вам человек с кувшином воды. Идите за ним следом к тому дому, в который он войдет, и хозяину дома скажете: «Учитель спрашивает: “Где покой, в котором Я мог бы вкушать пасхальную трапезу с учениками Моими?”» И он покажет вам верхний покой, просторный и прибранный; там и приготовьте”. Они пошли и нашли, как Он сказал им, и приготовили пасхальную трапезу».

Здесь все напоминает нам о том, как готовился Господь еще ко Входу в Иерусалим. Он так же предварительно посылал учеников и так же им пророчествовал. Те в свою очередь тоже все исполнили, и затем уже совершилось то, что должно было произойти. Таким образом, везде в евангелии подчеркивается мысль, что все идет по-написанному: исполняются Пророки, исполняется Писание, исполняется воля Божья о единственном пребывающем в Полноте Божества Сыне, о трагической судьбе божественной Любви в этом мире.

Ст. 14. «*И когда настал час, возлег Он за столом, и апостолы с Ним*».

Заметим, что в древности пасхальный ужин совершался стоя, но уже ко времени Господа иудеи переняли эллинистическую традицию возлежать за трапезой на низких ложах.

Ст. 15-16. «*И сказал Он им* (т. е. апостолам)*: "Всем сердцем желал Я вкушать эту трапезу вместе с вами прежде, чем принять Мне страдание! Ибо, говорю вам, больше не вкушать Мне ее, пока не свершится она в Царстве Божием"*».

Здесь каждое слово – и исполнение пророчества, и новое пророчество. Господь пророчествует, возвещая ученикам Свои страдания, и в то же время говорит об «исполнении» Пасхи, той Пасхи, которую они будут сейчас совершать и вкушать, – в Царстве Божьем. Она должна «исполниться», т. е. совершиться в полноте, в явлении самого новозаветного Царства Божьего, ибо Господь, проповедуя это Царство, ныне Сам должен стать Агнцем Божьим, Новой Пасхой, которая, исполняясь, исполнит и все в Божьем мире.

Ст. 17-18. «*И взяв в руки чашу и произнеся над нею благодарение, Он сказал:*

"Возьмите ее и разделите между собою; ибо говорю вам, что уже не пить Мне от плода виноградной лозы, пока не придет Царство Божие"».

Вот Господь начинает тра́пезу. Эта трапеза ритуально была очень разработана, ее чинопоследование знал каждый иудей. Любой мужчина в иудейском обществе того времени мог совершить такую трапезу, если оказывался на день Пасхи в положении старшего в семье или в собрании. И вот, Господь, как Глава собравшейся семьи-общины, как Старший в ней, поднимает первую чашу и разделяет ее между всеми, снова говоря о том, что Он уже не будет пить ее до тех пор, пока не придет Царство Божье. Царство же Божье придет очень скоро – с Его Смертью и Воскресением, при Сошествии Святого Духа. Тогда откроется для учеников Господних возможность общения с Ним в этом Царстве, в котором они и будут вместе пить эту чашу, Господню чашу, чашу духовную. Но, оставаясь

еще и в мире сем, они при этом будут пить и великую чашу страданий.

Ст. 19-23. «*И взяв в руки хлеб и произнеся над ним благодарение, Он разломил его и раздал им, говоря:*

“Это есть Тело Мое, за вас предаваемое; делайте так в воспоминание обо Мне”.

И так же сделал с чашей после трапезы, говоря:

“Эта чаша есть Новый Завет в Крови Моей, за вас изливаемой. Между тем, смотрите, рука того, кто предает Меня, на одном столе с Моей; да, Сын Человеческий идет, как предназначено Ему, но горе тому человеку, через которого предательство совершается!”

И они начали задавать друг другу вопрос: кто же из них на такое способен?»

Это описание той самой «Тайной ве́чери», которую Церковь на протяжении всей истории своего существования стремится актуализировать в своем таинстве евхаристии, таинстве благодарения. Именно здесь говорится о том, что Господь, делая все, как было заведено, взял в середине трапезы хлеб, затем возблагодарил, преломил его и раздал, но при этом сказал слова, которые уже не были предусмотрены законным ритуалом: «*Это есть Тело Мое, за вас предаваемое*».

Образ глубокого человеческого общения, которым всегда был хлеб, стал еще знаком страдания за ближних. Преломление хлеба становилось преломлением Тела Христова. Это предзнаменование и образ убийства, но убийства не простого, не такого, которое не однажды происходит на земле каждый день, а может быть, и час. «*Это есть Тело Мое,* – говорит Господь, – *за вас предаваемое*». Господь добровольно отдает Себя в руки врагов! Тем самым Он «до конца» являет в Себе и через Себя ту Любовь, которая была основой всей Его жизни, всей Его проповеди, всего Его служения.

«*За вас предаваемое*». За кого это «за вас»? С одной стороны, за всех и за вся, за каждого, за мир. С другой же стороны, именно за этих учеников, как и за всех тех, кто будет готов поверить в ту Любовь, откровением и явлением которой станет святой Христов Крест.

«*Делайте так в воспоминание обо Мне*», или по-церковнославянски, «*сие творите в Мое воспоминание*». Так говорит Иисус, и эти слова повторяются и исполняются за евхаристией. Ради такого «воспоминания» и происходит это великое таинство, и в нем и через него – приобщение (по-церковнославянски – причащение) ко Господу, к Его Страданиям и Его конечной Победе. Здесь происходит и приобщение друг ко другу, в том же «воспоминании» о Христе, положившем «*душу* (жизнь) *Свою за друзей Своих*». Это «воспоминание» – не простое, но какое – об этом мы поговорим во время таинствоводства. Тогда мы лучше познаем, что это особое воспоминание есть приобщение к живой и вечной памяти Божьей...

«*И так же сделал с чашей после трапезы*» Господь, дав Своим ученикам и сказав: «*Эта чаша есть Новый Завет в Крови Моей, за вас изливаемой*». Так чаша виноградного вина становится «подобной», т. е. истинным образом («вместообразной», «антитипической»), той Крови, которую Господь изливает за всех «*за вас*», тем самым заключая ею Новый Завет с Богом.

Ранее мы уже говорили о Ветхом Завете, который прошел четыре стадии, четыре этапа, четыре завета. И вот, Господь наш Иисус Христос идет на заключение Нового Завета с Богом, что требует скрепления и этого Завета, этого Союза жертвенной кровью, как было в древности, например, при Моисее, при заключении завета, когда всех надо было окропить кровью жертвенного агнца, прежде чем этот завет вступит в силу. Так происходит и здесь – только теперь жертвенным агнцем становится Сам безгрешный Сын Человеческий и Сын Божий. Об этом и говорит далее Господь, напоминая, что предатель близко, что он здесь, за одним столом с Ним. Впрочем, евангелие тут же напоминает нам о том, что Сын Человеческий идет по пути, Ему предназначенному... «*Но горе человеку тому, через которого предательство совершается!*»

Ст. 24. «*И еще вышел у них* (учеников) *спор, кто из них вправе почитаться более великим*».

Почему возникает такой спор? Потому что ученики, еще не понимая многого из того, что Господь им предлагал, по-

няли только то, что теперь наконец наступает поворотный момент в их жизни, что Христос, как Царь войдя в Иерусалим, ныне должен открыть Божье Царство. А откровение Божьего Царства связывалось в их сознании, еще в значительной степени ветхозаветном, с чаемым господством Мессии над всей землей. Значит, теперь они будут близки к Царю, всемирному Владыке. Но их много, их двенадцать, так кто же из них будет больше, т. е. ближе к Нему?

Ст. 25-30а. «*Но Он сказал им: "Цари ведут себя среди народов как господа, и те, у кого власть, именуются благодетелями* (по-гречески «еверге́тами» – это был один из почетных титулов эллинистических царей). *А вы – не так: но кто из вас более велик, будь как меньший, и кто между вами главный, будь как слуга. Ибо кто важнее: тот, кто возлежит, или тот, кто прислуживает? Разве не тот, кто возлежит? Но Я между вами, как тот, кто служит. А вы остались со Мною в испытаниях Моих; и Я дарую вам Царство, как даровал Мне Отец, чтобы вы ели и пили за трапезою Моею в Царстве Моем"*».

Господь снова и снова повторяет, что Царство, которое Он завещает, которое Он приносит, которое приходит вместе с Ним и остается после Него по завещанию ученикам, верующим в Него, есть Царство близкого, непосредственного их общения с Богом и ближними, Царство полного Единства во всем. Оно есть Царство, которое выражается образом «тра́пезы Господней». Это Царство уже приходит, но больший в нем тот, кто служит, кто отдает себя до конца, а не тот, кто требует чего-либо только для себя.

Ст. 30б-32. «*Чтобы вы... воссели на престолах, и судили двенадцать колен Израилевых.* (Что может быть больше этого?) *И сказал Господь: "Симон, Симон! Вот, сатана получил дозволение испытать вас, как просеиваемую пшеницу* (т. е. испытать вас, какого вы, так сказать, калибра, какой вы духовной силы; именно сатана добился этого, ибо все преследования – крест, страдания и смерть – дело мирового Зла); *но Я молился о тебе, чтобы вера твоя не иссякла. А после, когда ты снова обратишься, укрепи твоих братьев"*».

Так скоро и произойдет. Петр-Симон, один из ближайших к Господу Его последователей, скоро пошатнется. Но Господь упросил Отца, чтобы не оскудела вера его, чтобы он, обратившись, мог утвердить и других, чтобы он, как и Сам Христос, будучи искушен, мог и искушаемым помочь.

Ст. 33-38. «*А Петр сказал Ему:*

"Господи, с Тобой я готов идти и в тюрьму, и на смерть!"

Но Он сказал:

"Петр, Я говорю тебе: петух не успеет пропеть в эту ночь, как ты троекратно отречешься, будто не знаешь Меня". (Вот, каждое самонадеянное слово оказывается недостоверным, пустым, о чем Господь тут же и прорекает ученику.) *И сказал Он им:*

"Когда Я послал вас без мешка, без сумы и без обуви, терпели ли вы в чем-нибудь недостаток?"

Они сказали:

"Ни в чем!"

И Он сказал им:

"Но теперь (т. е. когда отнимается у них Жених) *пусть тот, у кого есть мешок, возьмет его и суму, а у кого нет, пусть продаст свою одежду и купит меч* (меч, конечно, духовный, «*который есть Слово Божие*» – Еф 6:17). *Говорю вам: должно исполниться на Мне слово Писания – «И к преступникам причтен». Ибо все, предреченное обо Мне, подходит к своему исполнению"*.

А они сказали:

"Господи, вот два меча!"

И Он сказал им:

"Довольно"».

Господь удерживает учеников, снова и снова не понимающих Его слов. А они воспринимают все буквально, натурально, физически, они не останавливаются и перед тем, чтобы даже во имя Божьего Царства орудовать мечами. Тогда Господь и говорит им: довольно же вам, этого не нужно!

Ст. 39-44. «*И выйдя из дому, Он пошел, по Своему обыкновению, на Масличную гору; и ученики следовали за Ним. Придя на место, Он сказал им: "Молитесь, чтобы не*

впасть вам в искушение!”. (Господь предвидел, насколько реальность будет далека от того, что ожидали ученики, и насколько она будет искусительна для тех, кто ожидал лишь внешнего господства и земного откровения Царства Божьего.) *А сам отошел от них на расстояние брошенного камня, стал на колени и молился, говоря:*

“Отче, если Ты хочешь, пронеси эту чашу мимо Меня! Но не Моя, а Твоя воля да исполнится”.

И ангел с неба явился Ему, чтобы подкреплять Его. И Он, впадая в томление, молился все усерднее; и сделался пот Его, как тяжкие капли крови, падающие на землю».

Это и есть знаменитое Гефсиманское моление, когда Господь на Масличной горе молится о Своей судьбе, о Своей «чаше спасения». Это есть то самое моление, когда Самому Господу потребовалось укрепление в болезни и немощи Его плоти. Ранее Он молился за учеников, чтобы те не впали в искушение, но теперь и Ему требуется укрепление, хотя бы от ангела.

Чаша Господня есть та чаша, которую Он Сам уже предрек и образ которой предложил Своим ученикам на Тайной вечере. Эта чаша – «*Новый Завет в Его Крови*». Господь на миг как бы восстает против нее по немощи плоти, но тотчас, зная Свое предназначение и служение, Свою духовную силу и Свой Путь, говорит Отцу: «*Но не Моя, а Твоя воля да исполнится*».

Ст. 45-53. «*Поднявшись после молитвы и подойдя к ученикам, Он застал их спящими от уныния. И сказал Он им:*

“Что вы спите? Вставайте и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение”.

Он еще говорил, как показалась толпа, и впереди шел тот, кого звали Иуда, один из Двенадцати; и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. (Целование было знаком приветствия, общения, доверия.) *А Иисус сказал ему:*

“Иуда, так ты поцелуем предаешь Сына Человеческого?”

Те, кто стояли вокруг Него, увидев, что будет, сказали:

“Господи, не пустить ли в ход меч?”

И один из них ударил слугу первосвященника и отсек ему правое ухо. Но Иисус сказал на это:

“Оставьте, довольно!”

И Он исцелил слугу, дотронувшись до его уха.

И сказал Иисус тем, кто вышел против Него, первосвященникам, начальникам храмовой стражи и старейшинам:

“Словно на разбойника, вышли вы с мечами и дрекольем! Каждый день бывал Я с вами в Храме, и вы не подняли на Меня рук; но теперь – ваше время, и власть тьмы”».

Здесь снова перед нами появляется образ того, кто держит власть в этом мире. Вспомним искушение Господа в пустыне, когда Сатана сказал, что власть над всеми царствами принадлежит ему, и кому он хочет, дает ее. Но эта власть – всюду и всегда «*власть тьмы*», и потому этот час – «*ваше время*», врагов Иисуса!

Ст. 54-62. «*Схватив Иисуса, они повели Его и привели в дом первосвященника; Петр же следовал поодаль. А когда посреди двора разожгли костер и сели вокруг, и Петр сидел с ними. И одна служанка увидела его, как он сидит у огня, и, присмотревшись к нему, сказала:*

“И этот тоже был с Ним!”

Но он отрекся и сказал:

“Женщина, я не знаю Его!”

Немного позже другой, увидев Петра, сказал:

“Ты тоже из них!”

Но Петр сказал:

“Да нет, любезный”.

Около часа спустя еще один начал говорить с настойчивостью:

“Точно, и этот был с Ним; он же галилеянин!”

Но Петр сказал:

“Я не знаю, любезный, что ты такое говоришь”.

И тотчас, когда он еще не кончил говорить, пропел петух. И Господь, обернувшись, взглянул на Петра. И вспомнил Петр слово Господне, как Он сказал ему: “Этою же ночью, прежде чем пропоет петух, ты трое-

кратно отречешься от Меня". И выйдя со двора, он горько заплакал».

Вот естественное развитие того искушения, о котором Господь просил Своих учеников молиться, чтобы в него не впасть. Петр пошатнулся. Трижды он отрекается от Учителя, попав, по рассуждению человеческому, в безвыходную ситуацию: и то зло, и то недобро. Если бы он признался, его бы тут же арестовали, тут же взяли, ведь он находился в самом логове врагов. И он испугался.

Так зачем же он туда пошел? С одной стороны, его вела искренняя и благодатная любовь к Господу, но с другой – он не рассчитал своих человеческих духовных сил и тем самым поставил себя в ситуацию неискренности и безблагодатности. Он не выдерживает искушения и испытания. Петр понял, что́ произошло, только тогда, когда Господь оглянулся и встретился с ним взглядом.

Ст. 63-65. «*А те, кто были приставлены стеречь Иисуса, глумились над Ним и били Его, и, завесив Ему лицо, спрашивали:*

"Скажи пророчество, кто Тебя ударил?"

И много других кощунств говорили они против Него».

Для многих иудеев Путь Христов был путем соблазнов. Поэтому им был непонятен и неприятен такой Мессия, им был непонятен и неприятен такой Божий Сын и Пророк. Для них Он был лжемессия, для них Он был не Божий Сын и не пророк. Вот они и говорили: «*Скажи пророчество, кто Тебя ударил*?», издеваясь над Ним как над лжепророком.

Ст. 66-68. «*И когда наступил день, собрался совет народных старейшин, и первосвященники, и книжники* (ведь прежние издевательства и суд над Иисусом были незаконными, потому что происходили ночью; закон все регламентировал и этого не одобрял, поэтому требовалось повторение того же еще и днем); *и поставили Его* (Иисуса) *перед своим синедрионом* (т. е. это верховный суд и иудейское правительство того времени, то высшее правительство, которое только и могло принимать важнейшие решения, даже о смертной казни, правда, исполнить такой

приговор можно было лишь после его утверждения римской властью), *и сказали:*

"Если Ты – Мессия, скажи нам!"

Но Он сказал им:

"Если Я вам скажу, вы не поверите, а если задам вопрос, не ответите"».

Мы в IX теме уже говорили, что Господь никогда никому прямо не говорил: «Я – Христос. Идите за Мной. Верьте в Меня». Как проповедовал Господь о Себе? Он приводил слова пророков. «Сами смотрите, – говорил Он, – слепые прозревают, хромые ходят, все люди получают освобождение и прозрение». И поэтому, когда в синедрионе Ему говорят: «*Если Ты – Мессия, скажи нам!*», Он, зная заранее, что сердце этих людей закрыто, прямо не отвечает на вопрос, а говорит слова, которые лишь еще более разжигают в них ненависть к Нему и отчуждение.

Он говорит: «*"Но отныне Сын Человеческий будет восседать по правую руку Силы Божией"*.

Тут все сказали:

"Так Ты – Сын Божий?"

А Он сказал им:

"Как вы говорите – Я есмь"» (ст. 69-70).

То есть Господь соглашается, но при этом ссылается на самих свидетельствующих: ведь Он никогда не называл Себя Сыном Божьим, Он называл Себя Сыном Человеческим. И когда члены синедриона пытаются раскрыть Его тайну, говоря всуе, что этот Сын Человеческий и есть Сын Божий, то Он, не отрекаясь, соглашается, но соглашается как бы по необходимости.

Результат не замедлил заявить о себе. «*Тут они сказали: "Какое еще нужно свидетельство? Ведь мы сами все слышали из Его же уст!"*» (ст. 71).

Для них слышанное есть богохульство, которое достойно смерти, ибо оно по закону всегда каралось смертью.

Гл. 23, ст. 1-9. «*И все их собрание поднялось с мест, и повели Его к Пилату, и начали обвинять Его, говоря:*

"Мы дознались, что Он подстрекает наш народ к мятежу, не велит платить налоги цезарю и утверждает, будто Он – Царь Мессия".

А Пилат задал Ему вопрос:
“Ты ли – Царь Иудейский?”
Иисус же молвил ему в ответ:
“Это ты говоришь!”
И сказал Пилат первосвященникам и народу:
“Не нахожу я в этом Человеке никакой вины”.

Но они настаивали на своем, говоря, что Он-де мутит народ, проповедуя по всей Иудее: начал в Галилее и дошел до этих мест. А когда Пилат услышал это, он спросил, точно ли этот Человек – галилеянин. И узнав, что Он из тех мест, на которые распространяются полномочия Ирода, отослал Его к Ироду, который как раз был в эти дни (Пасхи) *в Иерусалиме. А Ирод, увидев Иисуса, весьма обрадовался, потому что уже довольно давно хотел поглядеть на Него, будучи о Нем наслышан, и надеялся, что Он совершит какое-нибудь знамение. И задавал он Ему множество вопросов; но Иисус ничего ему не ответил*».

Это очень достоверное описание. Царь Ирод Антипа, который считался в народе лицом значительным и представлял уже не римскую, а местную власть, – этот Ирод (не тот, при котором родился Христос, а его сын, «четвертовластник» (тетрарх) Галилеи из династии Иродов) ничем не интересуется, кроме зна́мений от чудотворца. Духовная жизнь по-настоящему интересует его только в плане фокусов да чудес.

Ст. 10-19. «*А первосвященники и книжники, стоявшие рядом, яростно Его обвиняли. Тут Ирод, вместе со своими воинами учинив над Ним поругание и глумление и нарядив в роскошную одежду, отослал Его обратно к Пилату* (здесь блестящая одежда, естественно, пародирует царскую). *И с этого самого дня Ирод и Пилат стали друзьями; а прежде они были друг с другом во вражде.*

А Пилат, созвав первосвященников, старейшин и народ, сказал им:

“Вы привели ко мне этого Человека, как народного возмутителя; и вот я, при вас произведя дознание, не нашел, чтобы Он был виновен в каком-либо из преступлений, в которых вы Его обвиняете. Ирод тоже ничего не

нашел, раз отослал Его к нам. Итак, ничего заслуживающего смертной казни за Ним нет. Поэтому я после наказания отпущу Его".

А ему нужно было отпустить им кого-нибудь по случаю Праздника. Но они всей толпой закричали:

"Ему – смерть, а отпусти нам Варавву!"

Это был некто, за учиненный в городе мятеж и смертоубийство брошенный в тюрьму».

Этот Варавва в глазах первосвященников, начальников и народа был чуть ли не национальным героем. Правда, он произвел возмущение и убийство, но вероятнее всего – против римской колониальной власти, против врагов народа, и поэтому, конечно же, его-то и хотели поддержать начальники народа любой ценой. Так свои народно-националистические чаяния и деяния они, как позже и сам народ, поставили выше Бога и Его Мессии-Христа. (Как часто до сих пор среди евреев этот выбор – самый трудный и важный в жизни!)

Ст. 20-22. «*И снова Пилат обратился к ним, высказывая желание отпустить Иисуса. Но они кричали:*

"Распни, распни Его!"

А он в третий раз сказал им:

"Что же Он сделал худого? Никакого преступления, заслуживающего смерти, я в Нем не нашел. Поэтому после наказания я Его отпущу"».

Пилат здесь еще и специально тянет время, ибо он, как известно, был в очень острых отношениях с синедрионом. Руководители синедриона просят о чем-то одном, а он хочет сделать наоборот. Вот если бы они попросили отпустить Иисуса, то он, может быть, потребовал бы как раз Его смерти.

Ст. 23-32. «*Но они с громкими воплями требовали, чтобы Он был распят, и вопли их делались все неистовее. И Пилат решил сделать по их желанию: он отпустил брошенного в тюрьму за мятеж и убийство, за которого они просили, а Иисуса предал воле их.*

И когда повели Его на казнь, задержали некоего Симона из Кирены, как раз шедшего с поля, и принудили его

нести крест за Иисусом. И следовало за Ним великое множество народа, также и женщины, которые били себя в грудь и оплакивали Его. А Иисус, обернувшись к ним, сказал:

“Дочери Иерусалима, не плачьте обо Мне! Плачьте лучше о себе и о детях ваших, потому что настают дни, когда скажут: «Блаженны бесплодные: утробы, никогда не рожавшие, и сосцы, никого не вскормившие!» Тогда станут говорить горам: «Упадите на нас!» – и холмам: «Скройте нас!» Ибо если с деревом зеленым так поступают, что же будет с сухим?”

Вместе с Ним вели на казнь и двух преступников».

Здесь Господь явно продолжает Свой плач над Иерусалимом и над народом Божьим. Он совсем не думает о Себе, потому что уже предчувствует и видит приближающуюся страшную судьбу большей части Своего народа.

Ст. 33. «*И когда пришли на место, называемое Череп, там распяли Иисуса и этих преступников – одного по правую руку от Него, другого по левую*».

Распятие – казнь страшная. Казнь, равной которой нет на свете, видимо, до сих пор. Даже печально знаменитые китайские пытки не идут в сравнение с этой казнью. Кстати, в XX веке была возможность в этом удостовериться, ибо нацисты распинали некоторых людей, проводя «медицинские» эксперименты. Поэтому сейчас довольно хорошо описаны физиологические и прочие процессы, при этом происходящие. Мучение и боль, которые испытывает распятый человек, не сравнимы ни с чем. Эта казнь была очень длительной, она могла продолжаться несколько дней, к тому же обычно – под палящим солнцем и с расклевывавшими тело жертвы птицами.

На кресте, распятый, «*Иисус говорил: “Отче, прости им, ибо они не ведают, что творят!”*» (ст. 34а), или по-славянски: «*не ведят, что́ творят*».

Эти слова вошли в поговорку, но, к сожалению, их часто отрывают от начала фразы, забывая главное: «Отче, прости им!» Это очень глубокие слова, великие слова. С креста молиться о прощении врагов в то время мог лишь

Тот, Кто Сам был Любовью и Кто искренне проповедовал любовь к врагам.

Ст. 34б-43. «*И они делили между собой Его одежды, бросая жребий. А народ стоял и глядел; также и старейшины говорили в насмешку над Ним:*

“Других спасал, теперь пусть спасет Себя Самого, если Он Помазанник Божий, Избранник!”

Глумились над Ним и воины, предлагая Ему уксус и говоря:

“Если Ты – Царь Иудейский, спаси-ка Себя Самого!”

Была над Его головой и надпись по-гречески, по-латыни и по-еврейски:

“Это Царь Иудейский”.

И один из преступников, висевших на крестах, кощунствовал против Него:

“Разве Ты не Мессия? Так спаси Себя и нас!”

А другой с укором молвил ему в ответ:

“Бога ты не боишься! Ведь сам ты в той же муке. Но мы осуждены по заслугам и получили по делам нашим. А Он ничего худого не сделал”.

И говорил он:

“Иисус, вспомни обо мне, когда Ты придешь царствовать!”

И сказал ему Иисус:

“Истинно говорю тебе: сегодня же ты будешь со Мною в раю”» (т. е. ныне же Бог тебя простит и примет в Свой мир).

Унижения и издевательства над Иисусом сыплются со всех сторон. Начальники продолжают хулить Его как лжехриста, римляне продолжают хулить Его как лжецаря и лжеспасителя. Его хулит даже один из разбойников, который тоже думает, что Иисус – лжехристос и, значит, ниже и хуже его самого. Лишь второй просит Иисуса: «*Иисус, вспомни обо мне, когда Ты придешь царствовать*», т. е. когда Ты придешь принять Царство, когда придешь в силе и полноте Своего Царства и царствования.

Что-то единственно нужное и важное произошло в сердце этого разбойника, и он покаялся на кресте, он обратил-

ся и поверил не только в добро Иисуса, но и в Его Любовь, а значит, и в то, что Иисус воистину от Бога, Божий Христос, Избранник. Поэтому он и просит Его вспомнить о нем, т. е. принять его под Свое покровительство в Своем Божьем Царстве. Господь отвечает на это утвердительно.

Ст. 44-49. «*И было уже около шестого часа* (т. е. по-нашему около полудня), *и сделалась тьма по всей земле до часа девятого* (т. е. до третьего часа дня), *потому что солнце затмилось. И завеса в Храме разодралась посредине. И сказал Иисус, громко воскликнув:*

"Отче, в руки Твои предаю дух Мой!"

И с этими словами испустил Он последний вздох. А центурион, увидев это, славил Бога, говоря:

"Воистину Человек этот был праведен!"

И весь народ, собравшийся поглядеть, увидев происшедшее, пошел по домам, колотя себя в грудь. А все знавшие Его стояли поодаль, также и женщины, пришедшие с Ним из Галилеи, и видели это».

Здесь описывается знамение при кресте Христовом, в часы Его страданий и смерти. Сказано, что «*солнца затмилось, и разодралась завеса*» в храме после того, как Господь при́ смерти произнес слова молитвы из Псалтири: «*Отче, в руки Твои предаю дух Мой*» (Пс 30:6).

Конечно, эти знамения не надо стремиться воспринимать слишком буквально. Речь идет в первую очередь не о физических, а о духовных знамениях. Скорее всего – не о материальной завесе (хотя какой-то реальный исторический факт, по Талмуду, действительно соответствовал этому образу и преданию), а о том, что прекращается сам ветхозаветный культ и с ним вся эпоха Ветхого Завета. Также, если сказано, что «*солнце затмилось*», т. е. что солнце скрылось, то это в большей степени относится к Самому Иисусу, чем к нашему физическому светилу (хотя и здесь вероятны какие-то малознакомые нам «явления природы»).

Ст. 50-56а. «*И вот некто по имени Иосиф, родом из иудейского города Аримафеи, член совета и муж добрый и праведный, который не был согласен с тем, что заду-*

мали и сделали его сотоварищи, и принадлежал к ожидавшим Царства Божия; он пришел к Пилату и просил тело Иисуса. Сняв тело, он обернул его в саван и положил в гробнице, высеченной в скале, где еще никто никогда не был погребен. А день тот был пятница, и наступало время субботнее. И женщины, вместе с Иисусом пришедшие из Галилеи, ходили следом и видели ту гробницу и как было в ней положено Его тело; и вернувшись домой, они приготовили благовония и масла» (т. е. всё необходимое для погребения).

Этот Иосиф Аримафейский был членом совета, т. е. он сам принадлежал к членам синедриона. Будучи тайным учеником Христа, он не мог ранее открыть своей веры, не мог явно сказать о ней. Он открыл ее тогда, когда пришло время ее исповедать, т. е. по-русски – признать. Так бывает и сейчас. Иногда люди действительно, по тем или иным обстоятельствам, а не по одной лишь своей мнительности, не могут держать себя открыто перед глазами тех, с кем они работают или живут. Но если они истинно верующие, они, несмотря на опасность, исповедуют свою веру всегда, когда приходит для этого час.

Теперь перейдем к евангельскому рассказу о Воскресении Христовом, согласно последней главе Лк.

Гл. 23, ст. 56б – гл. 24, ст. 12. «*Затем в субботу они* (галилейские женщины) *соблюдали покой согласно заповеди; а в первый же день после субботы на рассвете пришли к гробнице, неся приготовленные благовония* (т. е. ароматные вещества). *И обнаружили они, что камень от входа в гробницу отвален; а войдя внутрь, не нашли тела Господа Иисуса.* (Здесь резко меняется тон повествования. Вдруг что-то происходит сверх разумения видящих.) *И вот, когда пребывали они в недоумении, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих, как молния. Когда же они, устрашившись, склонили лица к земле, те сказали им:*

“Что вы ищете Живого среди мертвых? Его нет здесь, Он восстал (по-славянски «воскрес»). *Вспомните, как Он*

сказал вам, еще когда был в Галилее, про Сына Человеческого, что дóлжно Ему быть преданным в руки людей грешных, и претерпеть распятие, и на третий день воскреснуть”.

И припомнили они слова Его; и возвратившись от гробницы, поведали обо всем этом Одиннадцати и всем прочим. А были это Мария Магдалина, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие женщины были с ними; и все они говорили апостолам то же. Но тем слова эти показались бредом, и они женщинам не верили. Петр, однако, поднялся и побежал к гробнице, заглянул в нее и видит только саван; и пошел он к себе, изумляясь случившемуся».

Что при этом увидел Петр, сказать трудно. Здесь сказано, что он увидел только одни пелены, и из контекста ясно, что затем он сразу поверил. Для женщин есть еще какая-то промежуточная, посредствующая фигура ангела или двух ангелов в «*одеждах блистающих*», которые возвестили им о воскресении, т. е. восстании, Иисуса и об исполнении предреченного Им. Но для Петра ничего этого уже не существует, вернее, оно для него несущественно: он сам видит – и верит сам!

Ст. 13-16. «*И в тот же самый день двое из учеников шли в селение, имя которому Эммаýс, в шестидесяти двух стадиях* (т. е. в трех часах ходьбы) *от Иерусалима; и они вели между собой беседу обо всем, что произошло. И вот, когда они беседовали и рассуждали, Сам Иисус, подойдя, пошел вместе с ними; но у очей их отнята была сила узнать Его*».

Здесь стоит обращать внимание на все детали. Ученики не узнали Иисуса, ведь Христос воскрес в Своем, но уже ином, духовном Теле. Он был Тот же, и уже не совсем Тот же.

Ст. 17-32. «*А Он сказал им:*

“О чем это вы толкуете между собой в пути?”

И они остановились в печали; а один из них, по имени Клеопа, сказал Ему в ответ:

“Или Ты один в Иерусалиме не знаешь, что случилось здесь в эти дни?”

И спросил Он их:

“О чем вы?”

Они отвечали Ему:

“О Иисусе Назарянине, Который был пророк, сильный в деле и в слове перед Богом и всем народом, – а первосвященники и начальники наши предали Его для осуждения на смерть, и Он был распят! А мы уж надеялись, что Он и есть Тот, Кто принесет Израилю избавление. При всем том, вот уже третий день, как это случилось. А некоторые женщины из наших нас удивили: придя рано поутру к гробнице и не найдя тела Его, они вернулись, говоря, будто им было видение ангелов, сказавших, что Он жив. И некоторые из наших ходили к гробнице и нашли все так, как говорили женщины; но Его не видели”.

И Он сказал им:

“О, неразумные, как медлят ваши сердца поверить всему, что возвещали пророки! Не должно ли было, чтобы Христос претерпел страдания, а после вошел в славу Свою?”

И начав от Моисея и коснувшись всех пророков, Он толковал им во всех Писаниях то, что было сказано про Него. И стали они подходить к селению, к которому направлялись; и Он словно бы намеревался идти дальше. Но они уговаривали Его:

“Останься с нами, ведь уже вечереет, и день на исходе!”

И Он вошел в дом, чтобы остаться с ними. И вот, когда возлег Он с ними для трапезы, Он взял хлеб, благословил, затем преломил и раздал им. Тогда у них открылись глаза, и они узнали Его; но Он стал для них невидим. И говорили они друг другу:

“Разве не горели в нас сердца наши, когда Он вещал к нам на пути, изъясняя нам Писания?”»

Заметим, когда «открылись глаза» учеников. Тогда, когда повторилось то, что было на Тайной вечере, где Иисус взял хлеб, благословил и, преломив, давал его им. По дороге в Эммаус произошло нечто подобное, и они уже не могли не узнать Того, Кто дает им такой хлеб.

Ст. 33-35. «*Они тут же встали и возвратились в Иерусалим, и нашли Одиннадцать вместе с другими учениками, а те говорили, что Господь вправду воскрес и явился Симону; они же рассказывали, что случилось с ними на пути и как они узнали Его в преломлении хлеба*».

Впрочем, не забудем, что не только «*в преломлении хлеба*», но предварительно и в толковании, точнее, откровении Писания, когда в учениках уже стало «*гореть сердце*». Это, может быть, не менее важно, ведь уже тогда предваряющая благодать коснулась их сердец, и они снова стали живыми, горящими, устремленными к Спасителю и спасению (к «открытию глаз»).

Ст. 36. «*И когда они вели такие речи, Он Сам стал посреди них и говорит им: "Мир вам!"*».

Это приветствие традиционно для тех мест и тех времен, но в устах Иисуса оно звучит особенно, ибо мир, который Он с Собою несет, есть мир особый – Мир Божий.

Ст. 37-49. «*А они, страшась и ужасаясь, подумали, что видят призрак. И сказал Он им:*

"Зачем вы смущены и отчего сомнения поднимаются в сердцах ваших? Посмотрите на Мои руки и на Мои ноги; это Я Сам. Дотроньтесь до Меня и уразумейте, что у призрака нет плоти и костей, какие видите у Меня!"

И с этими словами Он показал им руки и ноги. Когда же они от избытка радости не могли поверить и дивились, Он сказал им:

"Есть ли у вас здесь что съестное?"

И они подали Ему кусок печеной рыбы; и Он, взяв ее, съел на глазах у них.

И сказал Он им:

"Вот о чем были мои слова, которые Я говорил вам, пока еще был с вами, – что дóлжно исполниться всему, написанному обо Мне в Законе Моисея, в книгах Пророков и в Псалмах".

Тогда Он сделал ум их способным к уразумению Писаний и сказал им:

"Так написано было, что Христос примет страдания и на третий день восстанет из мертвых, и во имя Его

покаяние ради отпущения грехов будет возвещено по всем народам, начиная от Иерусалима; вы – всему этому свидетели. И вот, Я ниспосылаю на вас обетованное Отцом Моим. А вы оставайтесь в этом городе, пока не будете облечены вышнею силою"».

Итак, Господь сделал ученикам «*ум их способным к уразумению Писаний*» и сразу дает им возможность особого общения с Собою, но требует от них оставаться в Иерусалиме. Зачем? Чтобы облечься «*вышнею силою*», и значит, чтобы то, что раньше они были способны лишь принимать от Учителя, теперь сами могли раздавать, т. е. чтобы эта «сила свыше» уже была внутри них и чтобы они могли жить ею и служить ею и ей.

Ст. 50-53. «*И вывел Он их за город, до самой Вифании, и благословил их, воздевая руки. И вот, когда Он их благословлял, отделился Он от них и стал возноситься на небо. И они, поклонившись перед Ним до земли, в великой радости возвратились в Иерусалим, и постоянно пребывали в Храме, славословя Бога*».

Так завершаются «сорок дней» (см. Деян 1:3) общения Господа с учениками после Его Воскресения. Теперь Господь отходит к Отцу, возвращаясь в небесную Славу. Это и называется Его *Вознесением*. В других местах Нового завета говорится о том, что Господь был взят на небо точно так же, как когда-то, в самом начале Библии, говорилось о Енохе, который «*ходил пред Богом*» и «*был взят*» Им.

Автор Деяний, тот же апостол и евангелист Лука, повествуя о Вознесении Господа, добавляет слова ангелов: «*Этот Иисус, вознесенный от вас на Небо, придет таким же образом, как вы видели Его отходящим на Небо*» (1:11б). Так снова дается обещание, что Господь вернется на землю.

Еще нам важно отметить, что́ говорится о том, как апостолы проводили время до принятия «силы свыше». Они не просто ходили в Иерусалимский храм, но, как сказано в Деян 1:14, «*все они были единодушны в постоянной молитве с женщинами и с Мариам, Матерью Иисуса, и с братьями Его*». Вот это их единодушие, это ожидание, это

единство общины учеников Господа «*в постоянной молитве*» и подготовит их к тому, что произойдет в день Пятидесятницы, о чем мы будем говорить в XIII теме.

Крест и Воскресение Господни – это победа Бога силой Его любви над демоническими силами Смерти и, значит, Греха и Зла, демоническими силами разрушения и хаоса, ибо и зло, и смерть суть апофеоз вырвавшихся наружу темных сил.

Христовы Крест и Воскресение – это великая *Тайна* Духа Божьего. Это великое, даже до сего дня величайшее *Богоявление*, открывающее и показывающее божественную Любовь в Полноте ее жертвенности – на Кресте, ее жизненности – в Воскресении, ее вечности – в Вознесении.

Как Сын Человеческий Иисус сошел после Своей Смерти «во ад», но как Сын Божий Он разорвал цепи ада и через Свое Воскресение и Вознесение восшел «туда, где Бог», на «третье» Небо, к Отцу. Как часто читается в церкви, «в гробнице – телом и в аду – душой как Бог, в раю – с разбойником и на престоле – со Отцом и Духом Он пребывал, все наполняя, необъятный».

Жертвенную Победу Христа в Его Воскресении мы называем *Новой Пасхой*, Пасхой Христовой, ибо Сам Христос – новая Жертва, новый Агнец Божий, Пасха «живожертвенная». Когда «*Пасха наша, Христос, был заклан*», как говорит апостол Павел (1 Кор 5:7), тогда на смену Ветхого Завета и приходит Завет Новый!

Итак, на Кресте и в Воскресении Господь наш Иисус Христос заключает с Богом Новый Завет, и тут надо вспомнить, что каждый завет с Богом всегда связан с откровением только ему свойственной «новой» заповеди, или заповедей. Поэтому так говорит Господь: «*Заповедь новую даю вам: да лю́бите друг друга, как Я возлюбил вас*».

Заповеданная нам Любовь Христова – это истинная, целожертвенная и живожертвенная Любовь, какую Он показал Собою и в Себе, Любовь, выходящая далеко за рамки любви ветхозаветной! В этой-то Любви, как и в даруемом через приобщение к ней Примирении с Богом

и ближними, – вся суть Нового Завета. Отсюда ясно, что для всех и каждого жертва собою есть неотъемлемое условие жизни в Новом Завете. И сам Новый Завет заключается Господом «*в Его Крови*», т. е. ценою Его Жизни и в Духе Его Любви.

Поэтому в Новом Завете, и особенно в таинстве евхаристии, *воспоминаются* и прославляются сами *Тело и Кровь* Христовы: мертвое на Кресте Его животворящее Тело и пролитая на нем Его живительная Кровь. Это, конечно, не равно воспоминанию «*плоти и крови*», которые «*не могут наследовать Царствия Божия*» (1 Кор 15:50), т. е. воспоминанию только человека Иисуса, подобного ветхому Адаму в раю. Мы воспоминаем Христа как Нового Адама и Новую Пасху, как «*Первенца из мертвых*», а не как «*Христа по плоти*», Которого если мы прежде и знали, «*то ныне уже не знаем*» (2 Кор 5:16).

Новый Завет был *заключен* на Кресте и в Воскресении. Но *действовать* он начал в мире не сразу, а с момента Сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (как мы это увидим в XIII теме).

О сути Нового Завета как Завета Любви и Мира говорили еще великие пророки Ветхого завета Исайя, Иезекииль (36:26) и Иеремия (31:31-34). *Знамение* же Нового Завета – это одно «*знамение Ионы пророка*», т. е. Воскресение Иисуса Христа, а поэтому также еще и Его Крест, и Его Крещение с Рождеством как Явление и Дар Самого Господа Иисуса Христа, и Явление и Дар Святого Духа от Господа Бога Отца.

Поручителем и «*ходáтаем Нового Завета*» (Евр 7:22) также является Сам Господь наш Иисус Христос – как Тот Новый Адам, Который в Своей Крови и заключает с Богом Новый Завет. Но с другой стороны, и Сам Бог Отец заключает через Христа во Святом Духе Новый Завет со Своим новым Миром и Царством, со Своим новым Народом – Церковью, т. е. «*мертвым для греха*» Телом Христовым.

Для всех живущих в мире сем Иисус Христос – *Вестник* (Ангел) Нового Завета. Для всех Он – Живое Слово

Божье (Ис 55:10-11), а для нас Он – один Посредник (между Богом и человеком) и один Господь (Господин).

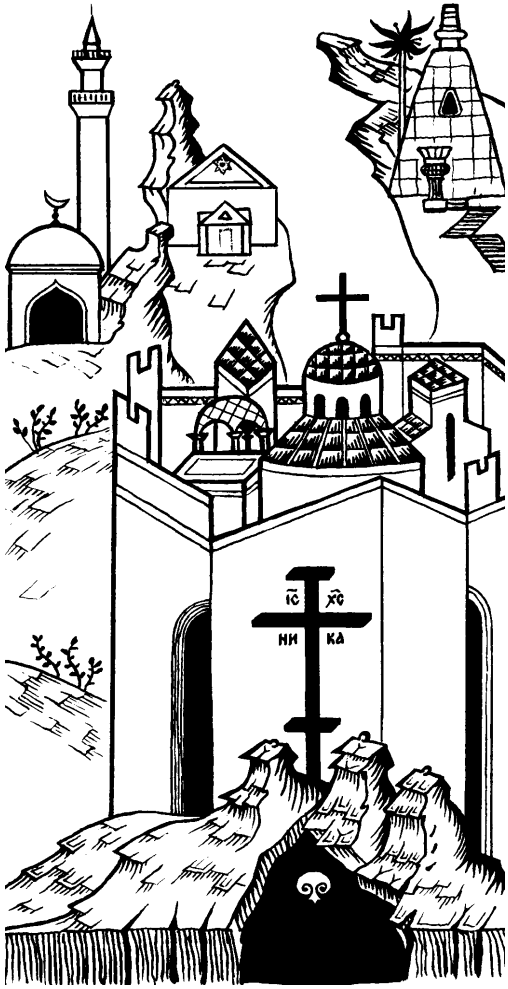
Иисус говорит: «*и Я дарую вам Царство, как даровал Мне Отец*» (Лк 22:29). И это Царство есть «*не пища и не питие, а правда и мир и радость во Святом Духе*» (Рим 14:17). Поэтому, чтобы получить завещанное, и нам как Его прямым наследникам в этом мире надо *воинствовать* во имя Христова Царства, всегда как оружие имея только любовь, веру, мир и добрую совесть (см. 1 Тим 1:18-19).

Господи, Боже наш, Отец наш Небесный, мы благодарим Тебя за сегодняшнюю встречу, за великую благодать встречи с силой Креста и Воскресения Сына Твоего. Господи, мы благодарим Тебя за спасение в Сыне Твоем. Благодарим и молим Тебя, чтобы наше благодарение никогда не прерывалось, чтобы благодарность наша никогда не умалялась. Господи, даруй нам приобщиться к Новому Завету Сына Твоего, чтобы мы были вместе с Ним в Царстве Твоем, ныне и всегда и во веки веков! Аминь.

Тема XII

Христианство и основные существующие религии: ислам, буддизм, индуизм и иудаизм

Другие распространенные в наше время нехристианские учения и секты



Господи, Боже наш, Ты расселил человечество по всему лицу земли и желаешь, чтобы все люди спаслись и пришли к познанию Истины, Ты желаешь, чтобы все они получили Жизнь вечную. Господи, дай нам никогда не забывать, что в каждом человеке есть Твой образ, что каждый призывается Тобою ко спасению, что Небеса много радуются обращению хотя бы одного грешника. Дай и нам, Господи, истинное покаяние, дай нам жить обращенным к Тебе сердцем. Дай нам, Господи, единство жизни, чтобы не раздваиваться в этом мире, не увлекаться прелестями этого мира, но готовиться к служению Тебе, Господи. дай нам стать реальными и живыми членами Твоей святой Церкви, не осуждать никого, но приближаться к Тебе, исправляя свою жизнь. И дай нам, Господи, видеть и в разных формах все то, что от Тебя, отличая это от того, что лишено Твоей благодати и Твоего благословения. Помоги нам быть разумными и духовными чадами Твоими, дабы прославлялось в нас и через нас Твое святое имя во веки веков! Аминь.

РЕЛИГИЙ и религиозных, а также мистических сект и практик было, есть и будет очень много. Это и составляет некоторую проблему для христианства, исповедующего как единую Истину в едином Боге, так и единство человеческого рода, созданного по единому образу Божьему, который содержится в каждом человеке. Поэтому неслучайны часто задаваемые в наше время вопросы: «Как же, если Бог один, может существовать множество религий?» Или: «Неужели все религии ложны и только христианство (православие) единственно истинно?» Или: «Неужели все нехристиане (неправославные) погибнут? А если они в жизни никогда ничего даже не слышали о Христе и христианстве?» Или наоборот: «Неужели возможно спасение вне Христа и Его Церкви, ведь сказано... (например, Мк 16:16)?» Или: «А может быть, разные религии – лишь разные пути к одному и тому же единому Богу, различия же между ними – только в форме, а не в содержании и объясняются они историческим, культурным и национальным своеобразием того или иного времени и народа?» Дать главные на-

правления для христианского ответа на эти вопросы и является сейчас нашей задачей.

Религии мира могут быть классифицированы с разных позиций. Одна из важнейших классификаций – деление их на *мировые* и *немировые*. К мировым религиям относятся все религии, вышедшие далеко за рамки одного народа, страны, континента. Остальные называются немировыми, часто – просто национальными. К мировым религиям принято относить три: христианство, ислам (мусульманство) и буддизм.

Другая общепринятая классификация религий – деление их на *монотеистические* и *языческие*.

Монотеистические религии – это религии, исповедующие не просто какое-то одно божество, лишь численно одно, как это могло быть уже в Древнем Египте и Древней Индии, но одного-единственного истинного Бога – Того святого Бога, Который открыл Себя в древности патриарху Аврааму, Того Бога-Творца, Который создал небо и землю, т. е. весь видимый и невидимый мир со всеми его мирами, и дал жизнь животным и дух человеку.

Таким образом, это не просто религии абстрактного единобожия, а религии Авраамовой и библейской традиции. Их насчитывается столько же, сколько и мировых, – три. Это те же мировые религии, только вместо буддизма к ним относится иудаизм. Иудаизм – не мировая, а национальная религия, которую хотя бы формально исповедует большинство евреев, а буддизм – хотя и мировая, но, увы, немонотеистическая, языческая религия (или философская вера), ибо она не приобщена к Авраамовой традиции единобожия. Примером же немировой (национальной) и немонотеистической (языческой), но также великой религии в наше время может служить индуизм.

Итак, взяв за точку отсчета христианство, начнем разговор с мусульманства. Что такое *мусульманство,* или *ислам*? Это единственная, кроме христианства, мировая монотеистическая религия. Мусульманство возникло в первой половине VII в., в 630 г. Она широко распрост-

ранена в разных частях мира и до сих пор активно разрастается.

«Символом веры» мусульманства является формула: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – Его пророк». В мусульманстве все гораздо проще, чем в христианстве: верь согласно «символу веры», совершай пять раз в день молитву, один раз в год, в месяц рамадан, – пост, твори добровольную очистительную милостыню и один раз в жизни – паломничество в Мекку, а если не можешь в Мекку, то в подобные ей святые места, например в Иерусалим.

Таким образом, с одной стороны, для ислама характерна существенная упрощенность. «Ислам» и переводится просто как «подчинение» (Богу). С первых дней своего существования ислам проповедует (это хорошо видно в Коране, основной вероучительной книге ислама) возвращение к вере Авраама – вере хотя и в истинного Бога, но, с нашей точки зрения, еще несовершенной, не знающей откровения Моисеева закона и Давидовой надежды, а тем более откровения Любви, данного во Христе и через Христа как Сына Божьего и Сына Человеческого. Для последователей ислама Бог никак не постижим и не достижим. Его нельзя познавать, а поэтому в нашем смысле духовной жизни человека там нет, как нет там и таинств, догматов, иерархической церкви и т. д.

Но с другой стороны, упрощенность ислама на деле ведет к некоторой противоположности. В исламе сложно жить (только эта сложность иная, чем в христианстве с его тяжким бременем любви, истины и свободы), ибо там Бог говорил только через пророка Магомета, который преподал своим последователям все законы жизни и до мелочей, до мельчайших подробностей через толкователей этих законов регламентировал все формы жизни человека. Поэтому в исламе огромную роль играют законы шариата, т. е. предания, или традиции, постоянно требующие все новых толкователей.

Неудивительно поэтому, что ислам нередко носит откровенный сектантско-законнический (отсюда происходит и его известный фанатизм), а также эклектический и

мифопоэтический характер, вплоть до расцвеченной, иногда даже роскошной сказочности. Это именно вера, обычно сильная и связанная с верностью, но фанатичная, жестокая, жадная и слепая, т. е. больная недостатком любви к Богу и ближним и недостатком опыта Богопознания, что подрывает само ее пророческое основание. Она включает в себя многие элементы иудаизма, христианства и даже дуализма и иного язычества, при этом главными в ней остаются все же, как это ни удивительно, христианские черты.

Иисус-Иса для мусульман (как и Ной-Нух, Авраам-Ибрахим, Исаак-Исхак и Иаков-Якуб, Моисей-Муса и Давид-Дауд) – один из величайших Божьих пророков. В одном месте Корана Он даже прямо назван Христом – Мессией. Но все же для них Он меньше Магомета, Он – Христос, но не Сын Божий. Правда, выражение «Сын Божий» мусульмане здесь понимают не так, как мы, а поэтому и отрицают вместе с ним не совсем то, что мы утверждаем.

Таким образом, за признание Иисуса Мессией-Христом мы могли бы назвать мусульман даже какой-то ветвью христианства в широком смысле слова или, может быть, христианской сектой, но только очень большой и, видимо, весьма неправославной (если не прямо еретической), поскольку они не знают Христовой благодати – откровения о Даре Духа Святого, о едином Боге как Святой Троице и о Христе как Богочеловеке, Спасителе мира и каждого верующего человека. Но не забудем при этом, что они знают веру Авраама и закон.

В исламе есть несколько направлений с довольно натянутыми отношениями, даже враждой между ними. Главные из них – сунниты и шииты. Кроме того, существует мистический, как бы монашеско-аскетический орден суфиев и есть различные богословско-философские школы. Однако все мусульмане все же чувствуют себя членами единой общины (у́ммы).

Третьей мировой религией является *буддизм*. Он возник в VI–V вв. до н. э. в Индии. Будда (т. е. Просветлен-

ный) Шакьямуни показал путь ухода человека от тотальных страданий в этом падшем мире. В буддизме до сих пор самой сильной является его отрицающая сторона, его апофатическая правда о мире сем и жизни в нем.

Буддизм на вершине своего учения отрицает грубое идолопоклонство и кастовое неравенство людей, но с другой стороны, это утонченный пантеизм. В нем нет откровения и познания трансцендентного личного Бога. Тем более нет в нем откровения благодати Христовой.

Буддийский «бог» разлит в природе как ее духовная первооснова, как духовный абсолют и свет. Он не имеет личного имени. Человек, уходя из этого мира и тем самым от страдания, должен достичь простого соединения, слияния с этим божеством по принципу «ты одно с тем», что означает, в частности, преодоление дуализма субъекта и объекта (правда, увы, безличное и безличностное). Здесь необходим отказ человека от всех своих желаний, их преодоление.

Но растворяясь таким образом в божественном абсолюте, человек не только обретает абсолютный покой и уходит от всех страданий в свет нирваны, он и теряет всего себя. Он действительно уходит от своей индивидуальности, самости и своеволия, но не обретает в этом и с этим своей духовной личности.

Для буддизма (как и для родственного ему индуизма, о котором мы будем говорить далее) характерна развитая мифология, трансцендентальная мистика и соответствующая ей богатая аскетическая практика очищения своей души и своего тела своими, но часто сокрытыми и укорененными в космосе силами. В буддизме также имеется несколько течений (главные из них – махаяна, в том числе ламаизм и дзен, и хинаяна). До XX в. с христианством буддизм почти не сталкивался.

Как мы уже говорили, буддизм – немонотеистическая, языческая религия. А языческие религии не знают пути «сверху вниз», они знают только путь «снизу вверх», т. е. путь познания трансцендентального божества в отрыве от пути Откровения трансцендентного Бога.

Не зная же Откровения единого истинного святого личного Бога – Творца всего мира, нашего Небесного Отца, они имеют только то, что так или иначе можно познать изнутри *падшего* человека и мира, в том числе из актуализируемого естественными, своими силами образа Божьего в человеке, а также из общественных и природных связей человека и соответствующего его опыта.

Поэтому и в таком язычестве может быть много ценного и правильного, отчасти даже истинного. Вот почему, хотя языческие боги суть не боги (см. 4 Цар 19:18; Иер 2:11, 16:20; 1 Кор 8:5 и Гал 4:8), совсем ложных религий в мире нет (ср. Пс 81:1, 96:7, 134:5, 135:2; Рим 1:20), а язычники, если они живут по совести, хотя лично и не знают Бога во Христе, все же имеют надежду на спасение (см. Рим 2:6-29, особенно 14-15) – Духом Святым, Который «*дышит, где хочет*» (Ин 3:8).

Буддизм представляет собой весьма тонкое и благородное, в лучшем смысле этого слова, язычество, но много смогло дать и дает человечеству и иное язычество Востока – Египта, Вавилона, Персии, Индии, Китая, как и Древней Греции, Рима, индейской Америки и т. д. Такое язычество весьма глубоко и серьезно и требует соответственного отношения с нашей стороны. Но работа по узнаванию и отделению частей правды и истины в язычестве от неправды и неистины в нем (см. Быт 6:1-6) только что удачно началась. Здесь у христиан часто еще нет общей картины и должной последовательности в проведении этой работы.

Особое значение в наше время среди языческих религий имеет *индуизм*, великая индийская национальная философская вера, возникшая задолго до буддизма. В рамках пантеизма он мудро учит о мировом и человеческом духе, т. е. бра́хмане и а́тмане, призванном к полному трансцендентальному единству. Но в индуизме, как и во всяком язычестве, сильно развит магизм. Для него тоже характерно безличностное, а к тому же еще и кастовое, отношение к человеку, выражающееся, в частности,

в учении о переселении душ. В Индии индуизм имеет множество школ, сект и направлений, несводимых друг к другу. Он впитал в себя даже буддизм. К нам индуизм часто проникает через йогу, оккультные секты, теософию, антропософию, кришнаитов, рерихианцев, учения и «оздоровительные» практики многочисленных гуру и т. п.

Как мы уже говорили, не мировой, а, подобно индуизму, национальной, но не языческой, а монотеистической религией является *иудаизм*. Заметим, что никогда не следует путать понятия «иудей», точнее, «иудаист», и «еврей». Иудей, или иудаист, – это человек, который исповедует определенную религию – иудаизм, а еврей – это человек определенной национальности. Еврей может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, что в наше время еще нередко бывает, а иудаистом в принципе может стать человек любой национальности и культуры.

Иудаизм не есть собственно религия времен Ветхого завета или земной жизни Господа Иисуса Христа, как сейчас часто многие думают. Хотя в иудаизме и сохраняется многое от той веры, в том числе ожидание Мессии, иудаизм уже немыслим без возникших позже христианства учений Талмуда, каббалы, хасидизма и т. д.

Иудаизм часто играл и играет роль средства сохранения национальной идентичности, особенно в еврейской диáспоре, он и сейчас нередко стоит на закваске книжников и фарисеев, выбирая скорее Барáббу вместо истинного Машúаха – Иешýа.

Храма и соответствующего культа в иудаизме с 70 г. н. э. до сих пор нет. Храм как бы заменяют многочисленные, разбросанные по всему миру синагоги и дома верующих. Заменяют, конечно, лишь в той мере, в которой они вообще могут заменить устраиваемые по закону богослужения Иерусалимского храма.

Для иудаизма тоже характерны разные течения – от ортодоксального до весьма модернистских. Его отношение к христианству в целом скорее настороженное и часто

даже враждебное, что особенно хорошо еще бывает видно в узкоортодоксальных кругах и районах современного Израиля, где христианину, особенно еврею-христианину, жить очень трудно, почти невозможно.

До сих пор очень большую роль в иудаизме играет Талмуд – комментарии и комментарии на комментарии к Библии. Среди его правил и размышлений есть и весьма ценные и хорошие, и весьма сомнительные: например, иудаисту не позволено подходить к христианину ближе чем на три метра (несмотря на это, среди евреев во все века нашей эры были истинные христиане, а в наше время их стало еще больше, чем прежде).

Подчас иудаизм, к сожалению, становится даже не национальной, а прямо националистической силой, более последовательно охраняющей свой народ по плоти, а не Божью Истину, и тем самым ввергающей его во все новые беды и страдания в мире, которых у него и без того хватает. В этом символ развития (и деградации) иудаизма до сего дня. «Сбой», который произошел в эпоху земной жизни Иисуса Христа, когда время посещения Господом Иерусалима не было узнано (конечно, «во славу Божию и Израиля»!) большей частью единственного тогда богоизбранного народа, все дальше уводит иудаистов от Бога, от истинного откровения Божьего во Христе, т. е. от того откровения, которое они когда-то столь опрометчиво отвергли.

Впрочем, и сейчас среди иудаистов разных толков можно найти искреннее и праведное следование за Богом и Его Законом, и даже смелую открытость к Богу во Христе и Его Церкви.

Говоря о существующих ныне религиях, мы должны понимать, идет ли речь о религиях вообще и книжно или о тех же религиях в их современном и реальном состоянии. Здесь для нас более важно именно современное состояние религий, а не вообще образ той или иной из них. Почему?

Для христиан очень важно сохранять христианство по его духу и смыслу одним и тем же, так как «*Иисус Хри-*

стос вчера и сегодня и вовеки Тот же» (Евр 13:8). Это тождество не зависит от различий в развитии форм христианской жизни, в том числе форм культа. Этот принцип не зависит и от тех недостатков и искажений, которые встречаются в практике христианской жизни. Поэтому мы определенно можем сказать, что и сейчас Церковь Христова (православная, во всяком случае) по своему духу и смыслу та же, что и в апостольскую пору.

В нехристианских же религиях обычно бывает наоборот. В них часто до сего дня существуют очень консервативные древние внешние формы, а их дух и смысл менялся и меняется. Так изменчивы все крупные и значительные религии: мусульманство, иудаизм, буддизм, индуизм. Для того чтобы познать их, человеку в принципе недостаточно знать только их книжные источники и историю, в то время как для познания христианства может быть достаточно только знания о том, как покаяться, обратиться к Богу во Христе и принять в Церкви Дар и благодать Святого Духа.

Говоря о существующих религиях, надо также всегда помнить, что христианство – не только и не столько религия, ибо в нем пребывает вся полнота жизни и духовной связи людей с Богом, друг с другом и с миром. Все остальные религиозные учения и духовно-аскетические практики всегда частичны, хотя они тоже претендуют на всю жизнь человека, на весь его дух, на всю правду и истину.

Следует помнить и о том, что, говоря с нехристианами или о них, нельзя реагировать только на их слова, термины и самоназвания, делая из них мертвые ярлыки, требующие однозначного к себе отношения. Важно знать, что́ стоит за этими словами и понятиями. Очень часто одно и то же слово (или иная форма) может нести в себе разный дух и разный смысл, которые еще нужно выявить.

Кроме того, надо учитывать, что внутри одного и того же определенного течения или одной и той же религии могут существовать не только различные типы духовности, но и целые направления. Например, в мусульманстве – это те же сунниты и шииты, а в иудаизме – тот же орто-

доксальный и неортодоксальный иудаизм. А теперь там есть даже движение так называемых «мессианских евреев», которые признают Святую Троицу, Иисуса как Христа и святое крещение, хотя внешне и не выделяются из традиционного иудейства. К слову говоря, это довольно развитое течение в Америке, теперь и не только в Америке. Есть оно и в Москве. «Мессианские евреи» скорее похожи на древних иудеохристиан, хотя вопрос о мере их православности не прост.

И еще важно помнить, что к нашему времени все религиозные направления и религии уже испытали то или иное влияние христианства, поэтому они уже выработали и свое отношение к нему, а следовательно, и свои защитные от него средства, идеи и другие механизмы как формы самосохранения, часто существующие скрыто, завуалированно. Особенно они развиты в религиях, в своей истории много соприкасавшихся с христианством, например в иудействе и мусульманстве. Сейчас они почти сложились и в индуизме, и в буддизме, чему очень помогли различные теософские учения, в том числе у нас и рерихианство («агни-йога»). Эти учения облачают старый индийский языческий дух в одежды, внешне более или менее приемлемые для людей христианской культуры. То же самое можно сказать и об антропософии (штейнерианстве), в которой христианских элементов больше, чем в теософии, но в целом это тоже нехристианское течение.

Все эти скрытые механизмы не надо ни недооценивать, ни переоценивать; ни забывать о них, ни слишком бояться их нельзя. Нужно помнить и о том, что кроме них в мире существуют и другие, пусть пока не очень многочисленные, но открытые «*враги нашего благовестия*» (это выражение апостола Павла, так он говорил об иудеях, не принявших веру во Христа, хотя и близких ему по крови, за которых Сам он готов был отдать очень многое, даже быть отлученным от Христа, но которые и для него все же оставались врагами Христова Евангелия).

Таким образом, в мире, обществе и человеке «дьявол с Богом борется», и очень часто это жестокая битва. Конеч-

но, в итоге Бог во Христе победит в ней Духом уст Своих, но только если христиане, ведя свою борьбу и битву, не забудут о евангельском отношении к врагам...

Итак, если говорить в целом, то чем же являются для нас разные религии? Об этом хорошо пишет священник Сергий Желудков в своей книге «Почему и я – христианин»: «...разные религии суть как бы различные системы связи религиозных людей с божественным и между собой» (СПб., 1996. С. 39). Это прекрасная формула, если только ее правильно понять, если в ней не путать божественное с Богом, ибо не всякое божество – Бог. Божественное может включать в себя и трансцендентное, и трансцендентальное. Здесь может подразумеваться и неотмирный Бог, и всевозможные божества мира сего или в нем самом. Поэтому сюда действительно можно включить все религии мира, а если и христианство понимать как религию, то и христианство.

Далее о. Сергий говорит: «И даже внутри религий, например, индуизма или нашего христианства, есть разные ступени и типы, степени религиозности. Все это разнообразие показывает великую зависимость восприятия божественного от человека – одновременно от его ограниченности и от его свободы... <...> И другие религии истинны в том, что у них есть общего с христианством» (Там же. С. 39–40). Это тоже очень хорошие слова, если их не понимать эгоистически, узко. Во всех религиях есть какая-то часть правды и даже истины, которая иногда превосходит и само их учение, их доктрину, и даже данную религию в целом, но которая почему-то ей свойственна и всегда хороша.

Это же – подчас, правда, лишь потенциально, но, к сожалению, не актуально – всегда, по определению, содержится в полном Христианстве, в том или другом пласте его Писания и Предания. Очень часто именно благодаря тому, что́ мы можем увидеть истинного и хорошего в других (это относится и к другим, неправославным христианским конфессиям), мы актуализируем в большей

мере свою собственную потенцию. Поэтому никогда не следует бояться встречи с другими, не такими, как мы, людьми, встречи, по-настоящему открытой и любовной.

Здесь не надо входить в какие-то крайности, но живые, открытые отношения, свидетельствующие о нашей христианской любви, у нас могут быть со всеми людьми, независимо от принципов их веры и жизни. Только тогда мы везде найдем что-то хорошее и для нас полезное.

Если же мы еще покажем это хорошее самим этим людям (то, что у них действительно хорошо) и если тактично, с любовью им покажем и то, чего у них нет, чего им, может быть, еще недостает (а при особо благоприятных обстоятельствах – и то, что у них прямо нехорошо), то всякий искренний, честный и благодарный человек нас очень хорошо поймет и к Богу за нами пойдет. А мы не будем ни фанатиками, т. е. носителями веры без любви к ближнему, ни предателями своего истинного Бога и своей истинной Веры (что, к сожалению, очень часто в наше время бывает со многими, поскольку их постоянно «заносит» то в одну, то в другую сторону).

Итак, надо *не спорить* с инаковерующими, не просто переубеждать их, а благодатно *свидетельствовать* им и действовать по «принципу дополнительности», т. е. восполнять для каждого человека его положительный опыт своим. И он всегда примет это. Вот что здесь есть самое главное, и именно в этом смысле слова о. Сергия Желудкова замечательны.

И в заключение – самый трудный и важный вопрос: как отграничить в христианстве, а тем более в других религиях, истинное от ложного? Каков здесь критерий отличия добра и света истины от зла и тьмы?

Ясно, что таким критерием в данном случае не может быть наука, ведь все религии духовны и поэтому вненаучны (точнее, инонаучны). Здесь прежде всего необходим духовный *опыт* распознавания истины, добра и красоты по *духу* и *плодам* (вспомним нашу беседу о Предании и преданиях – IV тему).

Дары оценки плодов и различения духов – это благодатные дары, которые особенно ценны в Церкви в наши дни. Это не субъективные, но в то же время и не объективные вещи, а поэтому надо выработать еще особый язык для духовного общения с любым открытым и честным человеком, с чего бы он ни начинал и какой бы путь прежде ни прошел.

Здесь есть еще одна большая проблема – это глубокое различие культурных и духовных традиций разных людей. Но *всякий человек выше культуры*, которая всегда должна быть производной от него. Человек, даже очень традиционный, призван к царственной свободе в духе и во всей своей жизни, в том числе к свободе от культурной, национальной, исторической и прочей инерции. Вот такому человеку и открывается настоящий путь к Богу и Его Истине, которая жива, ибо она есть Сам воскресший Христос!

Господи, дай нам быть верными Тебе, Твоей Церкви, Твоей благодати, быть открытыми к Твоей правде и истине, где бы они ни обретались, быть открытыми к людям, иметь терпение и терпимость в нашей жизни, чтобы никому не закрыть пути ко спасению в Тебе, Милосердный, своим жестокосердием, своим осуждением, своими грехами. Помоги нам, Господи, до конца очиститься и войти в Твое Небесное Царство всем вместе.

Аминь.

Тема XIII

Исполнение обетования: вступление в действие Нового Завета. Начало «шестого» Завета: Пятидесятница и Сошествие Святого Духа

Троическое Богоявление. Рождение Церкви – нового народа и мира Божьего

Господи Боже, Отец наш Небесный, мы благодарим Тебя за тот дар жизни в Тебе, жизни в Духе Святом, который открывается нам, благодарим Тебя, Господи, за тот дар веры, который раскрывается в нашей жизни, благодарим Тебя, Господи, за то научение, которое ведет нас по пути Твоему. Господи, мы благодарим Тебя за Твою Церковь, за то общество любви, в которое Ты нас призываешь. Господи, помоги нам сегодня услышать слово Твое, которое нам и будет говорить о Церкви и о Духе Святом, о том, что Ты творишь в Своем мире и чем мы будем жить дальше, до скончания мира сего, да вознесем Тебе славу вовеки. Аминь.

В ЕВАНГЕЛИИ от Иоанна Христос еще перед Своим арестом и распятием говорит: «*Теперь же иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я это высказал вам, печаль наполнила ваше сердце. Но Я истину говорю вам: лучше вам, чтобы Я ушел. Ибо, если Я не уйду, Утéшитель не придет к вам; если же пойду, пошлю Его к вам. И придя, Он явит миру его заблуждение о грехе и о праведности* (т. е. о правде) *и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о праведности же, что Я к Отцу иду, и больше вы не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден*» (16:5-11).

Этими словами, этим обетованием Господь заранее готовит Своих учеников к принятию дара Духа Святого, Духа Утéшителя, Духа, Который Один способен на протяжении всей будущей истории давать апостолам и другим ученикам утешение при видимом отсутствии на земле Самого Господа, замещая Его. Я «*пошлю Его к вам*, – говорит Господь. – *И придя, Он мир обличит*». Какой мир обличит, придя, Дух Святой? Мир сей, этот мир, который лежит во Зле. Он будет изобличен, т.е. именно для него будет открыто, станет явным, каковы же ныне грех, правда и суд с точки зрения вечности.

Теперь, помня об обетовании Святого Духа, Утешителя, т. е. Ходатая и Помощника верных, и Изобличителя мира сего, обратимся далее к Священному писанию, к

Деяниям святых апостолов, и вспомним, как заканчивались последние дни перед Пятидесятницей, т. е. что происходило с апостолами после Вознесения Христа. Здесь, в 1:12-14, говорится, что после того, как Господь вознесся от них, апостолы «*возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон*», и «*поднялись в горницу* (ее часто называют Сионской), *где и пребывали*», ожидая исполнения обетования Христова. Но как они пребывали? Внешне они жили закрыто, замкнуто, «страха ради иудейска», т. е. «*из-за страха перед иудеями*», а внутренне и между собой – совсем иначе. Ведь в день Вознесения они уже получили Духа Святого – благодать личного общения с Господом, силу в полном единодушии ждать излияния Самого Духа Святого.

Это очень важно знать, чтобы разобраться в том, что произошло потом на Пятидесятницу. О том же говорится и в ст. 14: «*Все они были единодушны в постоянной* (т. е. неотступной и длительной) *молитве с женщинами и Марией, Матерью Иисуса, и с братьями Его*», к тому времени в Него уже уверовавшими.

Вот это их молитвенное, духовное *единодушие* и эта *собранность* всех их вместе и стали залогом того, что произошло на Пятидесятницу. Думаю, что дерзновенно можно сказать: не будь этой собранности и этого единодушия до Пятидесятницы, не родилась бы тогда и новозаветная Христова Церковь, ибо некому было бы посылать от Бога Духа Святого. Да и «Церковь» в прямом смысле означает «*Собрание*» (званых и избранных). Но «малая Пятидесятница» в день Вознесения (когда Господь «*дунул и сказал им: примите Духа Святого*») не осталась тщетной. Единодушие апостолов было сохранено, как сохранена была и их собранность и общность, несмотря на представлявшееся всем очевидным их поражение.

Перейдем теперь к основному тексту данной темы – ко 2-й главе Деяний в переводе еп. Кассиана (Безобразова) (при герменевтическом комментарии к ней нами отчасти использован материал Брюссельской Библии).

Ст. 1. «*И когда подходил к концу день Пятидесятницы, были они все вместе*».

«*Все они были вместе*» (ср. Деян 1:13-14), все эти дни, т. е. все десять дней после Вознесения. Такое все возрастающее единодушие и единство было и к концу дня Пятидесятницы (а по-нашему – утром, в 9-м часу утра).

Что такое «*день Пятидесятницы*»? Это был большой иудейский праздник, праздник не только Жатвы (в этом его древнейший смысл), но еще и Возобновления союза-завета с Богом, нарушенного было Израилем и возобновленного (но не заключенного вновь!) при царе Асе, как об этом сказано в Ветхом завете (см. 2 Пар 15:10-13). Праздник этот всегда приходился на 50-й день после Пасхи, поэтому он и назывался Пятидесятницей.

И неудивительно, что именно в *этот* день Жатвы происходит первая жатва Духа через Его Сошествие, т. е. являются первые и главные плоды победы Христа над Смертью, первые радикально действующие плоды Его служения на земле. И в этот же день, день Возобновления завета, приводится в действие, вступает в действие, начинает осуществляться в истории человечества Новый Завет, заключенный Христом еще на Кресте и в Воскресении.

Тогда он был только еще заключен, а сейчас, на Пятидесятницу 30-го года н. э., силою Дара Духа Святого он начинает действовать в людях. То есть уже не в одном Христе, а во всей Его общине – той общине, члены которой, согласно Деян 1:14 и 2:1, уже с Вознесения были все вместе и отчасти составляли какое-то духовное единство, какую-то общность, хотя еще и ожидавшую исполнения обетования о ниспослании им Святого Духа, Утешителя.

Ст. 2. «*И вдруг раздался с Неба шум, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились*».

«*Вдруг*» – это значит, что люди, хотя и ждали, хотя, может быть, и готовились, но еще оставались как бы не готовыми к происходящему. Для них действие Божье было выше их подготовки, как оно и бывает всегда выше всех человеческих ожиданий. Для всякого духовного от-

кровения свойственна некая непосредственность восприятия, ведь один Бог знает «времена и сроки» Своих действий и их исполнения.

«*Шум*» – это всегда образ действия какой-то силы, чего-то такого, что прерывает обычное течение жизни. Все как бы загудело в духовных «жилах» апостолов (как иногда у людей от напряжения гудит, шумит в ушах). Этот шум был первым знамением грозного и сильного «ветра» с Неба, от Престола Всевышнего, которое явилось апостолам. Это явное знамение удивительной силы Духа.

«*Ветер*». Что это такое? На древнееврейском языке это «ру́ах», как и слово «дух» (т. е. одно и то же слово женского рода). Вспомним и здесь «малую Пятидесятницу», когда Господь *дунул* и сказал: «Примите Духа Святого».

Шум «*наполнил весь дом, где они находились*». Это очень интересно: Дух, или Ветер, пришедший с шумом, наполняет дом. Он, безграничный, ограничивается! Ведь кажется, что если Бог вездесущ и по Своему действию безграничен, то когда Он посылает Своего также безграничного Духа, этот Дух должен наполнить не только дом, не только Иерусалим, не только Иудею, не только земной шар, нашу галактику и т. д., а вообще сразу весь мир. Но происходит иное – действие Духа Божьего локализуется. Почему? Потому что хотя Дух Божий и безграничен, но мы-то часто остаемся слишком ограниченными. Дух Божий, в отличие от физического ветра и наших абстрактных представлений о Боге, входит в *сердце человеческое*, а значит, в сердце, в известную меру уже открытое Богу, уже готовое принять этот Дух. Именно такие люди, уже открытые Богу во Христе и готовые принять Его Дух, были тогда собраны лишь в Сионской горнице, в одном доме, причем они были собраны особым образом, не иначе как все единодушно и все вместе.

Ст. 3. После того как шум Ветра, или Духа, наполнил весь дом, апостолам «*явились разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них*».

О том, что Бог есть Огонь, способный одних попалить, а других, открытых к Нему и как бы вмещающих Его, со-

греть и переплавить, высветлить и изнутри преобразить, мы знаем еще из Ветхого завета. Там было сказано: «*Бог есть Огонь поядающий*». Мы об этом упоминали, когда говорили о заветах, которые заключались в рамках Ветхого Завета. Это откровение о Боге знали все пророки от Моисея до Иоанна Крестителя.

Однако на Пятидесятницу апостолам и их близким открылось нечто большее: от Бога явились не просто некие разделяющиеся огненные языки, но они еще и «*почили по одному на каждом*». Почему? Потому что это было *явлением полноты Духа*, а Бог личен, и потому Он посылает Свой Дар Святого Духа каждому лично.

Возрождение духовной личности (которая противоположна индивидуальности), личностность в отношениях людей с Богом – вот особенность новозаветной Пятидесятницы. Ветхий Завет этого не знал. Тогда были пророки, были явления Божьего Духа, были излияния этого Духа, но эти излияния еще не вполне возрождали человека свыше как личность, они только как бы проходили через избранного и верного человека, как через посредника, медиума (мы об этом упоминали, говоря о пророках в теме VI).

Итак, в Новом Завете уже недостаточно общей для всех верующих благодати, мало некоего равного всем приобщения их к Богу Творцу, и даже ко Христу, что уже было дано ранее через Его личное присутствие среди них, а потом и через дуновение перед Вознесением. Теперь Дух Святой сходит в каждое очищенное, освященное проповедью, покаянием, верой и любовью сердце. Здесь перед лицом Божьим предстоят и каждый, и все вместе. Поэтому и сказано, с одной стороны, что все были «*собраны единодушно вместе*» и «*весь дом*» исполнился Духом, а с другой – что огненные языки Святого Духа «*почили по одному на каждом*».

Ст. 4. Далее Дух, почивший лично на каждом, производит Свое особое действие.

Божий Дух никогда не бывает бесплоден, всякое Его откровение приносит некий плод. Дар Духа, явленный Бо-

гом на всей первой иерусалимской апостольской общине, тоже принес свой плод. Апостолы, как и все прочие члены этой общины, столь разные как личности, но уже собранные все вместе и единодушные, оказались настолько духовно едины, взаимопроникновенны, взаимопрозрачны, что «*исполнились все* (одного) *Духа Святого и* (все вместе, теперь уже в новом качестве – как полные, верные члены только что родившейся новозаветной Церкви) *начали говорить иными языками, как Дух давал им вещать*».

Вот дар, вот плод, вот знамение, вот чудо – все они обрели Святого Духа в Полноте и духовно возродились! И сразу же стали говорить «*иными языками*». Их породило действие Духа Святого, и поэтому все стали вещать так, как Дух давал им это делать.

Это явление, называемое *глоссолалия*, по-видимому, уже наблюдавшееся в древнем Израиле (см. Числ 11:25-29; 1 Цар 10:5-6, 10-13; 19:20-24; 3 Цар 22:10; ср. Иоиль 3:1-5, цит. апостолом Петром – см. Деян 2:17 и далее), потом часто встречалось в жизни первых христиан как один из даров Святого Духа (см. Деян 10:46; 11:15; 19:6; 1 Кор 12-14; ср. Мк 16:17). Но чем же оно было по существу? Об этом говорится в ст. 5-13.

Ст. 5-6. «*Жили в Иерусалиме иудеи, благоговейные люди из всякого народа под небом. Когда же прошел об этом слух...*» Слух о чем? О том, что происходило в горнице на Сионе, – то «*...собралось много людей и пришли в смятение...*»

Что тут для нас важно?

Во-первых, то, что духовное, внутреннее действие, как правило, имеет некое внешнее проявление. Когда что-то происходит внутри нас, это обычно дает и внешне видимый плод. В этом мире иначе почти никогда не бывает.

Во-вторых, важно то, что, услышав о происходящем, люди не остаются равнодушными. Потому-то они и собираются, что хотят знать, что же произошло.

И тогда, собравшись, люди «*пришли в смятение, потому что каждый из них слышал, как они* (апостолы) *гово-*

рили на его собственном наречии». Каждый слышал вещающих как бы говорящими на его родном языке. Их «иной», но один для всех язык – это знак некоего единодушия, сердечного раскрытия духовного единства, когда полное взаимопонимание образуется между ставшими единодушными людьми.

Итак, в этот момент прекратилось разделение и непонимание людей, грех был преодолен и «отошел от дверей» (ср. Быт 4:7), восстановилось «*единство духа в союзе мира*» (Еф 4:3), утерянное еще при грехопадении и построении Вавилонской башни (см. Быт 11:1-9) и теперь предвосхищающее вселенскую миссию апостолов, каждый из которых отныне начинал служить теми Даром и дарами Святого Духа, которые он получил (см. 1 Пет 4:10).

Ст. 7-13. «*Изумлялись все и дивились, говоря: вот все эти говорящие, разве они не галилéяне? Как же мы их слышим каждый на своем собственном наречии, в котором мы родились: парфя́не, и ми́дяне, и элами́ты, и живущие в Месопота́мии, в Иудее и Каппадо́кии, По́нте и Аси́и, Фри́гии и Памфи́лии, в Египте и в частях Ливии, примыкающих к Киринéе, и пришедшие из Рима, как иудеи, так и прозелиты* (т. е. обращенные в иудейство из язычников), *кри́тяне и арабы – слышим, как они говорят на наших языках о великих делах Божьих? И все изумлялись и недоумевали, говоря друг другу: что бы это могло быть? А иные, издеваясь, говорили: они напились сладкого вина*».

Вот и реакция! Вот выявление подлинного духовного состояния народа. Собрались все, видели знамение все, и все люди понимали, что это не просто какой-то психологический аффект. Они ясно понимали, что это явление связано с их духовной жизнью и с Богом. В этом отношении они были более готовы, чем сейчас, например, мы. Мы бы сейчас наверняка в большой части оказались ближе к неверующим, к тем, кто, насмехаясь, говорил: «*Они напились сладкого вина*», а думал, вероятно, о том, «*может ли быть что доброе из Галилеи*». То есть мы оказались бы ближе к тем, с кем у апостолов духовное единство не образовалось и встреча и общение не состоялись.

Увы, мы до сих пор, как правило, таковы. Но почему иудеи были тогда более готовыми? Потому что у них существовала традиция, серьезная, глубокая отеческая традиция, преемственно сохранявшаяся через научение вере каждого из них. А в Ветхом завете дар «*иных языков*» упоминался не однажды, причем именно в связи с пророчеством от Бога, в связи с Духом пророческим. И вот поэтому, кроме насмехающихся скептиков, сразу находятся другие, которые задают друг другу вопрос: «*Что бы это могло быть?*»

Как же нам толковать явление «*иных языков*»? Первое, что приходит в голову, что это просто другие человеческие языки. Так часто понимали и понимают это место. Но что тогда значит фраза «*они говорили о великих делах Божьих*»? Это устойчивая форма и известный образ, означающий свидетельство о «*великих делах Божьих*» собою, так что глоссолалия апостолов, вероятно, сама воспринималась как «*великое дело Божье*».

Только велико ли было бы дело Божье, если бы оно свелось просто к какому-то «религиозному трюку»? Сегодня мы знаем, что бывают, хотя и очень редко, такие феноменальные душевные явления, психологические феномены, когда человек вдруг, сам ничего не понимая, начинает какую-то речь на незнакомом ему современном или даже древнем языке. Он как бы выносит из подсознания на свет какие-то глубинные пласты памяти, заложенные туда в закодированном виде им самим или его далекими предками. Ясно, что в Деяниях имелось в виду не это, ибо если человек говорит, чего даже сам никак не разумеет, то ни о каких великих просвещающих и объединяющих делах Божьих он этим не свидетельствует. Кроме того, если кто-то говорит просто на другом языке, пусть и в особом состоянии возбуждения, экстаза, то никто его пьяным не назовет, как это сделали те, кто не имел понятия о том, что перед ними «*великое дело Божье*». (А пьяными апостолы никак быть не могли, ибо, как потом засвидетельствует апостол Петр, был третий час дня, т. е. по нашему исчислению девятый час утра. В жарких странах

в это время никто никогда не пьет, если хочет сохранить здоровье и даже жизнь.)

Итак, что же произошло? Если это был не просто иностранный язык, то что же это было? Что слышал и видел каждый из собравшихся и поверивших? По форме каждый из них слышал какую-то речь, какие-то не очень понятные высказывания, выраженные на каком-то особом, внешне, может быть, несвязном, нелогичном, недискурсивном языке.

Этот язык, вероятно, мог бы быть уподоблен языку детей и младенцев, на котором они могут выразить все для них нужное, еще не зная как следует ни одного конкретного человеческого языка. В принципе младенца может понять любой взрослый человек, хотя сам он этим языком уже почти не владеет. На Пятидесятницу же выявился и у взрослых такой общечеловеческий и метачеловеческий язык, который связан с вдохновением и становится понятным человеку лишь настолько, насколько он сам может воспринять действия Духа Божьего и увидеть «*великие дела Божьи*». Поэтому уверовавшие иудеи все сразу поняли и сразу все увидели, как бы говоря: «Вот, они (апостолы) говорят о великих делах Божьих, и говорят то, что мы все понимаем» (младенцев также равно, одинаково понимают все любящие их, хотя каждый взрослый говорит уже на своем, знакомом только ему языке).

Заметим еще, что самих апостолов не было столько, сколько в Деяниях перечислено народностей и сколько подразумевается наречий и языков. Трудно предположить, что каждый из них заговорил специально на языке слышавшего его, не повторяя другого говорящего. Нет оснований думать, что было заранее известно и число наречий людей, которые соберутся к Сиону в тот день и час. Поэтому совершенно ясно, что ученики Христовы на Пятидесятницу при Сошествии Святого Духа говорили все одинаково, но все уверовавшие понимали их адекватно, причем понимали также равно и одинаково.

Речь членов первой христианской общины была не рациональной, не дискурсивной, не объективированной и не

связанной с субъективным расчленением и разделением реальности. Они говорили на великом языке известного всем нам духа полного единства с Богом и ближними. Это и произвел Дар Святого Духа, Дар Пятидесятницы.

Это и есть дар «*иных языков*», один из даров Святого Духа. Теперь нам должно быть ясно, что он, как и Дар Самого Святого Духа, бывает возможен только тогда, когда человек преодолевает свое коренное отчуждение от Бога и ближних – этот главный яд Грехопадения – и заключает в своем сердце во Христе и через Христа Новый Завет с Богом. Об этом и говорит нам следующий абзац – ст. 14-21.

Вот начинается проповедь, первая проповедь Нового Завета, первая церковная проповедь, произнесенная от имени всей первохристианской общины самым горячим из учеников – апостолом Петром. Заметим, что эта проповедь произносится в ответ. То есть должен был быть некий хотя бы внутренний вопрос, чтобы стал возможен ответ.

Далее, эта проповедь – не случайная, не просто какая попало, эта проповедь керигматическая. В ней содержится тó сокровенное, тайное, что тем не менее провозглашается «*на кровлях*», открыто и для всех. Это чистая керигматика (от греческого слова «ки́ригма», или «ке́ригма» – «возвещение», «провозглашение», буквально – «объявление через глашатая»).

Апостол Петр первый раз кратко возвещает непосвященным спасительную весть. Он ставит своей целью объявление им о воле Божьей и доведение до них истины откровения Божьего о Сыне и Духе. В этом же был и есть смысл всякого пророчества, ибо некая приобщенность к откровенной, Божьей правде и истине, как и ее возвещение, свойственны всякому истинному богодухновенному пророческому служению.

Теперь – немного подробнее о содержании данного абзаца.

Ст. 14-15. «*Петр, став с Одиннадцатью, возвысил свой голос и возгласил им: мужи иудейские и все живущие в*

Иерусалиме! Да будет вам это известно и вслушайтесь в слова мои (вот подлинная сила слова и духа пророческого!). *Ибо не пьяны они, как вы предполагаете: ведь только третий час дня*».

Аргументация апостола Петра проста и абсолютна. Но никто серьезно и не предполагал, что ученики Христовы напились сладкого вина. Те, кто так о них говорил, лишь насмехались над ними, зная, что эти что-то возбужденно «бормочущие» люди лишь внешне похожи на пьяных.

Далее апостол Петр дает толкование происходящего: у верующих во Христа «*от избытка сердца говорят уста*», во исполнение обетования о Новом Завете.

Ст. 16-17. «*Не пьяны они... Но это то, что сказано через пророка Иоиля: и будет в последние дни, говорит Бог...*»

«*Последние дни*» – это дни эсхатологической эры, это эсхатологическая реальность, мессианское время, эра Нового Завета. «Эсхато́н» – по-гречески «конец», т. е. конечная фаза истории человечества и этого мира. И мы сейчас живем в эсхатологическую эпоху, которая имеет свой смысл только в том, что в перспективе мы ожидаем откровения полноты Царства, полноты Любви, Свободы и Творчества в Царстве Божьем во Христе, т. е. в Его новом Пришествии (специально об эсхатологии мы еще будем говорить в теме XV). Поэтому «последние дни» – это дни всего Нового Завета, 6-го и 7-го заветов вместе (ниже мы увидим, как легко пророк переходит от одного завета к другому).

Пророки Ветхого Завета знали о Новом Завете, предвозвещали его и говорили о нем как о «последних днях», сколько бы они ни продолжались в историческом времени. Именно потому эти «последние дни» и наступали, и продолжались и тысячу, и две тысячи лет назад. Наступают они, продолжаясь, и в наше время.

Итак, «через пророка Иоиля сказано» далее: «*Изолью от Духа Моего на всякую плоть*».

«*Изолью*» – здесь есть ощущение некоего преизбытка, полноты всего того, что свойственно Духу Божьему. И сам

христианин – это человек, живущий «с избытком», когда его жизнь и его дух плещут через край. «Сосуд, благодати полный и преизливающийся» – так в молитвах мы говорим о наших святых (в данном случае – о преподобном Сергии Радонежском).

А что значит «*на всякую плоть*»? Это тоже великое откровение. Это не означает на всех подряд, как можно было бы подумать, но на тех, кто открыл свое сердце Богу, кто поверил. Со дня Пятидесятницы при этом имеется в виду уже не только один народ, не только ветхий Израиль, а всякий, кто обратился к Богу, кто уже стал верным учеником Христа Божьего или даже еще только пришел к вере в Него. Поэтому, в отличие от Ветхого Завета, здесь говорится, что «в последние дни» Бог желает прийти ко всякому человеку, пусть он несколько уничижительно, с позиций еще ветхозаветной оторванности от Бога, и называется «плотью».

Когда на «плоть», т. е. на падшее душевно-телесное и духовное единство в человеке, на «плоть» как на человека, оторванного от Бога, изливается Дух Божий, это значит, что человек снова становится как первый Адам, что он возрождается как единое с Богом духовное существо, что у него снова открываются личностные духовные дарования, особенно в области познания Бога и божественного Откровения, гносиса и пророчества. Вот тогда-то «*и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения. И старцам вашим будут сниться сны*».

Ст. 18. «*И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни изолью от Духа Моего, и будут пророчествовать*». Потому что Дух Святой, этот личный Дух Божий, как нам уже известно, есть Дух пророчественный.

Ст. 19. «*И дам чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и клубы дыма*».

«*На небе*» и «*на земле*». Это значит, что Сошествие Святого Духа имеет вселенский, космический характер: все исполняется Духом, все «небо и земля», которые при этом увидят «*чудеса и знамения*» Божьи. По апостолу Петру,

именно в тот момент и явилось великое знамение – исполнилось древнее пророчество, что могло быть сравнено с чудом небесным, но которое в то же время было знамением земным. Ведь среди этих чудес и знамений и была глоссолалия как форма выхода внутренней энергии человека, который наконец-то вполне раскрылся Богу и ближним.

Итак, апостолы уже не боялись и потому не могли более сидеть взаперти и молчать. Они вышли и после глоссолалии пророчески обратились к «граду и миру» (*urbi et orbi*).

«*Кровь и огонь и клубы дыма*» – это специфическая лексика пророков, которая часто имеет оттенок катастрофичности происходящего, чтобы показать, что это есть откровение и действие всесильного Бога Вседержителя, Творца «неба и земли». И такой наш Бог – Творец мира – властен все изменить в этом Своем мире и совершить во благо то, чего никто из людей сделать не может.

Ст. 20. «*Солнце превратится в тьму, и луна в кровь, прежде чем придет день Господень великий и блистающий* (по другому переводу – *славный*)».

Нам почти незаметно, как здесь от *начала* последнего исторического завета, который наступает со дня Сошествия Святого Духа, пророк переходит в *конец* истории, в ее самые последние дни. Мы сразу попадаем как бы в обстановку Апокалипсиса: солнце и тьма, луна и кровь, перед тем как «*придет день Господень великий и блистающий*», как наступит Седьмой Завет. Здесь уже проглядываются не просто эсхатологические дни, но последние дни исторического Нового Завета. Здесь уже имеется в виду тот «*день Господень*», который есть день нового Сошествия, т. е. Нового, «Второго» пришествия Христа в Полноте Своей Силы и царственной Славы.

«*Тьма*», «*кровь*» и т. п. – это пророческо-эсхатологическая образность, которую не следует понимать буквально и слишком натуралистически. Это будет неверно по ее смыслу и духу, ибо здесь имеются в виду потрясения космического масштаба и эсхатологического значения.

Сошествие Святого Духа – всегда Богоявление, а всякое Богоявление – потрясение самих основ мира сего.

Ст. 21. «*И будет: всякий, кто призовет имя Господне, будет спасен*» – так завершаются слова пророка Иоиля.

О всех и «всяком» здесь говорится в том же духе и смысле, что и в начале проповеди, где было сказано «*излью Духа Моего на всякую плоть*». Это значит, что спасется всякий, кто обратится к Богу сердцем, ведь иначе ему нельзя будет искренне призвать имя Господа.

«*Имя Господне*». В Новом завете открывается, что Бог дал Иисусу великое имя – Господь. Значит, здесь подразумевается уже не только имя Бога Отца, но и Сам Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель.

«*Будет спасен*». Как спасен? Призыванием имени Господа, для чего нужна только вера в Иисуса как Христа и Господа и нужно сердечное приобщение к Нему. Чтобы Бог приблизился к нам, нам самим надо приблизиться к Богу через единство со Христом, и во Христе – с Духом Святым и Божьей Церковью.

Ст. 22. Апостол Петр продолжает проповедь: «*Мужи израильские! Выслушайте эти слова...*» и дальше говорит об Иисусе, проповедуя Иисуса как Господа и Христа, т. е. именно то, что некогда он уже сказал в присутствии других апостолов, отвечая на прямой вопрос Господа: «*За кого почитают Меня люди?*» Но здесь Петр исповедует свою веру в Иисуса как Христа особо – под действием Того Духа, Который наполнял теперь сердца всех учеников.

Он говорит далее: «*Выслушайте эти слова: Иисуса Назорея, Мужа, Богом отмеченного для вас силами, и чудесами, и знамениями, которые сотворил через Него Бог среди вас, как вы сами знаете...*»

Апостол Петр сначала опирается на то, с чем никто спорить не будет. Все знают, что среди них жил Иисус Назорей – Муж, Который был отмечен Богом особой силой, Который явил бесспорные чудеса и знамения от Бога.

Ст. 23. И вот, «*Его, по определению* (т. е. промыслу, совету) *и предведению Божию преданного, вы, пригвоздив рукою беззаконных* (т. е. язычников, римлян), *убили*».

Апостол Петр говорит смело и дерзновенно. Кто-то из слушателей мог бы и сильно обидеться на такую проповедь, когда его прямо обвиняют в убийстве. Это сейчас мы привыкли говорить своим языком что угодно, часто не опасаясь последствий. А тогда за каждым обвинением, за каждым таким словом шли определенные последствия, ведь убийство есть вещь противозаконная, а Израиль жил под Законом. Апостол Петр, тем не менее, говорит прямо и откровенно: «*вы убили*» этого Мужа Божьего, но «*Бог Его воскресил*».

Ст. 24. «*Бог Его воскресил, разрешив муки смерти, потому что Он не мог быть держим ею*».

Вот где начало веры во Христа, Сына Божьего! Если во Христе есть Сила и Слава Божья, а Он, Иисус, и есть Христос, то Христос Божий не мог быть держим путами и муками Смерти – и воскрес.

Ст. 25-28. «*Ибо Давид говорит о Нем...*» – и дальше, как доказательство истины этой веры, идет большая цитата из псалма (15:8-11).

Апостол Петр совершенно четко осознает, что проповедь без обоснования *прежним обетованием* не может быть воспринята как истинная, и поэтому он напоминает, что еще пророк и царь Давид «говорит о Нем», о Христе: «*Я видел Господа предо мною непрестанно, ибо Он по правую мою сторону* (т. е. Он – мой Помощник, моя Сила, моя “Правая Рука”), *дабы я не поколебался. Оттого возрадовалось мое сердце и возликовал язык мой, даже и плоть моя пребудет в надежде, ибо Ты не оставишь души моей во аде и не дашь святому Твоему увидеть тление. Ты поведал мне пути жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим*».

Теперь уже в уста Христа как бы вкладываются слова этой молитвы к Богу: «Вот, Я настолько проникнут Богом, что и плоть Моя спокойна в надежде, что Ты не оставишь души Моей во рву (т. е. во аде преисподнем) и не дашь Святому Твоему (т. е. Тому Самому, Который единый Святой) увидеть тления (т. е. Смерти). Ты поведал Мне пути Жизни, Ты исполнишь Меня радостью пред лицом Твоим».

И далее, в ст. 29-36, апостол Петр начинает толкование этого места Священного писания, коли он привел его в подтверждение духовно известного ему факта (лучше сказать, духовного, экзистенциального акта) Воскресения Христова.

Ст. 29-31. «*Мужи братья! Да позволено будет сказать вам с дерзновением...*» Вот еще пример пророческой проповеди, проповеди верующего сердца, исполненного Духом, которая всегда дерзновенна. И Петр «с дерзновением» говорит «*...о патриархе Давиде, что он скончался и погребен, и гробница его у нас до сего дня. Итак, будучи пророком и зная, что клятвою поклялся ему* (Давиду) *Бог от плода чресл его посадить на престоле его, – он, провидя, изрек о Воскресении Христа, что и Он не оставлен во аде, и плоть Его не увидела тления*».

Давид умер, но его Преемник – Христос – воскрес! Здесь дается не просто толкование Давидова псалма, здесь очевидно четкое воспоминание Петром последнего завета – завета надежды, завета с царем Давидом. Ведь после завета с Моисеем – завета праведных дел – был еще пятый завет (или четвертый в составе Ветхого Завета) – завет надежды, завет упования, завет обетования. Именно он и исполняется здесь, на глазах у всех слушающих. Именно эта надежда, это обетование Божье, данное через Давида и после него подтвержденное через других пророков, исполняется во Христе. Для апостола Петра царь Давид – прообраз Царя Христа. Поэтому именно о Христе, а ни о ком другом, говорит пророк Давид, что «*Он не оставлен во аде, и плоть Его не увидела тления*».

Ст. 32. «*Этого Иисуса воскресил Бог, чему все мы свидетели*», – говорит далее апостол.

Вслед за тем как была возвещена воля Божья, открытая прежним пророкам, апостол Петр говорит о том, что знает сам. В связи с этим заметим, в чем была особая сила проповеди апостолов, колоссальная ее сила. Не только в явлении и Даре Духа, «*напомнившего им все*» (ср. Ин 14:26) и давшего новое Откровение, не только во всем том, что в принципе может явить и каждый из нас. В их пропове-

ди было еще то, чего, к сожалению, у нас уже быть не может и отчего собственно апостольское служение в Церкви остается уникальным, неповторимым и непередаваемым в полноте своей никому. Апостолы были *личными* свидетелями Воскресения Христа. Они не только слышали и видели Господа, но сами, лично были свидетелями этого духовного факта, точнее, акта. Они сами видели Воскресшего, и не однажды. Отрицать подлинность их свидетельства, лукаво пытаться объяснять это свидетельство через самовнушение или тем, что желаемое будто бы было принято ими за действительное, не удается и никогда никому не удастся. Их свидетельство настолько подлинно, что ни один непредубежденный человек не может пройти мимо него. Именно эта сила апостольского духовного и, можно сказать, действенного свидетельства была положена в основание веры и жизни новозаветной Церкви. Впрочем, и мы, хотя не можем повторить этого свидетельства целиком, но через веру Петру и Священному писанию можем в большой степени приблизиться к нему.

Ст. 33. «*Итак, десницей Божией вознесенный* (т. е. воздвигнутый, воскрешенный силой Божьей) *и приняв от Отца обещанного Духа Святого, Он* (т. е. Христос, обещавший Того же Духа апостолам) *излил* (на них) *то, что вы* (ныне) *и видите, и слышите*».

Так ведь и было предсказано Иисусом: «*Если пойду, то пошлю Утешителя к вам*» (Ин 16:7). Это и совершилось на Пятидесятницу. Господь пошел к Отцу и излил Святого Духа в сердца хотя еще не всех людей (почему – сейчас увидим), но всех Своих учеников.

Ст. 34-35. Далее апостол Петр продолжает, приводя еще одно доказательство истинности своих слов из Священного писания: «*Ибо Давид не восшел на Небеса* (восшел его Господь, воскресший Христос), *но он сам говорит: “Сказал Господь* (т. е. Бог) *Господу моему: сядь по правую сторону Мою, доколе Я не положу врагов Твоих в подножие ног Твоих”*».

Хотя кажется, что Давид пишет и в этом псалме только о себе, пусть и в третьем лице, тем не менее он и здесь

пророчествует и говорит еще о своем непосредственном потомке, сыне Давидовом и Сыне Божьем, каким, по пророчествам, является и должен был являться Христос. Причем он говорит о Христе именно как о Сыне Божьем и Господе: «*сказал Господь Господу моему*», т. е. Христу.

И в Евангелии есть соответствующее место о Христе, когда Сам Иисус задает вопрос, чей Христос сын. Ему ответили – Давидов. А Иисус говорит, что не просто Давидов: «*Как же Он сын Давидов, если Давид говорит о Нем: "Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня"*». То же самое и здесь: сказал Господь Господу царя Давида и нашему: сядь по правую сторону Мою, т. е. одесную Меня, во власти и силе Моей.

В Символе веры мы также говорим о Христе воскресшем и вознесенном, сидящем одесную Отца. Сидеть по правую сторону Царя-Отца – значит быть в полноте общения с Ним и в той же Славе и Силе, что и Он – Бог.

«*Доколе Я не положу врагов Твоих в подножие ног Твоих*». Доколе Сыну сидеть одесную Отца? До тех пор, пока враги Сына еще живут на земле, пока они не будут побеждены, т. е. пока не будут положены Богом в подножие ног Его. А после этого все покорится Самому Отцу, придя к новому, полному единству с Ним, с собою и со всем творением. «*Когда же все покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог всё во всём*» (1 Кор 15:28).

Кто же или что называется здесь *врагом* Христа? В первую очередь, сами мистические Зло и Грех. Конечно, и всякий человек-грешник. Поскольку он сознательно становится носителем этой силы, то он становится и как бы врагом Христовым. Но на самом деле Бог борется не с человеком, а с силой Зла и Греха, пребывающей в мире сем.

Итак, именно «шестой» Завет, заключенный Богом со Христом, эта первая фаза Нового Завета, историческая часть Нового Завета, характеризуется непрестанной борьбой за Царство Небесное с врагами Христа – с теми, кто не верует в Бога и в Человека во Христе, с теми, кто не любит открытого нам в Нем Бога и Человека. Это – вре-

мя спасения или погибели. И конечно, это не борьба, ведóмая огнем и мечом, а борьба духов, это, по Ф.М. Достоевскому, борьба Бога с дьяволом в сердцах людей, как и во всем этом мире – в семьях, в государствах и даже в космосе, во вселенной. В эту эпоху Церковь и Сам Дух Христов будут воинствовать до того дня, когда «*Бог будет всё во всём*» (об этом подробнее см. XV тему).

Ст. 36. «*Итак, твердо знай весь дом Израилев, что и Господом* (т. е. единым Господином, Которому надо подчиняться, Которого надо слушаться, под знаменами Которого и надо теперь воинствовать) *и Христом* (т. е. Помазанником, Мессией, в полноте являющим Дух Божий и имеющим Его в Себе) *сделал Его Бог, Того Иисуса, Которого вы распяли*».

Кратко и сильно заканчивается проповедь Петра: «*Твердо знай весь дом Израилев*», т. е. все верующие в единого истинного Бога. В проповеданном не может быть сомнений, ибо все возвещено как последняя истина, а не как чье-то личное, частное мнение.

Итак, именно Этот Иисус есть Помазанник, именно Он – Господь, Тот – чтобы вы случайно не ошиблись, – «*Которого вы распяли*». В последних словах мы снова видим возвещение правды Божьей. Петр не хочет озлобить или обидеть своих слушателей, как и тогда, когда он говорил об Иисусе, «*Которого вы убили, пригвоздив рукою беззаконных*». Он хочет, обличая, публично выявляя грех, вызвать чувство сожаления, покаяние, тот дух, без которого прийти к Богу и к вере в Иисуса как Христа нельзя. Мы с вами как будто не распинали Господа, не убивали Его, но и к нам относится это слово, потому что всякий живущий без Бога, живущий во грехе, этим на самом деле тоже распинает Христа.

Что же произошло после проповеди апостола Петра, каков был ее результат? Проповедь Петра (возвещение им воли Божьей) была так же плодотворна, как и в самих апостолах был плодотворен Дух Святой и плодотворно действие Этого Духа. Это была подлинно пророческая

речь, поэтому и тут сразу проявилась реакция. Какой же она была?

Ст. 37. «*Они же, услышав, поражены были в самое сердце и сказали Петру и остальным апостолам: что нам делать, мужи братья?*»

То, чего хотел апостол Петр, не смягчая ничего в своем слове, даже обличая, то и вышло. Сказано, что слушавшие его, т. е. те, кто в глоссолалии увидел не разврат пьянства, а дар Божий, умилились и смягчились сердцем. Они «были поражены *в самое сердце*» словами апостола, открыли свои сердца благодати Веры и спросили: «*Что нам делать?*»

Вспомним, что нечто подобное уже было тогда, когда начал проповедовать пророк Иоанн – Креститель и Предтеча. Там тоже в ответ на призыв: «*Покайтесь!*» звучит: «*Что нам делать?*» И тогда разным категориям людей пророк говорил, что им делать: надо так или иначе исправить свою жизнь по закону, по правде Закона. Что же теперь говорит апостол Петр в ответ на подобный вопрос?

Ст. 38. «*А Петр им сказал: покайтесь* (т. е. изменитесь, обратитесь, не оставьте бесплодным свое открытое сердце), *и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для отпущения грехов ваших, и вы получите Дар Святого Духа*».

Начало ответа то же самое, что когда-то уже звучало в проповеди Иоанна Предтечи и Иисуса Христа, – требование покаяния, исправления жизни. Петр как бы говорит в заключение: «Если вы раньше были такими, что могли убить Христа, если вы были как убийцы перед Богом, хотя лично и не делали этого, то теперь нужно покаяться, нужно изменить сам дух, само направление своей жизни. Так покайтесь!»

Но продолжение его ответа уже другое. Если прежде Иоанн Предтеча и ученики Христовы направляли людей на исполнение правды Закона и лишь приоткрывали тайну пришествия Христа, то теперь пришествие Христа уже совершилось. Более того, уже сходит Дух Святой и пожинаются первые плоды Его, открывается дверь в Христову Церковь и ко Христу, сидящему одесную Отца.

Поэтому далее апостол Петр и говорит: «*...да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для отпущения грехов ваших*».

Кажется, что это тоже близко к требованию Предтечи. Да, Предтеча тоже крестил – но только крещением покаяния, только для отпущения грехов. А теперь предлагается некое новое Крещение – для полного отпущения грехов через Иисуса Христа и еще во имя Иисуса Христа. Так креститься – значит таи́нственно погрузиться в сам Дух Христов, как бы в само имя Иисуса Христа, облечься этим именем и стать христианином.

Вот за это и обещается уже не только просто омовение личных грехов с целью подготовки ко встрече Христа и Его Царства, как прежде было в общинах Иоанна Предтечи и Иисуса на втором этапе Его земной жизни, но и преодоление самого «закона греха» в себе через приобщение к новому духовному «закону» Любви и Свободы во Христе Воскресшем. Петр обещает *полное* прощение всех грехов через познание и призывание Христова имени.

«*И вы получите Дар Святого Духа*». Это то, чего прежде никто не мог дать людям. Предтеча говорил: «*Я крещу вас водою, а Идущий за мною будет крестить вас Духом Святым (и огнем)*». И вот, произошло это Крещение апостолов Духом Святым, языками огненными. А с этого дня такой Дар становится доступным всякому верующему в Иисуса Христа, призывающему Его имя и покаявшемуся человеку. Когда покаявшийся крещаемый исповедует свою веру во Христа, Сам Бог приходит к нему и воцаряется в его открытом сердце, и он погружается в такую же, как и апостолы, благодать Святого Духа, через лично-церковное божественное Откровение и Богопознание, возрождаясь в полноте своего духовного предназначения.

Ст. 39. «*Ибо,* – продолжает апостол Петр, – *для вас обещание и для детей ваших...*»

Здесь утверждается непреложность обетования Божьего. Петр как бы снова говорит: «Да, вы убийцы, да, вы почти как язычники, но Божье обетование вам – непреложно». Так потом скажет и апостол Павел по отноше-

нию ко всему ветхому Израилю, пусть в большинстве своем из-за неверия во Христа и отпавшему от Бога и в этой своей части переставшего быть избранным народом Божьим.

Однако апостол Петр на этом не заканчивает, он далее говорит иудеям: не только «*для вас обещание и для детей ваших*», но «*и для всех дальних, кого ни призовет Господь Бог наш*».

Это уже нечто совсем новое. Иисус начинал проповедь спасения с «*погибших овец дома Израилева*», а Петр говорит о том же обетовании всем. «*Дальние*» – это язычники, это всякий, кто призывает заветное имя и кого призывает Бог, это та самая «всякая плоть», о которой говорили еще древние пророки. Здесь снова видна подлинная универсальность христианства. Но здесь нам дана и другая сторона. Для спасения и для того, чтобы произошло явление Духа, нам надо не только призвать имя Божье, но надо еще чтобы и Господь призвал нас. А Он призывает всякого, кто готов обратить к Нему свое сердце, ведь в Боге проблем нет, они всегда бывают только в нас…

Ст. 40. «*И иными многими словами он* (апостол Петр) *свидетельствовал и увещал их, говоря: спасайтесь от этого извращенного рода*».

Здесь, как и в ст. 21, речь снова идет о спасении: «*спасайтесь от этого извращенного рода*», т. е. не только от личных своих грехов, но и от мирового Греха. Отсюда ясно видно, что для нашего спасения надо, сойдя с пути Греха и придя к Богу, ко Христу, к Духу Святому, к Церкви, как бы выйти из лежащего во Зле мира сего и, оказавшись «не от мира сего», но оставаясь в нем, этом мире, спастись от влияния «*рода сего извращенного*», уже потерявшего свой подлинный образ или стремительно его теряющего. Только при этом следует помнить, что спасение в одиночку, вне собрания общины и вообще вне Божьего мира, невозможно.

Ст. 41. «*Итак, приняв слово его, они были крещены*».

«*Они были крещены*» сразу, ибо им, в отличие от нас, не нужно было длительной катехизации и подготовки.

Почему? Потому что, как мы уже отмечали, они всей своей тысячелетней духовной традицией были научены вере и жизни по правде Божьей. И как бы они ни заблуждались, как бы ни извращали этот путь, они его знали, они знали Бога и Его Закон. Потому им и требовалось только одно: покаявшись, с верой и любовью обратиться ко Христу, увидеть и познать Иисуса как Христа и получить Дар Святого Духа. И всё.

Так восстанавливался и устанавливался Завет, но уже *Новый* Завет с Богом через Христа в Духе Святом.

«*И присоединилось в день тот душ около трех тысяч*».

Конечно, число «три тысячи» не обязательно воспринимать буквально, его не надо понимать как статистические данные. Это – образ большого и избранного множества, как всегда в Священном писании. Это также образ, символ и знак, в данном случае, быстрого роста общины по Божьему благоволению.

Ст. 42. «*И пребывали они постоянно в учении апостолов и в общении, в преломлении хлеба и в молитвах*».

Вот что сразу произошло с теми, кто крестился. Это очень важно, потому что часто думают, будто после крещения можно идти «на все четыре стороны» (и до сих пор так, к сожалению, поступают). Но это в принципе не так. Дух Святой действует таким образом, что люди проявляют свою веру и свою любовь прежде всего к тем, кто получил того же Духа, а потом и к другим людям – и ближним, и дальним. При этом важны все четыре момента, указанные в этом стихе. Обсудим их подробнее.

Во-первых, сразу после Крещения новые члены Церкви в Иерусалиме постоянно, как мы увидим далее, ежедневно, пребывали «*в учении апостолов*». Вспомним Мф 28:19-20а, где Господь говорит: «Итак, идите, научите все народы, крестя людей во имя Отца и Сына и Святого Духа, *уча их соблюдать все, что Я заповедал вам*». Это и есть то, о чем у нас идет речь. Вначале апостол Петр научал людей своей керигматической проповедью, потом они крестились, а потом пребывали «*в учении апостолов*», ибо им нужно было не просто знать, чему учил Господь, не

только все это выучить (а люди с удовольствием учили слова Господа наизусть), но еще и уметь жить согласно принятому учению. А сразу да само собой это никогда не приходит. Даже у апостолов были свои духовно-нравственные проблемы, что же говорить обо всех остальных. Ведь люди всегда остаются людьми, даже если они и получили Дар Духа.

Поэтому Церкви и надо было пребывать постоянно «*в учении апостолов*». Это было свободным желанием всех, а не так, как будто апостолы или кто-то еще заставляли себя и других это делать. Никто не думал, что после Крещения во всем разберется «и сам».

Во-вторых, коли все новокрещеные пребывали в учении, значит, они постоянно были и «*в общении*». Открытое, не заставляющее человека оглядываться общение с Богом и ближними, полнота этого общения, жизнь в такой общине – великое благо, великий дар Божий, то, ради чего человек готов отречься от многого, потому что такое общение и составляет счастье человеческой жизни. Но для этого общения нужно взаимное доверие, нужна взаимная вера и любовь, только тогда оно снимает все лишнее напряжение, все то, что искажает, извращает жизнь людей.

Человек потому так стремится к подлинному общению, не заинтересованному лишь в чем-то внешнем, не корыстному, не по инерции, не по принципу крови и рода, что настоящее общение есть общение в Духе. Оно возможно только в Церкви (т. е. не просто в церкви), хотя среди ее членов нет и не может быть идеальных людей. У каждого человека есть свои грехи и недостатки. Но дело в направлении, пути его жизни, его способности менять себя, в его благодатности, в оценке его Богом, а не только другими людьми.

В-третьих, коли члены первой общины были в постоянном общении друг с другом, значит, они знали и то, от Кого они получили такой драгоценный дар, и всегда, «*преломляя Хлеб*», благодарили Бога. За что и за Кого? За Дар Духа Святого, за Христа как Отрока, т. е. Сына, Слугу Божьего, за служение Его и Смерть, за Его Воскресение,

за спасение и преображение мира, за Царство Небесное, которое, в полноте будучи чаемым и грядущим с Господом, в определенную меру уже снизошло в единое сердце верующих – в Церковь. И это «Благодарение» называется по-гречески «Евхаристией». Оно связано с тем, что мы сейчас называем таинством евхаристии.

В апостольское время это таинство благодарения происходило так: каждый день в доме собиралась вся «домашняя церковь», т. е. вся духовная христианская «семья», вся церковная, но в то время еще не «приходская», община. Люди приходили, общались, преломляли за общей трапезой любви («агапой») хлеб, ели и затем в середине и в конце трапезы кратко совершали особое воспоминание искупившего их и скоро грядущего Господа – евхаристию, благодарение Бога над хлебом и вином, прелагаемыми в тело и кровь Христовы.

В-четвертых, понятно, что все это было связано и с молитвенным служением. Коли люди находились в постоянном духе мира, радости и благодарения, в пророчественном Духе, служа каждый тем Его даром, который получил, значит, они находились постоянно и «*в молитвах*». То не были только частные молитвы каждого «в своем углу». Ни в коем случае! То чаще всего были молитвы всех вместе, хотя и «*по домам*». Обычно их возглавляли апостолы, старшие в то время в Иерусалимской общине братья (они же ее «старцы» и «старейшины»-пресвитеры), или другие ее пророки и учители жизни и веры. Они же обычно и «преломляли хлеб».

Итак, в церкви «молитва» есть естественное для ее членов продолжение таинства «преломления хлеба», т. е. их связи с Богом через Христа и Церковь. Так и само «преломление хлеба» есть продолжение духовного «общения» со Христом и через Него – с Богом и Церковью. Также и «общение» есть продолжение «учения апостолов», несущих «служение слова» и продолжающих служение Христа как изначального, исконного Слова Божьего.

Далее, в ст. 43-47 как бы суммируются принципы жизни первохристианской общины.

Ст. 43. «*Был же во всякой душе страх*».

Нам может показаться немного необычным упоминание здесь о страхе. Страх остается, но теперь он – сыновний, а не рабский, не давящий и не иррациональный, а потому он теперь и означает только охраняющее от греха благоговение и трепетную боязнь отойти от Любви Отца и потерять дар общения с Ним и ближними.

С апостольских времен люди крестились и сразу попадали в свою духовную семью, в общину. Они боялись потерять это счастье, тот Дар Духа, который уже действовал в них, боялись, потому что были достаточно искушены в том, как легко теряются в этой жизни лучшие и высшие дары. Чтобы этого не произошло, они много трудились, работая над собою и окружающим миром, не говоря уже о постоянных усилиях в служении всеми данными им дарами Святого Духа.

«*И много чудес и знамений совершалось чрез апостолов*».

Итак, новая вера постоянно подтверждалась «чудесами и знамениями». Надо сказать, что все это продолжается и до сих пор. Всякий серьезный верующий подтвердит, что начинается чуть ли не каскад чудес и знамений, когда человек входит в христианскую жизнь, т. е. в ту же жизнь, что была при апостолах. Необыкновенным образом, что бы ты ни попросил у Бога и ближних, все исполняется! Только попроси, только не будь сам пассивным, недостойным – и все нужное дается. Единственное условие – не надо при этом превращаться в старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке».

Ст. 44. «*А все уверовавшие были вместе, и все у них было общее*». Это еще один прекрасный стих 2-й главы Деяний.

«*Все вместе*». Об этом мы уже в этой главе читали, и как хорошо, что здесь это еще раз подтверждается в отношении всей, уже большой церкви.

«*И все у них было общее*». Вот тот раннехристианский коммунизм (от слов «коммуна» – община и «коммунион» – общение), который был осуществлен на земле реаль-

но, пусть пока и однажды – только в первой, наиболее «горячей» фазе истории церкви. Он стал возможен лишь в силу полного духовного единства, полной взаимной проникновенности и полной взаимной отдачи самих себя, и друг друга, и всей своей жизни через Христа Богу-Любви.

Ст. 45. «*И то, чем владели и что имели, они продавали и разделяли это всем, смотря по нужде каждого*».

Вот настоящее разделение, распределение «по потребностям». Это уже тогда стало реальностью. Жизнь по Духу и заповедям Христовым и именно жизнь в Церкви как в одном Доме, как в одной духовной Семье, как в Общине давала свои плоды. Никто плохо не жил. И вообще в Церкви (надо твердо знать это) непреходящей и непререкаемой нормой жизни является и то, чтобы никто никогда в ней не чувствовал себя одиноким и чтобы никто никогда в ней не был холодным, голодным, сирым, беспомощным и заброшенным. В Церкви не должно быть очень бедных, как не должно быть в ней и очень богатых. Но не должно быть в ней и «уравниловки».

В Церкви должно быть именно такое общение, при котором никто ничего не считает лишь своим, даже из сугубо личного имущества. Когда человек находится перед лицом Грядущего Мессии, в Духе Божьем, ему ни на сердце, ни в голову не придет сказать «это мое», чем бы он ни обладал, какими бы ни владел драгоценностями – культурными, духовными, душевными, материальными. Человек не скажет «это мое» уже потому, что, сказав это «волшебное» слово, он сразу входит в противоречие с духом жизни всей Общины, Церкви и впадает (точнее, выпадает) во власть и в область мира сего, отчуждения и смерти, а значит, в область и власть внебожественную.

Ст. 46-47. «*И каждый день единодушно пребывая в храме, и преломляя по домам хлеб, они принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и будучи в милости у всего народа. А Господь прибавлял к ним спасаемых каждый день*».

«*Каждый день*» практически все единодушно пребывали в Иерусалимском храме и преломляли в домах хлеб!

То есть – причащались за каждой общей трапезой, каждый день! Конечно, евхаристия совершалась кратко, всего за 10–20 минут. Это не были наши двухчасовые службы. Пусть в наши службы входит все – и учение, и общение, и хлебопреломление, и молитва, – но у нас это слишком растянуто и жестко закреплено, ритуализировано, тогда как в то время этого не было, ибо до начала II в. вообще не было никаких обязательных для всех записанных молитв. Каждый раз заново «*от избытка сердца говорили уста*» и по-новому произносились все благодарственные Богу за спасение во Христе молитвы (конечно, тоже не на пустом месте, не с нуля, а на основе известной тогда всем иудейской и христианской традиции молитвы за священной и праздничной трапезой).

«*Они принимали пищу в веселии и простоте сердца*». Какое счастье может быть у человека, если у него нет радости, этого порожденного верой истинного «веселья», и если у него нет этой «простоты»? Все мы прекрасно знаем ценность этих вещей, они не нуждаются в комментариях. Постараемся же в своей жизни не терять ни веселья, ни простоты во Христе, от которых уже давно уклонились многие!

Еще сказано, что первые ученики Христовы были «*в милости у всего народа*». За что? Народ, воспитанный в Законе, мог милостиво, с любовью относиться только к тем, кто лучше их исполнял его. Это значит, что ранние христиане зорко смотрели за тем, чтобы не оказаться беззаконниками, грешниками, чтобы «*праведность их превзошла праведность книжников и фарисеев*», как говорит в Нагорной проповеди Господь.

И их праведность по-настоящему превосходила всю праведность иудейскую. Не потому, что они «*оцеживали комара, а верблюда поглощали*», но потому, что они были наполнены тем Духом, Который не позволял им забывать о воле Божьей и грешить. Конечно, у первых христиан еще жива была древняя ветхозаветная традиция, у них был навык в исполнении закона, и, конечно, было хорошее его знание. Кроме того, все знали свое дело и служе-

ние, каждый мог быть или свидетелем веры, или проповедником. Явны среди них были и пророки, и учители – мужчины и женщины. Потому-то «*Господь и прибавлял к ним спасаемых каждый день*».

«*Спасаемых*». Спасаемым в древней церкви считался каждый, кто был приобщен к Духу Божьему, кто входил в Церковь, т. е. кто крестился и жил по заповеди Божьей, данной через Христа.

Завершая чтение второй главы Деяний, отметим, что она – одно из лучших мест Нового завета. В ней отразилась вся полнота высшей жизни, на которую только способен человек, живущий на земле. К этому и ныне призывает нас Господь и Его Церковь!

В заключение кратко поговорим о *смысле Пятидесятницы, о Церкви Нового (шестого) Завета, о тро́ическом (тро́ичном) Богоявлении,* о соответствующем церковном *празднике* и его *иконах.*

Пятидесятница – это Тайна Крещения Духом Святым, та самая, которая ранее была возвещена Иоанном Крестителем. Пятидесятница есть актуализация того, что потенциально заложено в каждом человеке, особенно через проповедь Христа и Его Крест и Воскресение. Христос идет к Отцу, а Дух Святой нисходит в мир. Здесь мы познаём Духа Святого лично и личностно, познаём, что Дух Святой, Который есть Уте́шитель, Дух Истины, Который от Отца исходит, Который все в Церкви животворит и наполняет, – Он с нами.

Итак, родившаяся на Пятидесятницу Церковь – это всегда собрание, собранность во главе со Христом, из чего проистекает величайшая, абсолютная ценность церковного общения. А из этого следует, что как и Сам Бог, Церковь, и в ней любой человек и любая ее Тайна, не может быть простым средством для достижения пользы для чего-то или кого-то. Церковь, имея в себе «*единого Посредника между Богом и человеком*» – Христа, сама уже не может быть отдельным посредником, если она – Церковь с большой буквы. Ведь ею мир живет, ею мир стоит, в ней, как гово-

рили святые отцы, «полнота благодати и даров» (св. Ириней Лионский, конец II в.). А где дары Святого Духа, там и их плоды через служение ими. Можно даже сказать, что в этом смысле само Христианство есть такое служение.

Потому-то в Церкви и возможна реальная взаимопомощь. Эта взаимопомощь строится на основе духовного прозрения друг друга и духовной силы служения каждого члена Церкви тем благодатным даром, который он получил. Поэтому каждый член Церкви нужен другому, нужен как любящий и любимый. Если мы равнодушны к человеку, брату или сестре во Христе, независимо от того, хороший он христианин или плохой, то мы еще не христиане. А покуда мы христиане, мы должны чувствовать эту постоянную, но не эгоистически-утилитарную, необходимость друг в друге. Если мы этого не чувствуем, если мы прямо или косвенно скажем кому-нибудь из членов Церкви: «Ты мне не надобен», то повредим самое главное в себе и докажем, что мы сами еще очень и очень нехороши.

В наше время как никогда важно помнить, что не может быть внецерковного христианства, конечно, если и здесь под церковным не подразумевать некий стереотип жизни, т. е. если под Церковью подразумевать всю благодать Церкви, с большой буквы.

Всем нам сейчас нужна углубленная церковность. Нельзя верить только для себя, только «в душе». Вера не должна оставаться бесплодной. Но если человек говорит, что он православно верует, а к Церкви с большой буквы не хочет иметь отношения, такая вера более чем сомнительна. Здесь сразу возникает вопрос: есть ли она и от Бога ли она? И увы, обычно такая вера – не жива. Ведь если нет приводящей человека в Церковь любви к ближнему, то нет и любви к Богу, а значит, и вообще нет жизни по вере. Но живая вера, как и живая любовь, будем помнить, – Христова, а значит, она – всегда крестная и воскресная.

Заканчивая разговор о смысле и значении Пятидесятницы, вспомним и о том, что именно в день Пятидесятни-

цы и Сошествия Святого Духа вступил в действие обетованный Новый Завет с Богом. И пусть открылась пока только первая его фаза – «шестой» Завет, но он уже весь устремлен в будущее, к последнему, метаисторическому «седьмому» Завету – Новому Завету в его Полноте, Завету Полноты вечной Жизни в Боге, Завету Любви, Свободы и Творчества (о нем мы еще будем говорить в теме XV).

Шестой Завет, как и все предыдущие исторические заветы, внутренне противоречив и поэтому обречен окончиться в истории и даже, в отличие от остальных, вместе с историей. Христианство в истории не может не удаться, хотя оно не может и удаться в ней в своей полноте. Историческое христианство тоже должно будет отдать себя следующему, седьмому Завету с Богом, само оставаясь, по словам св. старца Силуана Афонского, лишь «залогом» будущего спасения – преображения и обретения в *Полноте* Царства Небесного. Но и наш, шестой Завет – это истинный Завет Божий, который вечен. С него началась последняя великая битва – битва Света и Тьмы, битва «*до крови*», по словам апостола Павла, за Бога во Христе и Его Церковь, за Веру Божью, Христову, и Его Любовь!

В Церкви существует *праздник Святой Троицы* или, что то же, Сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы. Празднуется он не один день, как это часто и бывает с большими церковными праздниками. Но особенно важны первые два дня – сам праздник Троицы и следующий день, который называется «День Святого Духа». По сути это один праздник, ибо и в этот день воспоминается *тро́ическое (тро́ичное) Богоявление*. Отец посылает Святого Духа через Сына или, что то же, Сын посылает Святого Духа от Отца.

Это такое же Богоявление, что на Кресте и в Воскресении или в Крещении и Рождестве Христовом и т. д. Мы говорили о них как о цепочке великих Богоявлений – особо важных моментов в земной жизни Христа. Но на Пятидесятницу произошло особое, личностное троическое Богоявление. Конечно, как и прочие Богоявления. И Кре-

щение Господне, например, тоже было троическим Богоявлением: «Дух в виде голубине» сходит, Отец свидетельствует, а Сын Божий крестится и являет Себя народу. Но для нас важно, что Дух Святой входит и в каждого из нас, а не только во Христа. Поэтому именно праздник Сошествия Святого Духа называется «Днем Святой Троицы», а не праздник Крещения Господня и т. д., хотя День Святой Троицы действительно во многом подобен Крещению Господню и Его Рождеству. Но там речь была о начале земного пути и служении Христа, а здесь – о возвещении Отцом через Дар Святого Духа Его победы и ее первых плодов, откуда идет начало действия Нового Завета, начало действия «Закона Свободы» и Жизни вечной.

В день Святой Троицы особенно торжественно поется молитва Подателю этой Жизни Святому Духу.

«*О Царь Небесный, Утешитель, Дух Истины, о Ты, везде пребывающий и всё наполняющий, Сокровищница благ и Устроитель Жизни!*» (По-гречески это звучит еще сильнее: не просто «Устроитель Жизни», а «Хоре́г Жизни». Это и есть то самое, что мы видели и слышали на Святую Пятидесятницу во 2-й главе Деяний: «*шум как бы от несущегося сильного ветра*». Дух Святой и есть такой Хорег Жизни, ее «Заводила», способный всех и всё изменять и обновлять.) «*Приди и обитай в нас, и очисти нас от всякой скверны, и спаси, Благой, души наши*». (Эту молитву просвещаемым теперь можно будет и учить, и использовать в ежедневных молитвах.)

Итак, Дух Святой – Само лицо духовной Жизни в ее совершенстве и святой чистоте.

В День Святой Троицы празднуется «день рождения» Церкви. Поэтому он – торжество жизни Церкви. Не случайно в этот день с древнейших времен было положено, как на Пасху, Рождество и Крещение Господне, крестить оглашаемых. И до сих пор на Литургии оглашаемых, перед чтением Апостола, вместо Трисвятого положено петь входной крещальный стих из Послания к галатам апостола Павла: «Елицы (все вы) во Христа крестистеся (крестившиеся), во Христа облекостеся (облеклись). Аллилуия! (хвалите приблизившегося Бога)».

Вспомним и *икону Святой Троицы* прп. Андрея Рублева, ученика великого игумена (начальника) земли Русской прп. Сергия Радонежского. Это одно из проявлений русского православного духа в иконописи, и отсюда – его мировое значение.

Отец Павел Флоренский, великий ученый и мыслитель, погибший в сталинских лагерях, как-то писал: «Есть “Троица” Рублева, значит, есть Бог». Это, конечно, надо правильно понять. Не стоит преувеличивать прямой смысл этого высказывания, но оно по-настоящему прекрасно, потому что такого явления Гармонии, Единства, Мира, Красоты, Доброты, такой Любви, как это смог потрясающе выразить в своей иконе прп. Андрей Рублев, явить одними человеческими силами было бы невозможно. Удивительна такая духоносность святой иконы и такая духовность святого человека. В нем лично жила святая Пятидесятница, и на него, несомненно, сошел огненный Дар Святого Духа.

Итак, Пятидесятница – это дар, харизма, служение, жертва, духовное творчество и путь к Преображению. Дай Бог и всем нам приобщиться к ней!

Господи, Боже наш, благодарим Тебя за откровение дара Духа Святого, за то освящение, которое Ты даешь нам через благодать, через любовь, через мир и радость. Дай нам, Господи, обрести полноту этого освящения, дай нам, Господи, обрести полноту членства в Церкви Твоей, быть во всем верными Тебе, быть в единстве с Церковью и, значит, с Тобою. Господи, да будет в наших сердцах гореть огонь святой Пятидесятницы, чтобы в нем сгорело все темное, все мрачное, все недостойное и чтобы он светил нам и грел нас, чтобы мы могли всегда иметь дерзновение перед лицом Твоим, Господи, да прославится в нас и через нас Твое святое имя во веки веков.

Аминь.

Тема XIV

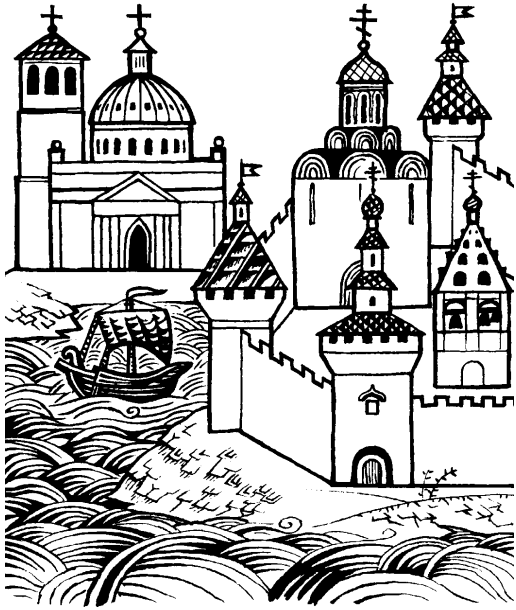
Церковь и церкви в истории. Православие и христианские вероисповедания

Церковь и человеческая индивидуальность, церковь и общество

Церковь и государство в нашей стране, законодательство о свободе совести и религиозных организациях и его исполнение

Современное положение и жизнь автокефальных православных церквей, особенно Русской православной церкви

Роль и место своей епархии и своей общины (прихода) в церкви и мире



Господи, Боже наш, Ты поместил нас в этом мире, который живет своими законами. Он есть Твое творение и в то же время он лежит во зле. Нам нужно научиться жить в Твоей Церкви, проходящей странствование в этом мире, нам нужно научиться от того опыта, который накоплен за два тысячелетия ее существования. Господи, помоги нам быть истинными и искренними членами Твоей Церкви, чтобы это научение было спасительно, радостно и убедительно для нас и для тех, кто вокруг нас. Господи, помоги нам не ошибаться в наших отношениях с близкими и с теми, кто вокруг нас в обществе и в государстве. Помоги нам, Господи, не ошибаться в нашей жизни в общине, в приходе. Помоги нам, Господи, не быть равнодушными к жизни всей Церкви, ко всем братьям и сестрам во Христе, принимая их как действительных братьев и сестер, как родных нам людей. Господи, дай нам не пренебрегать нуждами этого мира, видя его страдания и болезни. Дай нам, Господи, силы, чтобы хоть сколько-то помочь людям освободиться от этих страданий и болезней, чтобы можно было жертвовать этими силами для ближних во имя Твое. Господи, да будем мы едины в Твоей единой Церкви, ибо Ты – единый Господь, ибо одно крещение, одна правда и одна истина, да прославится Твое святое имя в нас и через нас во веки веков. Аминь.

СНАЧАЛА поговорим *о Церкви и церквах в истории, о Православии и христианских вероисповеданиях (конфессиях)*.

Напомним, что весь наш духовно-исторический период может быть назван Новым Заветом в его первой фазе или, что то же, – шестым Заветом, начавшимся со дня Пятидесятницы 30 г. н. э. и продолжающимся до конца человеческой истории. Весь этот период мы еще назвали *третьим этапом* человеческой истории, ибо первый этап – это история человечества от Грехопадения до Рождества Христова, второй этап – от Рождества Христова до Пятидесятницы 30 г., а третий – как раз от Пятидесятницы до конца наших дней и этого мира.

Мы закончили предыдущую тему рассказом о жизни первоначальной апостольской церкви, Иерусалимской общины. Вначале она была одной-единственной на све-

те, а затем мирно жила в единстве с другими общинами Палестины и всей экумены, т. е. всей Римской империи. «*Господь ежедневно прилагал спасаемых к церкви*», и христианство стало быстро распространяться по всему миру.

Историческая жизнь Церкви была, есть и будет непроста. Мы уже говорили, что главной трудностью и основным противоречием этой жизни является то, что Церковь Божья во Христе и Святом Духе живет в мире сем, сама будучи не от мира сего. При этом она непреоборима Злом и Грехом. Господь в лице Иисуса говорит впервые исповедавшему Его Христом апостолу: «*Ты – Петр* (т. е. скала, камень), *и на этой Скале Я воздвигну Церковь Мою; и врата Ада не одолеют ее*» (Мф 16:18).

А если Церковь Христова живет в мире сем, значит, она живет не только в метаисторическом времени, но и в историческом времени и пространстве. И как не повторяются исторические эпохи, так же неповторимы и церковные. Поэтому вполне естественно, что в собственно исторической церкви нет совершенно готовых образцов и рецептов для преодоления своих внешних и внутренних трудностей и проблем. Но если история Церкви мистической (с большой буквы) – это целиком история неотмирной святости, служения и преображения в мире сем, то история церкви (с маленькой буквы), церкви мистериально-канонической, церкви как учреждения и организации, неотделимой от Церкви мистической, но и неотождествимой с ней, – это, увы, не только история святости, не только история служения и явления божественного Света. Это еще история компромиссов, всякого рода смешений и смещений, а также внутренней борьбы Света и тьмы, Правды и лжи, Свободы и рабства, Любви и ненависти, Святости и обмирщения, Добра и зла. Сейчас мы и должны кратко остановиться на этой истории.

Всю уже пережитую часть третьего этапа человеческой истории, т. е. вот уже почти две тысячи лет истории церкви, мы можем условно поделить тоже на три большие эпохи: первая – *доконстантиновская*, вторая – *констан-*

тиновская и третья – *послеконстантиновская*. Первая – это эпоха жизни церкви с 30 г. до начала IV в. Вторая эпоха продолжалась следующие пятнадцать–шестнадцать веков. Третья эпоха началась где-то в XIX–XX вв., у нас в России – приблизительно с 1917 г., и длится по сей день.

Рассмотрим подробнее эти эпохи церковной истории и дадим им краткую характеристику. В прямой связи с этим рассмотрим и историю разделения церквей и последующие их взаимоотношения.

Здесь предварительно заметим, что само наличие ересей и расколов в церковной истории, этих поистине серьезных болезней Церкви, свидетельствует о том, что Истина и Свет Церкви – *уже* в мире и что сама она – «едина и единственна» (*Ecclesia est una et sola*, по словам св. Киприана Карфагенского). Именно поэтому всем людям надо ее обязательно искать и находить, несмотря на то, что она ускользает от мира сего и что она больше любого человеческого определения. Но ясно видеть ее начинают лишь те, кто чист, свят сердцем, т. е. духом, верою и любовью. Однако и те, кто все же терпит на этом пути неудачу и в этих поисках отпадает от Церкви (а нередко, можно надеяться, лишь только от церкви), далеко не всегда бывают неправы *во всем и навсегда*.

Корень же самих церковных различий и разделений – не в тех или иных деталях организации внешней жизни или тех или иных церковных формулах, он – в духе и соответствующем духовном опыте людей. Поэтому если в церкви и вообще в христианстве и стоит проблема примирения и единения христиан, а она стоит, по слову Господа: «*Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести, и они услышат голос Мой, и будет едино стадо и един Пастырь*» (Ин 10:16), то она разрешима только на глубине универсального, вселенского, соборного опыта Церкви с большой буквы, который хотя и содержится в Православии с большой буквы, но ясно, что эмпирически в нем сейчас недовыявлен, а подчас даже искажен и подавлен.

Отсюда и наша задача – в первую очередь стремиться не просто к внешнему объединению или огульному уравниванию всех церквей и всех христиан, но стремиться к *углублению, исправлению и взаимному восполнению* нашей духовной и церковной жизни, к бескомпромиссной верности всех единому Богу, Христу, Духу и единой святой, вселенской, соборной и апостольской Церкви.

Господь умолял Отца: «*Молю... о верующих в Меня... да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино*» (Ин 17:20-21). Вот откуда идет изначальная забота всей Церкви о своем внутреннем и внешнем единстве. Апостол Павел пишет: «*Остерегайтесь производящих разделения и соблазны*» (Рим 16:17) (по-славянски «творящих распри и раздоры»). В церкви «*до́лжно быть ересям-разномыслиям*» (1 Кор 11:19), но не до́лжно быть «*пагубным ересям*» (2 Пет 2:1).

Еще пророк Исайя сказал в духе, что «*беззакония* (т. е. грехи) *произвели разделения*» (Ис 59:2). Поэтому не забудем, что в христианской церковной истории есть не просто ереси и расколы, а великая *трагедия* ее грехов и разделений. Христиане «не имеют права» быть разделенными между собой, ибо это то же, что им не иметь любви. А потерять любовь – значит, перестать быть учениками Христа и потерять Бога.

Во избежание этого всем нам надо полнее и глубже входить в Священное божественное Писание и Священное божественное Предание Церкви. И если очевидно, что сейчас – эпоха нееретическая, то это не от высоты христианской и церковной духовной жизни, а скорее от ее скудости и слабости, оттого, что наша эпоха нетворческая, более напоминающая об одряхлении прежде выработанных церковью форм и формул. Для выработки же новых форм и формул церкви потребуются большие новые духовные усилия, но в мире сем их реализация всегда бывает связана и с новым риском ошибок, ересей, разделений, грехов и неудач.

Итак, первая эпоха церковной истории – *доконстантиновская*. Она длилась до принятия Миланского эдик-

та 313 г., давшего свободу христианского вероисповедания в Римской империи, или, как считают другие, до I Вселенского Никейского собора 325 г. (потому эту эпоху иначе еще называют «доникейской»).

Доконстантиновскую первохристианскую эпоху условно можно поделить на два периода.

Первый период – с 30 г. до середины II в. Это прежде всего сам I век – время *первого христианского поколения*, апостольский век, век создания книг Священного писания Нового Завета, век, когда большое значение имело иудеохристианство (а было оно как православным, так и еретическим) и когда для всех христиан первостепенное значение имела полная отдача себя на служение и проповедь, исполненность Духом Святым и Божьим Словом (пророчество) и познание Бога во Христе и через Христа и Тайн Его Царства (гносис).

Этот период завершился временем *мужей апостольских* (первая половина II в.) – временем писаний «Дидахи», служения священномучеников Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского, размежевания с иудаизмом и начала формирования внешне преемственных поместных церковных структур, временем острого неприятия, отрицания мира сего и языческой культуры в перспективе «Второго» пришествия, временем усиления гонений, начатых еще иудеями в 40-х годах I в. и язычниками при императоре Нероне в 66 г.

Второй период доконстантиновской эпохи – это время апологетов и первых церковных учителей, с середины II до начала IV в.

Время *апологетов* (с середины до конца II в.) было временем начала переработки плодов эллинистической культуры. Не случайно уже в середине II в. появляется такой святой, как Иустин Философ, создатель одной из первых христианских катехизических и общеобразовательных школ. Также это было временем продолжения гонений. Тот же св. Иустин был римским мучеником.

На этом фоне зарождались современные формы церковной жизни и церковной организации. Прежде всего здесь

следует отметить определенную церковную иерархию и все формы выражения церковной соборности через соборы, все формы подготовки к крещению новых членов церкви через регулярный катехуменат, сложение в основном канона книг Священного писания, единого порядка празднования Пасхи и т. п. Но в то же время ослабевает общецерковный харизматизм и усиливается борьба с расколами и ересями. В результате начала поисков внешнего авторитета появляются первые ростки епископского неравенства и папизма. Начинается собирание и описание апостольского предания (св. Папий Иерапольский).

Последовавшее затем время *первых церковных учителей* продолжалось с начала III или даже с конца II до начала IV в. Это было время таких по сей день важных для нас древнейших церковных учителей, как священномученик Ириней Лионский и Тертуллиан, Климент Александрийский и Ориген. Это было время самого разгара гонений на христиан, на церковь, но и время зарождения (через катехуменат и борьбу с ересями) первых систем христианского учения (богословия). В связи с этим тогда же началось развитие христианской догматики и аскетики, церковного культа и каноники, устанавливаются первые общехристианские праздники годового круга, прежде всего Пасха и Богоявление, тогда как в самом раннем христианстве не было ни праздников, ни будней, ибо тогда все христиане каждый день (а немного позже – каждую неделю) собирались и в веселии сердца и радости благодарили Бога за спасение во Христе. И так было не только в Иерусалиме, но и во всех церквах.

Время первых церковных учителей было также временем начала работы крупных христианских школ катехизаторов, в первую очередь в Александрии и Риме, и, одновременно, начала систематической борьбы с ересями и расколами. Раньше на них смотрели спокойней, и, как известно, апостол Павел еще мог писать: «*Должна быть между вами и разность мнений, чтобы испытанные обнаружились между вами*» (1 Кор 11:19). Это означало признание того, что ереси как разномыслия, «разные мнения»

даже должны быть. Каждый в церкви, считал он, чего-то уже достиг, а чего-то не достиг, поэтому в соревновании полезно открывать более искусных в вере, которых затем для себя и в себе должна еще будет признать вся Церковь. Но уже к концу доконстантиновского периода в связи с ересями чаще вспоминаются совсем другие известные нам слова – о том, что «*беззакония произвели разделения*», т. е. и сами ереси, и их последствия.

В те же времена по местам периодически уже происходит некоторое охлаждение в духовной жизни, и если бы не гонения, также периодически обрушивавшиеся в Римской империи на христиан, то это охлаждение могло бы перерасти в общий упадок духа. Кровь мучеников, по выражению Тертуллиана, стала «семенем» (т. е. логосом, словом) христианства; прежде всего их кровью христианство распространялось в мире и укреплялось. Именно мученичество и исповедничество поддерживали высокий духовный уровень христианской жизни, не давали «заснуть». Люди считали счастьем отдать свою жизнь за Христа, подражая Ему в Его священнослужении, т. е. в Его самопожертвовании. Это и было для них действительным счастьем.

В церкви в связи с гонениями и периодами охлаждения укрепляется, а часто и ужесточается каноническая и законническая дисциплина, начинаются и чисто человеческие противоречия между церквами, стремление их к первенству. Отсюда уже с конца II – начала III вв. и сложности в отношениях, например между церквами Востока и Римом.

В это же время начинают происходить существенные сдвиги в жизненно важных для церкви понятиях. Так, изменяются понятия «священник» и «святой». Раньше «святыми» назывались все христиане, что можно проследить по посланиям апостолов: «*Вы – царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел*» (1 Пет 2:11), т. е. в клир, – так называл христиан апостол Петр. В конце же доконстантиновской эпохи святыми всё чаще начинают называть уже не всех христиан, по мере их веры

и принятия их Богом во Христе благодатью Святого Духа, а лишь тех из скончавшихся христиан, кого можно было бы поставить в авторитетный пример другим, – претерпевших, например, тяжелые гонения и мученическую смерть или очень много сделавших для укрепления церкви в вере и истине и т. д. Точно так же раньше «священниками» назывались все христиане по мере их соучастия в служении и приобщения к священству (т. е. жертвоприношению) Христа, а потом под священством все чаще стали подразумевать только лиц, принадлежащих к так называемой «должностной» церковной иерархии, т. е. к постоянной иерархии церкви.

Впрочем, часто и в само́м раннем христианстве можно было встретить сомнительные вещи, например, ложное учение о хилиазме, т. е. о том, что Царство Божье наступит сразу же, вот сейчас, ибо «не прейдет род сей», как Господь придет и установит его на земле «на тысячу лет».

Кроме того, даже в ту эпоху обычно еще не отличали Церковь с большой буквы – от церкви с малой, догмат – от канона и т. д. Более того, уже тогда начали проявляться слишком юридические подходы в церковной жизни и богословии.

И все же доконстантиновская эпоха была в целом эпохой горения духа, высокого напряжения жизни и святости если не всех, то многих членов христианской церкви. Хотя конечно, это была эпоха еще, в некотором смысле, младенчества, ибо многие стороны христианской жизни еще не были достаточно развиты.

Но с 313 г. начинается новая эпоха – *константиновская*, длившаяся где-то 1600 лет.

Сначала немного истории. Вспомним, что Миланский эдикт императора Константина Великого и его соправителя Ликиния о веротерпимости и I Вселенский собор оказались возможны только потому, что христианство стало доброжелательно приниматься властями Римской империи.

Вспомним далее, что Римская империя в конце IV в. разделилась на Западную и Восточную. В правление же

Константина Великого это была еще единая империя, и он был ее императором, хотя и перенес столицу из «Первого Рима» во «Второй Рим», т. е. в город Византий, который стал именоваться Константинополем. Византия – собственно, позднее имя, данное Восточной Римской империи европейскими учеными XVIII–XIX вв. Сама же себя она осознавала и называла империей ромеев, римлян, Римской империей.

На Западе обстоятельства того времени были труднее из-за нападений чужеземцев, или варваров, вследствие Великого переселения народов. В начале V в. готами был взят Рим. Поэтому не удивительно, что уровень духовной жизни и образования на Западе тогда стал намного ниже, чем на Востоке.

Огромную шестнадцативековую константиновскую эпоху условно разделим на три периода.

1) Эпоха семи *вселенских соборов* и, соответственно, *святых отцов* этого периода – с начала IV в. до разделения церквей в середине XI в.

Для эпохи вселенских соборов характерно установление принципиально новых отношений церкви с государством, обществом и культурой. Возникла идея «симфонии», т. е. согласия, гармонии между церковью и государством, развитие которой стало очень длительным, противоречивым и не всегда положительным для церкви процессом. Христианство очень быстро, к концу IV в., из гонимого, а потом терпимого в государстве превращается в господствующую религию, которая сама теперь становится нетерпимой к инаковерующим. Вследствие этого нового положения христианства в обществе и государстве происходит постепенная идеологизация христианского учения. В результате христианская керигматика часто смешивается с догматикой, которая во многом становится как бы частью церковной керигмы; кроме того, идет постоянная ожесточенная борьба с ересями, нередко явно переходящая границы дозволенного Церкви Богом.

Все семь вселенских соборов собирались на востоке Римской империи в IV–VIII вв. Первые два из них – Ни-

кейский 325 г. и Константинопольский 381 г. – разработали и символически выразили православное догматическое учение о Святой Троице – тринитологию. Остальные пять соборов дальше разрабатывали учение о Христе – христологию. Правда, была и негативная сторона – после соборов часто возникали огромные и малооправданные расколы.

Чем еще характеризуется первый период константиновской эпохи?

Как раз в этот период, к его концу, в богословии зарождается *система схоластики* (начиная со св. Иоанна Дамаскина), а в богослужении соответственно – система так называемого *византийского синтеза* раннехристианской и более поздней, монашеской богослужебных традиций. Именно в русле такого синтеза был несколько позже создан и церковный Устав (Типикон), по которому ныне совершается богослужение в нашей церкви.

В тот же самый период зарождается и расцветает христианское *монашество*, часто имевшее характер массового мирянского движения «снизу». Заметим, что монашество проходит через всю историю константиновской эпохи, через все 1600 лет, как авангард христианства, его веры и жизни. Конечно, вначале монашество было более многообразно. Оно, в ответ на общее снижение духовного уровня христианской жизни, стремилось возродить харизматизм, свободу, пророчественный дух и подвиг раннего христианства. Да, монашество часто было критически настроено к господствующей в миру церкви, и поэтому уход из мира в пустыню нередко носил характер как бы протеста, но при этом монахи почти никогда не отрывались от церкви и ее таинств. Епископы и священники приходили даже в пустыни, чтобы причащать их, или сами монахи приходили за тем же в города и села, так что молитвенное и евхаристическое общение с церковью у них сохранялось в огромном большинстве случаев.

В этот же период, в связи с четким осознанием необходимости лучшей гармонизации духовной, душевной и телесной жизни, всеми христианами уделялось большое

внимание *аскезе и таинствам*. Был разработан целый ряд духовно-душевно-телесных упражнений, базировавшихся на тонком изучении психологии и мистики, в частности Иисусовой молитвы, которая звучит так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного».

Возникали и продолжали действовать многочисленные духовные центры, прежде всего около так называемых *святых мест*, и христианские *школы*. Этот период, особенно IV–V вв., иногда ностальгически называют даже «золотым веком христианской письменности».

В эти же IV–V вв. интенсивно продолжается миссионерское свидетельство, развивается и доходит до своих классических вершин традиция христианской внутренней и внешней *проповеди*, той проповеди, которая звучит во всем мире и в результате которой христианство принимали всё новые и новые племена и народы.

Но потом произошел важный и далеко идущий по своим последствиям сдвиг, со временем подорвавший эту традицию. Приблизительно с эпохи императора Юстиниана Великого, возведшего знаменитый храм св. Софии в Константинополе и монастырь св. Екатерины на Синае, но и запретившего в своей империи исповедание язычества, закрывшего не менее знаменитую Афинскую школу и истребившего целые иноверные народы, например самарян, т. е. к середине или второй половине VI в., происходит постепенный переход от массового взрослого крещения к массовому детскому, хотя тогда еще не младенческому. Младенцев тогда только оглашали, т. е. делали их оглашаемыми на сороковой день от рождения, а крестили чаще детей – в 3 года, 7, 10, 12 лет. Прежде же, например еще в IV в., крестили чаще взрослых – обычно в 18, 20, 25 лет, в зависимости от желания крещаемого и степени его духовной подготовленности и зрелости.

2) Следующим в константиновскую эпоху был период *разделения церквей Востока и Запада экумены*.

Первые радикальные разрывы этих церквей начались приблизительно с IX в., но окончательное разделение про-

изошло в середине XI в., в 1054 г. Сначала оно имело значение раскола (схизмы) только между Римским и Ново-Римским, т. е. Константинопольским, патриархатами, столичными патриархатами когда-то единой Римской империи. Но потом начались взаимные обвинения в ересях, сопровождавшиеся многочисленными недружественными актами с обеих сторон. Закончился же весь этот период во второй половине XV – начале XVI в., на католическом Западе – в 1517 г., т. е. в год зарождения там протестантизма, а на Востоке – с завоеванием Константинополя турками в 1453 г. и образованием самостоятельной, независимой от него Русской православной церкви в 1448 г. (в ответ на вызов так называемой Флорентийской унии православных с католиками).

В начале этого же периода, с середины или второй половины XI в., детей стали крестить в основном в младенчестве, на 40-й день от рождения, и до конца этого периода, приблизительно до середины XVI в., так и делали (потом перешли к крещению на восьмой день, что и продолжалось с середины XVI до начала XX в., т. е. весь следующий период той же эпохи).

В чем же была причина разделения церквей Востока и Запада? Во-первых, по причине беззакония взаимно был нарушен закон любви. Во-вторых, церкви и их главы были слишком тесно связаны с государством, с властью, и соблазнились властью: одни – духовной, другие – светской. В-третьих, католическая церковь, желая утвердить себя и забыв о восточных церквах, ввела в общехристианский Символ веры слово «филиокве» – термин, обозначавший учение, возникшее на Западе еще в VI в. в процессе борьбы против арианства, об исхождении Святого Духа «и от Сына». Когда же «филиокве» было введено в Символ веры, православный Восток, узнав об этом, отреагировал отрицательно. К тому же ожесточились споры о «канонических территориях».

Но главный исток разделения церквей Запада и Востока – не в тех или иных частностях, а в принятии в церкви принципа подчинения и охранения как главной

возможности осуществления полноты церковности в рамках земной церковной организации. Отвергая этот принцип, мы должны, со своей стороны, проявлять больше любви, меньше претенциозности, больше открытости, веры, терпимости и терпения, и тогда, Бог даст, наши отношения станут снова более близкими, более братскими, а при соответствующем взаимном движении к Свободе и Любви – даже церковно едиными.

В заключение общего описания второго периода константиновской эпохи отметим, что в 988 г., перед самым разделением церквей, христианство приняла Русь, но уже в почти сложившейся его восточной эллинизированной форме. Это событие имело важное для всего христианства значение во все последующие времена. Русская церковь в рассматриваемый нами период показала свое подлинное величие и даже мировое значение дважды: в XI – первой половине XII в., т. е. в домонгольское время, и во второй половине XIV – первой половине XV в., т. е. во времена преподобного Сергия Радонежского и его учеников, или «сотоварищей» на духовной ниве служения Богу, ближним и целым народам.

3) Третий, последний период константиновской эпохи – период *дальнейшего разделения церквей на Западе и увеличения числа православных автокефальных (так называемых поместных) церквей на Востоке, с соответствующей реорганизацией их внутренней и внешней жизни.*

Это период времени, как уже говорилось, с 1453 г. на Востоке и с 1517 г., с начала движения Реформации, на Западе – до Октябрьского переворота в России в 1917 г., воздвигшего новые и прежде невиданные государственные гонения на церковь, человека и Бога. Весь этот период длился практически 400 лет.

История этого периода также сложна. В ней были не только высокие взлеты и достижения, но и трагические падения. На Западе ее главное содержание определялось взаимовлиянием и борьбой католичества и протестантизма, а на Востоке – трудной судьбой Русской церкви и борьбой за выживание всех других восточных церквей.

Начнем с Востока. В 1453 г. под ударами турок-османов пал Константинополь и с ним вся Восточная Римская (Византийская) империя. Тогда-то и началась долгая эпоха крайне трудных внешних обстоятельств жизни почти для всех православных церквей, кроме, может быть, Русской, у которой были свои испытания.

Крещение весь этот период совершалось, как правило, на восьмой день от рождения, по образу ветхозаветного обрезания (в это время в церквах Запада и Востока вообще резко усиливаются законнические и фарисейские, ветхозаветные, даже иудаистические черты, явно обозначившиеся еще во втором, а в чем-то даже в первом периоде константиновской эпохи).

В 1589 г. Русская церковь получила статус патриархата (первым Московским патриархом стал св. Иов), хотя полностью самостоятельной, не зависящей от греческой Константинопольской церкви, она стала несколько ранее, в 1448 г., когда объявила о своей полной самостоятельности, т. е. «автокефалии», что значит «самовозглавлении» (при св. митрополите Московском Ионе).

Русская церковь давала великие плоды. Если в прежний период (с X до XVI в.) она пережила две гениальные эпохи: домонгольскую и преподобного Сергия Радонежского, то в этот период – еще одну: с середины XIX до начала (даже середины) XX в. В это время она дала миру великих старцев, в том числе оптинских и преподобного Серафима Саровского (как когда-то, в XVI в. – великих юродивых), великих миссионеров – свв. Иннокентия Московского и Макария (Глухарёва), богословов и философов – деятелей религиозно-философского возрождения конца XIX – первой половины XX в. Она пророчески вдохновила «святую русскую литературу» (по выражению Т. Манна) и святое русское искусство. Конечно, как и во всякой истории, совсем не все в нашей истории было гладко и хорошо, но многому у нее еще можно будет поучиться как нам, так и миру.

Теперь обратимся на Запад и коснемся *протестантизма*. Что это такое? Классический Протестантизм возник

как реакция на перегибы и искажения в жизни и учении Римско-католической церкви того времени. Отцы-реформаторы почувствовали их правильно: все, что они отрицали, полностью совпадало и совпадает с тем, что и мы отрицаем в католической практике и их учении. Но реформаторы думали, что поняв это и лишь искоренив все эти искажения, они тем самым сразу, автоматически придут к Православию. К сожалению, этого не произошло и по многим причинам не могло произойти. Они скорее стали как бы «антикатоликами», поэтому то, что есть у католиков, но только «наоборот», есть и у большинства протестантов.

Итак, принципы Протестантизма привели его лишь к противоположности, в частности, к уравниловке в церкви и к злоупотреблению древним апостольским учением о всеобщем «царственном священстве» всего народа Божьего, что повлекло за собой возбуждение гордыни «массы» и стало одним из источников современной «массовой» культуры.

Для всего Протестантизма в достаточной степени характерны внешнее упрощение, почти полное отрицание так называемых «вторичных» святынь и развитого культа, сильная рационализация вероучения и, к сожалению, также законничество и формализм, а поэтому нередко преувеличение значения Ветхого завета и мертвой буквы, убивающей свободу Духа. Не случайно именно через крайний протестантизм пуританства рождается дух классического капитализма. А капитализм уже есть «практический атеизм», по выражению Н.А. Бердяева.

Протестантизм, в отличие от Католицизма и Православия, – это многообразное множество церквей и сект (конфессий и деноминаций), составляющих как бы ветви одного дерева. Классическими, традиционными протестантскими направлениями являются *лютеранство* – наиболее умеренный протестантизм (иногда таковым же считается церковь Англии и епископальная церковь, или *англиканство*), а также *кальвинизм,* или *реформатство*, – более радикальный протестантизм, породивший множе-

ство других, в том числе евангелических и харизматических, протестантских церквей и сект.

Из радикальных, крайних течений Протестантизма, а точнее из реформатского кальвинизма в форме пуританства, родились *конгрегационализм* и *пресвитерианство*, а из них в середине XVII в. в Англии – *баптизм*.

В XIX в. зарождаются еще такие протестантские течения, или деноминации, как *пятидесятники* и *адвентисты*, а также стоящее уже почти за гранью христианства еретическое движение *иеговистов* (иногда в группу еретиков включают и адвентистов, но почти всегда еще мормонов, «Армию спасения» и возникшую позже «Церковь объединения» Муна).

Эти течения развиты и у нас в стране. В русской форме они, как правило, особенно упрощенны и консервативны, малокультурны и узки, но тем не менее часто и особенно стойки, верны своим принципам. Поэтому члены этих протестантских церквей и сект обычно хорошо знают свою веру и Священное писание, несмотря на то, что их толкования нередко бывают очень слабыми и тенденциозными.

Все они часто ведут себя действительно как *секты*, выдающие *часть* истины и правды *за целое*. Они нередко снова разделяются, часто осуждают других и занимаются *прозелитизмом*, т. е. переманиванием к себе членов других христианских церквей. Они часто бывают неглубоки, но умеют очень крепко и даже жестко держать при себе своих членов. Большинство из них практикуют только взрослое крещение. При этом почти все они иконоборцы, часто по невежеству, т. е. незнанию настоящего православного учения об иконах.

Но надо положительно отметить и такие практические реалии их жизни: у них больше, чем у нас, элементов общинности, развита взаимопомощь, ответственность друг за друга, жертвенность. На молитве они употребляют современный язык, и у них легче доступ простых членов общин к проповеди и духовной деятельности, к церковному служению.

Заметим, что у западных протестантов есть некоторая специфика, отличающая их от наших протестантов. Кроме большей подготовки и более высокой средней культуры, западные протестанты чаще бывают способны к эволюции, к изменению своих взглядов, в то время как «наши», если уж что-то приняли, действуют по старообрядческому принципу: «до нас положено, лежи оно так во веки веков».

Правда, у наших протестантов есть и свой плюс: они вполне могут удовлетворить почти всю огромную так называемую «срединную» часть нашего населения, срединную по своим запросам, культуре и глубине опыта.

Нельзя не сказать и о том, что за «приличной», обычно доброжелательной внешностью у протестантов часто стоят вещи весьма жесткие. В их среде не редкость нарушение свободы совести, а значит, и закона любви, к чему их приводит не только «сектантская» психология, но и особая внутренняя направленность на принцип закона, вплоть до прямого законничества.

Правда, у них, как и у католиков, да и у всех инославных, есть люди, которых можно было бы поставить в пример многим православным. Так что судить о них надо всегда не столько по внешности и самоназванию, сколько по их духу, их сердцу, их жизни. К тому же внутри всех течений, конфессий и деноминаций сосуществуют иногда весьма различные направления. Но к сожалению, все базовые искажения христианской традиции и учения, веры и жизни все же дают свои плоды.

Самым трудным и больным вопросом в отношениях с протестантами остается вопрос о церкви и священстве. Мы, за редким исключением, не признаем их священство за таковое, т. е. за канонически действительное, ибо у них исторически вышло так, что они потеряли апостольскую преемственность рукоположений. Впрочем, в действительности мы сами иногда еще плохо представляем себе, что нужно для того, чтобы не по-канцелярски признать или отвергнуть чье-то священство.

И все же, что объединяет христиан всех конфессий уже сегодня? Всех христиан в принципе объединяют, несмот-

ря на все их особенности, три важнейшие вещи: Священное писание, Символ веры и таинство крещения (особенно в первых его фазах, т. е. в таинствах покаяния и крещения в узком смысле слова, ибо таинства миропомазания и причащения мы признаем далеко не за всеми). Единство в этих принципиальных вещах и позволяет нам всерьез называть друг друга братьями и сестрами во Христе – христианами.

Третья, последняя эпоха жизни новозаветной церкви – *послеконстантиновская*. Подготовительный к ней период протекал в промежутке между французской (1789 г.) и русской (1917 г.) революциями. Но однозначно эта эпоха началась у нас в стране с 1917 г., и с середины XX в. вступили в нее и другие церкви, особенно кафолической, т. е. древней, апостольской и универсальной традиции. Впрочем, в те же годы большие изменения происходили и в Протестантизме.

Все прошедшие эпохи, конечно, как-то присутствуют в настоящей, послеконстантиновской, но в ней есть и свои особенности.

Для нее характерны, прежде всего, *новые отношения с государством и обществом*, народом и нациями, а также формирование стремления к целостному осознанию *всего* своего наследия и исправлению своих *исторических грехов*, в том числе греха разделения церквей. Отсюда, в частности, проистекает бурное развитие экуменических настроений, направленных на объединение всех христиан (не всегда последовательное и удачное, но тем не менее – развитие).

Характерно для нашей эпохи и серьезное желание разрешить такую проблему христианской жизни, как духовный индивидуализм и потребительство, а с другой стороны – уравнительство и иерархизм (клерикализм).

Для послеконстантиновского периода характерно также изучение Священного писания и всего церковного наследия более полно, критически и духовно целостно. XX век так много сделал на этом поприще, что в той или

иной степени устарели даже многие книги о Священном писании, написанные в доконстантиновскую и константиновскую эпохи.

В то же время зародились и начали развиваться новые формы христианского научения, т. е. оглашения, и обучения как детей, так и взрослых. Наблюдается бóльшая открытость к инаковерующим и терпимость к грешникам, бóльшая включенность в социально-политическую борьбу, жертвенная помощь больным, бедным, страдающим, гонимым, отстающим в своем развитии, беженцам и т. д.

Возрождается христианская проповедь. Начинается пересмотр и переработка некоторых особенно устаревших и уже почти никем не воспринимаемых богослужебных форм. Наблюдается явное стремление к возрождению братскости и общинности христианской церковной жизни и к пересмотру узкозаконнических взглядов на мир, церковь и ее иерархию.

Для этого периода еще характерно желание преодолеть взгляд на христианство лишь как на религию, неизбежно ведущий к раздвоению христианской жизни на светскую и духовно-церковную, а также стремление углубить персональное чувство ответственности за всех и за все, в том числе за последствия общечеловеческих и собственно христианских этических, экологических и других грехов.

Говоря об истории церкви XX в., нельзя не упомянуть такие события, как Великий Московский собор 1917–1918 гг., II Ватиканский собор, проходивший в 1962–1965 гг. и очень многое изменивший в жизни Католической церкви, а также создание сразу после Второй мировой войны (в 1948 г.) в Утрехте Всемирного совета церквей как главного органа экуменического движения. В него вступила и Русская православная церковь (1961 г., Нью-Дели).

Еще нужно сказать, что XX век – это время беспрецедентных гонений на церковь (причем не только в России) и массового святого исповедничества и мученичества. Оно же отмечено необыкновенным взлетом философской и богословской мысли, особенно русской, что

имело и еще будет иметь огромное значение для общехристианской жизни.

Современная Русская православная церковь несет в себе два слоя опыта новейшего времени: с одной стороны, опыт величайшей святости и стойкости множества исповедников и мучеников XX в., а с другой – опыт приспособления к чрезвычайным обстоятельствам, выжидания, терпения, постепенного созревания и вместе с тем, увы, тяжкого компромисса и падений. Не надо соблазняться этим, как и часто не очень нормальным внешним и внутренним современным положением нашей церкви, – надо пытаться помочь ей восстановить и исправить нарушенное, найти утерянное, связать разорванное ради нового явления в ней лика Христа и полноты церковной веры и жизни. При этом мы, как члены именно этой церкви, должны помнить слова апостола, относящиеся и к каждому из нас: «*Как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом*» (1 Пет 2:5).

В отношениях с инославными церквами мы должны не только свидетельствовать о жизни древней неразделенной церкви эпохи вселенских соборов, но и идти вперед, узнавая и вбирая все, что было дано Богом, Христом и Духом Святым всем церквам после их разделения. При этом в церкви и, значит, во всех нас должно быть достаточно свободы, чтобы каждый мог идти к истине своим путем, достаточно любви и смирения, чтобы покрывать немощи и искренние заблуждения друг друга, и достаточно мудрости, чтобы эти заблуждения различать и преодолевать, а не перенимать. Пока же, к сожалению, очень большое значение в жизни многих церквей продолжают играть разного рода политика и связанные с ней эгоизм и честолюбие этих церквей и их «выдающихся» церковных деятелей.

Перейдем теперь к вопросу об отношении церкви к *человеческой индивидуальности, нации, народу, обществу и государству*.

Церковь горняя, с прописной буквы, состоит из духовных личностей, а не просто из человеческих индивидуальностей. Поэтому с индивидуальностями, даже очень яркими, но еще не личностями, она может входить в острый конфликт. Чтобы этого не происходило, всем необходимо смирение перед Богом и ближними, послушание Богу и духовно старшим в Церкви, постоянное совместное и личное духовное возрастание и преображение (сублимация, метаморфоза) себя, жизни и мира.

В отличие от горней Церкви, церковь со строчной буквы, церковь дольняя, часто еще сама имеет непреображенные, обезличенные и обезличивающие, эгоистические и индивидуалистические черты, от которых ей также надо всеми силами постоянно избавляться. Пока же церковь дольняя может входить в острые противоречия не только с индивидуальностями, но и духовными личностями, к чему, увы, всем ее членам тоже надо быть готовыми и чего как характерной исторической опасности им всегда надо стараться избегать.

Но мистическая Церковь Божья имеет дело не только с отдельными людьми в себе и вокруг себя. Она, Церковь с прописной буквы, Церковь горняя, – не просто часть *нации*, *народа и общества*, и тем более не тождественна им, ибо она, будучи Телом Христовым, являет собою нечто большее, чем любое человеческое общество и любые народы или нации на земле. То есть это часть, которая больше целого. Ясно, что между этой Церковью и любым народом и обществом также возможны острые конфликты (об этом см., например: *Аверинцев С.С.* Христианская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 598–604). Поэтому надо особенно серьезно думать над тем, как налаживать отношения между Церковью, нациями, всем народом и обществом, прививая нациям, народу и обществу мысль о том, что если они действительно хотят быть с Богом, то им надо быть и с Церковью на всех путях ее исторического странствия, помня при этом, что в первую очередь она есть свет и соль мира, а значит, и всякого общества, и народа, и всякой нации.

А вот церковь дольняя, со строчной буквы, например как человеческая юридически-каноническая структура и система, действительно есть лишь часть нации, народа и общества, лишь один из социальных и народно-национальных институтов, поэтому она должна на основе взаимоуважения бороться в народе и обществе за свои права и выполнять перед ними свои обязанности. В обществе и в народе церковь дольняя не должна иметь особых привилегий, но и не должна быть в них дискриминирована. И она не может и не должна быть просто национальной, или общественной, или народной, потому что Церковь горняя, с прописной буквы, – это именно Народ Божий, это Община Христа, это особое личностное и соборное единство и родство, превышающее любые национальные корни. Поэтому ап. Павел и говорит, что тот, кто во Христе, – новое творение, так что во Христе уже нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, ни даже мужеского пола, ни женского. Это, конечно, не снимает ответственности Церкви, и горней, и дольней, за те общества, народы и нации, посреди которых она живет, как и за их главнейшие институции, включая государство.

Положение церкви в народе и обществе отражается на отношениях церкви и *государства*. Государство – это один из социальных институтов, хотя у нас в стране до сих пор часто путают государство с самим обществом. Церковь со строчной буквы, дольняя, не может быть отделена от народа и общества, но хорошо, если она отделена от государства – с его аппаратом насилия, принуждения, организации жизни всех его граждан, в том числе и нехристиан, на равных (а часто просто уравненных) началах.

Государство всегда целиком от мира сего, а Церковь с прописной буквы – всегда нет, хотя, конечно, церковь со строчной буквы, особенно как юридическое образование, связана со всеми мирскими институциями, имея с ними общие корни. Церковь, пусть даже только дольняя, не может не иметь отношений с государством, как и государство через те или иные свои представительные органы не

может не иметь отношений с церковью. Но нужно бороться за то, чтобы здесь не было никаких перегибов, чтобы не было ни государственного атеизма, ни государственной религии, т. е. нужно бороться за мирное и свободное существование церкви в государстве и идейно-духовную свободу в обществе на основе взаимоуважения и терпимости (толерантности).

В конце 1980-х годов в нашей стране была объявлена и до сих пор проводится новая религиозная политика. Это и понятно, ибо прежняя была уж очень страшна. Пока продолжается это переходное, неустоявшееся время, будущее церкви в нашем народе, обществе и государстве в большой степени зависит и от всех нас, что требует от нас большой ответственности и большого труда.

Как же в настоящее время наше государство регулирует свои отношения с церковью? Дискриминационный закон СССР о культах, принятый в 1929 г., отменен, а *закон России «О свободе совести и о религиозных объединениях»*, как известно, хотя и был принят в 1997 г., в полную силу не работает. И все же этот действующий закон всем надо знать, всем желательно иметь у себя и его текст.

Любое государственное законодательство о свободе вероисповедания должно регулировать отношения церкви и государства на основе принципов справедливости и равенства граждан. Но каков при этом главный принцип христианского отношения к государству? С одной стороны, ап. Павлом было сказано, что «*нет власти не от Бога*», и отсюда вытекает полное основание для устройства лояльных отношений церкви с любым законным правительством и государством. Но с другой стороны, ап. Павлом было сказано и то, что «*дóлжно больше слушаться Бога, чем человеков*», во всяком случае тогда, когда требования людей, в том числе и государственных чиновников, входят в *принципиальное* противоречие с волей и правдой Божьей. Тогда даже государственный закон для нас лично – «не указ» (другое дело – для церкви как легитимной институции). Конечно, и церкви надо иметь достаточную духовную силу, чтобы во всем слушаться Бога

и чтобы Он мог нам помогать так, как помогал в период гонений первым христианам, которых гнали именно за формальное неподчинение государственному закону.

Итак, наша лояльность по отношению к государству и обязательна, и в то же время относительна, из чего следует, что в случаях крайней нужды мы лично и соборно (церковно) должны быть готовы мужественно брать на себя ответственность за риск неподчинения ему и его требованиям.

Основные положения государственного закона всегда касаются церкви как организации, и значит, в первую очередь, ее иерархического руководства. А это означает, что иногда у мирян в государстве бывает больше возможностей, чем у иерархии. Однако и в этом случае следует не забывать, что у всех христиан, в том числе иерархов, «безвыходных положений не бывает».

И все же всем нам надо хорошо знать то, что говорит закон, чтобы исполнять его, тем более что он и за нас. Так, по ныне действующему закону всем можно свободно исповедовать свою веру, ее проповедовать и ей учить, в том числе и детей, всем можно свободно о ней высказываться, в том числе и в печати, можно открывать новые храмы и т. п. Все это теперь в принципе изменило положение нашей церкви в обществе, народе и государстве и позволило церкви самой задуматься о своем внутреннем устроении.

Каково же теперь *реальное положение и устройство Русской православной церкви и других автокефальных («поместных») православных церквей?*

В XX веке Православие обрело мировой характер, ибо во всем мире, практически во всех странах сейчас есть православные, количество которых к тому же везде резко возросло в связи с распадом СССР. Продолжается и миссионерство православной церкви, в том числе в Азии, Африке и т. д.

Конечно, современная Русская православная церковь реально находится еще в очень тяжелом состоянии, можно сказать, почти чрезвычайном. Многие внешние и внут-

ренние последствия прежней эпохи, которые поныне проявляются в церковной жизни, еще долго будут давать о себе знать. А это означает, что у нас, как и у всей церкви, есть особые, чрезвычайные возможности и что к нам и ко всей церкви предъявляются особые, соответствующие чрезвычайным, требования – ответственность за всё.

В 1917 г. в Русской православной церкви было 77,8 тыс. приходских и монастырских храмов. А к концу 2006 г. в 131 епархии нашей церкви проходили служение 169 епископов, действовали уже более 26,6 тыс. приходов и 713 монастырей, в том числе 339 мужских и 374 женских. Работали 5 духовных академий, 2 университета (высшее богословское образование), 37 духовных семинарий (специальное богословское образование), 38 духовных училищ (основное, базовое богословское образование), 12 пастырских курсов, ряд регентских и иконописных школ и т. д.

Организация Русской православной церкви пока еще весьма слаба и не вполне соответствует ее традиции и современным нуждам: нет ни общего собрания всех реальных членов приходских общин, нет даже самого этого членства и самих общин, ощущается недостаток хорошо подготовленных и верных Христу людей как среди священнослужителей, так и среди их помощников и сотрудников, нет самостоятельных и независимых церковных судов, почти нет и выборности народом Божьим кандидатов на иерархические служения. Излишняя централизация управления церковью может снова дать возможность чуждым и внешним влияниям проникнуть в церковную жизнь. Впрочем, в самой церкви сейчас еще слишком сильны и центробежные силы.

В 2000 г. на Поместном соборе был принят Устав Русской православной церкви. Его надо всем иметь в виду, ибо он касается устройства жизни нашей церкви на всех уровнях. Хотя ясно, что в дальнейшем он должен будет еще меняться и совершенствоваться.

О чем он говорит? Вначале идут «общие положения». «Русская православная церковь является многонацио-

нальной (т. е. не национально русской или только российской) поместной автокефальной (т. е. имеющей своего самостоятельного “главу” – патриарха) церковью, находящейся в вероучительном единстве и молитвенно-каноническом общении с другими поместными православными церквами.

Входящие в Русскую православную церковь самоуправляемые церкви, экзархаты, епархии, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья... канонически составляют Московский патриархат. “Московский патриархат” – другое официальное наименование Русской православной церкви».

Московский патриархат не следует путать с Московской патриархией. «Московская патриархия является учреждением Русской православной церкви, объединяющим структуры, непосредственно руководимые патриархом Московским и всея Руси».

Еще в «общих положениях» говорится, что «юрисдикция Русской православной церкви простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской православной церкви (т. е. бывшего СССР, кроме Грузии и Армении), а также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах.

Русская православная церковь при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов осуществляет свою деятельность на основе: а) Священного писания и Священного предания; б) канонов и правил святых апостолов, святых вселенских и поместных соборов и святых отцов; в) постановлений своих поместных архиерейских соборов, Священного синода и указов патриарха Московского и всея Руси; г) настоящего Устава.

Высшими органами церковной власти и управления являются: поместный собор, архиерейский собор, Священный синод во главе с патриархом Московским и всея Руси». (Ныне патриархом Московским, т. е. епископом Москвы, и всея Руси, в смысле старшим среди всех епис-

копов Русской православной церкви, является Алексий II, избранный в июне 1990 г.)

Епархиальным органом церковной власти и управления является правящий архиерей с епархиальным собранием и епархиальным советом. «Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых апостолов, есть предстоятель местной церкви-епархии, канонически управляющий ею при соборном содействии клира и мирян».

Органом приходского управления является настоятель с приходским собранием и приходским советом.

«Судебная власть в Русской православной церкви осуществляется церковными судами посредством церковного судопроизводства».

«Московская патриархия и иные канонические подразделения Русской православной церкви, находящиеся на территории РФ, регистрируются в качестве юридических лиц как центральные или местные религиозные организации».

«В Русской православной церкви высшая власть в области вероучения и канонического устроения принадлежит поместному собору. Сроки созыва поместного собора определяются архиерейским собором. В исключительных случаях поместный собор может быть созван патриархом Московским и всея Руси (местоблюстителем) и Священным синодом. Поместный собор состоит из архиереев, представителей клира, монашествующих и мирян...» «Архиерейский собор созывается патриархом Московским и всея Руси (местоблюстителем) и Священным синодом не реже одного раза в четыре года и в преддверии поместного собора, а также в исключительных случаях».

Устав управления церковью нужен всем, чтобы любой верующий мог разобраться в том, что есть во внешней жизни церкви, что среди этого мы можем считать нормой организации и устройства всей церкви, любой епархии и каждого прихода, можем ли мы повлиять к лучшему на их жизнь, и если да, то каким образом это делать нормально, чтобы это не было разрушительно для церкви, и т. п.

Говоря о современном положении Русской церкви, нельзя не коснуться еще и старого вопроса о расколе.

Как известно, в середине XVII в., в 1654 г., при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче произошел раскол в результате проведения патриархом некоторых церковно-богослужебных реформ. Поныне существует много старообрядческих направлений: разных то́лков, согласий, церквей. И надо сказать, что теперь проблема наших взаимоотношений со старообрядцами в большей степени остается лишь в них, ведь мы согласны признать их и их традиции, и обряды своими, а они нас и наши обряды и традиции – нет.

Еще в нашей церкви с XIX в. существует так называемое *единоверие*, т. е. приходы и монастыри, придерживающиеся старых, дониконовских обрядов, но находящиеся в духовно-каноническом общении с полнотой нашей церкви. Это и подтверждает то, что мы в принципе признаем спасительность старых обрядов (двуперстия и т. д.). Несмотря на то, что единоверием, к сожалению, часто пользовались в церковно-политических целях, оно могло бы быть хорошим историческим примером жизни церкви по древнему принципу единства духа в многообразии форм – принципу, который следовало бы сейчас вспомнить.

Для самих же старообрядцев, к сожалению, еще нередко бывает характерна сектантская психология и утверждение тех положений веры и жизни, которые церковь никогда жестко не утверждала. Например, им кажется, что они делают единственно правильно, если совершают богослужение, ничего не сокращая, ничего не изменяя – как написано, только так и читая. Но ведь церковь никогда не держалась этих правил. В доказательство достаточно взять любую богослужебную книгу прежних эпох. Сколько было церквей и монастырей – везде были свои особенности, везде была своя жизнь, и эта жизнь никогда не стояла на месте, она со временем менялась, иногда даже довольно резко.

Конечно же, несмотря ни на что, мы не можем не видеть, что по сравнению с нами у старообрядцев есть и свои

плюсы: они весьма независимы; уж какие бы ни были их принципы, они стараются их держаться и подчас держатся их лучше, чем мы своих. К тому же у нашей церкви было много тяжелых исторических грехов перед ними, и их минусы нередко вызваны реакцией на наши собственные грехи и недостатки.

В мире наряду с Российской существуют и другие автокефальные, или «поместные» православные церкви. Все мировое Православие собрано в пятнадцать автокефальных (вместе с Русской) и несколько автономных церквей, что является особенностью именно Православия.

Кроме Русской православной церкви, т. е. *Московского патриархата* (50–100 млн человек), есть первенствующий, точнее, первый по чести в православном мире (после отделения Римского) *Константинопольский* патриархат (более 2 млн человек). Он же называется еще «вселенским», ибо в древности «вселенной», или экуменой, называлась вся Римская империя, имевшая своей столицей Константинополь, ставший теперь турецким городом Стамбулом.

Эта церковь является лидером всех греческих православных церквей, как Русская – всех славянских (эти ориентиры не всегда определяются национальной принадлежностью верующих, но все православные церкви так или иначе связаны тем или другим из них). Вселенский патриархат в результате политических перипетий XX в. включает в себя, в частности, Русский экзархат в Западной Европе с центром в Париже, но также и ряд автономных церквей и митрополий по всему миру, среди которых особое значение имеет гора Афон в Греции и Североамериканская митрополия, без финансовой поддержки которой вряд ли далее смогла бы существовать эта церковь в Турции.

В отношениях нашей церкви с Константинопольской существуют трудности, главным образом связанные с политическими и экономическими интересами, а также с тем, что вселенские патриархи подчас тоже впадают в искушение «папства» и ведут себя, как римские папы перед расколом. Случается это и с патриархами всея Руси.

Далее, есть патриархаты *Александрийский* (около 80 тыс. человек), *Антиохийский* (1 млн 370 тыс. человек) и *Иерусалимский* (50 тыс. человек).

Кроме того, еще есть *Грузинский*, *Сербский* (8 млн человек), *Румынский* (16 млн человек) и *Болгарский* (около 6 млн человек) патриархаты.

В связи с Сербской церковью надо сказать, что именно на ее территории в городе Сремски Карловцы в начале 20-х годов XX в. оформилось движение, получившее название «*Русская православная церковь За границей*», она же «Синодальная», или «Карловацкая» церковь, как ее еще называют. Это была уже почти секта, только новая, как бы те же старообрядцы, но не XVII, а XX в. Члены этой церкви старались и стараются сохранить все «как было положено» еще в дореволюционный синодальный период. Небольшая часть этой церкви пожелала преодолеть раскол с Русской православной церковью.

Среди автокефальных православных церквей еще есть *Кипрская* (420 тыс. человек) и *Элладская* (около 8 млн человек) архиепископии, а также *Польская* (500 тыс. человек), *Словацкая и Чешских земель* (более 150 тыс. человек) и *Американская* (около 1 млн человек) митрополии.

В Православии до сих пор существует проблема с *униатством*, очень острая во многих церквах, особенно в Чехословацкой, Польской и отчасти в Украинской церкви (на Западной Украине). Униатские церкви – это церкви, которые признают форму богослужений православную, а учение и юрисдикцию – католические. Опыт показал, что эти церкви послужили не столько единству, сколько дальнейшему разделению церквей Востока и Запада.

Далее, есть *Албанская* православная церковь. После разгрома коммунистическим режимом она возрождена под руководством выдающегося греческого миссионера архиеп. Анастасия (Яннулатоса).

Кроме автокефальных, есть еще и автономные православные церкви. Прежде всего это *Синайская* архиепископия с центром в монастыре св. Екатерины на Синае и

Финляндская архиепископия (около 75 тыс. человек), которая живет в относительном благополучии, что выражается, в частности, в ее активном миссионерстве. Завершает список православных автономий *Японская* митрополия (36 тыс. человек).

Основными общеправославными проблемами остаются недостаток местной соборности и клерикализм, ереси церковного *фундаментализма*, т. е. почитания буквы и формы, в том числе обрядовой, выше их духа и смысла, и *национализма* – это так называемая «ересь филетизма», когда любят только «своих» по крови, подчиняя этому принципу свою церковность, что особенно остро ощущается в Грузинской, Болгарской и многих греческих церквах, а сейчас, увы, стало ощущаться и в славянских, в том числе и у нас, в Русской церкви. Есть в Православии и другие проблемы: ереси *модернизма* (секуляризации), т. е. отрыва от своих духовных корней ради того, чтобы угнаться за мирской современностью, и *обновленчества*, т. е. использование естественного стремления Церкви к обновлению в собственных политических или корыстных целях. Как внутренние проблемы остаются *политизация*, чему первый пример – наши «монархисты» и «карловчане», *униатство*, о котором мы упоминали в связи с центрально-европейскими церквами, а также *юрисдикционная* проблема, особенно остро стоящая в посткоммунистической Европе и в Америке, где одновременно могут сосуществовать примерно полтора десятка православных юрисдикций, часто чуть ли не враждующих между собой.

Среди основных проблем нашей современной церковной жизни есть более внешние, типа той, о которой мы говорили в связи с греческими церквами (филетизм и папизм), и не менее важные для нас внутренние, например, «правый» и «левый» уклоны в ней, хотя эти названия, конечно, условные.

«Правый» уклон в церкви – это разновидность церковного фундаментализма и филетизма. Его часто представляют люди, для которых характерно узкое законническое отношение к церковной жизни. Их иногда в шутку на-

зывают еще «типиконщиками» (от слова «Типикон» – Устав церкви). Такие люди обычно – поклонники буквы Устава, их поведение часто имеет фарисейские и книжнические черты, это люди, гипертрофирующие некоторые эстетические и аскетические стороны жизни христианства, поклонники «прозорливых старцев» и «духовников». Еще для них характерна излишняя закрытость к людям, особенно чужим по крови и культуре (т. е. ксенофобия), в известной степени даже оторванность от жизни и поэтому излишняя верность как букве и форме своей, главным образом, старой, еще XIX в., традиции, так и своей церкви (со строчной буквы). Отсюда – их нередкая внутренняя и внешняя близость к «карловчанам», «старообрядцам» и т. п. Они бывают весьма агрессивны, их много, и они чувствуют за собой внешнюю, иногда даже просто физическую силу. Это особенно опасно, если иметь в виду влияние коммунистического наследия духовного тоталитаризма и стремление в церкви некоторых кругов опираться на поддержку подавляющей и безальтернативной государственной силы. (Об этом см. замечательную работу матери Марии (Скобцовой) «Типы религиозной жизни».)

Прямо противоположный уклон – «левый», он более связан с либеральным модернизмом и обновленчеством. Если к правому уклону чаще тяготеют люди простые и преданные (даже слишком – узкоконфессионально) своей церкви, то к левому – более интеллигентные и как бы «широкие», нередко хорошо понимающие разницу между церковью со строчной и Церковью с прописной буквы и стремящиеся обрести и не потерять последнюю, что само по себе всегда прекрасно. Но для них же бывает характерен особого рода малоцерковный индифферентизм, а отсюда – почти безграничный, безбрежный экуменизм, иногда уже выходящий за рамки Православия, характерна и слишком сильная социально активная и культуртрегерская направленность, часто в сочетании с душевной поверхностностью, индивидуалистичностью и искусственной открытостью, а порой даже с прямой неверностью своей традиции и церкви (со строчной буквы) – во имя

утверждения Традиции и Церкви (с прописной) при забвении о их неразрывности.

Из сказанного ясно, почему представители обоих уклонов с огромным трудом воспринимают друг друга и не могут объединиться, что очень жаль, так как они этим в конечном счете не помогают ни друг другу, ни церкви. Задача церкви – преодолеть в себе любые уклоны и крайности (см. об этом: *Аверинцев С.С.* Когда рука не сожмется в кулак // Православная община. 1991. № 3. С. 46–52).

Все названные нами проблемы – это проблемы дефицита открытости, доверия, любви и соборности (кафоличности) в жизни поместных церквей и их членов.

В заключение кратко скажем о *роли и месте нашей епархии и общины (прихода) в Церкви и современном мире*.

Русская православная церковь, как уже говорилось, поныне определяет многое в судьбе мирового Православия – и по причине своей численности, и по силе и полноте своей традиции, по потенциальной открытости всем современным проблемам, опыту их решения и уровню наследуемых ею духовности, богословия, культуры, философии и т. д. Главная *внутренняя задача* нашей церкви – углубить личную ответственность внутри церкви и вне ее за всех и за всё, восстановить полноту и разрушенное единство традиции, соединить в себе оба ее важных пласта – зарубежный эмигрантский (не тождественный «карловацкому») и внутренний российский. Ведь в XX в. случилось так, что зарубежное Православие более полно сохранило русскую богословскую и культурно-философскую традицию, а внутреннее Православие – традицию исповедническую.

Чем же является для Церкви и мира наша *епархия*? Это – Москва. В ней в конце 2006 г. действует 640 храмов и часовен, в 17 храмах богослужение еще не возобновлено, не освобождены прежними арендаторами 33 храма, и 90 храмов и часовен строится. Открыты 4 муж-

ских и 4 женских монастыря. На московских приходах служили 820 священников и 297 дьяконов, а в монастырях еще 400 священников и 185 дьяконов.

Москва – духовный и административный центр нашей церкви и всей страны. Поэтому у нас есть особые возможности, но и особая ответственность перед остальными ее частями, в том числе и перед всеми провинциями. В Москву действительно все сходится, но от нее же до сих пор все и исходит, как доброе, так и худое...

А чем в церкви и для церкви является наша *община* и наш *приход*? В полном смысле слова общин у нас в церкви, к сожалению, пока что почти нет, а есть те или иные приходы, да и то разрушенные временем и обстоятельствами. Но независимо от этого каждому из нас надо знать свой приход и искать свою общину и свое братство. Каждый должен знать, куда бы он себя вписал, если бы сегодня составлялись *списки членов приходов*.

Это не означает, что человеку нельзя будет ходить в другие храмы. Надо уметь молиться в любых условиях, чувствовать себя в любом православном храме, как в доме родного Отца, как бы в своем доме, за который надо отвечать, который надо любить, в каком бы духовном состоянии он ни был.

Но главное – всем нам надо стремиться к возрождению и преображению своей православной церковной традиции, к укреплению общинных элементов в жизни церкви, вплоть до рождения полных церковных общин – с полной самоотдачей и взаимной ответственностью ее членов, с терпением и устремленностью к духовному росту, к укреплению духовной жизни и углублению познания своего Бога и своей веры. Необходимо собирание сил своего прихода как общинно-проповеднической и евхаристической целостности, в том числе на служение в обществе и на благотворительность. Каждому надо знать, с чего ему здесь надо начинать и до каких пределов ему можно подчиняться внешним силам и обстоятельствам.

В общине и на приходе необходимо служение всему миру, особенно через живую проповедь и свидетельство

духом и полнотой своей личной христианской жизни. А о том, как начать устраивать эту жизнь и как ее в дальнейшем каждому проводить, какие акценты при этом ставить, мы будем говорить в последней, XVI теме.

Итак, в своем приходе каждому надо знать свое место и свою роль, самому знать людей и быть узнаваемым, иметь свой статус, смотреть больше не на то, что он получает, а на то, что сам дает.

Господи, благодарим Тебя за этот вечер, за то, что Ты нас сегодня собрал и дал силы завершить разговор о Церкви, о ее жизни, которая, конечно, и наша жизнь, потому что мы не чужды друг другу, живя в одном братстве, в одном приходе, в одной епархии, даже в одной автокефальной церкви. Мы – члены единой Церкви, которая простирается по всему лицу земли и выявляется в совместной приобщенности к Тебе и друг ко другу. Господи, дай нам силы достойно пронести свое служение, исполнить свое призвание, понести свой крест и засвидетельствовать о Твоей истине и о вере в Твою святую Церковь, проходящую странствование в истории, в которой всегда да славится Твое святое имя.

Аминь.

Тема XV

Откровение о конце истории человечества

«Исполнение» Нового Завета в последнем, метаисторическом Завете: «Второе» Пришествие Христа, общее Воскресение и Суд, полнота Жизни вечной

Господи, Боже наш, мы благодарим Тебя за то, что Ты собрал нас здесь для приобщения к Твоему откровению и к слову Твоему. Благодарим Тебя за то, что Ты уже здесь и сейчас открываешь нам Твое Царство (может быть, неприметно) и даешь нам глаза и уши, чтобы это видеть и слышать, и сердце, чтобы за это благодарить Тебя. Помоги же нам, Господи, держать цель нашей христианской жизни пред глазами, идти за Тобой и, даже падая, вставать и идти дальше. Господи, помоги тем, кто еще в пути, благослови и всех нас, чтобы мы могли прославлять Тебя вместе со всею Церковью на всяком месте владычества Твоего. Аминь.

ВСЯ ЭТА ТЕМА, так же как и следующая, XVI тема, – лишь предупреждение и даже некий залог, аванс на будущее. Она нам необходима, чтобы никто не мог сказать, что ничего не знает и не слышал о конце истории человечества и об исполнении Нового Завета, о Новом, «Втором» пришествии Христа и о конечном Суде и вселенском Воскресении. Когда для вас придет время жить полной христианской жизнью, будет уже поздно начинать разговор о том, ка́к это делается и что́ это за жизнь. А ведь это время очень близко. Поэтому уже сейчас, в конце второго этапа оглашения, мы приступаем к разговору о полноте христианской жизни, несмотря на то, что она еще только как бы предощущается неполными членами Церкви, предоткрывается им.

Начнем с так называемого апока́липсиса (т. е. откровения) Евангелия от Матфея, с глав 24 и 25, используя «аверинцевский» перевод.

Гл. 24, ст. 1-2. «*И выйдя из Храма, Иисус пошел; и обступили Его ученики, желая показать Ему строения Храма. Он же сказал им в ответ: “Видите все это? Воистину говорю вам, что не останется камня на камне, который не будет низвержен”*».

Эта глава открывается, как может показаться, совсем не апокалиптическим сюжетом. Господь указывает на Иерусалимский храм и начинает пророчествовать о нем:

«Видите всё это? Не останется здесь ничего, все будет разрушено».

В VI теме мы уже говорили, что каждый Завет с Богом перед заключением следующего за ним вечного Завета был как бы нарушен людьми и тем самым как бы отменен. Здесь происходит то же самое. Иерусалимский храм был одним из важнейших символов Ветхого Завета, а значит, и его последней ступени – «пятого» Завета, происходящего из Завета с Давидом, завета надежды. Этот Завет также должен был быть исполнен и через это как бы включен в следующий, в данном случае особенно для нас важный, ибо это должен быть Новый Завет. Но перед этим прежний должен был себя как бы исчерпать. Поскольку символом его был Иерусалимский храм, постольку перед Своей Смертью и Воскресением, т. е. перед заключением «шестого» Завета, Господь и говорит о разрушении этого храма.

Ст. 3. «*А когда сидел Он на Масличной горе, подошли к Нему ученики, чтобы наедине спросить: “Скажи нам, когда это будет? И каково знамение Твоего пришествия и скончания века?”*»

Поначалу представляется, что речь идет лишь о том же храме. Ученики сначала спрашивают Господа на горе Масличной: «Когда будет такое разрушение храма?» (и значит, завета), но продолжают они свою речь уже в духе ветхозаветных пророков: «*Каково знамение Твоего пришествия и скончания века?*», т. е. пришествия Царства Божьего в силе.

Здесь уже совершенно неразделимо сплетаются две разные темы: конца ветхозаветной эпохи и конца вообще всей истории человечества, конца мира, или по-другому – темы начала действия Нового Завета в его первой, исторической и его второй, окончательной, метаисторической фазе. Это так, потому что в Евангелии речь идет о «*скончании века*». Здесь «*век*» (по-гречески «эон») – слово, которое в переводе более полно и привычно звучало бы как «мир», а поэтому и «конец века» – как «конец мира», «конец света», «кончина мира».

Обе эти темы внутренне взаимосвязаны, потому что первая – конец ветхозаветной эпохи и разрушение Иерусалимского храма – есть явный прообраз второй – конца истории человечества и разрушения как бы всего мира. Так и Суд Божий над ветхозаветным и новозаветным народом и даже человечеством находится в некотором взаимном соответствии, и кризисная ситуация разрушения пятого Завета подобна кризису Завета шестого, последнего в человеческой истории.

Это мы можем понять, поскольку знаем, что каждый Завет в своем «снятом виде», в своем главном зерне существует в следующем. Вот почему вопрос учеников о разрушении храма как главной ветхозаветной святыни внутренне соответствует их же вопросу о кончине века, кончине мира, а ответ Иисуса точно так же будет содержать в себе очень сложное сплетение признаков конца ветхозаветной эпохи и конца всей истории и всего этого мира.

Вообще же такие сложные вопросы и такие же сложные сплетения в ответах были, скорее всего, традиционны. И ветхозаветные пророки из своей далекой исторической перспективы хотя часто и различали будущие заветы, но не разделяли в них соседних. Говоря о Новом Завете, они часто не разделяли в нем шестой и седьмой Заветы. Для пророков был важен просто Новый Завет, они говорили о Новом Завете в целом. Для нас же, живущих в новозаветную эпоху, это различение принципиально важно. Мы видим, что в Евангелии, с одной стороны, Царство Божье уже приблизилось, о чем постоянно и говорится, а с другой – оно еще только проповедуется, чается, еще должно будет исполниться, причем и то, и другое одинаково связывается с Христовым пришествием, с новым Богоявлением.

Исходя из сказанного и будем теперь читать ст. 3-14, которые говорят нам о кризисе перед началом новой эры, новозаветной эры как эры эсхатологической.

В ст. 3, как мы уже знаем, речь идет об учениках, задающих вопрос о сроках и знамениях пришествия Христа. Вопрос так и стоит: «*Скажи нам, когда это будет? И*

каково зна́мение (или признак) *Твоего пришествия и скончания века?*» Это важный вопрос. Духовные события всегда, во всей истории духовной жизни имеют свои предзнаменования. Нужно иметь лишь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, – и тогда человек сможет их предвидеть и верно понять.

Далее, о каком вообще «пришествии» здесь идет речь, что такое «*пришествие*»? В греческом оригинале здесь стоит слово «парусия». «Парусия» буквально переводится как «присутствие». В те времена это слово обычно употреблялось греками для обозначения официального торжественного визита высокопоставленного лица. В Новом завете этим словом обозначается Бого-Явление, Христово Богоявление. Этим же словом может быть обозначено как «Первое», так и «Второе» пришествие Христово, хотя между этими Пришествиями, этими Богоявлениями есть и существенное различие. Последнее, «Второе» пришествие Христа будет Пришествием во славе, в силе, в полноте и чести. В результате «Первого» пришествия на земле рождается «*Свет во тьме*» – Христос и Его Церковь, а в результате «Второго» пришествия этой Церковью становится уже весь существующий мир. Но и то, и другое происходит в единых рамках Нового Завета как новой эсхатологической эры.

Ст. 4. «*Иисус сказал им в ответ: “Берегитесь, чтобы кто не ввел вас в обман!”*», т. е. не прельстил бы вас.

Господом для того и дается описание знамений и каких-то признаков Его будущего пришествия, чтобы, зная их, не прельститься, не впасть в заблуждение, потому что в близких к ним по внешности обстоятельствах это оказывается слишком легко. А надо, чтобы никто не обманул нас.

Здесь интересно заметить, что данные далее Господом пять знамений – признаков Его пришествия – сбываются не последовательно, а почти одновременно. Заквашенное «тесто» подходит все сразу, а не по частям.

Ст. 5. «*Ибо многие придут под Моим именем, говоря: “я – Христос”; и многих введут они в обман*».

Кто же, как предупреждает Господь, придет под именем Христа? Ясно, что лжехристы. Так их Евангелие и называет. Тут отметим, что первый признак продолжает быть действенным вплоть до нашего времени. Вот некоторые примеры.

Приходилось ли кому-нибудь из вас слышать о Порфирии Иванове? Это был человек, который предложил в общем-то совершенно элементарную вещь – жизнь в гармонии с природой путем постоянного закаливания, особенно через хождение босиком в холодное время и холодное обливание, – вещь, часто (хотя и не всегда) по-настоящему полезную для здоровья. И все было бы ничего, если бы это предназначалось только для здоровья. Но он предложил это делать во имя его, признав его новым воплощением Христа. «Молитесь мне как Христу», – сказал он. Вот очень, может быть, примитивный, но типичный пример явления очередного лжехриста в наше время. И самое удивительное, что люди слушали его, молились ему, и таких людей было немало. Немало было приверженцев и у «Белого братства», немало их и у лжехриста Виссариона.

Есть и более тонкие примеры, скажем, когда какой-нибудь гуру, «учитель» восточного типа, тоже ведет себя, словно он Сам Христос, или Христом пытается называть Кришну или какое-нибудь его воплощение (аватару). Некоторые из них почитают себя даже выше Христа – вспомним Сёко Асахару.

Ст. 6. «*Вам предстоит также слышать о войнах и о слухах о войнах; смотрите, не ужасайтесь! Ибо так должно быть, но это еще не конец*».

Да, и вы услышите «*о слухах о войнах*», но не ужасайтесь, ибо вам надо иметь надежду на Бога и знать, что «*это еще не конец*». В наше время этот второй признак – тоже очень реальная вещь. Во всем мире страх перед всеобщим уничтожением очень силен. Тем более что технические средства как никогда позволяют эти ужасы осуществить. Только нам, христианам, нечего бояться, если мы уже со Христом, а Он – с нами.

Ст. 7-8. «*Да, восстанет народ на народ и царство на царство, и повсюду будет голод, и мор, и землетрясения; но все это – начало родовых мук*», или, что то же, «начало болезней».

«*Начало родовых мук*». Рождения чего? Нового мира, т. е. «нового неба и новой земли», Царства Божьего в полноте, в силе Полноты Жизни вечной.

Итак, кроме войн и соответствующих слухов, во второй признак «Второго» пришествия входят эти самые «глады и тру́сы» (по-церковнославянски), т. е. «*голод, и мор, и землетрясения*». Здесь снова можно только удивляться, как все это схоже с нашим временем.

Ст. 9. «*Тогда станут вас предавать на терзание и убивать вас, и станете вы ненавистны всем народам ради имени Моего*».

«*Станут убивать вас*». Вот и мучения, страдания самих христиан. К этому надо быть готовым каждому из нас. Христианин не должен бояться страданий и мучений, даже до смерти, если он верит в откровение Жизни вечной, если знает силу этой Жизни и не теряет своей надежды и любви.

«*Станете вы ненавистны всем народам*». Тут, увы, надо добавить, что в эти «все» иногда входят и люди, которые считают себя, и многими считаются, служителями Бога и людей. Иногда даже в самой церкви со строчной буквы мы видим, что настоящих Божьих святых в ней гонят, уничижают, мучают, потому что в этой церкви, как во всякой человеческой организации, есть, к сожалению, свои бездушные чиновники, власто- и сластолюбцы, которые находятся вне границ Церкви с прописной буквы. Из этого следует важный вывод, что нам надо быть всегда и во всем преданными Богу и Церкви, но, конечно, Церкви прежде всего с прописной буквы, а не просто внешне единой организации и каноническому учреждению, в котором иногда бывают внутренние конфликты, и нередко конфликты тяжелые, ибо греховные.

Можно было бы и далее приводить много примеров, но вряд ли это будет разумно, ибо каждый христианин в свою

меру на себе испытывает истинность этих евангельских слов и предзнаменований.

Ст. 10-12. «*И многие тогда впадут в соблазн, и станут друг друга предавать и возненавидят друг друга. И многие лжепророки объявятся, и введут в соблазн многих. И от того, что умножится беззаконие, любовь во многих охладеет*».

Итак, четвертый признак в том, что люди будут соблазняться и предавать друг друга, и возненавидят друг друга; лжепророки прельстят многих, отчего и охладеет во многих людях любовь.

Но есть ли сейчас действительно лжепророки? Да, к лжепророкам в наше время часто относят деятелей церкви сайентологии (дианетики) Рона Хаббарда, «Церкви объединения» Муна, «Церкви святых последних дней» (мормонов) и известных многим «Свидетелей Иеговы», тоже до неузнаваемости извративших дух и образ Христа. Кроме того, к ним относят лидеров учения теософии или антропософии, той или иной йоги, дзен или какого-либо иного вида необуддизма, неоиндуизма и т. д.: Блаватскую, Безант, Рерихов, Штейнера, Раджниша, Ауробиндо Гхоша и многих, многих других им подобных.

Надо помнить слова Евангелия о лжехристах и лжепророках, с одной стороны, чтобы их остерегаться и ими не обольщаться, но с другой – чтобы при всякой встрече с этими людьми или их последователями не только понимать, что их учения расходятся с тем, что мы читали или слышали, видели или о чем думали, но и хорошо знать, ка́к ответить этим людям, причем «*в духе кротости и смиренномудрия*».

Надо стараться помочь им для начала хотя бы немного открыться Богу и освободиться от заблуждения. Не спорить с ними, не «бить их по голове» за их ошибки, помня, что и «*мы все много согрешаем*» и ошибаемся, а действовать, исходя из убеждения, что если нам дано от Бога истинное откровение и более глубокое и полное знание, нежели им, то это откровение и знание дано нам для того, чтобы мы им, как благодатью, «немощное врачевали и

оскудевающее восполняли», в соответствии с известной богослужебной формулой действия благодати Святого Духа на человека, служителя церкви. Это знание и откровение нам дано, чтобы мы им служили и помогали людям, восполняя и исправляя их веру и жизнь, а не «калечили» им никого.

Ст. 13. «*Но тот, кто претерпит все до конца, будет спасен*».

Это великие слова, только надо помнить, что терпение, о котором здесь сказано, не должно быть терпением «сжав зубы», как это не раз бывало в истории (например, в русской истории, даже у таких великих людей, как протопоп Аввакум). Мы должны помнить, что это терпение должно быть терпением от любви, а не от невозможности отплатить и отомстить.

Ст. 14. «*И возвещено будет это Благовестие Царства по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец*».

Вот и последний, пятый признак «Второго» пришествия, конца-эсхатона, конца шестого Завета, конца земной истории.

Все признаки пришествия Христова мы сейчас воспринимаем, к сожалению, довольно легко. Мы так легко и так давно опознаем в них нашу современную жизнь, что они нас уже перестали удивлять. Но если мы вспомним, что эти слова были высказаны и записаны в те времена, когда христиане были лишь кучкой людей, живущих в некоторых, по большей части отдаленных, римских провинциях, то кажется просто фантастикой, как такое возможно было предвидеть.

Особенно удивительно, что говорится о проповеди Евангелия всем народам и что только «*тогда придет конец*». Ведь этим предвидится всемирное развитие христианской проповеди, ее конкретно-вселенское предназначение. Но каким образом это тогда предполагалось осуществить? Сейчас, при современных средствах массовой информации и книгопечатании огромными тиражами, это стало понятно (поэтому сейчас весь мир хотя бы внешне что-то слы-

шал и знает о Христе и Его Церкви), но в то время это сделать было невозможно. Тем самым в Евангелии (ст. 14) изначально содержался явный намек на то, что конец века, кончина мира сего не сможет прийти, произойти сразу, быстро, при жизни одного-двух поколений, что еще должна будет пройти длительная, напряженная эпоха шестого Завета, чтобы эти слова сбылись.

Тем не менее сейчас еще нельзя сказать, что Евангелие Царства проповедано, засвидетельствовано всем народам. Все остальные признаки «Второго» пришествия вроде бы сбываются, может быть, что уже и сбылись, но кроме этого, пятого признака, даже в нашей стране. Ведь наш народ, который так или иначе прежде был христианским, сейчас настолько забыл Христа, что люди нового поколения часто всерьез ничего не знают ни о Христе, ни об истинном Христианстве, особенно в тех местах, где уже многие десятилетия совсем нет храмов, где нет никаких общин и, может быть, даже отдельных христиан. Причем они не просто не имеют представления о христианской культуре, христианских символах и понятиях, они не знают самого́ христианского Духа, так что им еще надо будет о Нем проповедовать и Его собою засвидетельствовать.

Далее, в ст. 15-28, Господь, не прерывая общей нити Своей Елеонской проповеди, как бы снова возвращается к судьбе Иерусалима. Тем самым образность этой части проповеди в еще большей степени связана с Ветхим заветом.

Ст. 15-16. «*И вот, когда увидите вы ту “мерзость опустошения”, о которой говорил пророк Даниил, воздвигнутую “на месте святом”, – кто читает, пусть уразумеет! – тогда те, кто в Иудее, пусть бегут в горы*».

Что есть «*мерзость опустошения*»? На этот вопрос современные люди чаще всего отвечают, что это те самые разрушенные и оскверненные храмы, которые мы еще недавно видели во множестве на нашей земле. Конечно, и это есть мерзость запустения, но в новозаветном и пророческом текстах имеется в виду еще более страшная вещь. Это мерзость как бы духовной пустоты во святи-

лище, т. е. как бы языческий алтарь на месте алтаря Божьего, в храме Божьем, как об этом и говорится в книге пророка Даниила (см. Дан 9:27, 11:31, 12:11; 1 Мак 1:54).

Мы должны признать, что все тот же языческий алтарь воздвигается и уже воздвигнут прежде всего в сердцах многих и многих современных людей. Это все та же «*мерзость запустения, ставшая на святом месте*», потому что по своему призванию сердце всякого человека есть святыня, и человек в своем теле есть храм Духа Святого. Но вместо алтаря Божьего сердце человеческое нередко стало служить приютом самых для страшных духов. И это страшнее оскверненных и разрушенных храмов.

Что значит «*пусть бегут в горы*» – понять нетрудно. Здесь звучит призыв покинуть уже явно обреченный в то время Иерусалим, а в наше время – обратиться «горé», т. е. вознести свои сердца ко Господу.

Да, Иерусалим тогда был уже обречен, и Господь, как Божий Пророк, не мог этого не чувствовать и не знать. В духе пророческом нетрудно было предсказать и будущность этого когда-то святого града. Если народ не верит откровению Божьему во Христе и через Христа, если он по жизни своей отступил от Бога, то и храм его не спасет, и святой град не устоит. Как было сказано еще в Ветхом завете, «*если Господь не созиждет дóма, всуе* (напрасно) *трудятся зиждущие* (строящие) *его*» (Пс 126:1).

Исторически так и случилось. Христиане услышали этот призыв Господа и в 66 г. ушли из Иерусалима. А в 70 и 71 гг. произошла катастрофа: Иерусалим был взят римлянами, разрушен, храм был сожжен, а тысячи находившихся тогда в Иерусалиме иудеев были распяты.

Христиане спаслись, спаслась Иерусалимская церковь, матерь всех церквей, спаслась только потому, что она осталась верной слову Господа. Ее пытались обвинять в непатриотичности, но она поставила верность Богу выше верности земному отечеству и своему родному по плоти, но часто уже не по духу, народу. Всем людям, всем церквам так жить на земле трудно, но жить надо всегда только так!

Ст. 17-20. «*И кто будет на кровле, пусть не спускается за скарбом в дом свой, а кто будет в поле, пусть не возвращается взять плащ свой. И горе в те дни носящим во чреве и кормящим грудью! Молитесь, чтобы не приключилось бегство ваше зимой или в субботу*». То есть взявшись за плуг (духовный), не оборачивайтесь назад!

А почему «*ни зимой, ни в субботу*»? В тех местах, при том климате, зимой идут дожди, которые мешают передвижению, а в субботу этому препятствует закон, запрещающий всякое путешествие, так что исполнить волю Божью в это время года и в эти дни было бы трудно, почти невозможно. И Господь как бы говорит: «Молитесь, чтобы не случилось с вами такое, что законный или природный порядок помешает вам».

Ст. 21. «*Да, будет тогда скорбь великая, какой не было от начала мира доныне и не случится более*».

Вот знаменитый стих о «*великой скорби*». Речь идет как будто о гибели Иерусалима, о смене исторических заветов, но вдруг мы встречаем те же слова в другом месте Нового завета – в Апокалипсисе святого Иоанна, где эта «великая скорбь» пророчена прямо для того времени, когда будет завершаться вся история человечества (см. Откр 2:22 и 7:14).

Так что это за «*великая скорбь*»? Откуда она берется в кризисных ситуациях? С одной стороны, эта скорбь происходит от богоотступничества, но с другой – это тоска от опустошенности человеческих сердец, это скорбь от гонений и бед жизни. Сколько мы видели ее среди наших современников и соотечественников, а иногда испытывали ее и сами!

Ст. 22. «*И если бы не были сокращены дни те, не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных дни те будут сокращены*».

Здесь говорится о желательности сокращения дней страдания, гонений, скорбей и бед. Но мы еще встретимся и с противоположной тенденцией, с вопросом, зачем вообще нужна новозаветная история, почему она должна быть длительной, т. е. почему мы должны думать о том,

чтобы она продлевалась как можно дольше, а не только о том, чтобы сократились дни ее. В этом состоит одна из антиномий духовной жизни, отчасти приоткрывающих нам сам смысл человеческой истории.

Ст. 23. «*Если вам скажут тогда: “смотри, Христос здесь!”, – или: “Он там!”, – не давайте веры*».

Это предупреждение оказалось очень актуальным, ибо нам известно из истории, что сразу после «Первого» пришествия Христа стали возникать лжемессианские движения и тут же еще чаще стали появляться люди, обещающие свое спасение.

Ст. 24-28. «*Ибо объявятся лжехристы и лжепророки, и явят великие знамения и чудеса, чтобы ввести в обман, если возможно, даже избранных. Слышите, я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: “вот, Он в пустыне!” – не ходите туда; “вот, Он в потаенных покоях!” – не верьте. Ибо как молния исходит от востока и блистает до запада, таково будет пришествие Сына Человеческого. Где мертвое тело, там соберутся стервятники*».

Здесь говорится, что все увидят Господа так, что невозможно будет скрыться от этого Явления, ибо как молния рассекает небосвод и всем бывает видна, таким же будет пришествие Сына Человеческого.

Но что такое «мертвое тело» и «стервятники»? Обычно приводится историческое толкование этого места. «*Мертвое тело*» – город, обреченный Иерусалим, а «*стервятники*» – это обступившие его римские легионы с их знаменами, которые, как известно, завершались знаком имперского орла.

Но исходя из контекста этого места Писания можно было бы дать и иное его толкование. Ведь перед этим большой отрывок говорит нам о том, что Сын Человеческий придет и будет светить всему миру подобно молнии на небе. Поэтому можно думать, что Сам распятый Христос и есть Тот, вокруг Кого собираются «орлы»: то ли желающие поживиться от Него, но противоречащие Ему силы зла, те самые лжехристы и лжепророки, которые слетаются к Нему, как на приманку, как мухи на мед,

являясь в связи с Ним и образуя церковь Антихриста; то ли желающие есть Плоть Сына Человеческого и пить Кровь Его верные Ему и верующие в Него люди – единая святая Церковь Христова.

Ст. 29-31. «*И тотчас, после скорби дней тех,*
“солнце померкнет,
и луна не даст света своего,
и звезды падут с неба,
и силы небесные сотрясены будут”.
Тогда явится на небе знамение Сына Человеческого; и тогда возрыдают все племена земли, и увидят, что Сын Человеческий грядет по облакам небесным с великою силою и славою. И пошлет Он ангелов Своих с трубою звучною, и соберут они избранников Его от четырех стран света, от края небес до края небес».

Здесь речь снова идет главным образом не о конце Ветхого Завета и Иерусалима, а о конце истории, о конце времен, о «Втором», Новом пришествии Сына Человеческого, после нового кризиса и новой великой скорби.

Сроки этого пришествия сокрыты, но, как и прежде, даются знамения, которые несут традиционный для Библии образ потрясения вселенной в момент явления светлой Силы и Славы Господа.

Далее говорится, что «*явится на небе знамение Сына Человеческого*». Святые отцы часто толковали это место как явление на небе образа Креста Христова. Но сейчас, особенно в связи с параллельными местами в других евангелиях, часто говорят и о том, что, скорее всего, это явление Самого Сына Человеческого на некоем духовном небосклоне.

Ст. 32-35. «*Научитесь от притчи, которую являет собою смоковница. Когда ветвь ее набухает и пускает листья, вы знаете, что лето близко. Так и вы, когда увидите все это, знайте, что близко, за дверью. Воистину говорю вам, что не прейдет поколение это, как все сие сбудется. Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут*».

После явного называния важнейших признаков Своего пришествия Господь начинает как бы развивать ту же

тему в аналогиях – образах и притчах. Евангелист Матфей прекрасно собрал все эти места. Должно быть, всем уже памятно, что проповедь на Елеонской горе, как и Нагорная проповедь в этом же Евангелии, – сборник, и сборник не менее замечательный, ибо в нем есть внутренняя последовательность, единство темы, духа и смысла.

Итак, первая аналогия – образ смоковницы, который по своему смыслу еще совершенно прост и ясен. Господь как бы говорит: «Смотри́те на открытые вам признаки, смотри́те уже сейчас, не откладывайте на будущее, для кого-то, вы сами всегда смотри́те и делайте выводы».

Не случайно Господь говорит о «*поколении этом*», которое не успеет пройти, как все сбудется. Конечно, под «*поколением этим*» подразумевается не просто какое-то одно поколение. Слово «поколение» употреблено здесь и во втором смысле, в том, в котором Господь уже употреблял его в других Своих проповедях, например, говоря об «*этом поколением блудном и грешном*» (см. Мк 8:38). Так снова подтверждается, что этот образ, как и все названные Господом признаки, относится не только к концу Иерусалима и Ветхого Завета, но и к концу истории.

Далее Господь говорит о том, что «*небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут*». То есть слова Господа имеют большее значение, больший вес, чем весь этот мир. Чтобы лучше понять это, вспомним, что «небо и земля» есть специфическое для библейского текста идиоматическое выражение, которое означает всю вселенную, весь мир. Поэтому данное место и надо читать так: этот мир пройдет, но слова Господа не пройдут, ибо они приобщены к Истине, которая выше и ценнее мира сего. Таким образом, на «новом небе и новой земле», в Новом мире, истина останется той же.

Ст. 36-44. «*Но о дне этом и часе не знает никто, ни Ангелы небесные, ни даже Сын, а только один Отец. Ибо каковы были дни Ноя, таково будет и пришествие Сына Человеческого. Ибо как во дни те, перед Потопом, люди ели и пили, женились и замуж выходили, до самого дня, как вошел Ной в Ковчег, и не ведали, покуда не пришел*

Потоп и всех их не погубил; таково будет и пришествие Сына Человеческого. Тогда двое мужчин будут на поле, и один будет взят, а другой оставлен; две женщины будут молоть на одной мельнице, и одна будет взята, а другая оставлена. Итак, бодрствуйте; ведь вы не знаете, в какой день придет Господин ваш. Подумайте: если бы домохозяин знал, в какое время ночи придет вор, он бодрствовал бы и не дал вору проникнуть в дом. Потому будьте готовы и вы; ведь в тот час, в который вам не ждете, придет Сын Человеческий».

Вот развитие темы. Здесь уже говорится не просто о том, чтобы смотреть за признаками, как было прежде сказано в связи со смоковницей, но дается энергичный призыв бодрствовать и готовиться.

Последний Суд, Суд Божий, о котором здесь явно идет речь, настигает человека внезапно, и потому к нему надо быть готовым, для чего и надо бодрствовать. Иначе с людьми будет то же, что было во дни Ноя, при заключении первого исторического завета: один спасется, а другой погибнет. Таким образом, эта аналогия с Ноем – тоже своеобразное предупреждение.

«*О дне этом и часе* – что важно и о чем нам всегда следует помнить – *не знает никто*». «Сроки» Пришествия сокрыты ото всех, сокрыты, как Господь говорит, даже от Него. Они – во власти одного Бога Отца, ибо зависят и от нас…

Ст. 45-51. «*Кто раб верный и разумный, которого поставил господин над всей челядью своей, чтобы в надлежащее время давать им еду? Блажен раб, которого господин, вернувшись, застанет делающим свое дело; воистину говорю вам, что он поставит его над всем достоянием своим. Но если раб тот окажется негодным и скажет в сердце своем: "Господин мой вернется не скоро!" – и примется бить сотоварищей своих, а сам пировать и упиваться с кутилами, вернется господин раба того в день, когда тот не ждет, и в час, которого тот не знает, и рассечет его на части, и даст ему долю с лицедеями; там будет рыдание и скрежет зубов*».

Это уже третий образ-иносказание. Первая аналогия была со смоковницей, вторая – со временем потопа и подкапывающим ночью дом вором, а третья – это притча о верном, разумном, и неверном, неразумном, рабе.

Интересно, что хозяин, удаляясь, ставит своего верного, как он думает, раба, для того чтобы питать других. Это значит, что на верных, верующих, как бы мир стоит, именно они дают ему пищу и соль.

Здесь уже начинается учение о том, как жить верным Божьим до «Второго» пришествия Христа. Им не надо никогда «пить», т. е. им надо трезвиться в прямом и переносном смысле. Также им не надо никого «бить». И это имеет смысл напоминать христианам, которые иногда теряют трезвость и даже очень любят побивать друг друга, например, все тем же Словом Божьим или словами святых отцов, канонами или догматами, что и в истории было не однажды, да и сейчас еще нередко бывает.

Что значит «*рассечет*» неразумного и неверного раба «*на части*»? Это значит – изобличит двойственность, выявит двоедушие, лицемерие того раба, который, назвавшись верным, не будет иметь в себе Жизни вечной, Царства Небесного. А участь действительно верных, согласно этой притче, – та, что Бог возвысит их над миром сим и введет в Свое Царство, Царство Радости и Мира в Господе.

Гл. 25, ст. 1-13. «*Тогда подобно будет Царствие Небесное тому, как если бы десять дев со светильниками в руках вышли встречать жениха; а было среди них пятеро глупых и пятеро разумных. И вот глупые, взяв светильники свои, масла не взяли с собою; а разумные взяли вместе со светильниками сосуды с маслом. Но жених все не приходил, и все они задремали и уснули. А в полночь раздался вопль: "Вот жених, встречайте его!" Тут все девы встали и оправили светильники свои, и глупые сказали разумным: "Дайте нам вашего масла, а то светильники наши угасают". Но разумные отвечали так: "Боимся, что недостанет нашего масла и для нас, и для вас; лучше пойдите к продавцам и купите". А пока они ходили покупать, пришел жених; те, кто были*

готовы, вошли вместе с ним на брачный пир, и дверь затворилась. А после приходят и прочие девы со словами: "Господин! Господин! Отвори нам!" Но он сказал им в ответ: "Воистину говорю вам: не знаю вас".

Итак, бодрствуйте: ведь вы не знаете ни дня, ни часа».

Идет дальнейшее развитие темы бодрствования и Суда. Рассказывается притча о десяти девах – пяти верных, разумных, и пяти неразумных, юродивых. У кого есть «масло», кто достойно встречает Жениха, тот и входит в царский чертог, на единственный в жизни действительно брачный Пир, а у кого не хватает «масла», тот не допускается никуда.

Здесь вся проблема в этом «масле». В притче у одних его хватило, а у других недостало. «Масло» – символ деятельной любви и милосердия, т. е. силы и действия благодати Божьей в нас. Если в нас нет этой благодати, если «*из чрева*» нашего не текут «*реки воды живой*», что только и является признаком подлинной христианской жизни, то это означает, что «масла» нам не хватает.

Нам надо знать, что это масло добывается на стогнах (т. е. площадях) и торжищах мира сего и что в последний час мы уже не сможем занять этого масла у других, ибо никому нельзя сразу, самому нисколько не трудясь в этой жизни, подготовиться к пришествию-парусии и достойно встретить Жениха-Христа во Славе.

Итак, участь разумных и верных – это мессианский брачный Пир. Бог вводит их в Царство Небесное, но до этого им все время надо уже бодрствовать в любви.

Все «девы» из притчи символизируют христиан, в чистоте и целомудрии встречающих со своими светильниками Жениха-Христа, грядущего в Силе и Славе на Свой Брак. Они сами тоже призваны стать «*светом миру*». И мы должны стать этими светильниками, т. е. источниками света. И хотя это, в первую очередь, внутренний свет, мы, тем не менее, не должны светить только себе, не должны спасать только себя. Уча и спасая других, всегда учишь и спасаешь также и себя.

Эта притча заставляет нас пересмотреть и, насколько возможно, изменить всю свою жизнь. Она не запугивает нас муками ада, но она является образом истинного Страшного, Грозного Суда нашей жизни и совести.

Ст. 14-30. «*Да, это как если бы некто, удаляясь в другую страну, созвал рабов своих и оставил на них достояние свое; и вручил он кому пять талантов, кому два, кому один, каждому по силам его, и удалился. Тот, кто получил пять талантов, немедля пошел, вложил их в дело и нажил еще пять; равным образом и тот, кто получил два, нажил еще два. А тот, кто получил один, отошел и закопал деньги господина своего в землю. По прошествии долгого времени возвращается господин рабов тех и требует с них отчета. И тот, кто получил пять талантов, приблизясь, поднес другие пять со словами: "Господин, ты дал мне пять талантов; смотри, я нажил еще пять талантов". Сказал ему господин: "Хорошо, раб добрый и верный! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; раздели радость господина своего!" И тот, кто получил два таланта, приблизясь, сказал: "Господин, ты дал мне два таланта; смотри, я нажил еще два таланта". Сказал ему господин: "Хорошо, раб добрый и верный! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; раздели радость господина твоего!" И тот, кто принял один талант, приблизясь, сказал: "Господин, я знал, что ты человек суровый: жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал. Устрашась и отойдя, я зарыл талант твой в землю; вот тебе твое!" И ответил господин ему такими словасм: "Раб злой и ленивый! Ты же знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал! Потому тебе надо было отдать мои деньги в ссуду, и тогда, возвратившись, я получил бы свое с лихвой. Так отберите у него талант и отдайте тому, у кого десять талантов. Ибо каждому имущему будет дано в преизбытке, а у неимущего отнято будет и то, что у него есть. И выбросьте этого негодного раба во тьму внешнюю! Там будет рыдание и скрежет зубовный"*».

Притча о талантах – уже не просто о том, что надо бодрствовать и готовиться, она ведет дальше и говорит, ка́к нам надо это делать, как проявлять в своей жизни деятельную любовь.

Наши таланты, согласно этой притче, – от Бога, это Его собственное имение. Даются они «каждому по его силам». Из этого сам собою становится очевидным вывод, что чем больше сил у человека, тем больше у него талантов, тем более он талантлив. Почему в истории бывают гениальные эпохи и эпохи совершенно бездарные, абсолютно нетворческие? Нашим современникам далеко ходить за примером, видимо, не надо. Это происходит оттого, что они расслабились, потеряли свою силу. Соответственно этому и таланты их невелики. А часто в них не держится даже то «масло», тот дар, который им был уже когда-то дан. К сожалению, это касается и многих верующих. Тем не менее всякий человек талантлив всегда. Но талант свой всем надо еще «вложить в дело», т. е. служить им другим – в мире, в обществе и в Церкви. Само Христианство есть такая жертва, такое служение! Только так и тогда у нас может произойти умножение талантов.

Зарыть свой талант в землю – значит, употребить его только на себя. Интересно, что, по притче, тот раб, который умножает талант, называется верным и добрым, а тот, кто скрывает его, кто употребляет его только на себя и для себя, называется неверным и недобрым. Участь доброго – возвышение и радость, Царство Божье, независимо от количества талантов. Недоброму же требования Господа показались жестокими. Такой человек обычно рассуждает так: зачем рисковать собой и своим, тем более последним? Увы, этот раб лукав и ленив, а поэтому даже в этой жизни наиболее беден пред Богом. Не забудем же, что лень и лукавство – страшнейшие грехи, хотя, к сожалению, мы так редко извне об этом слышим.

Если у доброго слуги прибавится к тому, что он имеет, и будет изобилие, то у ленивого и лукавого, т. е. злого, отнимется даже то, что он, кажется, имел, – и его жизнь, и то, что ему было дано в силу его со́образности Богу, в силу

того, что он – носитель образа Божьего. И тогда он окажется прямо во «тьме внешней», или по-славянски, в «аду кромешном». Эта тьма – внешняя по отношению к Богу, Который есть Свет. Таким образом, он окажется без Света и Жизни вечной, вне Царства Божьего, Небесного.

Отсюда снова и снова следует повторение той же темы, что и в прежних притчах: бодрствуйте и свой «талант», как свое «масло», умножайте до избытка, употребляя его еще на земле на служение, употребляя его «в дело».

Добавим к этому, что каждому человеку дается не только разное количество талантов, но и разные таланты, т. е. разные дары от Бога. Различие этих даров также помогает людям служить друг другу, ибо ни у кого из нас нет «всего и сразу».

Следующий отрывок не случайно читается в церкви в Воскресенье, Неделю о Страшном Суде, перед самым началом Великого поста. Здесь речь идет уже о самом Последнем Суде. Этот отрывок – не некая дидактическая, запугивающе-нравоучительная картинка, которую мы, согласно поздним грубо схоластическим традициям, часто представляем себе, полагая, что каждому воздается жестоким наказанием отдельно за каждое его недоброе дело. Суд в Евангелии представлен совсем иначе. Его образом может служить любая из притч, только что нами прочитанных: притча о талантах, притча о десяти девах и т. д. К слову говоря, так оно и было в иконографии древней церкви.

Ст. 31-46. «*А когда Сын Человеческий придет во славе Своей, и все Ангелы с Ним, тогда воссядет Он на престол славы Своей; и приведут к Нему все народы, и Он отделит одних от других, как пастух отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую руку от Себя, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, кто по правую руку от него: “Приблизьтесь, благословенные Отца Моего! Примите Царствие, уготованное для вас от основания мира. Ибо Я был голоден, и вы дали Мне поесть; жаждал, и вы напоили Меня; был чужестранцем, и вы дали Мне приют; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы*

ходили за Мной; в заточении был, и вы навещали Меня". Тогда праведники спросят Его: "Господи, когда это мы видели Тебя голодным, и накормили, или жаждущим, и напоили? Когда же это мы видели Тебя чужестранцем, и приютили, или нагим, и одели? Когда же это мы видели Тебя больным, или в заточении, и навещали Тебя?" И Царь скажет им в ответ: "Воистину говорю вам: все, что вы сделали для одного из этих Моих братьев меньших, вы для Меня сделали". Тогда скажет он и тем, что по левую руку: "Идите прочь от Меня, проклятые, в вечный огонь, уготованный Диаволу и ангелам его! Ибо Я был голоден, и вы не дали Мне поесть; жаждал, и вы не напоили Меня; был чужестранцем, и вы не дали Мне приюта; болен и в заточении, и вы не ходили за Мной". Тогда спросят и они: "Господи, когда это мы видели Тебя голодным, или жаждущим, или чужестранцем, или нагим, или больным, или в заточении, и не послужили Тебе?" Тогда Он ответит им: "Все, чего вы не сделали для одного из этих меньших, вы не сделали для Меня". И пойдут они на муку вечную, а праведники – в жизнь вечную».

Итак, перед нами итог Суда Христова – разделение людей на спасенных и не спасенных. Это зависит от духа и плодов их жизни, т. е. просто от дел и, в то же время, не просто от их дел и всего того, что́ они делали по долгу. Это зависит и от того, ка́к они жили, – в соответствии ли со своей верой, в соответствии ли со своей любовью и со своими служениями, которые могли быть различны, помогли ли они голодным, жаждущим, странникам, больным, заключенным, каждый из которых есть младший брат распятого, страждущего Христа. Отсюда и вывод – перед каждым стоит дилемма: или Жизнь вечная, или Смерть, ад. Две крайности, два предела, две участи, две судьбы, но мы выбираем их сами, как мы сами выбираем себе и свою жизнь, и свою смерть.

Господь от каждого ждет любви и, следовательно, жертвы служения. Но даже если у кого-нибудь пока этого нет, лучше хоть что-то делать во славу Божью по внутреннему или внешнему долгу и закону, чем никак и ничего не

делать, чем «раскисать» и ждать, когда кто-то послужит тебе, что, к сожалению, еще часто с нами бывает. Надо знать, что служа в духе и истине Богу, мы служим и людям, а служа в духе и истине людям, мы служим и Богу. Лишь бы это служение не превратилось во внешнее, только внешнее дело во имя свое, лишь бы оно не было отчуждено от Любви Божьей во Христе Иисусе.

Отсюда и разделение на «*овец*» и «*козлов*». Часто это разделение проходит по са́мому нашему сердцу, ибо не только между людьми, но и в нас самих есть место и овце, и козлу, и козлиному, и овечьему. Но важно, что́ в нас сильнее, за чем и за кем мы следуем, кому мы в конце концов отдали свое сердце. В зависимости от этого и станет человек по ту или по другую сторону от вышнего Престола Суда. Тем же образом отличаются и верные Богу от неверных, так же определяется путь и дух жизни каждого человека и ее результат, итог.

Вот почему нам так важно и осознавать себя, и быть истинно верующими в Бога и Христа, Сына Божьего. Только надо при этом помнить, что превозноситься над остальными мы не имеем никакого права, ибо мы сами еще несовершенны и можем в любое время обратиться из овец и агнцев в рогатых козлов.

Интересно толкование притчи о Страшном Суде, данное св. Иоанном Златоустом. Он подметил, что в этом месте Евангелия Господь требует от нас лишь самого минимума, только того, что на самом деле всегда по силам каждому. Господь не говорит: «болящего – исцели, заключенного – освободи». Он говорит: «к заключенному – приди, болящего – посети». Как сказал Иоанн Златоуст, Господь тем самым «предоставляет самим нам ревновать о большем». Да, было бы лучше больного исцелить, заключенного освободить, но ведь не всегда и не каждый из нас может это делать. Вот Евангелие как бы и говорит о посильном проявлении любви: сделай то, что можешь, пусть и по минимуму. Можешь больше – делай больше, что всегда очень важно и нужно, но меньше минимума не делай никогда!

В конце притчи о Страшном Суде, в 46 ст., еще говорится о том, что неправедные, жившие ниже человеческого призвания, «*пойдут в му́ку вечную, а праведные – в Жизнь вечную*».

Остановимся на этих понятиях: «*мука вечная*» и «*Жизнь вечная*». Дело в том, что слово «вечность» в обоих случаях звучит одинаково, но важные нюансы его смысла различны. Когда речь идет о «муке вечной», этому слову придается значение, которое сродни бесконечности, именно той «дурной бесконечности», что принадлежит только этому миру и злу в нем. Как, допустим, круг и кольцо бесконечны, и по ним можно бесконечно скользить, двигаться, прыгать, как белка в колесе. И вот жизнь «как у белки в (злом) колесе» – и есть «мука вечная» для человека. Хорошо только, что ожидается светопреставление, что мир сей преходящ, и нет в нем вполне соответствующих Богу, но каких-то темных, пространств и вполне подобных Ему, но темных, сил.

Значит, и на самом деле эта «вечность» мук – не совсем вечность. И поэтому, когда мир сей пройдет, тогда, как говорил св. Григорий Нисский, и муки вечные прекратятся. А вот «Жизнь вечная» – не преходяща, не бесконечна, а в точном смысле слова вечна, подобно тому, как мы говорим о Боге, что Он вечен, а не бесконечен, ибо Он в отношении ко времени трансцендентен. Здесь слово «вечность» является понятием вообще вневременны́м. Не случайно в Апокалипсисе (Откр 10:6) говорится о последних временах, когда и «*времени уже не будет*». Такая вечность есть знак инобытия, т. е. совершенно иного существования – полной и истинной экзистенции, Жизни человека в Духе Святом с Богом во Христе с ближними.

На этом завершим изъяснение апокалипсиса Евангелия от Матфея, а далее прочтем несколько небольших отрывков из апостольских посланий. Раньше мы этого не делали, изредка ограничиваясь лишь краткими цитатами из Апостола, но ныне наша тема такова, что пусть почти без комментариев, но нужно и из него услышать нечто

важное, ведь во многих книгах Нового завета существуют свои «апокалипсисы».

1 Кор 15:20-28. Апостол Павел говорит: «*Христос восстал из мертвых, начаток усопших. Ибо, поскольку чрез человека – смерть, чрез Человека и воскресение мертвых. Ибо, как в Адаме все умирают, так и во Христе все будут оживотворены. Но каждый в своем чине* (здесь апостол Павел обращается к тем, кто во Христе, т. е. к христианам, поэтому он и говорит, что "*все оживут*", хотя и "*каждый в своем порядке*"): *начаток Христос, затем Христовы в пришествие Его. Потом конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда Он упразднит всякое* (т. е. чуждое Богу) *начало и всякую* (также чуждую Ему) *власть и силу. Ибо надлежит Ему* (т. е. Христу) *царствовать до тех пор, пока Он не положит всех врагов под ноги Свои. Как последний враг, упразднена будет смерть. Ибо Бог все подчинил под ноги Его. Когда же Он скажет, что все подчинено, – ясно, что за исключением Подчинившего Ему все. Когда же подчинено Ему будет все, тогда и Сам Сын будет подчинен Подчинившему Ему все, чтобы был Бог всё во всём*».

Вот прекрасные слова о том, как Бог, в конечном счете, будет «*всё во всём*», потому что пройдет все отчужденное от Бога, то, что не от Бога и не в Боге.

Итак, «*как в Адаме все умирают*», в результате греха Адама, «*так и во Христе*», в результате явления Христовой Любви в мир, особенно на Кресте и в Воскресении, «*все*», кто принимает Христа верой, сердцем своим, «*будут оживотворены*». Но оживут, конечно, в ином, одухотворенном теле.

А как часто мы понимаем воскресение мертвых буквально, будто люди чуть ли не встанут из могил такими, какими легли в них. К сожалению, реалистические картины последних веков очень способствовали такому представлению, а оно совершенно не соответствует церковной правде. Вот и вышла та самая сказка, против которой справедливо восстали люди. Новый завет учит о воскресении иначе, и одно из самых ярких мест этого учения, кроме Ин, вся 15-я глава 1 Кор.

В связи с этим для нас важно и то, каким будет тело воскресших. Их тело, по Евангелию, будет равноангельским, т. е. подобным ангелам небесным (ср. Мк 12:25), но только личным, своим. Ибо тело каждого будет хотя и духовным, но своим собственным телом (см. 1 Кор 15:35-50). Не вообще чьим-то телом, как в благонамеренной, но сказочной индийской теории перевоплощения. Христианство не признает эту теорию именно потому, что она нивелирует личность, вследствие чего человек теряет себя, свою целостность. Нет, тело у воскресших будет своим телом, хотя и духовным. По воскресении Христос мог есть и пить, но Он же в этом Своем воскресшем теле мог проходить через затворенные двери.

И наконец, что имеется в виду, когда говорится, что в конце и Сам Сын, Иисус Христос, покорится Отцу? Это знак полного единства под главенством единоначальствующего Отца, единства уже не только Отца и Сына, но и всего того, что с Сыном, и всех тех, кто с Сыном.

2 Пет 3:3-4, 8-15а, 17-18. Здесь апостол Петр говорит: «*Прежде всего знайте, что в последние дни придут насмешники с глумлением, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обещание пришествия Его? Ибо с тех пор, как умерли отцы, всё остается так от начала создания*». И далее: «*Но это одно пусть не остается скрытым от вас, возлюбленные, что один день у Господа, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь с исполнением обещания, как некоторые считают то промедлением, но оказывает вам долготерпение, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию*».

Здесь очередная антиномия в Писании. С одной стороны, как мы помним, говорится, что «*ради избранных сократятся дни те*», иначе из-за грядущих тяжелых испытаний никто не спасется, а с другой – что Господь «*долготерпит нас*» и продолжает историю, как и мы терпим и согласны на это продолжение, «*чтобы все пришли к покаянию*», ибо мы знаем, что будущее поколение, пока-

явшись, будет способно повлиять к лучшему не только на все будущее, но и на все прошлое.

И наконец, следует как бы итоговое увещание апостола Петра: «*Потому, возлюбленные, ожидая этого, постарайтесь, чтобы Он нашел вас без пятна и без порока в мире, и долготерпение Господа нашего считайте спасением... Итак вы, возлюбленные, зная то заранее, берегитесь, чтобы вам не быть увлеченными заблуждением беззаконников и не отпасть от своей твердости, но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и теперь и в день вечный, аминь*».

В заключение сделаем выводы из того, о чем говорилось в этой теме.

Во-первых, не будем забывать о том, ка́к надо понимать эсхатологические и апокалиптические тексты. Здесь важно не путать буквальный (однозначный) и символический (многозначный) подходы.

Во-вторых, не будем забывать, что, читая эти тексты, надо переходить от привычного нам физического и исторического времени-пространства к трудному эсхатологическому и метаисторическому. Например, мы так делали, когда одно и то же пророчество одновременно относили и к падению Иерусалима, и к концу истории и мира.

В силу такой условности эсхатологических и апокалиптических текстов, в силу особенностей их выразительных средств и понимания, еще требуется остановиться на одном моменте, которым часто спекулируют и которого часто не понимают. Многие замечают, что в эсхатологических и особенно апокалиптических текстах большое внимание уделяется угрозам, а также таким социоморфным категориям, которые, как когда-то писал С.С. Аверинцев, оперируют только белой или черной красками, которые только как бы «одноцветны»: это господство и рабство (подчинение), преступление и наказание (возмездие, месть), власть (сила) и бессилие и т. п.

Из всего ранее нами сказанного можно сделать вывод, что это проистекает из того, что эти тексты по своему

назначению всегда являются скорее предупреждающими и, следовательно, условными, зависящими от актуального духовно-нравственного состояния людей (на чем настаивали Н.Ф. Федоров и Н.А. Бердяев), откровениями о началах и концах. Поэтому они не могут учитывать никаких промежуточных состояний, граней и красок, да и не должны этого делать. Таким образом, все совершаемые в них от имени Бога манифестации силы, все угрозы наказания и т. д. нельзя переоценивать, как нельзя их и понимать лишь буквально. Через правильное понимание надо избавляться и от всякого иного социоморфизма апокалиптических пророчеств.

Не забудем, что все апокалипсисы – всегда тайна, что, однако, не значит, что для нас они – просто неясность. Эта тайна не может быть сейчас полностью раскрыта. Замечательно говорит об этом апостол Павел: «*Теперь мы видим гадательно в зеркале, тогда же* (в последний День) – *лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, тогда же познаю подобно тому, как и я был познан*» (1 Кор 13:12).

Надо избегать и других характерных ошибок эсхатологического сознания в церкви и у верующих, прежде всего тех ошибок, к которым приводят любые крайности сектантского духа, когда та или иная часть правды или истины выдается за целое, как это было свойственно очень многим христианским и даже «церковным» учениям и движениям в истории.

Так, эсхатологическое сознание часто слишком притупляется, а иногда даже как бы вовсе пропадает. При этом предполагается, что в жизни все уже ясно, все стоит на своих местах, и поэтому в ней уже нет места Тайне Последнего Дня. Это можно было наблюдать в Римской империи, особенно в Византии, ощущавшей себя целостной «вселенной» (экуменой) и царством Отца и Сына и Святого Духа. То же иногда было в Российской империи. То же бывало и бывает в католической церкви, когда она Царство Божие пыталась и пытается отождествить с горней Церковью (и иногда даже с церковью дольней, со строчной буквы, как своего рода всемирным государством во главе с папой).

Желая избежать такого рода ошибок, будем помнить, что Царство Божье хотя и приблизилось, но еще только благовествуется. Оно – завещанное Христом единственное наше наследие, как сказал Господь: «*И Я дарую вам Царство, как даровал Мне Отец*» (Лк 22:29). Итак, никогда не будем упускать из виду, что должен быть заключен и вступить в силу еще и «седьмой» Завет, в Полноте Царства Божьего.

Другая крайность – когда эсхатологическое сознание в церкви или у отдельных верующих, напротив, слишком заострено. Это особенно характерно для разного рода сект, вычисляющих и искусственно приближающих Божьи «сроки». Причем не обязательно для сект протестантских, ибо это бывает и в православных сектах (типа старообрядцев), также иногда доходящих до смешения в эпоху Нового Завета двух Заветов – шестого и седьмого, как это бывало еще у некоторых ветхозаветных пророков. Но вспомним апостола Петра, сказавшего: «*Долготерпение Божие почитайте спасением*», и еще такое слово Господне: «*Итак, бодрствуйте: ведь вы не знаете ни дня, ни часа*» (Мф 25:13).

Пример того же крайнего эсхатологического сознания и отношения дает нам раннехристианская книга «Дидахи» («Учение двенадцати апостолов»), где есть такая сильная фраза: «Да приидет благодать и да прейдет мир сей!» Теперь всем нам должно быть понятно, отчего родилась эта фраза. Она – крик ищущей души, идущий от живого и трагического восприятия неполноты, ущербности, зла и несправедливости этого страшно падшего мира, зла, нередко проникающего даже в церковь дольнюю.

Но здесь и требуется «*терпение святых*», чтобы не произошел перегиб. Древние христиане страстно желали увидеть пришествие Господа, но при этом нередко хотели избежать узкого пути жизни в мире сем, тем самым обесценивая в новозаветный период его историю и культуру. У них в собраниях было даже такое, по своему́ происхождению апостольское, восклицание, служившее и призывом и возвещением: «Мара́нафа́», т. е. «Господь наш грядет!», в смысле – грядет сейчас, вот-вот.

Гармонично выразил подлинно православное эсхатологическое отношение христианина к своему месту в жизни и истории Г.П. Федотов, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. В своей статье «Культура и эсхатология» он писал: «Вот максима личной жизни: живи так, как если бы должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы был бессмертен... Работай так, как будто бы история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня...»

Да, это бывает очень трудно осуществить в жизни, но это есть прекрасное выражение христианского антиномического и вместе с тем гармоничного эсхатологического сознания. Из него решается и проблема соотносительной ценности для нас мира и того, что в мире, в том числе каждого человека и всей человеческой культуры.

Так, с одной стороны, апостолом Иоанном Богословом сказано: «*Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек*» (1 Ин 2:15-17). Но с другой стороны, по словам того же Г.П. Федотова, «отношение к миру – следствие отношения к себе». Значит, духовный человек не должен оставаться тем, о ком апостол Павел сказал «*дитя умом*» (1 Кор 14:20), – мудрость приводит его к культуре. Кроме того, человек способен творить, и это творчество также есть плод духа, по которому познается он сам. А одним из основных плодов любого человеческого творчества является культура.

Как и ко всему подлинному в мире, к человеческой культуре можно отнести слова Господа: «*В доме Отца Моего обителей много*» (Ин 14:2). Г.П. Федотов писал в уже упомянутой нами статье: «Ничто подлинное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе. Тогда все наши фрагментарные достижения и приблизительные истины, все несовершенные удачи найдут себе место, сложившись, как камни, в стены Вечного Града».

Отсюда, в частности, проистекает наше утверждение в абсолютной ценности земной жизни человека, хотя часто христианству приписывают обратное. Есть и сами христиане, дающие для этого повод, говорящие, что, мол, эта жизнь – ничто, а жизнь загробная, будущая – всё. На это враги христианства резонно отвечают: «А у нас наоборот: все в этой жизни».

Но ведь в действительности дело обстоит иначе: как раз у них эта жизнь ничто: ешь, пей, веселись, гуляй, «*потому что завтра умрем*» – и всё, конец. Только в христианстве эта жизнь реально имеет абсолютную ценность и значимость, поскольку лишь в ней или раскрывается в человеке Царство Божье Небесное, или, как сказано в Евангелии, наоборот, у него отнимается и то, что он имел. Так что и наша забота о культуре может быть свидетельством подлинного эсхатологического сознания. Это забота не столько о количествах, о предметах жизни и ее удобствах, сколько о качествах, о разных по своей красоте и доброте «обителях» в доме Отца нашего Небесного.

В итоге можно сказать, что верное эсхатологическое сознание в церкви и в нас – это свидетельство полноты действительной и действенной жизни Духа Святого в христианине и христианстве. Связанные же с этим сознанием соблазны и ошибки – свидетельство ущербности и болезней этой жизни.

Верным и трезвенным должно быть и наше апокалиптическое сознание, которое ведет, устремляет нас к седьмому, метаисторическому Завету. Оно ярко выражено в последней книге Нового завета, в Откровении св. Иоанна Богослова, в книге, которую нам тоже надо читать и понимать, а все написанное в ней исполнять. В конце ее мы читаем, как Господь говорит: «*Се* (вот), *гряду скоро!.. И Дух и Невеста* (т. е. Церковь, отвечая) *говорят: Гряди!*» (Откр 22:12, 17).

Скажем и мы себе и всем другим, находящимся в одном Духе с Господом и Его Церковью: «*Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи!*», «*бодрствуйте и трезвитесь!*», «*готовьтесь!*».

И да призовем всем сердцем Полноту благодати Божьей: «*Ей, гряди, Господи Иисусе!*»

И да отзовется наш дух на этот призыв единым словом:

«Аминь!»

Господи, мы благодарим Тебя за Твое откровение Жизни вечной, непреходящей в Слове Твоем и в жизни Церкви Твоей, которая есть мир Твой. Мы благодарим Тебя за Твое долготерпение к нам. Дай же и нам видеть свои немощи, но не падать духом и не унывать, а переходить от силы в силу, познавая, что благоугодно Тебе, и все это исполняя. Помоги не забывать, что вся тварь, весь мир стенает и мучается совокупно, ожидая откровения славы сынов Твоих, то есть ожидая явления через нас Любви Твоей. Помоги нам, Господи, являть Твою Любовь теми талантами, которые Ты нам даешь, помоги служить нашим ближним и друг другу. Яви же, Господи, через нас волю Свою. Помоги нам всем в каждый значительный момент жизни взывать к Тебе:

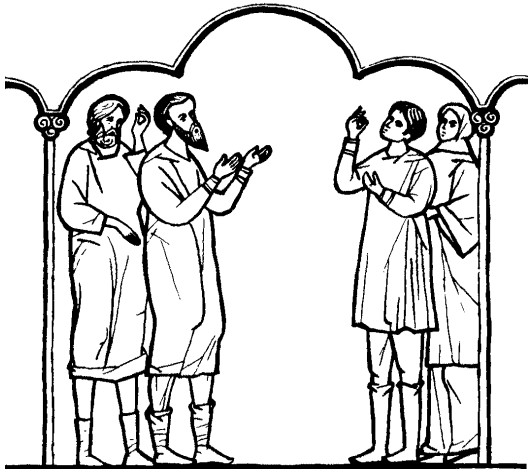
«Ей, гряди, Господи Иисусе!»

Аминь.

Тема XVI

Жизнь в Церкви ее полных, истинно крещеных членов

Два ее главных направления: постоянное свидетельство-освящение и вечное совершенствование-преображение



Господи, Боже наш, Отец наш Небесный, мы благодарим Тебя за Твою великую милость к нам, за то, что Ты собрал нас вместе, чтобы мы славили имя Твое, чтобы мы учились служить Тебе. Господи, благодарим Тебя и за то, что Ты открываешь нам Жизнь Свою, открываешь нам жизнь в Церкви, Жизнь вечную, которая уже входит в наше время и в нас и к которой мы уже стремимся приобщиться. Господи, помоги нам провести нашу встречу внимательно, чтобы Духом Твоим мы смогли научиться жизни в Церкви; помоги нам сегодня особенно внимательно отнестись к Твоему слову, ибо мы будем говорить о том, как нам жить дальше; Господи, помоги нам не отвлекаться, чтобы принести достойные плоды настоящего дня нашей жизни. Аминь.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ваша жизнь как просвещаемых, неполных членов церкви, скоро завершится и подготовка к таинству крещения, поэтому сейчас настала пора нам поговорить о жизни полных членов церкви. Эта жизнь скоро начнется, сразу после вашей «пустыни», и жить надо будет уже по-новому без дополнительных объяснений.

Однако это будет только обзорная тема, в которой вещи будут больше называться, чем объясняться, ибо нет смысла подробно объяснять то, что еще не вполне доступно вашему личному опыту. Назвать же эти вещи нужно, потому что, во-первых, все-таки что-то отчасти всем уже известно из опыта оглашения и, во-вторых, с самого начала нам нельзя упустить важнейшую цель устроения церковной жизни – достижения ее полноты.

К сожалению, в нашей церкви сейчас очень много людей, не имеющих даже понятия о полноте христианской жизни, хотя людей часто и замечательных, по-своему искренних и благочестивых. Это не вина, а беда большинства из них, это ведет их к разорванности, расколотости и индивидуализации церковной жизни, чего нам надо стараться избегать всеми силами, особенно в наше время.

Почему в названии темы сказано именно об «истинно крещеных» членах церкви? Потому что, к сожалению,

кроме не знающих полноты жизни, т. е. некрещеных, в церкви, как известно, до сих пор еще очень много номинально крещеных людей, а истинно крещеных и по-христиански в благодатной полноте живущих значительно меньше.

Эти истинно крещеные и есть «верные», полные члены церкви, если они, конечно, не отпали от нее по каким-либо тяжким своим грехам. Впрочем, чтобы не впасть в крайность, вспомним здесь один из принципов духовной жизни: «уже, но еще не», из которого следует, что можно быть вполне истинно крещеным и, тем не менее, продолжать совершенствовать свое Крещение, которое, как и всякая Тайна Церкви, в нормальном случае совершается всю жизнь.

Так какова же эта жизнь? Жизнь в Церкви полных ее членов развивается одновременно в двух направлениях. В этом ее сложность. Сложность, которая к тому же связана с противоречивостью жизни одновременно и в Новом Завете, и в мирской истории, т. е. с тем, что, как мы уже говорили, сама Церковь, будучи не от мира сего, живет всегда в мире сем. И все, став полными ее членами, будут испытывать связанные с этим трудности на себе.

Итак, в духовной жизни начинающих полных членов церкви будет два направления, но *главный акцент постепенно будет переноситься с первого на второе*. Надо помнить об этой динамике, ибо она является свидетельством роста и укрепления в жизни Церкви каждого верного человека. Какие же это направления?

Первое – это постоянное *свидетельство* Духом Святым о Боге и Господе нашем Иисусе Христе и постоянное *освящение* (от корня «свят», а не «свет») себя и мира.

Как мы видим, здесь как бы два аспекта. С одной стороны, это свидетельство Духом Святым, постоянное духовное свидетельство о Боге и Христе Спасителе, и с другой (это второй аспект) – постоянное освящение, т. е. предание Богу, или очищение себя и мира, т. е. природы, человека и общества.

Второе направление – это *устремленность* к последнему, метаисторическому Завету и *вечное совершенствование* по образу Отца нашего Небесного в Любви и Свободе, а потому и все более полное *преображение* себя и мира. Такое преображение есть метаморфоза, просветление (от слова «свет») и возвышение (сублимация, конечно, не во «фрейдовском», а в духовном смысле) себя и мира, всего творения в целом.

Тут тоже два аспекта. Если в первом направлении – сначала свидетельство, проповедь, то здесь – постепенная, но полная открытость и устремленность к седьмому Завету, к Царству Божьему в Полноте Его. Если далее в первом направлении – освящение себя и мира, то здесь – постепенное, но полное преображение себя и мира, понятое как вечное совершенствование в Любви, Свободе и Свете по образу Отца Небесного. Вспомним Евангелие: «*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф 5:48).

Теперь подробнее поговорим о том, что практически стоит за первым и вторым направлениями и что для их жизненного осуществления требуется от верных христиан.

В первом направлении от верных христиан, т. е. от полных, истинно крещеных членов церкви, прежде всего требуется следующее.

1) *Личное добро*. Это то добро, о котором говорится в Библии: «*И увидел Бог яко добро*», т. е. «*что это хорошо*», и то, к чему нас зовет Господь, в частности, в молитве «Отец наш»: «*Да будет воля Твоя и на земле, как на небе*» – т. е. да будет, да откроется в мире Божья правда и справедливость, Божьи милосердие и суд, ведь, по словам ап. Павла, «*Закон* (Божий) *добр*» (1 Тим 1:8).

Иными словами, с одной стороны, это есть личная *доброта*, со всеми требованиями новозаветной этики, а с другой – личное добро христианина раскрывается и через все требования новозаветной эстетики в личной *красоте*. Ибо, по словам Н.А. Бердяева, Церковь есть мир как красота. В ней цветы, звуки, поют птицы и растет трава. Не слу-

чайно же «добро́та» со славянского обычно переводится как «красота». Не случаен и общий интерес, скажем, к церковной музыке и иконе – они часто оказываются прекрасными путеводителями в духовную глубину.

2) Еще от верных требуется принятие личного *закона* (*или канона*) жизни и известная личная дисциплина, особенно *дисциплина труда*. Это то, к чему нам, наверное, бывает труднее всего приобщаться.

В духовной жизни, как однажды сказал о. Всеволод Шпиллер, шаблонов нет. И верно! Жестких, мертвых шаблонов в Церкви, конечно, нет и не должно быть, но есть правила (по-гречески «каноны»), некие помощники-указатели, добытые в опыте формообразующие начала, которых и надо членам церкви придерживаться, но которые, в отличие от общих для всех и всего законов, имеют и свои исключения. Нам надо знать и понимать свои каноны и, если потребуется, уметь прилагать их к конкретным перипетиям современной жизни. Но нужно помнить и о том, что они сами по себе не универсальны и поэтому должны иметь *свое* место в духовной жизни и никогда не вырождаться в шаблон, что еще часто случается в богослужебной и других областях церковной жизни.

Для исполнения этого своего закона, этих правил и нужны постоянный труд, особенно молитвенный, и дисциплина, в том числе послушание. К сожалению, эти вещи ныне крайне дискредитированы. Никто не любит ни труда, ни дисциплины, потому что с детства на людей давили, с напором, но безосновательно говоря: трудись, трудись и будь дисциплинированным. Поэтому даже верующие люди часто сопротивляются принципам личной дисциплины и труда как насилию, как чему-то совершенно им лично чуждому.

На самом же деле каждому человеку ответственный труд и личная внешняя и внутренняя волевая организованность и дисциплина нужны как раз для того, чтобы не стать беззаконником и насильником и чтобы те самые правила, каноны (но не шаблоны) духовной жиз-

ни осуществить в своей жизни. Хорошо по этому поводу сказал замечательный русский театральный режиссер и артист Михаил Чехов: «Всякий талант (здесь очень интересно совпадение именно с евангельской терминологией, с притчей о талантах) без дисциплины труда обречен на отставание и смерть». Как здесь не вспомнить и древний основополагающий монашеский принцип св. Венедикта (Бенедикта) Нурсийского – *ora et labora*, т. е. молитва и труд.

3) От верных в первом направлении – постоянном личном свидетельстве и освящении – еще требуется личный *призыв к покаянию*, т. е. к исправлению жизни в духе *веры*, *надежды и любви* по отношению к Богу во Христе и всякому человеку.

Это призыв к покаянию как вне, так и внутри церкви дольней, ведь кого бы мы ни обрели в ней или вокруг себя в мире, мы должны покаянием своим, жизнью своей и словом своим каждого призывать к покаянию и исправлению жизни по вере, надежде и любви к Богу и ближнему.

Это же, по удачному выражению католиков нашего времени, – «апостолат мирян», т. е. свидетельство, *проповедь* как священнослужение, доступное для всех верных христиан. Ибо такое свидетельство, и все вы должны это понять, есть действительно священнослужение. Такая проповедь, где бы она ни произносилась, если она благодатна, духовна, в Духе Святом, является священнослужением, так же как, допустим, и огласительные встречи, на которые мы с вами собираемся не просто ради себя, – наше истинное христианское церковное священнослужение, служение Богу.

4) Далее, здесь же от верных требуется личное *научение* (оглашение) других, что также является своего рода свидетельством.

Это есть та самая трехступенчатая *катехизация*, которая по древней церковной традиции у нас с вами сейчас и проводится. Ведь после вашего научения к

вам тоже могут обращаться устремившиеся к Богу люди – ваши родственники, близкие, сослуживцы, даже люди вам совсем незнакомые, молодые и старые, симпатичные вам лично или нет. И далеко не всегда вы будете иметь возможность куда-то их направить. Очень часто вам самим придется «засучить рукава», умеете вы это делать или не умеете, и в качестве катехизаторов или крестных, т. е. людей, ответственных перед Богом, Церковью, своей совестью и самими крещаемыми, не только свидетельствовать им о Боге во Христе, как было сказано выше, но и хотя бы в минимальном объеме научать их принципам, основам всей христианской веры и жизни, т. е. катехизировать их, готовить к полноте жизни в Церкви.

5) Еще от верных требуется личное *обучение* себя и других соблюдению всего того, что Господь заповедал нам. Это целостная многоступенчатая христианская жизненная *школа*, целостная система христианского образования. При этом опыт жизни в большом городе показывает, что не только полное оглашение, но и следующая, средняя ступень такой школы (типа богословского колледжа), рассчитанная на продолжение и развивитие третьего этапа оглашения нормальных катехуменов, необходима для всех, независимо от их общей подготовки, места и служения в церкви, возраста и пола, профессии, места жительства, культуры, семейного положения и т. д., потому что каждый христианин должен быть еще и систематически обучен. Этого требует от нас Господь и Евангелие: *научите,* т. е. катехизируйте, всех, *крестите* их и потом еще *учите*, т. е. обучайте. И вот тогда Господь будет с нами «*во все дни до скончания века*».

Конечно, существуют разные уровни христианского образования. Есть еще духовная семинария (бакалавриат), духовная академия (магистратура) и докторат. Не каждый может получить образование на всех этих уровнях, но какое-то первоначальное обучение, то, что выше катехизации даже на ее заключительном этапе – таинствоводстве, должны посильно пройти все. Это и понят-

но. Ведь третий этап катехизации длится всего восемь недель. Но разве можно считать то, что говорится и совершается за время таинствоводства, достаточным для полноты христианской жизни и свидетельства? Очевидно, что нет. Даже только то, что дается на таинствоводстве, должно еще усваиваться хотя бы год, но затем об этом необходимо будет несколько лет еще что-то усиленно читать, а также говорить. Это обучение с целью освящения, наряду с обучением свидетельству, и должно быть главным на следующих ступенях христианской школы.

6) Здесь же от верных требуется и постоянное *духовное чтение*, которое должно быть упорядоченным, не случайным.

Люди и обстоятельства часто нам как бы «подсовывают» книги. И мы думаем: «Вот хорошая книга, дай-ка я ее прочту, а намеченная мною другая книга, тем более если она собственная, подождет». И так нам подсовывают и подсовывают книги, а мы всё читаем и читаем не то, что надо, – а то, что надо, откладываем на годы и десятилетия. Эту тенденцию и инерцию обязательно надо преодолевать. Потому что самое страшное – это сумбур, то самое смешение, которым живет современный все еще постмодерновый человек, тот самый хаос, который рождается из его беспорядочной, неорганизованной жизни.

Нам необходимо постоянное духовное чтение, но чтение, конечно, не однообразное. Оно должно быть разного настроения и разной глубины. Мы и сами не можем все время находиться на одном уровне. Поэтому наше чтение должно быть упорядоченным и продвигающим нас вперед, точнее, вперед и вверх. Так же, как и христианская школа. Неслучайно эти вещи взаимосвязаны.

Существуют списки литературы, рекомендуемой для чтения во время оглашения, таинствоводства и далее (см., например, в приложениях), и можно, придерживаясь их, конечно не как шаблона, а именно как правила, избежать того хаоса, который чаще всего бывает в этой области современной христианской жизни.

Здесь в первую очередь от верных христиан требуется личный опыт в познании *слова Божьего* (Библии) и *церковной истории*.

Не прикоснувшись как следует к тексту Библии, не углубившись в него, нельзя ни понять требований своей веры, ни приложить их к жизни. Хотя, к сожалению, многие боятся именно этого, считают все настолько сложным, что вообще не берутся за такое приложение.

То же самое надо сказать в отношении церковной истории. Это сложная вещь, мы уже говорили о ней в XIV теме. Там были даны основные наметки, как бы отправные точки для понимания церковной истории в целом. К сожалению, кроме книги о. Александра Шмемана «Исторический путь Православия», подобного рода литературы почти нет, хотя по отдельным вопросам церковной истории работы, конечно, существуют, причем иногда замечательные. Но все же полноты впечатления они обычно еще не дают, и поэтому вам нужно будет самим приобщаться к церковно-историческому опыту, самим разбираться в трудностях и противоречиях церковной истории, самим стараться понять их корни, чтобы избежать повторения ошибок прошлого.

7) Еще от верных требуется личный опыт в познании *догматических* истин, т. е. до́гматов как истин духовных, а не формальных. Так же как требуется личный опыт в области *аскетики*, главным образом та́инственной, мистериальной, сакраментальной (от латинского слова *sacramentum* – таинство). Этот же опыт необходим и в *личной молитве*, и в прохождении *духовного, душевного и физического поста*, как *общецерковного*, так и *семейного* или *личного*.

Обратим на это внимание. Во-первых, пост как аскетическое воздержание может быть или более сердечным, духовным, т. е. воздержанием от всякого зла и греха, или более душевным, т. е. волевым, умственным и чувственным, или более телесным, физическим, т. е. воздержанием только от скоромной пищи и брачных отношений. В разных случаях это бывает по-разному. И во-вторых, пост

может быть не только общецерковным, т. е. таким, который всегда отмечен в церковном календаре или в Уставе во всем многообразии конкретных его традиций (в течение года таких больших постов четыре), но и семья или община, например, может объявить для себя пост, с благословения духовника, т. е. исповедующего священника, по своему усмотрению назначив его устав, его канон, т. е. то, каким образом и как долго его проводить. Можно это делать и лично, в зависимости от обстоятельств своей внутренней и внешней жизни.

Еще требуется личный опыт познания в области *трансцендентальной мистики*, тесно связанной с аскетикой, – опыт мистики типа Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного»), о которой мы еще будем говорить специально на таинствоводстве.

8) Конечно, от верных сразу по их воцерковлении потребуется и *иная личная молитва – церковная, семейная, домашняя*. И в дальнейшем она должна состоять из молитвы своими словами и по молитвеннику, а если человек не один, то и по богослужебным книгам, даже дома, если нельзя почему-то пойти в храм. Здесь надо искать будет новые возможности, творчески подходить к этим вещам, но не забывать и общецерковных правил и традиций.

Главное в личной молитве – полноценное участие в соборных литургических «воспоминаниях» для приобщения к воспоминаемому, прежде всего в *церковных литургических таинствах*, особенно крещения и евхаристии. В нормальном случае такое приобщение через соучастие в литургических воспоминаниях на евхаристии должно быть еженедельным.

Здесь также потребуется полноценное участие в *церковных праздниках*, особенно спасительной *Пасхи*, как крестной, так и воскресной, и святой *Пятидесятницы* – Сошествия Святого Духа на апостолов, дня рождения новозаветной Церкви.

Все это указывает на *литургическое евхаристическое сослужение* всех верных как на еще один вид их священнослужения.

Участие верного христианина в больших комплексах воспоминаний, предлагаемых церковью в течение года, что очень продвигает его и в молитве, и вообще в духовной жизни, а также участие в евхаристии и в крещении новых членов церкви, будет именно таким его литургическим евхаристическим со-служением и, повторяю, именно священнослужением. Неверно думать, что благодарение (евхаристию) приносит один только предстоятель – старший священник или епископ. Его приносят, сослужа на евхаристии, как и в других таинствах, все верные, хотя, конечно, у них должен быть и свой старший, свой предстоятель, который является в то же время их служителем и их устами. Всем верным очень важно свое «*царственное священство*» постоянно осуществлять конкретно, в первую очередь на евхаристии, как и вообще на всяком служении и на всякой церковной молитве.

9) От верных потребуется и особое открытое, но и почтительное личное отношение к *старшим* братьям и сестрам в Церкви (с прописной буквы), и к «клирикам», и к «мирянам». А следовательно, к *церковному священноначалию,* т. е. к *иерархии*, всегда существующей в церкви, с одной стороны, в их отношении к непосвященным или еще не утвержденным в христианской вере и жизни, а с другой – в отношении к впавшим в расслабление, искушение или даже, не приведи Господь, в какой-нибудь тяжелый или смертный грех. Отсюда вытекает, что изначала каждому верному потребуются личное духовное руководство и советы старших (или старца) и (или) *духовника*, если он найдется, а если нет – то руководство непосредственно Богом и словом Божьим, опытом святых отцов и просто более опытных христиан, обладающих духовным *даром совета*.

Поэтому каждому из вас можно и нужно сразу начинать искать себе духовника, или духовного попечителя. Только не следует с этим спешить. Не будем и здесь фор-

малистами, ибо часто случается так, что человек, еще только-только придя в церковь, по одному первому внешнему впечатлению о каком-нибудь священнике на какой-нибудь службе или исповеди уже думает: «Вот, он мне подойдет в духовники». Но это еще не будет настоящим духовничеством, даже если этот священник действительно добрый пастырь и согласен вас исповедовать регулярно, и не один год. Чтобы стать подлинным постоянным духовником, он должен еще узнать душу человека и испытать путь его жизни, он должен лично сочувствовать ему, молиться за него и быть готовым вести его на протяжении ряда лет, а возможно, и всей жизни.

Однако если какой-нибудь верующий человек не сумеет найти себе духовника, то и тогда не надо смущаться. Чаще всего подлинных постоянных духовников теперь у людей и не бывает. Даже когда человек тешит себя надеждой, что у него есть духовник, на самом деле это, скорее всего, еще совсем не так. Тем более что постоянный духовник должен уметь предоставить человеку свободу, помочь ему раскрыться, а не давать так называемые «благословения» одного типа: это разрешаю, а это запрещаю... Когда духовник ведет себя так – это первый признак того, что он еще не совсем духовник. К сожалению, сейчас очень распространилось и «младостарчество», когда духовно (а часто и физически) очень молодые и неопытные клирики, особенно священники, начинают «старчествовать», прорекать будущее, обличать церковь и общество и вообще руководить тем, чего сами еще не познали и чем еще не овладели, о чем знают лишь понаслышке или по одним только книгам и учебникам.

В Церкви верных с самого начала должно осуществляться и священнослужение, которое называется служением всех верных в области *церковного управления*, прежде всего через их соучастие в приходских собраниях, в выборах всех членов иерархии, а также через выражение открытой, но лично и церковно ответственной реакции на все решения синода, соборов и других органов церковного управления.

Будем помнить, что ни один, даже вселенский, собор не будет еще вполне таковым, пока его не примет Народ Божий, т. е. Церковь. А Церковь – это не одна иерархия. Церковная история знает и такой «вселенский» собор, который по всем внешним признакам выглядел вселенским, но таковым все же не стал, ибо не был принят Церковью и обществом, народом. Он и вошел в историю как «разбойничий» (Ефесский собор, 449 г.).

Все, о чем говорилось выше, – и проповедь, и литургическое служение, и принятие (рецепция) всего происходящего в церкви, и согласие (консенсус) церкви на это – будет священнослужением всех верных.

Еще один конкретный пример возможного участия верных в церковном управлении – когда избирают кого-то в дьяконы, пресвитеры (священники) или епископы и при его поставлении на служение ему возглашают «áксиос», т. е. «достоин». Если какой-либо человек, верный, не согласен с этим утверждением, то он может сказать «анáксиос», т. е. «недостоин». Можно сказать по-русски, а не по-гречески: «недостоин» – если вы доподлинно знаете, что этот человек действительно недостоин. В этих случаях лучше так и делать, потому что недостойного человека, избранного по одному произволу светских или духовных властей или пришедшего по своему произволу, ставить на священнослужение нельзя, хотя, к сожалению, такое тоже еще нередко бывает.

Обличение всяческого недостоинства в церкви теперь стало более возможным, так как, по Уставу управления нашей церковью, каждый ее полный член может активно влиять на церковные дела, например, став членом приходского собрания, для чего, в первую очередь, ему надо быть ответственным членом самого прихода.

Приходское собрание имеет большое значение, будучи органом управления на приходе. В него входят в основном миряне – мужчины и женщины. Председательствует на нем настоятель, но членом этого собрания с правом ставить любые вопросы, решать их или участвовать в их

решении на приходском уровне может стать любой достойный своего звания и призвания верный.

10) Еще от верных на пути свидетельства о своей вере и постоянного освящения себя и мира требуется раскрытие своего таланта в служении ближним – в личной *диакони* как внутри, так, посильно, и вне церкви.

К такому диаконическому служению относятся все, так сказать, *физические и «материальные» служения и дела*, в том числе материальная и физическая помощь друг другу и, по возможности, тем, кто в ней нуждается: бедным, больным, инвалидам, старикам, детям, многодетным семьям, находящимся в армии, в заключении и т. д.

Сюда же условно можно отнести помощь в украшении храмов и вообще в организации храмовой церковно-богослужебной жизни, будь то храмовое пение, иконописание, чтение и т. п.

Для того чтобы всем неравнодушным достойно участвовать в диаконии церкви, им часто надо иметь особые знания и навыки. Также надо учиться любить даже врагов и возгревать в себе эту любовь. Но особенно нужно, чтобы здесь «*правая рука не знала, что делает левая*», по заповеди Христа.

11) Далее, от верных требуется трезвенное и личное отношение к жизненным внешним и внутренним, в том числе церковным, *трудностям и противоречиям*. Только не надо с ними смиряться или на них закрывать глаза, как не надо при этом и слишком пугаться.

Если мы хотим помочь церкви, мы, зная правду жизни, должны трезвиться. Ко всем реалиям жизни мы должны иметь личное христианское отношение, не переходящее ни в осуждение, ни в отрицание или раскол церкви, но и не благодушествующее, по принципу: «Я хочу видеть только хорошее, и пусть мне никто не портит настроения, а Бог и Церковь все сделают и без меня, немощного и грешного». Нет, надо встать на ноги, не унывать и идти вперед, всегда церковно и мудро преодолевая все трудности и противоречия.

12) И наконец, от всех полных, истинно крещеных членов Церкви требуется лично-ответственная жизнь в обществе *святых и праведных рабов Божьих*, а значит, во многом еще в церкви дольней (со строчной буквы), но в то же время и в Церкви горней – Экклесии, т. е. в призванной и свидетельски призывающей, иерархической и освящающей жизнь духовной Общине (с прописной буквы). Не случайно в Священном писании говорится: «*Не будем оставлять собрания своего*» (Евр 10:25), т. е. Церкви – Церкви Божьей во Христе и Святом Духе.

Пусть каждый верный всегда помнит и другие слова Священного писания: лучше было бы вовсе не познать пути Бога и Церкви, чем, познав его, возвратиться назад (ср. 2 Пет 2:21). И еще Господь говорит об отпавших: «*Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехе своем*» (Ин 15:22).

Итак, как некий итог разговора о первом направлении жизни верных в Церкви можно привести древний церковный принцип, выраженный еще блж. Августином: «В главном – единство, в спорном – свобода (т. е. многообразие), во всем – любовь».

Пусть это, конечно, еще во многом единство, свобода и любовь со строчной буквы, но если они подлинны, то они и от Бога, Который Сам есть Единство, Свобода и Любовь с буквы прописной. К Этому Богу, к Его Единству, Свободе и Любви нам и следует всегда стремиться!

Теперь перейдем ко второму направлению нашей внутрихристианской, внутрицерковной жизни.

Что же ожидается от верных христиан, когда они все более приближаются к седьмому, метаисторическому Завету, к полному преображению себя и мира, к вечному совершенствованию в Единстве, Любви и Свободе по образу Отца Небесного? Очень кратко постараемся ответить на этот вопрос.

1) От нас ожидается уже не столько личная этика и эстетика, законы и каноны, дисциплина труда, не столько мистериальная догматика, аскетика или трансценденталь-

ная аскетическая мистика (см. выше, п. 1, 2, 7), сколько *трансцендентная личностная мистика* Жизни в Боге – Отце и Сыне и Святом Духе и в Царстве Божьем Небесном, т. е. в Мире и Радости во Святом Духе на ставшей всею жизнью святой *Евхаристии*.

Напомним, что Царство Божье Небесное зарождается внутри нас уже в этой жизни и открывается оно в сердце христианина. Но это связано с той самой мистикой, о которой мы прежде лишь упоминали, так называемой мистикой «Восьмого дня», или седьмого Завета.

(Вспомним, что́ есть этот «Восьмой день». О семи днях уже было сказано в библейском рассказе о сотворении мира, в связи с чем была дана и заповедь о почитании субботы – дня седьмого. И вообще в рамках мира сего число семь – символ и знак полноты. Тогда число восемь – знак выхода за рамки мира сего. Поэтому день воскресный – и первый день недели, и в то же время день после седьмого, субботы, день восьмой. Именно он – главный в Церкви евхаристический день, день выхода из рабства миру сему, день особого трансцендирования христианской жизни. Таким образом, восьмой день – символ и самой нашей церковной жизни как жизни в мире сем, но уже не от мира сего.)

2) Еще от нас ожидается уже не столько проповедь, катехизация, обучение, школа (см. выше, п. 3–5), ибо все это проходит, сколько личностная *встреча* и постоянное личностное *общение* с Богом и ближними на основе *синергии*, т. е. соединения и сочетания сродных сил Бога и Человека, что становится возможным в меру его причастности к божественному Источнику, к Духу Божьему.

3) Далее, здесь от нас ожидается уже не столько личное совершенствование, познание и усвоение та́инственных ото́бразов («вместоо́бразов», подобий) христианской церковной веры и жизни, т. е. Библии и церковной истории, догматики и аскетики, трансцендентальной мистики и сакраментологии, литургических таинств (см. выше, п. 6–8), сколько личностное непосредственное *Богооткро-*

вение и Богопознание, совершенное пророчество и гносис, т. е. откровение и усвоение *духовных Тайн, даров и плодов Святого Духа*, и их личностное раскрытие в Церкви.

Что это значит? Если вначале мы больше говорили о таинствах, о познании и усвоении даров и плодов таинств христианской веры и жизни, то здесь уже речь идет об усвоении откровения и познании духовных Тайн. Ведь есть разница между божественными таинствами и Божьими Тайнами, между мистериальным и мистическим, сакраментальным и сакральным, о чем мы еще будем говорить подробнее в «Заключении» таинствоводства. Духовные Тайны, плоды и дары Духа требуют не просто личного, а именно личностного раскрытия в Церкви.

Что же такое Божьи Тайны? Они происходят из того, что́ (или Кто) есть Сам Бог. Это Вера, Надежда, Любовь, Свобода, Дух и Свет, Путь, Истина и Жизнь, Мир, Единство, Творчество и т. п. Только непосредственно Богу послушны личностный гносис и пророческое творчество, определяющие для Церкви и Человека их высшую на данное время меру.

4) Во втором направлении христианской жизни ожидается уже и не столько личное сакраментальное освящение верующего человека в таинствах и на церковных праздниках или руководство им в иерархическом церковном собрании (см. выше, п. 8–9), сколько *преображение* личности человека и олицетворенного, очеловеченного мира в духовной семье – *общине* и церковном братстве.

Это означает жизнь без праздников (кроме, может быть, Преображения), но и без будней, жизнь не столько под внешней иерархией, сколько с иерархией внутренней, духовной – в зависимости от степени близости каждого верного к Богу. Это означает и жизнь в постоянном и, может быть, даже ежедневном евхаристическом собрании и в евхаристическом духе в его полноте.

5) Здесь же от верных ожидаются не столько организованные «материальные» диаконические дела (см. выше, п. 10), сколько самоорганизующиеся личностные духовные *харизматическо-диаконические служения*.

Это – неоскудевающе благодатные служения Богу, братству, общине и миру (хотя и радикальные по отношению к нему), это – личностные служения каждого Богу, Церкви и всем ближним тем даром, талантом, который каждый по силе своей получил от Духа Божьего (см. 1 Пет 4:10).

Для их осуществления от нас потребуется постоянно носить духовные немощи друг друга и бремена более слабых (см. Гал 6:2). Потребуется и раскрытие своих духовных даров: веры, знания (гносиса), учительства, различения духов, пророчества, чудотворения, исцеления и т. д., как их перечисляет апостол Павел (см. 1 Кор 12:4-11, 28-31).

6) Наконец, как итог, на пути совершенства и преображения от верных ожидается не столько собственное личное отношение к различным трудностям, сколько их *преодоление*, не столько лично-ответственная жизнь в иерархической церкви святых и праведных рабов Божьих (см. выше, п. 11–12), сколько *личностно-свободная жизнь* по Духу благодати в Общине равных пред Богом и людьми друзей Христовых и Божьих сынов.

Вспомним снова слова Священного писания, обращенные к этой Общине: «*Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы*» (Пс 81:6), и еще: «*Я уже не называю вас рабами, но Я называю вас друзьями*» (Ин 15:15), и еще: «*Вы имеете Помазание от Святого, и знаете все*» (1 Ин 2:20).

Здесь же, в качестве завершающего итогового принципа веры и жизни святых отцов, можно привести, например, такие слова блж. Августина: «Люби Бога и поступай как хочешь!» Несколько видоизменив эти слова, можно было бы сказать и так: «Люби Бога во Христе Святым Духом и поступай, и думай, и живи как хочешь», ибо «*к Свободе призваны вы, братья*» (Гал 5:13) и «*где Дух Господень, там Свобода*» (2 Кор 3:17), как говорит апостол Павел. Но там же, где Дух Господень, – и Полнота Единства и Любви, Полнота Мира и Радости во Святом Духе, т. е. самого Царства Божьего Небесного, в которое и да приведет всех нас Господь!

Вот те самые главные камни здания христианской жизни, из которых она складывается на протяжении всей жизни верующего человека и во всей Церкви.

Никто из нас, конечно, все это не может вместить один, но всем вместе – это нам станет возможно.

И да поможет нам Бог не сбиться с Его Пути, становясь и оставаясь верными Ему, Его Церкви и Его Царству!

Аминь.

Господи, Боже наш, Ты даешь нам покаяние, Ты даешь нам силы для молитвы, для поста, для исправления нашей жизни. Господи, дай нам проводить время, оставшееся до крещения и воцерковления, в мире, в любви, во свете Твоей Истины. Дай нам трезвенность в нашей жизни и устремленность к Тебе. Дай нам, Господи, не рассеиваться и не раздваиваться, нигде не допуская тьмы или неправды в своей жизни. Дай нам тó дерзновение, которое есть дерзновение веры, чтобы мы могли преодолевать все препятствия, встречающиеся на нашем пути. Дай нам, Господи, подлинное воцерковление, чтобы оно никогда не стало формальным и чтобы мы никогда не остыли на пути к Тебе, чтобы счастье жизни по благодати пребывало с нами даже тогда, когда мы испытываем трудности и страдания.

Помоги нам, Господи, быть верными Тебе
и ближним нашим во веки веков.
Аминь.

Заключение

Об исповеди «за всю жизнь» *

Исповедь «за всю жизнь» – это для вас как бы Божий подарок. Это действительно дар судьбы, потому что, скажем, до начала XX в. исповедь за всю жизнь проводилась только в одном случае – перед монашеским постригом. И мы не случайно вам говорили о том, что катехизация в той форме, в которой вы ее прошли или, точнее, еще проходите, подобна послушническому периоду. При переходе на второй этап оглашения об этом речь шла – тогда мы говорили, что катехизация связана с послушанием, послушанием воле Божьей, а послушание, естественно, связано с послушничеством, т. е. тем периодом, когда человек готовится к монашескому постригу. Вы, наверное, пока не собираетесь становиться иноками или монахами, но жить полноценной христианской жизнью нужно всем.

В древней церкви, когда завершилась эпоха крещения преимущественно взрослых людей, когда стали крестить в основном детей, было сформулировано учение «о двух возрождениях». Согласно этому учению, полное крещение и есть полное просвещение и возрождение человека. Понятно, что если крестился младенец или ребенок (это и называлось «первым возрождением»), то он сам еще не мог принести покаяние и свидетельство личной веры, как и их плоды. Ребенок может воспринимать дух и веру тех, кто рядом с ним, но понести личную ответственность за свою веру и за церковь может только взрослый сознатель-

---

* Из слова, произнесенного 4 января 1998 г. перед взрослыми оглашаемыми, заканчивающими второй этап своего оглашения.

ный человек. Лично служить в качестве царя и священника Бога живого, к чему призван каждый христианин, тоже может только зрелый человек. Поэтому-то если человек проходил таинство крещения в младенчестве или в детстве, ему нужно было как бы еще одно, второе возрождение, лично подтверждающее первое. В древние времена таким «вторым возрождением» и было, как правило, принятие монашества. Им был монашеский постриг, при котором человек приносил перед своим старцем (т. е. духовным отцом) покаяние «за всю жизнь» и таким образом подтверждал всеми своими мыслями, словами и делами свое желание целожизненно служить Богу, а значит, полностью жертвовать собою и всем своим ради Него и своей монашеской общины.

Сейчас, к сожалению, это учение «о двух возрождениях» в значительной мере забыто. Мало кто хорошо знает святых отцов, мало кто помнит об этом святоотеческом учении. Но Церковь никогда его не отвергала. И вот сейчас, после вашего целостного оглашения, точнее, после окончания его второго этапа, «вторым возрождением» для тех из вас, т. е. уже был когда-то крещен, явится ваше целостное покаяние в качестве подготовки к первому лично ответственному благодарению и причастию, и само это благодарение причастие.

У тех из вас, кто сейчас готовится принять крещение, будет одно-единственное возрождение. Но, повторяю, для тех, кто был крещен раньше, независимо от того, причащались вы до начала своего оглашения или не причащались, – ваше покаяние сейчас и ваша исповедь «за всю жизнь» дадут возможность вам пройти действительно через «второе возрождение». Это очень важно.

У вас, наверное, уже подготовлены ваши «покаянные грамотки». Надеюсь, вы все написали списочек, «рукописание» своих грехов, свои покаянные «хартии». А тот, кто еще не написал, так напишите, помолясь, сейчас. Ведь есть грехи, о которых человеку трудно сказать, в которых трудно вслух признаться или которые трудно выразить. Все-таки грех есть грех, это не то, чем человек может похва-

литься: любой грех некрасив, поэтому и нужно избавляться от него, он всегда недобр. Но есть и такие грехи, о которых человеку трудно точно, конкретно написать, тогда о них легче сказать. Мы будем применять и ту, и другую форму исповеди.

Сначала ваш старший катехизатор, подойдет и скажет мне несколько слов о вас, о том, как вы проходили оглашение. Может быть, с его точки зрения, вам что-то рекомендуется или не рекомендуется и т. д. Потом по очереди будете ко мне подходить вы. Вы дадите мне свою покаянную грамотку, я буду ее читать и молиться за вас, а вы в это время тоже молитесь о помощи Божьей и своем прощении, вспоминая те грехи, которые тяжелее или которые при этом сами будут вспоминаться.

Ваша грамотка не должна быть слишком короткой. Жизнь есть жизнь, и у взрослого человека она не бывает безоблачной и простой. Если написать очень коротко, то это будет означать, что ваше покаяние очень абстрактно, а значит, слишком «от головы», не от сердца. Некоторые думают, что вот, надо прийти, обязательно побольше поплакать, и тогда будет хорошо. Это совсем не обязательно. Для того чтобы исповедь не была слишком душевной или слишком рациональной, нужно написать странички две. Больше писать тоже не имеет смысла, потому что, во-первых, трудно прочитать все внимательно, а во-вторых, вы все равно всего не опишете. Тут можно, как говорится, «за деревьями не увидеть леса». У нас с вами цель одна – освободиться от всякого рабства греху, помочь вам в облегчении и очищении вашей совести, чтобы в будущем вам ничто, никакая инерция прежней жизни не мешали. Не нужно искусственно ничего из себя вытягивать, но и скрывать не надо ничего из того, что камнем лежит на сердце, на совести.

Грехи называйте конкретно, не абстрактно и не собирательными понятиями. Это нужно для того, чтобы Господь силой Своей благодати как бы разорвал ваше рукописание, список грехов, чтобы можно было и сами эти грехи уничтожить, выбросить. Я тоже после исповеди

разорву ваше рукописание грехов (и обрывки вам верну), а вы сегодня же, пожалуйста, сожгите эти листочки, чтобы они случайно не попались на глаза кому-то еще. Эти листочки имеют значение только для исповеди. Они не для глаз третьих лиц, даже если это ваши родные, близкие и т. д. Ведь бывали такие случаи, когда муж или жена потом находили такие обрывочки и в семейной жизни возникали осложнения (всякое же бывает у людей).

Конечно, исповедь «за всю жизнь» не может совершиться за полминуты. Значит, понадобится какое-то время. Мы не будем растягивать время, но, тем не менее, на исповедь потребуется не один час, следовательно, вам придется ждать. И у меня большая просьба: пожалуйста, сейчас старайтесь не рассеиваться, старайтесь сохранять тот дух, который нужен для покаяния. Не отвлекайте друг друга, потому что кому-то нужно еще о чем-то подумать, кто-то, может быть, захочет один или с кем-то тихонечко помолиться, а кто-то должен дописать покаянную грамотку. Если кому-то о чем-то нужно еще поговорить, это возможно, но только, пожалуйста, тоже очень тихо и – на ту тему, ради которой мы здесь собрались.

Как вам проводить время после сегодняшнего дня? Последние дни перед праздником, вашим крещением и воцерковлением, по Уставу и по традиции, с точки зрения поста, – самые строгие. По Уставу, накануне такой строгий пост, что даже почти ничего не положено есть. Правда, в древности (а это очень древний пост) и весь Великий пост мог состоять из одного-двух дней. Все древние посты очень строгие, но очень короткие. Так вот, вам нужно максимально возможно строго провести оставшиеся до праздника дни. Но только обходитесь, пожалуйста, без крайностей, потому что есть люди, которые говорят: «Вот, коли строгий пост, я вообще есть ничего не буду, и пить не буду». Потом они приходят, а у них голова кругом, и падают в обморок в храме или во время крещения. Конечно, так не надо. Впрочем, не надо и другой крайности, когда человек начинает слишком жалеть себя: вот, мол, у меня здоровье не позволяет, или у меня обстоятель-

ства дома, или обстоятельства на работе, или, возможно, сил вдруг не хватит и т. д. Это тоже неправильно. Вам надо уметь преодолевать обстоятельства, понимать, что христианин – господин обстоятельств, а не обстоятельства подчиняют себе христианина. Будьте же благоразумны – не просто разумны, а именно благо-разумны.

Итак, на праздник вы придете в храм для причастия, и вам уже будет не нужна исповедь и разрешительная молитва. Надеюсь, что за оставшееся время у вас не будет какого-либо соблазна совершить столь серьезный грех, чтобы пришлось исповедоваться еще раз. Исповедь «за всю жизнь» – это для вас, может быть, единственная возможность подвести итог всем предыдущим годам вашей жизни с точки зрения освобождения от всякого греха.

Ваш поручитель или крестный – это будущий ваш старший друг, человек, духовно и церковно более опытный, способный, когда надо, поддержать вас словом и делом. Ведь не все сможет сказать или сделать священник. К сожалению, священник сейчас обычно даже не в состоянии, как это было в древности, посещать всех своих пасомых, своих духовных чад. А проблемы есть всегда и у всех. Вот поэтому ваши крестные и поручители, как и ваши катехизаторы, будут ему и вам помогать.

И в заключение. Не забудьте, что исповедь и духовная беседа – вещи разные, и не нужно их путать. Исповедь – это форма покаяния. И сейчас мы с вами собрались для покаяния, а значит – для исповеди. Цель же духовной беседы – как-то разрешить жизненные проблемы, которые могут быть очень разными и очень серьезными. Такая беседа, если она ведется на исповеди, вносит в нее несколько иной дух и иное направление, поэтому мы отделяем исповедь от духовной беседы. Для духовной беседы у нас каждую неделю назначается особое время. Но, повторяю, теперь многие проблемы вам могут разрешать ваши поручители, крестные и катехизаторы.

Первая неделя после праздника – ваша Светлая седмица, на которой вы будете причащаться каждый день. В это время вся ваша жизнь целиком будет посвящена

Господу. Так что даже если вы и хотели бы согрешить, у вас это «не получится», и в какой-либо исповеди у вас пока не будет нужды. Но в дальнейшем не забудьте, что в России существует церковная традиция обязательной исповеди перед каждым причастием, хотя, возможно, вам не придется ей следовать, если вы будете причащаться нормально – раз в неделю. Эта традиция сложилась в ситуации, когда люди причащались один, два, три раза в год, тогда перед этим каждый раз и была нужна исповедь.

Когда ваша Светлая седмица закончится, вам уже будет нужна хотя бы общая исповедь и разрешительная молитва. Вам каждый раз придется проходить исповедь, потому что, во-первых, у вас еще недостаточно своего опыта, а во-вторых, мы должны уважать церковные традиции, даже если они родились в других условиях и сейчас отживают. Я думаю, что со временем этот вопрос у вас нормально разрешится, ведь все будет регулироваться благословениями духовника или местного архиерея, местного епископа. Если духовник благословит что-то иное, поскольку он обычно лучше знает каждого человека, то нужно исполнять его благословение.

Единственное, что вам не следует допускать, – это большие интервалы между причастиями. Даже месяц – это очень много. Просто в таком случае у вас не хватит духовных сил для нормальной христианской жизни и вашего служения. Ведь дай Бог, чтобы их нам хватало на неделю, до следующего причастия, а нам надо еще укрепляться и возрастать в Духе. Именно этого укрепления и возрастания я всем вам и желаю!

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Оглашение просвещаемых

Просвещаемые – те, кто непосредственно готовятся к таинству просвещения-крещения, а значит, уже сознательно и духовно ответственно пришли к вере в Бога и Господа Иисуса Христа, уже начали свою христианскую жизнь в покаянии, уже умеют свободно молиться Богу и уже познакомились со Священным писанием, особенно с книгами Притчей Соломона, Бытия, Исхода и Второзакония, Псалтирью, 2–3 книгами малых пророков, но главное – с синоптическими евангелиями, от Матфея, Марка и Луки.

Темы бесед 2-го этапа оглашения

Главные требования: два раза в неделю – огласительные беседы; также два раза в неделю надо быть в храме – на Литургии оглашаемых и Вечерне или Утрене; еще требуется чтение по программе, личная молитва и этическая работа над собой.

Вступление. Беседа о мистике «божественного мрака» – по Исх 20:18-21 (см. «Введение» в данном издании, а также: Православная община. 1997. № 39. С. 33–44).

Молитва, делающая «просвещаемыми», и три «запрещения на дьявола» или соответствующие им три «умилостивительные» молитвы по чину св. Мефодия Константинопольского из Большого требника.

---

1. Бог и мир. Сотворение мира. (Быт 1:1-25.)

2. Божественное Откровение и Богопознание в Вере, Надежде и Любви. Никео-Цареградский Символ веры, его смысл и значение. (Символ веры – наизусть по-церковнославянски, перевести его на русский.)

---

3. Бог и человек. Сотворение человека. Первый, доисторический Завет – Бога с Адамом. (Быт 1:26–2:25.)

4. Священное божественное Писание и Предание и Священное писание и предание церкви. Ее писания и предания.

---

5. Добро и зло, грех и закон. Грехопадение. Начало истории человечества. (Быт 3–11.)

6. Ветхий Завет Бога с людьми. Четыре Завета – с Ноем, с Авраамом, Исааком и Иаковом, с Моисеем, с Давидом. Закон как «детоводитель ко Христу» (измерение «ширины» пути). «Десять заповедей» как основной ветхозаветный закон отношений к единому Богу и ближним «в народе Его». Пророки и основные пророчества – «мессианские места» Священного писания Ветхого Завета. (Быт до конца, особ. гл. 12–35; Исх, особ. гл. 19–24, в том числе 20:2-17 – наизусть; составить 10 «личных» этических заповедей.)

7. Первый, подготовительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: Богоявление – Рождество и Крещение с последующим Искушением. (Мк 1:1-13, Мф 1:1–4:11; Лк 1:1–4:13, в том числе 2:14 – наизусть.)

8. Четвероевангелие, особенно «синоптики». Жизнь Иисуса на земле – «исполнение» Закона и Пророков. Внутреннее и внешнее подражание Христу. (Мень Александр, прот. Сын Человеческий – любое изд.; начать «личные» строгие покаяние и пост.)

9. Второй, благовестнический этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: евангельское учение Господа (до Входа в Иерусалим). Его центр – евангельские «блаженства» и молитва Господня «Отче наш». (Мф 5–7: Нагорная проповедь, в том числе 5:3-12 и 6:9-13 – наизусть.)

10. Участие просвещаемых в синаксарных богослужениях. Основная часть и специфические элементы Литургии оглашаемых. Введение в таинство просвещения – таинство слова и таинства покаяния, крещения, миропомазания и причащения. (Самый общий смысл и практические советы по под-

готовке к участию в них. Пс 31 – наизусть, по-русски. Найти основную часть и специфические элементы Вечерни. (См.: Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. Кн. 1–3. М., 2007– .)

---

11. Третий, искупительно-спасительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: от Входа в Иерусалим до Вознесения. Христос – Новая Пасха. Заключение Христом – Новым Адамом – Нового Завета с Богом. (Мф 26–28, Мк 14–16, Лк 22–24, Деян 1.)

12. Христианство и основные существующие религии: ислам, буддизм, индуизм и иудаизм (краткий обзор и характеристика современных взаимоотношений). Другие распространенные в наше время нехристианские учения и секты (по вопросам оглашаемых). (См.: Христианство и другие религии. М., 1999.)

---

13. Исполнение обетования: вступление в действие Нового Завета. Начало «шестого» Завета: Пятидесятница и Сошествие Святого Духа. Троическое Богоявление. Рождение Церкви – нового народа и мира Божьего. (Деян 2.)

14. Церковь и церкви в истории. Православие и христианские вероисповедания (конфессии). Церковь и человеческая индивидуальность, церковь и общество. Церковь и государство в нашей стране, законодательство о свободе совести и религиозных организациях и его исполнение. Современное положение и жизнь автокефальных православных церквей, особенно Русской православной церкви. Роль и место своей епархии и своей общины (прихода) в церкви и мире. (См.: Православие и христианские разделения. М., 1996.)

---

15. Откровение о конце истории человечества. «Исполнение» Нового Завета в последнем, метаисторическом Завете: «Второе» Пришествие Христа, общее Воскресение и Суд, полнота Жизни вечной. (Мф 24–25, Лк 21, Мк 13.)

16. Жизнь в Церкви ее полных, истинно крещеных членов. Два ее главных направления: сначала постоянное свидетельство Духом Святым о Боге и Господе Иисусе Христе и постоянное освящение (предание Богу, очищение) себя и мира (природы и общества), а затем – все бóльшая устремленность к метаисторическому Завету и вечное совершенствование в Любви и Свободе по образу Отца Небесного и, следовательно, все более полное преображение (возвышение и просветление) себя и мира (всего творения). (Михаил (Грибановский), еп. Письма // Православная община. 1994. № 24; 1995. № 25.)

Заключение. Молитвенно-покаянная встреча и собеседование: всеми по очереди читаются Символ веры и заповеди Моисея; далее читается Канон покаянный в русском переводе и совершается личная покаянная молитва вслух каждым (коленопреклонно); читаются по очереди евангельские «блаженства» и молитва «Отче наш»; проводится личная беседа с поручителями и оглашаемыми – об итогах, проблемах, пожеланиях и перспективах, в том числе о их будущей взаимопомощи и служении Богу и Церкви.

Отдельно предстоятелем может быть организовано завершение чинов 2-го оглашения (с «4-й молитвы» до конца) и проведение для всех исповеди «за всю жизнь».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Литература, рекомендуемая для чтения в период оглашения

А. ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ (ПРЕДОГЛАСИТЕЛЬНЫЙ) ЭТАП

1. Миссионерские (открытые) встречи // Православная община (далее – ПО). 1994. № 22–23. С. 87–102; № 24. С. 39–59; 1995. № 25. С. 40–66; № 27. С. 28–53; 1997. № 40. С. 14–28; № 41. С. 22–31; № 42. С. 17–60; 1998. № 43. С. 12–26.
2. *Шмеман А., протопр.* Можно ли верить, будучи цивилизованным? // ПО. 1992. № 12. С. 3–10.
3. *Мень А., прот.* Христианство. Лекция 8 сентября 1990 г. *
4. *Льюис К.С.* Просто христианство.
5. *Кочетков Г., свящ.* Человек похож на яблоко из райского сада...: Семь интервью газете «ДиаНовости». 2-е изд., испр. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт (далее – СФИ), 2006.
6. *Марцинковский В.Ф.* Смысл жизни.
7. Мой путь к Богу и в Церковь: Живые свидетельства 90-х годов XX в. Московская высшая православно-христианская школа (далее – МВПХШ), 2003.

Б. ОГЛАСИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

1. Новый Завет: Евангелия от Матфея, Марка и Луки.
2. Ветхий Завет: Бытие, Исход, Второзаконие, Притчи Соломона, две книги Премудрости, Псалтирь (особ. в пер. С.С. Аверинцева), 2–3 книги малых пророков.
3. Избранные псалмы / Пер. и комм. С.С. Аверинцева. М.: СФИ, 2005.
4. Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1: Вечерня, Утреня. М.: СФИ, 2007.
5. Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 2. Литургия св. Иоанна Златоуста. М.: СФИ. *В печати.*
6. *Кочетков Г., свящ.* Беседы по христианской этике. Вып. 1–9. М.: СФИ [до 2004 г. – МВПХШ], 2002–2007. Вып. 1: Что

---

* Здесь и далее: если не указано иначе – любое издание.

такое этика (по совести, общечеловеческому опыту и Библии). Десять заповедей. 2004; Вып. 2: Нравственное доказательство бытия Божия по И. Канту и М. Булгакову. Магия, ведовство, колдовство, вампиризм. 2006; Вып. 3: Добро, зло, грех, закон. Нужно ли нам покаяние. 2002; Вып. 4: Прощать ли врага. Грешно ли стремиться к наслаждению. Этическое отношение к эстетике. 2004; Вып. 5: Что такое справедливость. Несвятая «святая ложь». Усилие и насилие. 2002; Вып. 6: Что такое разврат (духа, души и тела). Позволительно ли человеку разводиться. 2004; Вып. 7: Что такое «великая нация». «Золотое правило» этики. 2006; Вып. 8: Существует ли иерархия в этике. Границы этики. 2007; Вып. 9: Существует ли сатана. Экология души и духа. 2007.

7. *Льюис К.С.* Размышления о псалмах.
8. *Мень А., прот.* Сын Человеческий.
9. *Павлович Н.А.* Победитель смерти. М., 2000.
10. Художественная литература проповеднически-огласительного содержания и значения (см. приложение 3, с. 454).

В. ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

1. *Кочетков Г., свящ.* Слово на Вечерне после паремии. Беседа после Вечерни с оглашаемыми // ПО. 1997. № 39. С. 33–44.
2. *Он же.* «В начале было Слово»: Катехизис для просвещаемых. 2-е изд., испр. М.: СФИ, 2007.
3. *Он же.* Христианство и другие религии: Сборник статей: Приложение к книге свящ. Георгия Кочеткова «“Идите, научите все народы”. Катехизис для катехизаторов». М.: МВПХШ, 1999.
4. Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1: Вечерня, Утреня. М.: СФИ, 2007; Кн. 2–4. *В печати.*
5. *Кирилл Иерусалимский, свт.* Огласительные поучения. М., 1991.
6. *Иоанн Златоуст, свт.* Огласительные поучения.
7. *Григорий Нисский, свт.* Большое огласительное слово. (Особенно последняя глава.)
8. *Иннокентий Московский, свт.* Указание пути в Царство Небесное.

9. *Филарет Московский, свт.* Пространный христианский катехизис православной кафолической восточной церкви. Введение, Ч. 2, 3, Заключение.
10. *Александр (Семенов-Тян-Шанский), еп.* Православный катехизис. Ч. 2А, 4.
11. *Додд Ч.Г.* Основатель христианства. М.: МВПХШ, 1997.
12. О таинстве Крещения: [Сборник] / Протопр. А. Шмеман, С.И. Фудель, свящ. Г. Кочетков. М., 1990.
13. Православие и христианские разделения: Исторический очерк / Сост. М. Воскресенский. М., 1996.

Г. ТАИНСТВОВОДСТВЕННЫЙ ЭТАП

1. В пределах времени таинствоводства

1. Новый Завет: Евангелие от Иоанна, Деяния, послания Иакова, 1 Петра, 1 Иоанна, Галатам и далее до Откровения.
2. Всенощное бдение. Литургия. (Особенно Литургия верных.)
3. Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Вып. 1: Вечерня, Утреня. М.: СФИ, 2007; Вып. 2–6. *В печати.*
4. Православный молитвослов. (Утреннее и вечернее правила, Последование ко св. причащению и т. д.)
5. Церковный календарь на текущий год.
6. *Шмеман А., протопр.* За жизнь мира. (Или: *Он же.* Мир как таинство. Или: *Он же.* Таинства и Православие.)
7. Катехизисы *еп. Александра (Семенова-Тян-Шанского) и свт. Филарета Московского.* (Особенно части о таинствах и догматах.)
8. *Павел, архиеп. Финляндский.* Как мы веруем.
9. *Кочетков Г., свящ.* Вера вне церкви и проблема воцерковления // ПО. 1994. № 19. С. 77–86.
10. *Суттнер Э.Х., свящ.* Мнение древней церкви о присутствии спасительной силы в греческой языческой философии и в персидской религии // ПО. 1997. № 37. С. 62–71.
11. Перед исповедью и причастием: В помощь нововоцерковленным: [Сборник] / Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. 3-е изд., испр. М.: СФИ, 2007.
12. *Михаил (Грибановский), еп.* Письма // ПО. 1994. № 24. С. 64–79; 1995. № 25. С. 67–87.

2. Во время «пустыни»

1. Новый завет (полностью).
2. *Мария (Скобцова), монахиня.* Типы религиозной жизни. Изд. 3-е. М.: СФИ, 2006.
3. *Михаил (Грибановский), еп.* В чем состоит церковность? // ПО. 1991. № 1. С. 12–16.
4. *Сергий (Савельев), архим.* Проповеди: В 4 т. М., 1998–2003; также в ПО: 1996. № 36; 1997. № 39, 41; 1998. № 46, 48.

3. Дополнительная (после «пустыни»)

1. Библия (полностью).
2. Г*аккель* С., *прот.* Мать Мария. М., 1993.
3. Жизнеописание свщмч. иерея Сергия Мечева // Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 16. Базель; М., 1993.
4. *Сергий (Савельев), архим.* Далекий путь. М., 1998.
5. *Евдокимов П.* Православие. М., 2002.
6. *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский.* Православная церковь. М., 2001.
7. *Яннарас Х.* Вера Церкви: Введение в православное богословие / Пер. с новогреч. М., 1992.
8. *Михаил (Грибановский), еп.* Над Евангелием. СПб., 1994.
9. *Фудель С.И.* Записки о Литургии и Церкви. М., 1996.
10. *Он же.* Свет Церкви // ПО. 1994. № 20. С. 23–28. (И др. работы.)
11. *Шмеман А., протопр.* Исповедь и причастие // ПО. 1992. № 10. С. 40–54.
12. *Он же.* Исторический путь православия. М., 1993.
13. *Он же.* К вопросу о литургической практике: Письмо моему епископу // ПО. 1996. № 34. С. 113–127.
14. *Он же.* Великий пост. М., 1993.
15. *Он же.* Дневники: 1973–1983. М., 2005. (И др. работы.)
16. *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению. М., 1997.
17. *Авва Дорофей.* Душеполезные поучения и послания. М., 1991.
18. Беседа прп. Серафима Саровского с Мотовиловым «О цели христианской жизни». М., 1991.
19. *Булгаков С., прот.* Православие. Киев, 1991.

20. *Он же.* Церковь и культура // ПО. 1994. № 21. С. 44–53.
21. *Франк С.Л.* С нами Бог // Духовные основы общества. М., 1992.
22. *Честертон Г.К.* Ортодоксия // Вечный человек. М., 1991. С. 357–478.
23. *Трубецкой Е.А.* Смысл жизни. М., 1994.
24. Пассии и проповеди, особенно: *прот. Всеволод Шпиллер, протопр. Виталий Боровой, протопр. Александр Шмеман, митр. Антоний Сурожский, архим. Таврион (Батозский), свящ. Георгий Кочетков* – во всех номерах ПО.
25. *Антоний, митр. Сурожский.* Проповеди и беседы. М., 1991.
26. *Он же.* Молитва и жизнь. Рига, 1992.
27. *Он же.* Беседы о молитве. СПб., 1996.
28. *Он же.* Жизнь, болезнь, смерть. М., 1995.
29. *Он же.* Таинство любви. СПб., 1994.
30. *Он же.* Духовность и духовничество // ПО. 1994. № 22–23. С. 63–77.
31. *Он же.* Беседы о вере и Церкви. М., 1991.
32. *Он же.* О встрече. СПб., 1994.
33. *Он же.* Миссионерство Церкви // Миссионерство Церкви. М., 2005. С. 3–16. (И др. работы.)
34. Художественная литература духовного содержания (см. приложение 3, с. 454–457).
35. Отец Арсений. 5-е изд. М., 2006.
36. *Федотов Г.П.* Святые древней Руси. М., 1990.
37. *Сергий (Королев), архиеп.* О подвиге общения // ПО. 1994. № 20. С. 43–49.
38. *Льюис К.С.* Письма Баламута.
39. *Мария (Скобцова), монахиня.* Настоящее и будущее Церкви // ПО. 1996. № 31. С. 45–52.
40. *Мень А., прот.* Домашние беседы о Христе и Церкви. М., 1995.
41. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Сектантство в православии и Православие в сектантстве // ПО. 1992. № 10. С. 71–77.
42. *Желудков С., свящ.* Почему и я – христианин. СПб., 1996.
43. *Он же.* Литургические заметки. М., 2003.

44. *Бердяев Н.А.* О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Париж, 1928. См. также: Церковь и время. М., 1992. № 3. С. 26–42.

45. *Он же.* Истина Православия // ПО. 1992. № 8. С. 42–49.

46. *Он же.* Спасение и творчество: Два понимания христианства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 343–367.

47. *Он же.* Вселенскость и конфессионализм // ПО. 1992. № 11. С. 65–77.

48. *Кирилл Иерусалимский, свт.* Тайноводственные поучения. М., 1991.

49. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.

50. *Он же.* София–Логос. Словарь. К., 2006.

51. *Он же.* Связь времен. К., 2005.

52. *Он же.* Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. К., 2004.

53. Избранные псалмы / Пер. и комм. С.С. Аверинцева. М.: СФИ, 2005. (И др. работы.)

54. *Василий (Кривошеин), архиеп.* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // Василий (Кривошеин), арх. Богословские труды. Н. Новгород, 1996. С. 114–208; или: ЖМП. М., 1986. № 3; Или: Альфа и Омега. М., 1995. № 3 (6).

55. *Карсавин Л.П.* Святые отцы и учители церкви. М., 1994.

56. *Кочетков Г., свящ.* Приходские общины в православной церкви и проблемы современного общества в СССР. Семья-община (принципы жизни) // ПО. 1991. № 1. С. 17–33.

57. *Он же.* Та́инственное введение в православную катехетику: Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним: Диссертация на степень maitrise de theologie. М., 1998.

58. *Он же.* «Идите, научите все народы»: Катехизис для катехизаторов. М.: МВПХШ, 1999.

59. *Он же.* Церковь и мир: сборник статей. М., 2004.

60. *Он же.* Современная миссия православной церкви на посткоммунистическом пространстве // Миссионерство Церкви. М., 2005. С. 17–26.

61. *Он же.* Христианство и другие религии: Сборник статей: Приложение к книге свящ. Георгия Кочеткова «“Идите, на-

учите все народы”. Катехизис для катехизаторов». М.: МВПХШ, 1999.

62. Приход, община, братство, церковь: Сборник материалов ежегодной встречи Преображенского братства (17–19 августа 1991 г.) 2-е изд., испр. М., 1994.
63. Община в православии: Сборник материалов ежегодной встречи Преображенского братства (18–22 августа 1993 г.). М., 1994.
64. Живое предание: Материалы международной богословской конференции (Москва, октябрь 1997 г.). М.: МВПХШ, 1999.
65. Живое предание: Православие в современности. М.: МВПХШ, 1997.
66. Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции (Москва, 22–24 сентября 1998 г.). М.: МВПХШ, 2002.
67. Язык Церкви. Вып. 1: [Сборник]. М.: МВПХШ, 1997.
68. Язык Церкви. Вып. 2: [Сборник]. М.: МВПХШ, 1997.
69. Язык Церкви. Вып. 3: [Сборник] / Сост. В.К. Котт. М.: СФИ, 2004.
70. Православная община: Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 1990–2000. № 1–60.
71. Кифа: Газета Преображенского содружества малых православных братств. 2002– .
72. Др. издания Свято-Филаретовского института. См.: Издания Свято-Филаретовского православно-христианского института: Аннотированный каталог. М.: СФИ. А также на сайте СФИ: http://www.sfi.ru.
73. *Жураковский А., свящ.* Литургический канон теперь и прежде: К вопросу о церковной реформе. М., 2005.
74. *Евдокимов П.* Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней / [Пер. с фр. С. Зайденберга, М. Иорданской]. М.: МВПХШ, 2003.
75. *Бонхёффер Д.* Хождение вслед / Пер. с нем. Г.М. Дашевского. М., 2002.
76. *Он же.* Жить вместе. М., 2003.
77. *Лёв Жак, свящ.* «Будьте Моими учениками»: Вестники Евангелия: Размышления / Пер. с фр. Г.А. Хазовой. СПб., 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Художественная литература проповеднически-огласительного и духовного содержания (примерный список)

РУССКАЯ ПРОЗА

1. *Андреев Л.Н.* На реке. Христиане. Правила добра*.
2. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита.
3. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями. Авторская исповедь.
4. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы.
5. *Лесков Н.С.* Соборяне. Однодум. На краю света. Некрещеный поп. Запечатленный ангел.
6. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы. (Особенно последняя глава.)
8. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича.
9. *Тургенев И.С.* Живые мощи. Стихотворения в прозе.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

1. *Ахматова А.А.* Реквием и др.
2. *Бальмонт К.Д.* «Одна есть в мире красота...».
3. *Блок А.А.* К неведомому Богу. «Верю в солнце Завета...». «Я вышел. Медленно сходили...». «Тихо вечерние тени...». Вербочки. «Девушка пела в церковном хоре...». «Когда в листве сырой и ржавой...». «Здесь память волны святой...». На поле Куликовом. Болотный попик.
4. *Бунин И.А.* «Любил я в детстве сумрак в храме...». Кадильница. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...».
5. *Веневитинов Д.В.* «Люби питомца вдохновенья...».
6. *Гумилев Н.С.* Блудный сын. Вечное. Врата рая. Слово. Наследники Каина.
7. *Державин Г.Р.* Бог.
8. *Есенин С.А.* «Запели тесаные дроги...». «Я снова здесь...».
9. *Жуковский В.А.* «Теснятся все к Тебе во храм...». Библия. К

---

* Здесь и далее: если не указано иначе – любое издание.

человеку. Пловец. Видение Иоанна Богослова. Песнь бедняка. Покаяние. Утешение.

10. *Козлов И.И.* Молитва.
11. *Кольцов А.В.* Молитва (Дума). Последняя борьба.
12. *К.Р.* Из Апокалипсиса («Стучася, у двери твоей Я стою...»).
13. *Лермонтов М.Ю.* Молитва (1829, 1837, 1839). Ангел. Пророк. Ветка Палестины. «Когда б в покорности незнанья...». «Гляжу на будущность...». «Когда волнуется желтеющая нива...». «Я не для ангелов из рая...». Исповедь. «Выхожу один я на дорогу...». Дума.
14. *Ломоносов М.В.* Утреннее размышление о Божием величестве. Вечернее размышление... К Пахомию.
15. *Майков А.Н.* «Когда гоним тоской...». Мадонна. Ангел и демон. Пустынник. «Не говори, что нет спасения...». Апокалипсис. «В чем счастье? В жизненном пути...». Два мира. «Прочь идеалы...».
16. *Мандельштам О.Э.* «Дано мне тело...». Айя-София. Notre-Dame. «Еще не умер ты...». «Я скажу это начерно, шепотом...». «Душный сумрак...». «Неумолимые слова...». «Паденье – неизменный спутник страха...». «Вот дароносица, как солнце золотое...». «Люблю под сводами седыя тишины...». «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...».
17. *Некрасов Н.А.* Сельская церковь. Пророк. Родной храм. Влас.
18. *Огарев Н.П.* Моя лампада.
19. *Пастернак Б.Л.* Гамлет. На Страстной. Август. Рождественская звезда. Чудо. Дурные дни. Магдалина. Гефсиманский сад.
20. *Плещеев А.Н.* Легенда («Был у Христа-младенца сад...»).
21. *Пушкин А.С.* Пророк. Ангел. Демон. Возрождение. Воспоминание. «Напрасно я бегу к Сионским высотам...». Подражание итальянскому. Чернь. Молитва («Отцы пустынники...»). Монастырь на Казбеке. «Пора, мой друг, пора...». «Я памятник себе воздвиг...». «Мирская власть».
22. *Соловьев Вл.С.* Ночь на Рождество. Имману-Эль. «Милый друг, иль ты не видишь...». Три свидания. «Бедный друг, истомил тебя путь...». Знамение. Чем люди живы? «От пламени страстей...».

23. *Толстой А.К.* «Колокольчики мои...». Благовест. «Бывают дни...». Мадонна Рафаэля. «Горними тихо летела душа небесами...». «Одарив весьма обильно...». «Меня, во мраке и в пыли...». «Я задремал...». И.С. Аксакову. Иоанн Дамаскин. Грешница.
24. *Тютчев Ф.И.* Памяти В.А. Жуковского. «О, вещая душа моя...». Наш век. День и ночь. При посылке Нового Завета. «Над этой темною толпой...». Проблеск. Фонтан. Последний катаклизм. Святая ночь. «Эти бедные селенья». «Я лютеран люблю богослужение...». «Природа – сфинкс». «Есть и в моем страдальческом застое...». «Отрадно спать...». «Душа хотела б быть звездой...». «Когда в кругу убийственных забот...». «Нам не дано предугадать...». А.В. Плетневой («Чему бы жизнь...»). «Когда на то нет Божьего согласья...». Слезы. К.Н. («Твой милый взор...»). «Есть в светлости осенних вечеров...». «Пошли, Господь, Свою отраду...». Е.А. Анненковой («И в нашей жизни повседневной...»). На юбилей М.В. Ломоносова («Он, умирая, сомневался...»). Вопросы (из Гейне). Из «Вильгельма Мейстера» («Кто с хлебом слез своих не ел...»).
25. *Фет А.А.* Мадонна. «Не тем Господь могуч...». Сонет. «Я потрясен, когда кругом...». «Владычица Сиона, пред Тобою...».
26. *Хомяков А.С.* Заря. России (1839). Давид. «Не говорите: То былое...». «“Мы – род избранный” говорили...». Воскрешение Лазаря. Вечерняя песнь. По прочтении псалма. «Подвиг есть и в сраженьи...».
27. *Языков Н.М.* Землетрясение.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернанос Ж.* Дневник сельского священника. М., 1993.
2. *Белль Г.* Биллиард в половине десятого.
3. *Во И.* Пригоршня праха. Возвращение в Брайдсхед.
4. *Гете И.В.* Фауст.
5. *Грин Г.* Сила и слава.
6. *Данте.* Божественная комедия.
7. *Диккенс Ч.* Рождественские повести. Дэвид Копперфильд. Холодный дом. Лавка древностей. Большие надежды.
8. *Казандзакис Н.* Христа распинают вновь.
9. *Лонгфелло Г.* Песнь о Гайавате.

10. *Льюис К.С.* Хроники Нарнии. Мерзейшая мощь.
11. *Манн Т.* Иосиф и его братья.
12. *Метерлинк М.* Сестра Беатриса.
13. *Мориак Ф.* Фарисейка. Иисус Христос. Во что я верю. Дорога в никуда. Конец ночи. Страдания грешника. Счастье христианина.
14. *Нарекаци Г.* Книга скорбных песнопений.
15. *О'Коннор Ф.* Хорошего человека найти не легко. М., 2005.
16. Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968.
17. Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
18. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
19. Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972.
20. *Сенкевич Г.* Камо грядеши?
21. *Сент-Экзюпери А., де.* Планета людей. Военный летчик. Письмо генералу Х.
22. *Толкиен Д.Р.Р.* Властелин колец.
23. *Уайлдер Т.* Мост короля Людовика Святого. День восьмой.
24. *Честертон Г.* Рассказы о патере Брауне. Шар и Крест. Вечный человек.
25. *Шекспир У.* Макбет. Король Лир.

Содержание

3 *Предисловие архиеп. Михаила (Мудьюгина)*

5 **Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях**

21 **Введение** **Беседа о мистике «божественного мрака»**

31 **Тема I** **Бог и мир. Сотворение мира**

57 **Тема II** **Божественное Откровение и Богопознание в Вере, Надежде и Любви**

Никео-Цареградский Символ веры, его смысл и значение

73 **Тема III** **Бог и человек. Сотворение человека**

Первый, доисторический Завет – Бога с Адамом («первый» Завет)

97 **Тема IV** **Священное божественное Писание и Предание и Священное писание и предание церкви. Ее писания и предания**

119 **Тема V** **Добро и зло, грех и закон. Грехопадение. Начало истории человечества**

143 Тема VI Ветхий Завет Бога с людьми. Четыре Завета – с Ноем, с Авраамом, Исааком и Иаковом, с Моисеем, с Давидом

Закон как «детоводитель ко Христу». «Десять заповедей» как основной ветхозаветный закон отношений к единому Богу и ближним «в народе Его»

Пророки и основные пророчества – «мессианские места» Священного писания Ветхого Завета

163 Тема VII Первый, подготовительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: Богоявление – Рождество и Крещение с последующим Искушением

189 Тема VIII Четвероевангелие, особенно «синоптики»

Жизнь Иисуса на земле – «исполнение» Закона и Пророков

Внутреннее и внешнее подражание Христу

201 Тема IX Второй, благовестнический этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: евангельское учение Господа (до Входа в Иерусалим). Его центр – евангельские «блаженства» и молитва Господня «Отче наш»

233 Тема X Участие просвещаемых в синаксарных богослужениях. Основная часть и специфические элементы Литургии оглашаемых

Введение в таинство просвещения – таинство слова и таинства покаяния, крещения, миропомазания и причащения

253 Приложение
Основная часть и специфические элементы Литургии оглашаемых

259 Тема XI **Третий, искупительно-спасительный этап жизни Иисуса – Сына Человеческого и Сына Божьего: от Входа в Иерусалим до Вознесения**

Христос – Новая Пасха. Заключение Христом – Новым Адамом – Нового Завета с Богом

291 Тема XII **Христианство и основные существующие религии: ислам, буддизм, индуизм и иудаизм**

Другие распространенные в наше время нехристианские учения и секты

307 Тема XIII **Исполнение обетования: вступление в действие Нового Завета. Начало «шестого» Завета: Пятидесятница и Сошествие Святого Духа**

Троическое Богоявление. Рождение Церкви – нового народа и мира Божьего

343 Тема XIV **Церковь и церкви в истории. Православие и христианские вероисповедания**

Церковь и человеческая индивидуальность, церковь и общество

Церковь и государство в нашей стране, законодательство о свободе совести и религиозных организациях и его исполнение

Современное положение и жизнь автокефальных православных церквей, особенно Русской православной церкви

Роль и место своей епархии и своей общины (прихода) в церкви и мире

381 Тема XV **Откровение о конце истории человечества**

«Исполнение» Нового Завета в последнем, метаисторическом Завете: «Второе» Пришествие Христа, общее Воскресение и Суд, полнота Жизни вечной

415 Тема XVI **Жизнь в Церкви ее полных, истинно крещеных членов**

Два ее главных направления: постоянное свидетельство-освящение и вечное совершенствование-преображение

435 Заключение **Об исповеди «за всю жизнь»**

441 Приложения ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Оглашение просвещаемых

447 ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Литература, рекомендуемая для чтения в период оглашения

454 ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Художественная литература проповеднически-огласительного и духовного содержания (примерный список)

Свящ. Георгий Кочетков
«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»
Катехизис для просвещаемых

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ
ИНСТИТУТ
105062, Москва, ул. Покровка, 29-38
тел. (495) 623-03-80, 625-77-86
E-mail: info@sfi.ru
http:/www.sfi.ru

Издание подготовили

ответственный редактор Лариса Мусина
ответственный за выпуск Екатерина Степанова
редакторы Кирилл Мозгов, Евгения Крестьянинова
иллюстрации Андрея Акимова
оформление обложки, макет и верстка Анны Данилевич

На 1-й стр. обложки – Ангел, символ евангелиста Матфея. Миниатюра из Евангелия Хитрово, конец XIV – начало XV в.

На 4-й стр. обложки – «Олени у источника». Мозаика мавзолея Галлы Плацидии (Равенна, V в.)

Подписано в печать 17.05.2007.
Формат 60x90/16. Объем 29 печ. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Школьная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 7437

Отпечатано при участии
ООО «Альварес Паблишинг».

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93